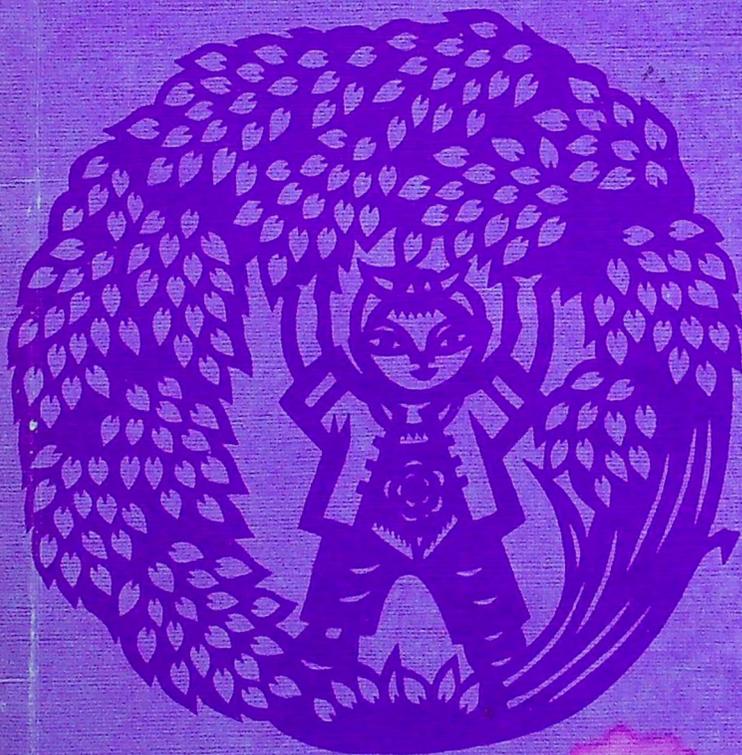

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4/91

Институту
Дальнего Востока —
25 лет

Реформы в Китае и СССР

Москва — Сеул:
новое мышление
в действии

Трансазиатская
магистраль —
путь в будущее

«Секретный агент Японии»

«Русский Шанхай»

Искусство
«внутренней пилюли»

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4/91

Научный и общественно-политический журнал
выходит шесть раз в год на русском и
английском языках

Издается с марта 1972 г.

Москва.
Издательство «Прогресс»

СОДЕРЖАНИЕ

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ИДВ

Институту Дальнего Востока — 25 лет 3

ШАГИ И УРОКИ РЕФОРМЫ

У Жэнчжан (КНР). Сравнительный анализ реформ в Китае и Советском Союзе 15
Е. А. Коновалов. Реформа и беды детей 30

ТОЧКА ЗРЕНИЯ УЧЕНОГО

Г. Д. Сухарчук. «Слабый народ — сильное государство» 28

ПУЛЬС РЕГИОНА

Хак Чжун Ким. Новые отношения между Южной Кореей и Советским Союзом 38
В. И. Арсенов, А. А. Чичкин. Трансазиатская железнодорожная магистраль — путь к интеграции Азии 46

БИЗНЕС-КЛУБ

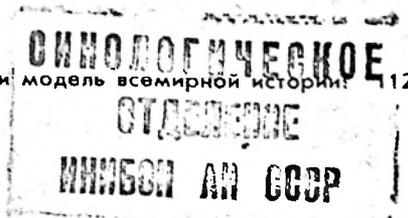
К. В. Кияненко. Приватизация жилья: китайский опыт 57
Ли Де Ен. Малые и средние предприятия в экономике Южной Кореи 64
Знакомьтесь: сельские предприниматели Китая 72

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Б. Н. Славинский. Сан-францисская мирная конференция 1951 г. (окончание) 75
В. П. Галицкий. Политика Танака-Тодзю глазами соотечественников 85
Ю. Л. Коршунов. Первые визиты флотов России и США (1863—1864) 90
Р. А. Мировицкая. Документы по истории советско-китайских отношений 101
Н. Ю. Новгородская. Малоизвестный визит китайского дипломата в Россию 105

ДИАЛОГИ И ДИСКУССИИ

Ф. Г. Белелюбский. Существует ли модель всемирной истории? 112

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Группа Зорге: штрихи к портретам руководителя и его соратников (окончание) 122

ПРОШЛОЕ: ГОЛОС ОЧЕВИДЦА

С. Р. Белоусов. Дважды перевербован (Авторизованное переложение книги Амлето Веспы «Секретный агент Японии») 129

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭСКИЗЫ

В. Г. Гузанов. Самурай в России (окончание) 149

ПРОФИЛИ

В. Н. Усов. Кан Шэн — китайский Берия (продолжение) 161

А. Н. Хохлов. Ладухин: судьба таланта в старой России 169

КЛУБ КОНФУЦИЯ

Л. С. Переломов. Жизнеописание Конфуция (продолжение) 177

МЕМОРИАЛ

П. Е. Скачков. Записки по памяти (1938—1963), ч. II. 186

МУЗЕЙ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ

Лю Шаобинь. Искусство «внутренней пилюли» и тьяньчжуская система цигун (статья из третьего номера «Цигун и спорт») 193

Л. В. Васильев. Герои и мудрецы Древнего Китая (продолжение) 199

В. С. Кузнецов. В праздник буддистов Лаоса 206

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

В. Петров (США). Русский Шанхай (из воспоминаний), ч. 1. 211

Е. Ю. Фадеева. Реализм с «китайской спецификой» 219

С. В. Смольников. Япония перед бастионами «Европы-92» 225

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Н. Х. Ахметшин. Правовое обеспечение экономической реформы в КНР 230

ПАМЯТИ Г. В. АСТАФЬЕВА 233

Точка зрения авторов статей, публикуемых в журнале, не обязательно соответствует позиции редакции

Адрес редакции:
Москва, 117848
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Б. ВОРОНЦОВ (главный редактор), В. И. ГЛУНИН, А. М. ГРИГОРЬЕВ, А. П. ДЕРЕВЯНКО, В. Н. КАШИН, А. И. КРУШАНОВ, А. П. МОРОЗОВ, С. Н. МОРОЗОВ, В. С. МЯСНИКОВ, Д. В. ПЕТРОВ, В. Я. ПОРТЯКОВ, С. С. РАЗОВ, И. А. РОГАЧЕВ, Б. Л. РИФТИН, Г. С. САДВАКАСОВ, А. И. СЕНАТОРОВ, Б. Н. СЛАВИНСКИЙ (зам. главного редактора), В. Ф. СОРОКИН, Г. Д. СУХАРЧУК, М. Л. ТИТАРЕНКО, Н. С. ТИХОНОВ (ответственный секретарь)

© Издательство «Прогресс»,
Проблемы Дальнего Востока,
1991

Учредитель нашего журнала — Институт Дальнего Востока АН СССР — отмечает в этом году 25-летие своей творческой деятельности. Редакция журнала поздравляет славный коллектив института с этой датой и желает дальнейших успехов в исследовании проблем Китая, Японии, Кореи и других стран региона. Мы попросили ведущих специалистов института познакомить наших читателей с направлениями деятельности института, а также с планами на будущее.

Директор ИДВ АН СССР, президент ВАКИТ, доктор философских наук Титаренко М. Л.

Исполнилось 25 лет со времени основания Института Дальнего Востока АН СССР. Его создание было ответом на вызов времени и обусловлено необходимостью установить взаимопонимание и добрососедское сотрудничество с бурно развивающимися странами Восточной Азии и всего региона АТР. Три четверти территории и большая часть природных ресурсов, которыми, говоря словами М. В. Ломоносова, должна «прирастать мощь России», находясь в Азии.

Поддержание взаимовыгодных связей и добрососедских отношений с такими странами как Китай, Япония, МНР, обеспечение мира на Корейском полуострове — все это, естественно, имеет ключевое значение как для обеспечения безопасности нашего государства, так и для успешного развития советской Сибири и Дальнего Востока. Однако, к сожалению, в начале 60-х годов ситуация для СССР в Восточной Азии сложилась крайне неблагоприятно. Нарастала напряженность в отношениях с Китаем, натянутость и враждебность характеризовали советско-японские связи, острая ситуация сохранялась на Корейском полуострове. Можно утверждать, что все связи со странами этого важного центра мировой политики, роль которого именно в этот период начала неуклонно возрастать, в советской политике односторонне рассматривались главным образом через призму постоянной конфронтации с США, которые тоже наращивали свое политическое, экономическое и военное присутствие в этом регионе.

И в области экономики подход к Сибири и Дальнему Востоку не отличался особой дальновидностью и широтой. Хотя здесь велось крупное индустриальное строительство, оно было подчинено задачам сырьевого обеспечения европейской части Союза, социально-культурное обустройство региона серьезно отставало. Факторы наращивания взаимовыгодных экономических, культурных и научно-технических связей в развитии азиатской части СССР с соседними странами, и прежде всего Китаем, Японией, США и другими странами, за исключением МНР и КНДР, серьезно не рассматривались. Что же касается возможности установления сотрудничества с Южной Кореей, Тайванем, Гонконгом, то об этом и подумать в то время было невозможно.

В СССР было серьезно ослаблено изучение общецивилизационных процессов в Восточной Азии — этого одного из истоков мировой культуры. Начали предаваться забвению славные демократические традиции русского Китаеведения, японистики, корееведения, монголоведения, маньчжуристики, тибетологии. Да и изучение культуры, языка и истории народов, населяющих огромные пространства советской Сибири и Дальнего Востока, тоже было серьезно ослаблено. Господство европоцентризма в советской международной науке и политике дорого обошлось нашему государству и народу.

Сама жизнь, коренные интересы советского общества, потребности развития азиатской части СССР ставили перед наукой сложные и острые вопросы: кто наши соседи, каковы их история и культура, что необходимо сделать для налаживания добрососедского сотрудничества с Китаем, Японией, двумя корейскими государствами?

Вот какие задачи в самом обобщенном виде встали перед вновь созданным в сентябре 1966 года научным центром — Институтом Дальнего Востока. Таким образом, ИДВ был призван восстановить преемственность развития русского демократического китаеведения, собрать научные силы для комплексного изучения экономики, истории, политики, философии, культуры Китая и других стран Восточной Азии, уделяя особое внимание изучению русско-китайских и советско-китайских отношений.

Необычайная сложность этой задачи в то время была связана не только с разрывом научных связей с Китаем, трудностями их поддержания с Японией, Кореей, но и с тем, что горькая чаша сталинских репрессий не миновала ряды востоковедов. Целое поколение талантливых китаеведов, японистов, корееведов и монголистов было репрессировано. Трагедия была усугублена тем, что в 50—60-е годы была свернута подготовка многопрофильных специалистов по изучению Китая, Японии, Кореи, Монголии. В оставшихся немногих центрах подготовки востоковедных кадров выпускали в основном лишь переводчиков. В науке произошел разрыв поколений исследователей, ряд научных школ прекратили свое существование.

В этих условиях ИДВ, а затем и Всесоюзная ассоциация китаеведов стали собирателями научных сил китаеведов. Постепенно Институт превратился в мировую центр комплексного изучения китайской цивилизации, роли Китая в мире, экономики, политики, истории, философии, культуры КНР, поиска путей нормализации советско-китайских отношений, восстановления их добрососедства. Одновременно Институт стал школой подготовки специалистов высшей научной квалификации не только для Советского Союза, но и для многих зарубежных научных центров Европы и Азии. За 25 лет в Институте было подготовлено свыше 300 кандидатов и докторов наук по Китаю, Японии и Корее. Большую помощь в становлении Института как головного научного центра по изучению современного Китая и Японии оказал Президиум АН СССР и руководство бюро отделения экономики и истории АН СССР. Нельзя в этой связи не вспомнить добрым словом тогдашнего президента АН СССР акад. Келдыша М. В., а также вице-президента акад. Федосеева П. Н., акад. Федоренко Н. П., Конрада Н. И. Большую помощь ИДВ в его развитии оказал вице-президент АН СССР акад. Кудрявцев В. Н., оказывают акад. Тихвинский С. Л., чл.-корр. Солнцев В. М., чл.-корр. АН СССР Капица М. С., д. э. н. Шабалин В. И., д. и. н. Рахманин О. Б., видные ученые-китаеведы. Огромную научно-организационную и исследовательскую деятельность в ИДВ провели его первый директор чл.-корр. АН СССР Сладковский М. И., д. и. н. Кривцов В. А., засл. деятели науки РСФСР Астафьев Г. В., Глунин В. И., чл.-корр. АН СССР Мясников В. С., д. и. н. Яковлев А. Г., д. и. н. Петров Д. В., д. ю. н. Гудошников Л. М., д. и. н. Григорьев А. М., д. филолог. н. Сорокин В. Ф., д. э. н. Акимов В. И., д. и. н. Переломов Л. С., д. филолог. н. Сафронов М. В., д. филолог. н. Рахимов Т. Р., к. и. н. Новгородский Ю. В., к. ф. н. Феоктистов В. Ф., д. э. н. Коновалов Е. А., к. и. н. Асланов Р. М., к. и. н. Степанова Г. А., к. и. н. Бирюлин Н. В., д. э. н. Наумов И. Н., к. э. н. Морозов А. П., к. э. н. Коркунов И. Н., к. э. н. Потапов В. И., д. э. н. Никольский М. М., д. и. н. Дубинский А. М., д. и. н. Никифоров В. Н. и другие видные ученые.

Труден был поиск путей восстановления советского китаеведения и его места в нашей науке. Не сразу удалось преодолеть старые идеологические стереотипы и крайнюю политизацию, восстановить пересохшие истоки научных школ.

Нужно подчеркнуть, что открытие в 70-х годах в Институте Дальнего Востока исследований по современной Японии, а затем в середине 80-х годов — по Корее способствовало преодолению замкнутости китаеведческих исследований в Институте и выходу научных изысканий на качественно новый уровень.

Качественный сдвиг в научной работе Института произошел в период общей перестройки в Советском Союзе. Институт действительно стал признанным международным научным центром по изучению современного Китая, Японии и Кореи, его называют «Домом дружбы» с народами этих стран. Председатель Китайского общества за международное взаимопонимание, видный китайский деятель культуры Ли Иман, при-

нимая в здании ВСНП в 1988 году делегацию Института Дальнего Востока и Всесоюзной ассоциации китаеведов, подчеркнул, что ИДВ и ВАКИТ «помогли построить мост взаимопонимания и добрососедства между советским и китайским народами». Институт Дальнего Востока и его ученые много усилий прилагали и прилагают для содействия мирному политическому решению корейской проблемы. ИДВ АН СССР был пионером в установлении прямых научных связей с учеными и общественностью Корейской Республики в 1988 году, призвав к честному и открытому признанию реальностей на Корейском полуострове в духе нового политического мышления.

Столь же настойчиво в эти годы научный коллектив Института стремится содействовать наведению мостов доверия, взаимопонимания и сотрудничества с Японией, активно развивая научные обмены с коллегами из этой страны, проводя глубокие фундаментальные исследования её культуры, политики, экономики. Много усилий прилагают ученые ИДВ для ознакомления советской общественности через печать и популярные лекции с замечательными культурой и традициями японского народа, его ценным и оригинальным опытом модернизации экономики и всей жизни общества.

С середины 80-х годов фундаментальные исследования четырех крупных научных отделов Института, Центра общих теоретических проблем китаеведения и вновь созданного Центра восточноазиатских исследований сосредоточены вокруг долгосрочной научной программы «Китай, его цивилизация и современный мир», а также изучения проблем мира, безопасности и сотрудничества в Восточной Азии, включая не только экономические, политические и военно-стратегические их аспекты, но и общецивилизационные закономерности взаимного влияния и проникновения культур Востока и Запада, опыта модернизации экономики и общественно-политической жизни, закономерностей взаимодействия индустриальных и постиндустриальных цивилизаций, вопросы экологической безопасности в АТР и перспективы создания нового экономического и политического порядка в Восточной Азии. Особое место в наших исследованиях занимают международные и военно-политические аспекты решения корейской проблемы, развития диалога Север-Юг, отношений СССР с двумя корейскими государствами. В Институте ведется изучение также опыта модернизации Тайваня и Гонконга.

Для решения этих задач Институт всячески стремится к развитию широких международных научных связей и обменов. Являясь коллективным членом Европейской ассоциации китаеведов, ИДВ и его научные сотрудники неизменно принимают самое активное участие в работе конгрессов ЕАК, проводят международные семинары по различным научным проблемам стран Восточной Азии. ИДВ АН СССР поддерживает постоянные научные контакты более чем с пятьюдесятью крупными научными центрами Китая, Японии, США, Республики Корея, КНДР, СРВ, Монголии, Индии, Франции, Англии, ФРГ, Италии, Польши, Чехословакии, Болгарии, Кубы, Мексики, Таиланда, Канады, Венгрии, Лаоса, Кампучии, Австралии, Израиля. Из них более чем с двадцатью центрами, включая ряд институтов Академии общественных наук Китая, АОН Шанхая, Пекинский, Фуданьский, Цзиньский университеты, Международный Центр стратегических исследований (Дели, Индия), университет Токай в Японии, Институт мира и разоружения в Пхеньяне, Ханьянский и Сеульский университеты (Республика Корея), Институт тихоокеанских проблем в Ханое. С учеными этих авторитетных Центров ИДВ на регулярной основе проводит научные конференции, семинары. ИДВ АН СССР и Международный центр стратегических исследований Стэнфордского университета совместно разработали две крупные программы по проблемам мира и безопасности и мер доверия в Восточной Азии и решению корейской проблемы. Эти программы справедливо были названы в печати «учебником хорошей дипломатии» («Московская правда», 30 октября 1988 г.). Они дали полезный материал для серьезного политического диалога между Севером и Югом Кореи и наметили обнадеживающие перспективы диалога Север-Юг, установления отношений обоих корейских государств со всеми странами мирового сообщества. Эвристическая ценность этих советско-американских программ подтверждает жизнь, в том числе факт установления полных дипотношений между СССР и Республикой Корея, прогресс в развитии диалога Север-Юг, переговоры КНДР с США, Японией.

Научные изыскания ИДВ АН СССР были опубликованы в более чем 300 крупных научных монографиях ученых Института. Несколько десятков из них переведены на многие иностранные языки. Результаты научных работ печатаются на страницах

журнала «Проблемы Дальнего Востока», выходящего на русском и английском языках, в ежегодниках «Китай: экономика, политика, идеология», «Япония» и других научных и популярных изданиях.

К 25-летию своего Института ученые ИДВ АН СССР накопили немалый опыт решения сложных научных проблем многогранной цивилизации стран Дальнего Востока. Сделано немало, хотя предстоит сделать еще очень много. Однако нельзя не испытывать удовлетворения в связи с тем прогрессом, который наблюдается в развитии сотрудничества Советского Союза с Китаем, Республикой Корея, Японией, в росте взаимопонимания с США и другими странами АТР, в необходимости сотрудничества в решении общих проблем региона, мира и развития. Рушатся старые шаблоны, завалы предрассудков и предубеждений, которые многие годы мешали нашим добрососедским отношениям с Китаем, Японией, корейскими государствами и другими районами Дальнего Востока. Это тем более приятно для нас, что во всем этом есть и немалая часть труда ученых Института Дальнего Востока, ставшего действительно Домом дружбы и взаимопонимания с нашими соседями в Восточной Азии.

Зам. директора ИДВ АН СССР, зав. отделом социально-экономических исследований, кандидат экономических наук Морозов А. П.

Отдел социально-экономических исследований занимает особое место в структуре Института, поскольку именно через него Институт представлен в Отделении экономики АН СССР, в которое организовано входит ИДВ. Сегодня в Отделе работает 50 человек, из которых 6 человек являются докторами и 29 кандидатами экономических наук.

В первые 15 лет существования Института усилия Отдела были сосредоточены на критическом анализе экономической и социальной политики китайского руководства, на оценке ее реальных последствий как для китайского народа, так и для развития советско-китайских отношений. Результаты этих исследований были изложены в ряде фундаментальных коллективных и авторских работ. Среди них можно отметить такие, как «Социально-экономический строй и экономическая политика КНР», М., 1978; «Промышленность КНР», М., 1979; «Сельское хозяйство КНР», М., 1978; «Экономика КНР: транспорт, торговля, финансы», М., 1979; М. И. Сладковский «История торгово-экономических отношений СССР с Китаем», М., 1977; М. И. Сладковский, В. И. Акимов, А. П. Морозов «Проблемы и противоречия индустриального развития КНР», М., 1974; Л. А. Волкова «Изменение социально-экономической структуры китайской деревни, 1949—1970 гг.», М., 1972; И. Н. Наумов «Продовольственная проблема в Китае», М., 1973 и др.

При этом следует сказать, что основные оценки и выводы содержащиеся в работах отдела, в частности критические оценки периода так называемой «культурной революции» в КНР, оказались правильными, что впоследствии подтвердило и само китайское руководство.

С начала восьмидесятых годов в связи с изменениями, начавшимися в Китае в результате осуществления реформы экономической системы, нормализации советско-китайских отношений, исследования отдела приобретали все более конструктивный характер, в них усилился практический и прикладной аспекты. В практическом плане актуальным является изучение получаемых Китаем как позитивных, так и негативных результатов в осуществлении реформы хозяйственной системы, в решении ряда правовых и финансовых проблем развития с тем, чтобы максимально использовать все рациональное в интересах оптимальной перестройки экономического механизма нашей страны. Прикладной аспект проблемы охватывает изучение КНР как перспективного партнера по широкомасштабному экономическому сотрудничеству, выявление его наиболее многообещающих направлений, форм и даже конкретных проектов.

В настоящее время внимание отдела сосредоточено на следующих основных направлениях:

— анализ взглядов китайских теоретиков по ключевым проблемам экономической теории, эволюции теоретических воззрений на продолжение и углубление экономических реформ;

— оценка характера социально-экономического строя КНР с точки зрения условий жизни различных классов и социальных групп населения в КНР; инфляция как экономическое явление и экономические отношения в КНР, причины несрабатываемости антиинфляционных мер в условиях незавершенной экономической реформы;

— анализ состояния, выявление основных тенденций и темпов развития промышленности, аграрного сектора и транспорта КНР. Структурные изменения в экономике Китая;

— изучение противоречий, проблем и причин ограничений рыночных преобразований в аграрном секторе экономики КНР;

— анализ изменений в характере воспроизводства населения в связи с началом третьей демографической волны и под влиянием экономической реформы;

— прогноз основных тенденций и перспектив экономического и научно-технического развития КНР на 1991—2015 гг., анализ возможностей осуществления экономической реформы и перехода к интенсивному типу экономического роста в основных отраслях народного хозяйства;

— исследование проблем формирования в КНР экономики открытого типа под влиянием реализации различных аспектов открытой внешнеэкономической политики;

— исследование проблем, связанных с экологической ситуацией в Китае, ее влияние на ход и характер экономических реформ в КНР. Роль Китая в формировании системы экологической безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В результате исследования широкого круга социально-экономических проблем, прежде всего в рамках реализации программы «Китай и мир: история, современность, перспективы», были сделаны выводы о причинах, концептуальных основах и основных направлениях экономических преобразований в КНР. Анализ, осуществленный сотрудниками отдела, показывает, что процесс сегодняшнего урегулирования экономики связан с усилением централизации и планирования, с возрастанием административного контроля из центра за движением материальных и финансовых ресурсов, за движением цен и заработной платы и так далее. Такого рода меры, вполне очевидно, идут вразрез с концепцией реформы, отбрасывают ее назад, ведут к свертыванию товарно-денежных отношений и рынка. Известная стабилизация экономической ситуации, в частности замедление темпов инфляции и роста цен, достигнутые административно-командными методами, не может быть прочной и долговременной. Уже сейчас вместо старых проблем возникают новые, не менее сложные.

Основной урок, который был извлечен из хода развития китайской реформы состоит в следующем: во-первых, преобразования в направлении рыночной экономики должны проводиться не только комплексно, но и в быстром темпе, поскольку даже относительно долгое сосуществование старых и новых форм хозяйствования невозможно. Во-вторых, они должны носить комплексный характер, то есть экономические реформы должны быть тесно координированы с политическими и наоборот. В-третьих, успешное функционирование многоукладной рыночной экономики возможно лишь в условиях «многоукладной» политической системы.

На этой основе в отделе была предпринята попытка комплексного осмысления административно-распределительной экономической системы как тупикового пути общественного развития, вызывающего острую потребность реальных преобразований во всех областях общественного развития и неизбежность определенной исторической платы за неудавшийся эксперимент по созданию нерыночной экономики.

Стремление оттянуть по времени возможные отрицательные явления, связанные с переходом к рыночным отношениям, приводит к превращению реформ в длительный и болезненный процесс, протекающий поэтапно через периоды подъемов, застоя, спадов, хотя в целом следует ожидать сокращения общей восходящей тенденции.

Результаты исследований сотрудников отдела изложены в монографических работах, информационных бюллетенях ИДВ АН СССР, в информационно-аналитических материалах, разработанных для директивных органов и вышестоящих организаций, а также в статьях, опубликованных в периодической печати, в защищенных диссертационных работах и в докладах на научных конференциях.

За последние два года по социально-экономической проблематике были защищены 4 докторские диссертации (С. А. Манежев, И. Н. Наумов, А. В. Островский, В. Н. Ремыга). Только в 1990 г. сотрудниками отдела было опубликовано 16 монографий и сборни-

Новоселова, Карлицов

ков статей. Среди них: С. А. Манежев «Иностранный капитал в экономике КНР»; «Экономическая реформа в КНР: теория и практика» (авторы: И. Н. Коркунов, А. П. Морозов, В. Н. Ремыга, М. Л. Титаренко); Л. А. Волкова «Реформа в китайской деревне», коллективная монография «Экономика КНР в 80-е годы: стратегия, проблемы и тенденции развития» и др.

Мы считаем, что важным показателем актуальности и достаточно высокого уровня исполнения разрабатываемых в отделе проблем является растущий спрос на продукцию отдела со стороны практических организаций, многочисленные публикации наших сотрудников в зарубежных изданиях.

Зам. директора ИДВ АН СССР, член-корреспондент АН СССР, зав. отделом международно-политических проблем и советско-китайских отношений В. С. Мясников.

Институт Дальнего Востока является одним из институтов АН СССР, сориентированных на изучение международных проблем. Это и определило с самого начала деятельности Института комплексный подход к разработке международных отношений на Дальнем Востоке. Внешняя политика СССР в отношении стран региона рассматривалась как элемент общей системы международных отношений в Восточной Азии. При этом было уделено значительное внимание всему комплексу исторических проблем, связанных с современной внешнеполитической деятельностью стран региона. Этому был посвящен цикл работ Института: «Ленинская политика СССР в отношении Китая», «Международные отношения на Дальнем Востоке», «Внешняя политика и международные отношения КНР», сборники документов «Русско-китайские отношения в XVII—XVIII вв.», значительное число монографий по узловым проблемам деятельности Китая и Японии на международной арене.

Следует отметить и еще одну особенность работ Института по международной проблематике: они учитывали политические традиции восточноазиатских обществ, влияние на внешнеполитический процесс общественно-философской мысли и современной идеологии, известную детерминированность принятия внешнеполитических решений экономическими факторами.

В процессе разработки источников, подготовки статей и монографий, а также теоретического осмысления происходящих в регионе процессов в Институте сформировался значительный отряд специалистов-международников.

К середине 80-х годов было завершено большое количество конкретно-исторических исследований и наступил этап проблемного теоретического изучения новых явлений в Северо-Западной части АТР. Исследования этой проблематики Институт ведет во взаимодействии с другими академическими институтами и некоторыми зарубежными центрами.

Труды Института по международной проблематике тесно связаны с разработкой практической внешней политики нашей страны в регионе. Институт взаимодействует с МИД СССР не только при изучении истории международных отношений, но и нацеленно ведет исследования, связанные с реализацией Владивостокской программы, с улучшением отношений СССР со странами региона. Значителен вклад Института в дело нормализации советско-китайских отношений, налаживания дипломатических связей с Республикой Корея, в разработку концепции улучшения советско-японских отношений. Совместно с Центром стратегических исследований Стэнфордского университета Институт предложил комплексную программу мер доверия в АТР, а также систему мероприятий по нормализации ситуации на Корейском полуострове. Совместно с индийскими политиками был проанализирован широкий спектр международных проблем АТР.

В предстоящий период Институт должен развернуть новый цикл работ по международным проблемам. Намечено дальнейшее издание источников по истории связей СССР с ведущими странами региона. В дополнение к известной серии «Русско-китайские отношения в XVII—XIX вв.» начата подготовка документальной серии «Советско-китайские отношения. 1917—1990».

Важным представляется то, что эту работу Институт предполагает выполнить во взаимодействии с коллегами из Института новой истории Китая АОН КНР.

Большое внимание ученые Отдела международно-политических проблем и советско-китайских отношений предполагают уделить разработке таких проблем, как поиски баланса интересов в АТР, процессы экономической интеграции в Восточной Азии, изучению концепции «интернационализации японской экономики» и экономической сферы Японского моря. Теоретические разработки и исследования конкретных проблем должны помочь осмыслить тот новый международный порядок, который создается сегодня усилиями стран региона и в котором нашей стране предстоит играть достойную роль.

Зав. отделом исторических исследований ИДВ АН СССР, доктор исторических наук А. М. Григорьев, главный научный сотрудник ИДВ АН СССР, доктор исторических наук В. И. Глунин.

Углубленное изучение истории Китая в новейшее время стало одним из основных направлений исследований с самого начала деятельности Института. Развертывание этой работы в рамках Института Дальнего Востока совпало с новым этапом развития советского китаеведения в целом, начавшимся в середине 60-х годов. Вместе с тем работа в области новейшей истории Китая в ИДВ, ее итоги во многом определили содержание и результаты изучения в эти годы истории китайской революции, истории КПК и КНР в нашей стране в целом, отразили ее сильные и слабые стороны.

Задача, которая стояла перед историками института — подготовить очерки, а затем — обобщающие труды по истории КПК и КНР, потребовала развертывания работы по нескольким взаимосвязанным направлениям, и прежде всего, значительного расширения источниковой базы путем выявления и введения в научный оборот новых архивных и других материалов. Результатом этой работы стало издание в 1977—1981 гг. серии (9 выпусков) «Документы по истории Коммунистической партии Китая (1920—1937 гг.)» и публикации «Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы» (М., 1986), а также публикация значительного числа документов и материалов в различных периодических изданиях. Параллельно, в форме подготовки диссертационных исследований, сборников статей и монографий велась работа по изучению узловых событий и основных периодов истории КПК и КНР, истории взаимоотношений между КПК и Коминтерном, политических биографий видных деятелей КПК и КНР и др. Первыми заметными итогами этой работы были публикация серии статей о взаимоотношениях Коминтерна и КПК в книгах «Коминтерн и Восток» (М., 1969, 1978) и очерковая работа «Новейшая история Китая, 1917—1970 гг.» (М., 1972). Затем в 70-е годы были подготовлены монографии В. И. Глунина «Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции (1921—1927 гг.)» (М., 1975), А. М. Григорьева «Коммунистическая партия Китая в начальный период советского движения» (М., 1977, в сокращенном и переработанном виде вышла в 1980 г. под названием «Революционное движение в Китае. 1927—1931 гг.»), а также серия диссертационных исследований историков института по истории и историографии КПК, китайской революции и КНР — К. В. Шевелева «Из истории образования Компартии Китая» (М., 1976), Ю. М. Овчинникова «Становление единого национального фронта сопротивления Японии в Китае» (М., 1985), монография Н. Л. Мамаевой «Гоминьдан в национально-революционном движении Китая в 20-е гг.» (1991 г.), работы А. С. Титова «Материалы к политической биографии Мао Цзэдуна» (1969, 1972), «Из истории борьбы и раскола в руководстве КПК» (М., 1979), «Борьба за единый национальный фронт в Китае. 1935—1937 гг.» (М., 1981), монография В. Н. Усова о начальном этапе «культурной революции» в КНР (М., 1976), сборники статей «Видные советские коммунисты — участники китайской революции» (М., 1970), «Проблемы китайской революции 1925—1927 гг.» (М., 1976), «Китай в 20-е годы: экономика и политика» (М., 1983) и др. На этой базе, а также на основе новых исследований и публикаций, осуществленных в эти же годы в других подразделениях ИДВ, а также историками-китаеводами других научных центров, были подготовлены обобщающие работы «Новейшая история Китая. 1917—1927» (М., 1983, руководитель работы В. И. Глунин) и «Новейшая история Китая. 1928—1949» (М., 1984, руководитель работы В. Н. Никифоров), брошюра «Очерк истории КНР» (М., 1980, руководитель работы К. В. Кукушкин), одновременно была подготовлена обобщающая 2 томная работа по истории КПК.

Сегодня с позиций новой идейно-политической ситуации в нашей стране и требований, предъявляемых к общественным наукам, в том числе и к китаеведению, отчетливо видны и позитивные итоги проделанной работы, и серьезные провалы и недостатки. Часть из них лежит, что называется, на поверхности. Это и влияние идейно-политической полемики между КПСС и КПК, сказывавшейся на ряде существенных оценок и тоне ряда наших публикаций, а также односторонность, проявлявшаяся в охранительно-апологетическом подходе при освещении позиции Коминтерна и КПСС, их роли в тех или иных событиях в Китае, в отношениях с КПК. Явно ощутимы и многие провалы в освещении истории китайской революции, остающиеся из-за недостатка материалов, а в ряде случаев — и малочисленности исследователей-историков. Слабо исследованы социально-политические процессы в городах Китая до 1949 г., динамика развития рабочего класса и его движения, а также непролетарских слоев; в целом недостаточно исследована политическая история Китая в 40-е годы. То же можно сказать и о ряде ключевых событий и периодов истории КНР, при изучении которых, несмотря на резкое расширение источниковой базы, прежде всего, в связи с публикацией документов и материалов в КНР, сказывается не только нехватка материалов, но и недостаточная разработанность адекватного теоретико-методологического инструментария.

Отмеченные выше моменты во многом определяют новые задачи и перспективы работы историков Института: не отказываясь от позитивных итогов проделанной работы, опираясь на новые подходы к анализу общемировых и страновых процессов, разрабатываемые обществоведами, используя новые материалы о различных аспектах истории КПК и КНР, на труды китайских и зарубежных историков Китая, «закрывать» «белые пятна», разработать обновленную концепцию истории Китая в XX веке*. Базой этой работы станут исследования отдельных процессов и периодов политической истории КНР, расширение «базы данных» нашей работы, разработка теоретико-методологических проблем в нашем семинаре и, конечно, активизация сотрудничества с историками-китаеоведами других научных центров в нашей стране и за рубежом. Особые надежды мы возлагаем на сотрудничество со специалистами различных научных центров КНР.

Одна из наших перспективных задач — дальнейшее развитие сотрудничества с историками-китаеоведами советских вузов востоковедного профиля. В начале 70-х годов в результате такого сотрудничества со специалистами ИСАА при МГУ в значительной мере на базе разработок историков нашего института и при их непосредственном участии были подготовлены разделы таких, например, учебных пособий как «История Китая с древнейших времен до наших дней» (М., 1974). Перед нами стоит задача взамен прежнего, в значительной мере устаревшего поколения учебных пособий, подготовка нового поколения публикаций такого рода, общекультурное и народно-хозяйственное значение которой вряд ли надо доказывать.

**Зав. сектором изучения исторических традиций, доктор исторических наук
Л. С. Переломов.**

Сектор был создан в 1972 г. в самом начале кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Именно тогда было уяснено, что без знания национальных традиций не только нельзя познать всю глубину происходивших в КНР процессов, но и невозможен объективный научный прогноз ближайшего будущего Китая. В связи с тем, что и в марксистском обществоведении не существовало четко разработанной теории традиции и методологии ее изучения, сектору в первые годы пришлось заняться разработкой общеметодологических концепций, связанных с выяснением масштабов и характера функционирования традиций, а также традиционных основ политической культуры Китая. Итоги исследования были опубликованы в совместных трудах Л. С. Переломова, Г. Ф. Салтыкова и П. М. Кожина (статьи в «ПДВ» 1983, № 1; 1984, № 2 и предисловиях к секторским сборникам). Учитывая немногочисленный состав сектора, конкретная работа была сосредоточена на разработке следующих узловых проблем: 1) аграрно-

* Подробно наше понимание новых задач работы в этой области см.: «Проблемы Дальнего Востока» М., 1991, № 2.

крестьянская проблема; 2) роль традиционных идеологических систем в построении социализма, 3) роль религиозного фактора, 4) судьба некоторых традиционных образований и институтов (тайные общества; от баоцзя к уличным комитетам; институт «центр-места»).

Итогом исследования этих проблем явилась докторская диссертация А. С. Мугрузина «Аграрный вопрос в Китае в первой половине XX века (особенности социально-экономической эволюции китайской деревни)», монография Г. Ф. Салтыкова «Традиции в современной китайской деревне (социально-психологические аспекты)», монография Л. С. Переломова «Конфуцианство и легизм в политической истории Китая» (М., 1981), книга П. М. Кожина «Социально-культурные проблемы религии в Китае» (М., 1985).

Из наиболее крупных опубликованных фундаментальных исследований следует упомянуть коллективную монографию «Политические традиции и четыре модернизации» (ИБ ИДВ АН СССР, 1982, № 33, ч. 1—2).

Сдана в издательство «Наука» коллективная монография «Традиции в общественно-политической жизни и политической культуре Китая» (отв. ред. М. Л. Титаренко и Л. С. Переломов). Ее главный результат — впервые в советском Китаеведении завершено комплексное исследование роли традиций в политической культуре Китая с древности до сегодняшнего дня. Вскрыты социально-экономические и идеологические предпосылки живучести традиций; показаны разнообразие сферы их проявления в экономике, политике, системе управления, идеологии. В монографии показано, что иногда в прямой, иногда трансформированной, либо скрытой форме традиции старой политической культуры, традиционные политические институты, опыт их функционирования сознательно или бессознательно воспроизводятся, либо используются в практике КПК, дают о себе знать в массовом сознании различных слоев города и деревни. Один из основных выводов изучения этой проблемы состоит в том, что знание и учет различных традиций, понимание перспективы их длительного сохранения является важной предпосылкой эффективной реализации политики руководства КНР практически во всех важнейших областях жизни страны.

Реформы в СССР, как и в Китае, события в АТР поставили перед сектором ряд новых крупных задач уже чисто цивилизационного плана. Необходимо включиться в разработку таких глобальных проблем, как «Универсальные человеческие ценности и политические процессы современности», «Гражданское общество, политическая культура и права человека в незападных цивилизациях», «Общечеловеческие ценности и система международных отношений», «Экономическая роль государства», «Взаимодействие и взаимопроникновение культур как фактора международных отношений». Центральной задачей сектора, который должен внести свой посильный вклад в указанные проблемы является всестороннее исследование роли и места «человеческого фактора», традиционной культуры в модернизации Китая и процессах развития стран конфуцианского культурного региона (Япония, Корея, «четыре дракона»), составляющих ядро АТР.

Заведующий отделом идеологии, кандидат философских наук Феоктистов В. Ф.

Изучение истории философской и общественно-политической мысли Китая, а также проблем идеологической жизни современного Китая занимает важное место в научных исследованиях ученых Института. И это не случайно. Изучение современной идеологической ситуации, анализ духовных процессов в КНР требуют — если мы хотим получить адекватные научные результаты — комплексного, системного подхода к изучению содержания и особенностей функционирования различных форм общественного сознания в современном Китае. И без исследования духовных, идеологических истоков происходящих в КНР процессов здесь не обойтись.

Поэтому ученые Института и уделили за прошедшие 25 лет значительное внимание изучению духовного, в частности философского наследия, великого китайского народа, чтобы научно определить взаимосвязь традиций и современности, лучше понять сегодняшние реалии китайского общества.

В этой области была проделана немалая работа. Были подготовлены и выпущены в свет ряд фундаментальных работ, посвященных взглядам выдающихся философов Древнего и более позднего Китая. В монографии доктора философских наук М. Л. Титаренко «Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение» (М., 1986 г.) — кстати,

первой и пока единственной в советском китаеведении специальной работе о Мо Ди — дан научный анализ взглядов и деятельности видного мыслителя древности, школа которого дала первые в Китае образцы учения о логике, а также уникальное социальное учение, оказавшее большое влияние на последующее развитие социальных теорий в Китае. К ряду таких же работ можно отнести и монографию В. Ф. Феоктистова «Философия и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы (III в. до н. э.). Исследование и перевод» (М., 1976 г.), которая до настоящего времени остается в советской науке единственным монографическим исследованием взглядов «китайского Аристотеля» и наиболее полным собранием переводов его трактатов на русский язык.

Актуальное научное, особенно методологическое значение имела монография доктора исторических наук Л. С. Переломова «Конфуцианство и легизм в политической истории Китая» (М., 1981 г.), в которой автор на большом фактическом материале показал влияние двух ведущих идеологических доктрин Китая на процесс исторического развития страны вплоть до событий ее современной жизни.

С этой же историко-методологической точки зрения заслуживают быть отмеченными исследования, посвященные взглядам и деятельности выдающегося марксиста Китая Ли Дачжао, выполненные рано ушедшим из жизни крупным ученым-китаеведом В. А. Кривцовым (в соавторстве с В. А. Красновой) и С. Р. Белоусовым. Их монографии позволили вскрыть истоки и показать национальные особенности формирования марксистского крыла в КПК, его роль в пропаганде марксизма в Китае.

Новаторский характер носила монография С. Р. Белоусова «Китайская версия» государственного социализма» (М., 1989 г.), впервые в советской науке раскрывшая генезис, эволюцию и содержание политической доктрины «государственного социализма» в Китае и показавшая тесную взаимосвязь ее концептуально-теоретических основ с политической практикой страны в 20—40-е годы.

Результатом многолетних исследований сотрудников института, а также большой группы ведущих китаеведов страны явился подготовленный за последние пять лет «Энциклопедический словарь философской и общественно-политической мысли Китая», охватывающий историю духовной культуры Китая с древнейших времен до наших дней. В работе над словарем участвовали и ведущие ученые КНР. Словарь является первым, созданным на европейском языке комплексным трудом по истории философии и идеологии Китая, имеющим характер отраслевой специализированной энциклопедии.

Актуальность такого издания диктуется интересами китаеведческих и общих исследований по истории культуры и науки. Растет интерес как ученых, так и мировой общественности к традиционному знанию, практическая ценность которого подтверждена, в частности, успешным применением методик дальневосточной медицины и психофизиологической саморегуляции. Категории и понятия, служащие для описания и систематизации таких методик, входят в единую систему протонаучной традиции, основы которой сложились некогда в Китае и оказали определяющее влияние на развитие теоретического знания в сопредельных странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии. Характернейшая особенность этой традиции — отсутствие четкой грани между философией и наукой, а также между единым философско-протонаучным теоретическим комплексом и системой общекультурных представлений. Концепции и понятийный аппарат философии служили универсальным средством объяснения природных явлений и обоснования практической деятельности в различных областях (медицине, культовой практике, астрономии и астрологии, политике, экономике, военном деле, «боевых искусствах» и т. п.). Поэтому энциклопедический словарь по китайской философии является одновременно компендиумом по основам духовной культуры, традиционного научного знания и идеологии в Китае. Без адекватного представления о главных направлениях развития китайской философской мысли, содержании ее категорий и понятий затруднены как теоретические исследования в области культуры и традиционной науки дальневосточного региона, так и практическое использование их наследия, например в области медицины и психотренинга.

Необходимость создания такого словаря обуславливается также тем, что традиции продолжают оказывать заметное воздействие на духовное производство в КНР, и для комплексного изучения современного Китая обществоведкам необходимы конкретные сведения по истории китайской философии и идеологии. Для широкого круга обществоведов представляет интерес также информация о проблематике, характере исследований в области философии и идеологии Китая в нашей стране и за рубежом. Такие

сведения в синтезированном виде отсутствуют как в отечественной, так и в зарубежной литературе.

Следует отметить также плодотворную работу, проведенную Институтом по исследованию новейшей истории общественно-политической мысли Японии, в частности выпущенную доктором исторических наук Б. В. Поспеловым фундаментальную работу «Очерки философии и социологии современной Японии».

Вторым направлением исследований ученых института в области общественного сознания в прошедшие годы было изучение проблем политической идеологии современного Китая, в частности вопросов истории формирования и эволюции теоретической платформы КПК. Были подготовлены и выпущены в свет фундаментальные работы методологического характера, в частности коллективная монография «Ленин и проблемы современного Китая», работы, посвященные сущности и эволюции идей Мао Цзэдуна, идеологическим процессам, происходившим в КПК и происходящим в современном китайском обществе (монографии А. М. Румянцова, Г. Н. Яценко, А. П. Булкина, В. Я. Сидихменова и др.). Определенный научный интерес имели и работы, посвященные изучению роли этнопсихологического фактора в политической жизни КНР.

Новым направлением в исследованиях института в последние годы явилось изучение проблем религии и ее роли в общественной жизни современного Китая. В этой области подготовлена первая в СССР монография доктора исторических наук В. С. Кузнецова «Ислам в общественно-политической жизни КНР».

В заключение хотелось бы отметить, что несмотря на некоторые недостатки и излишнюю политическую риторику, работы института по проблемам философии и общественно-политической мысли современного Китая внесли заметный вклад в разработку актуальных проблем функционирования различных форм общественного сознания КНР.

Зав. сектором культуры ИДВ АН СССР, доктор филологических наук Сорокин В. Ф.

Видимо, будет справедливым сказать, что создание в марте 1967 г. в нашем институте сектора культуры положило в советском Китаеведении начало систематическому и комплексному изучению проблем культуры КНР — разумеется, в тесной связи с предшествовавшими периодами истории китайской культуры. Термин «культура», как известно, полисемантивен; в данном случае он включает литературу, искусство, народное и высшее образование.

Предметом наших исследований были в первую очередь место и функции литературы и искусства в китайском обществе, основные направления политики руководства КНР в сфере культуры, идеологическая ситуация в этой области, положение творческой интеллигенции. Другой важнейшей стороной исследований был анализ того, в какой мере и под каким углом зрения современные литература и искусство отражают быстро меняющуюся социальную действительность Китая, каковы познавательная и эстетическая значимость вновь создаваемых художественных произведений, как оценивают их профессиональная критика и широкая общественность. Далее, изучению подвергались современные литературно-художественные направления и эстетические концепции, взаимоотношения между традиционными элементами культуры и чертами новаторства, место китайской культуры на международной арене, прежде всего связи между литературой и искусством Китая и нашей страны.

На первом этапе работы сектора, совпавшем с периодом «культурной революции» в Китае, значительное внимание, естественно, уделялось критике левацких, вульгаризаторских установок в области культуры и восстановлению подлинной истории развития литературы и искусства в КНР.

Основные результаты наших исследований отражены в выполненных коллективом сектора монографических работах — «Судьбы культуры КНР» (1978 г.) и «Литература и искусство КНР. 1976—1985», в книгах С. Д. Марковой «Маоизм и интеллигенция» (1975 г.), А. Н. Желуховцева «Литературная теория и политическая борьба в КНР», С. А. Торопцева «Очерк истории китайского кино» и ряде других монографий, сборников статей, разделов в коллективных работах, в многочисленных журнальных публикациях. Заслуживает быть отмеченным тот факт, что основные положения этих работ, касающихся состояния китайской культуры в 50—60-е гг., в общем совпадают с теми оценками, к которым пришли китайские ученые уже после «культурной революции».

Хочется также подчеркнуть, что за все эти годы, включая самый трудный для отноше-

ний между нашими двумя странами период, сотрудники сектора вместе с другими советскими китаистами активнейшим образом участвовали — в качестве переводчиков, авторов статей и комментариев, наконец, лекторов — в благородном деле популяризации великого классического наследия и новейшей культуры Китая в СССР.

В этой связи следует, в частности, упомянуть книгу И. В. Гайды «Традиционный театр сицзюй», серию работ Н. Е. Боровской о китайском средневековом романе и монографию автора этих строк «Китайская классическая драматургия XIII—XIV вв.». Я занимался также переводом ряда юаньских пьес, тогда как С. А. Торопцев перевел немало образцов китайской классической поэзии.

Что касается проблем китайской культуры после «Движения 4 мая», то их оценке — в свете новых материалов и с учетом новых концепций — посвящены соответствующие главы в выпущенной нашим институтом «Новейшей истории Китая», монографии А. А. Антиповского и О. П. Болотиной о творчестве Лао Шэ (ранний этап и период анти-японской войны), а также подготовленная недавно вместе с китайскими учеными работа «Китайская культура 20—40-х гг. и современность». К сожалению, до сих пор остается неизданной, по техническим причинам, весьма содержательная монография В. Л. Сычева об изобразительном искусстве КНР.

Переходя к проблемам образования, следует отметить, что наряду с изучением истории развития современного типа народного и высшего образования в Китае в нынешнем столетии, основное внимание у нас уделялось современному состоянию просвещения и тенденциям его развития. Изучались различные аспекты реформы начальной, средней и высшей школы, идеологическая направленность системы образования, ее социальные параметры и экономика, а также развитие педагогической науки. Итогом этих исследований явились коллективная монография «Политика в области науки и образования в КНР» (1980 г.), книга Н. Е. Боровской «Школа в КНР», ее и Н. В. Франчук статьи в сборниках и журналах.

В заключение надо сказать, что до последнего времени вся работа на секторе велась немногочисленным — в сравнении с объемом проблем и материалов, требующих осмысления — коллективом, сложившимся в самом начале деятельности сектора. Но теперь возобновилась прерванная было работа по подготовке молодых научных кадров, готовятся к защите диссертации по проблемам художественной литературы, литературоведения, драматического театра и изобразительного искусства современно-го Китая.

У ЖЭНЧЖАН

Китай и СССР в данный момент переживают исторически важный процесс развития социализма. Реформы в наших обеих странах вызваны, по-моему, рядом факторов. Во-первых, политические и экономические системы в Китае и Советском Союзе восходят к так называемой сталинской модели построения социализма. Они отвечали обстановке и условиям военных лет и сыграли свою положительную историческую роль в определенный период развития наших обществ. Однако эти системы имеют немало недостатков: препятствуют осуществлению таких основных принципов, как предоставление права народу быть настоящим хозяином страны, обеспечение более быстрого развития производительных сил, чем при капитализме и т. д. Эти системы необходимо было подвергнуть реформам сразу же после окончания второй мировой войны. Но, к сожалению, мы упустили много времени. В 80-е годы противоречия внутри этих систем стали настолько остры, что нам ничего не оставалось, как неотложно приняться за реформы.

Во-вторых, реформы становятся сегодня особенно насущными еще потому, что стремительное развитие научно-технической революции бросает нам серьезный и суровый вызов. Последние 30 лет — период быстрого развития науки и техники, который охватил многие страны мира. В этом отношении и Китай, и Советский Союз отстали. Надо, однако, заметить, что советская военная техника, обороноспособность пока находятся на передовом мировом уровне. Но народное хозяйство в целом в известной степени отстает от некоторых развитых стран. А Китай тем более отстает, в том числе и от Советского Союза.

В 60-е годы один известный американский ученый приехал в Китай, посмотрел и отметил, что в области науки и техники Китай отстал от Запада на 15—20 лет. А в начале 80-х годов, когда он еще раз познакомился с положением нашей страны, он не без сожаления подчеркнул, что Китай отстал от Запада уже на 25—30 лет. Отсталость Китая и Советского Союза в области науки и техники объясняется не тем, что, мол, социализм не имеет преимущества перед капитализмом, нет, не этим. Она объясняется тем, что сталинская модель построения социализма, которой мы придерживались долгие годы, уже давно не отвечает конкретным условиям строительства социализма в наших странах.

Таким образом, в 80-е годы и в Китае, и в Советском Союзе наконец была осознана необходимость проведения реформ. Реформа — это необратимая историческая тенденция, не зависящая от воли людей.

Сопоставление целей реформ

Как мы уже упомянули, существующие в наших странах политическая и экономическая системы восходят к одной и той же сталинской модели построения социализма, так что почти одинаковыми становятся основная цель и направление наших реформ. Все мы видим задачу реформы в том, чтобы разрушить старую, окостенелую систему, создать новую, благоприятствующую развитию производительных сил. Основная цель реформы в Китае такова: создать новую политическую систему с высоким уровнем развития демократии и жизнеспособную, эффективную

У Жэнчжан, профессор, зав. отделом теоретических исследований Института Советского Союза и стран Восточной Европы АОН Китая.

экономическую систему. А вы поставили себе задачу придать социализму самую современную форму общественной организации; в области экономики создать высокоэффективную, гибкую хозяйственную систему, в социально-политической — осуществить демократизацию общественной жизни, и через это достичь качественно нового состояния общества.

Поскольку в реформе мы с вами стремимся почти к одинаковой цели, перед нами стоит и много общих проблем, которые требуют неотложного и быстрого решения, например:

— проблема реформы собственности на средства производства. Надо соединить производителя со средствами производства, и тем самым сделать его подлинным хозяином. Нужно разнообразить структуру собственности при сохранении ведущей роли общественной собственности;

— проблема развертывания социалистического товарного хозяйства. Опыт показывает, что в условиях социализма, особенно на нынешней стадии, нельзя развивать только плановое хозяйство. Мы должны приложить большие усилия, чтобы товарное хозяйство у нас получило быстрое развитие и достигло высокого уровня, должны создать плановое товарное хозяйство. Сейчас трудности заключаются в том, как лучше увязать плановое урегулирование с рыночным, как создать социалистическое товарное хозяйство на основе общественной собственности. В мире есть опыт создания товарного хозяйства на основе частной собственности, а в условиях общественной собственности такого опыта, к сожалению, пока еще нет;

— проблема ликвидации явлений уравниловки, реального осуществления принципа распределения по труду;

— проблема развития политической демократии, например, четкое разграничение функций партийных и правительственных органов, превращение Советов в настоящие органы власти народа, создание высокоэффективного механизма народного контроля;

— проблема развития социалистической духовной культуры и т. д. Все эти проблемы предстоит разрешать и нам, и вам.

Но в намеченных целях и задачах есть и определенные различия. Реформа в СССР предусматривает повышение производительности труда в конце XX-начале XXI вв. до самого передового уровня в мире. А мы ставим себе задачу увеличить среднечеловеческий национальный продукт к середине следующего столетия до уровня среднеразвитых стран.

Исходя из того, что почти одинаковыми оказались основные цели реформ и проводятся они почти одновременно в Китае и СССР, мы вполне можем и должны учиться друг у друга, извлекать опыт и уроки из практики обеих сторон, содействовать друг другу. Все это, несомненно, будет очень благоприятствовать реформам как у нас в Китае, так и вас в Советском Союзе.

В Китае я не раз читал нашим работникам и служащим лекции о реформе в Советском Союзе; интерес к вашим реформам большой. Один товарищ, прослушав лекцию, сказал: «Советский Союз и тот взялся за реформы, чего же нам еще сомневаться, колебаться?»

Сопоставление условий осуществления реформ

Если сопоставим условия наших стран, при которых проводятся реформы, то здесь мы находим и сходство, и различие.

Сходство заключается в былой экономической отсталости наших стран. В хозяйстве наших стран имели место некоторые характерные черты «азиатского способа производства». К примеру, государство, органы власти играли большую роль в истории развития производства. И сегодня у нас сохраняется традиция высокой централизации власти. Общим нашим странам не пришлось пережить этап высокоразвитого товарного хозяйства, как и период высокоразвитой буржуазной демократии. К. Маркс предполагал создать социализм на основе капитализма с высокоразвитым товарным хозяйством и высокоразвитой буржуазной демократией. А в наших странах этих условий не было. Поэтому не было и возможности строить социализм с теми характерными чертами, которые хотел видеть в нем основатель марксизма.

В настоящее время нам нужно извлекать из практики капиталистического хозяйственного управления и социальной политики все то, что могло бы идти на пользу строительства социализма. Раньше мы рассматривали системы социализма и капитализма как полные противоположности, ни в коем случае несовместимые, как вода и огонь. Это неверно.

Теперь поговорим о различиях. Как мы уже сказали, уровень народного хозяйства в Советском Союзе выше, чем в Китае. Например, по вашей статистике, в Советском Союзе среднедушевой национальный доход составляет приблизительно 4 тыс. ам. долл., а у нас — меньше 400. Поэтому мы, китайцы, должны уделять большее внимание развитию производительных сил. У нас сейчас поощряются любые мероприятия, благоприятствующие развитию производительных сил при сохранении ведущей роли общественной собственности.

Что касается политической обстановки, которая всегда оказывает большое влияние на развитие реформы, то надо признать, что в предыдущий длительный период политическая обстановка у нас, в Китае, была недостаточно стабильна.

Как вам известно, с 1956 г. в Китае прошел ряд политических кампаний таких, как борьба против правых элементов, движение социалистического воспитания, культурная революция. Все это повлекло за собой большую централизацию власти, присущую сталинской модели построения социализма, и довело народное хозяйство нашей страны почти до развала. Это, безусловно, плохо. Однако в этом надо видеть и другую сторону дела. Поскольку мы на себе испытали и горе, и неудачи, сейчас яснее осознаем недостатки этой модели. Кроме того, в связи с менее стабильной политической обстановкой в Китае долгое время отсутствовала и стабильность экономического механизма. Все это позволило людям легче воспринимать новые взгляды на социализм. Некоторые традиционно сложившиеся взгляды на социализм, например, безусловное признание приоритета государственных интересов над личными, тяга к уравниловке у нас в народе не так глубоко укоренились. В частности, когда у нас начали проводить систему семейного подряда, были и споры, и сомнения. Но вскоре споры прекратились, сомнения рассеялись, люди увидели преимущество этой системы, и она быстро распространилась по всей стране. В Советском Союзе, я бы сказал, наблюдается несколько иная ситуация. Последние десятилетия советский народ живет неплохо, мирно, спокойно, не было у нас больших социально-политических потрясений. Все это, конечно, хорошо. Но, может быть, из этого и вытекает инерция, тот факт, что сравнительно сильны традиционные взгляды на социализм.

Сопоставление истории реформ

Проводимые реформы в наших странах имеют различную историю. Советская реформа началась, можно сказать, с середины 50-х годов. Я бы выделил в ней два этапа. Первый охватывает период с середины 50-х до конца 60-х годов. Это был период частичных реформ. С начала 70-х годов эти реформы не получили дальнейшего развития, остановились на полпути. Лишь в середине 80-х годов начался второй, более радикальный этап советской реформы. Таким образом, сегодняшняя советская реформа является продолжением частичных реформ 50—60-х годов.

Иную историю имеет наша реформа. Как известно, в середине 50-х годов товарищ Мао Цзэдун уже заметил некоторые недостатки сталинской модели построения социализма. Он справедливо критиковал сталинскую сельскохозяйственную политику, бюрократизм этой модели. Он попытался найти способ ликвидации этих недостатков. Но при этом сам допустил серьезную ошибку, выдвинув теорию «продолжения классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата». Товарищ Мао Цзэдун хотел путем классовой борьбы ликвидировать бюрократизм, но данная теория не только не дала положительного результата, а, наоборот, повлекла за собой вспышку так называемой культурной революции. Таким образом, у нас получилось так: бюрократизм не был ликвидирован, он вопреки желанию и ожиданию еще в большей степени распространился и укоренился почти во всех сферах политической и экономической жизни нашей страны. Дальнейшее развитие получила и централизация власти.

По-настоящему в Китае приступили к реформе сталинской модели лишь с 3-го

ОТДЕЛЕНИЕ
ИНТЕРН АН СССР

плenums ЦК КПК 11-го созыва в 1978 г. Значит, если сегодняшняя советская перестройка основывается на результатах частичных реформ 50—60-х годов, то наша реформа началась почти с нуля, получив «в наследство» последствия так называемой культурной революции. Правда, существует и общее: обе реформы начались с критики и отрицания культа личности. XX съезд КПСС, на котором культ личности Сталина впервые подвергся критике, означал начало частичных реформ в Советском Союзе. А в Китае началом реформ послужило всестороннее переосмысление исторической роли товарища Мао Цзэдуна.

Поскольку у вас уже имелся опыт частичных реформ 50—60-х годов, вы с самого начала выдвинули программу: разрушить механизм торможения, сочетать реформу политической системы с экономической реформой. Это одно из преимуществ вашей реформы.

Для нашей реформы существует благоприятное условие: после культурной революции наш народ глубоко осознал недостатки старого механизма и больше на него уже не надеется. Один наш товарищ сказал, что в Советском Союзе проводится реформа для того, чтобы жизнь народа стала еще лучше, а в Китае — чтобы народу было на что жить. Такое мнение имеет свое основание.

Сопоставление методов и средств реформ

Китайская реформа началась в деревне. Здесь были проведены два важных мероприятия: внедрение системы семейного подряда в сельскохозяйственном производстве и устранение диспропорций в развитии между сельским хозяйством, легкой и тяжелой промышленностью.

В настоящее время в Китае в основном добились равновесия в легкой и тяжелой промышленности. За последние 10 лет реформа у нас уже дала свои положительные результаты, повысила благосостояние народных масс. Жизнь в деревне коренным образом изменилась к лучшему. С 1984 г., после успехов реформы в деревне центр тяжести нашей работы стал постепенно перемещаться на реформу экономической системы в городе. А после XIII съезда КПК реформа экономической системы стала теснее соединяться и с реформой политической системы.

Может возникнуть вопрос: почему реформа в Китае началась в деревне? Причины, думаю, заключаются в следующем.

Во-первых, в конце 70-х годов в результате разрушений, вызванных так называемой культурной революцией, народное хозяйство нашей страны оказалось почти на грани развала. Широкие народные массы терпели лишения, не хватало продуктов и товаров широкого потребления. Нужно было прежде всего развивать сельское хозяйство, чтобы просто существовать.

Во-вторых, свыше 70 % населения Китая проживает в деревне. Стабилизация обстановки в деревне является надежной и необходимой гарантией стабилизации политической жизни общества вообще.

В-третьих, было теоретически обосновано то, что реформа должна принести народу материальную пользу, так как отношение народных масс к ней определяется тем, насколько она может изменить их материальное положение к лучшему.

Первых успехов в сельской реформе у нас добились благодаря тому, что введена система семейного подряда по всей стране. Данная система позволила тесно соединить крестьянина с землей, с результатами своего труда при сохранении общественной собственности на землю. Это дало огромные результаты. В 1986 г. валовая продукция зерновых культур увеличилась в 2 раза. За счет повышения производительности труда в сельском хозяйстве высвободилась значительная часть рабочей силы, которая была использована в развитии волостной и поселковой промышленности.

Однако, надо заметить, что сейчас система семейного подряда переживает особый период развития. Такое семейное хозяйство, которое основано на низком уровне сельской техники, в основном на ручном труде, на использовании примитивных орудий труда, нуждается в дальнейшем развитии. Нужно соединить систему семейного подряда с модернизацией сельского хозяйства, чтобы сельскохозяйственное производство опиралось на научно-технический прогресс, на современную науку

и технику. Тут можно указать два направления развития: создание современных семейных ферм и создание кооперативов по принципу добровольного объединения, а не путем административных директив.

Теперь посмотрим советскую реформу. Нам известно, что в Советском Союзе сначала взялись тоже за реформу экономической системы, но вскоре вы выдвинули идею сочетать экономическую реформу с реформой политической системы. За последнее время в ней были достигнуты заметные сдвиги, например, обеспечение свободы слова, плюрализм мнений, гласность и т. д. Социалистическая демократия у вас получила новое развитие.

Почему же в Советском Союзе прежде всего нужно делать упор на реформу политической системы? Тут, по-моему, тоже есть причины.

Во-первых, исторические уроки показали, что без реформы политической системы экономическая реформа не увенчается успехом. Это подтверждается неудачей частичных реформ 50—60-х годов.

Во-вторых, реформа — это великое дело миллионов народных масс. Чтобы разрушить механизм торможения, необходимо вовлечь в реформу широкие народные массы, поднять их на борьбу против бюрократизма, против всего того, что препятствовало бы развитию общества.

В-третьих, еще, конечно, существуют и теоретические предпосылки. Вы считаете, что демократизация — суть социализма, а ее расширение — одна из целей реформы.

Одним словом, по нашему наблюдению, реформа в Советском Союзе дает народу больше политической демократии, в то время как у нас, в Китае, она принесла больше материальных выгод. Следовательно, для дальнейшего углубления и развития реформы мы, китайцы, должны уделять больше внимания реформе политической системы, а советским товарищам, пожалуй, предстоит приложить больше усилий, чтобы перестройка принесла народу ощутимую материальную пользу.

В процессе проведения реформ в Китае немало социально-экономических форм, например, семейный подряд, возникло сначала на практике, и только потом они получили теоретическое обоснование и стали объектом законодательства. Эту особенность хорошо иллюстрирует китайская поговорка: «Переходя босиком через реку, ногами ощупывать дно». Это объясняется губительными последствиями, оставленными культурной революцией, сделавшими реформу в Китае крайне неотложной. Достоинство этого метода — в отказе от стереотипов. Но тем не менее он имеет и свои недостатки, выражающиеся в том, что слишком часто изменялась социально-экономическая политика.

В Советском Союзе было уделено больше внимания законодательству. Например, с целью развития индивидуального труда был предварительно опубликован Закон об индивидуальной трудовой деятельности. Это достоинство вашего метода, но одновременно он, может быть, оставляет и больше стереотипов.

В области экономической реформы обе наши страны подчеркивают важность сочетания планирования с рынком. Однако Китай, делая упор на развитие социалистического рынка, выдвигает цель — создание планового товарного хозяйства, стремится к осуществлению нового механизма — «государство регулирует рынок, деятельность предприятий ориентируется на рынок», постепенно приводит к рыночному регулированию все большего числа товаров. Ваша страна подчеркивает роль планового хозяйства, но одновременно указывает и на необходимость полностью использовать возможности товарно-денежных отношений. Здесь разница также заметна.

Китай и Советский Союз подчеркивают необходимость расширения внешних сношений. Однако их меры различны. В Китае реформа и расширение внешних сношений рассматриваются как генеральный курс нашей партии на современном этапе. У нас были созданы специальные экономические зоны. Был разработан стратегический план создания передней открытой приморской полосы, насчитывающей 150 млн. человек. Некоторые мероприятия, осуществленные в СССР, отличаются от наших. Например, закон об этом устанавливает, что в совместных предприятиях доля иностранного капитала не должна превышать 51 % фондов данного предприятия, в Китае такого ограничения нет.

Китай, исходя из теории начальной стадии социализма, рассматривает развитие производительных сил как центральную задачу, проводит в жизнь ряд полезных

и самобытных мероприятий. Например, разрешается развитие частного хозяйства, использование наемного труда, выдвинута была концепция «одно государство, две системы» и т. д. XXVII съезд КПСС подверг критике концепцию развитого социализма, но все же сделал вывод, что Советский Союз уже вступил в этап развитого социализма. У вас вообще запрещается частное хозяйство и наемный труд. Это, очевидно, связывается с оценкой степени развития социалистического общества как достаточно высокой.

Итак, основная цель реформ в обеих наших странах одина. Тем не менее реформы в наших странах имеют свои особенности, свои достоинства и проблемы. Мы считаем, что если сможем соединить достоинства реформ с учетом исторических условий своих стран, то реформы в наших странах будут развиваться еще успешнее и быстрее.

Китай и Советский Союз являются великими социалистическими странами. Успехи и неудачи их реформ окажут глубокое влияние на дело социализма во всем мире. Мы от всей души желаем советскому народу больших успехов в деле перестройки.

Перевод с китайского Пэй Уйфан

Реформа и беды детей

Е. КОНОВАЛОВ

По конституции КНР «запрещается нанимать на работу детей школьного возраста в классах обязательного начального образования». Газета «Гунжэнь жибао»... тем не менее, писала: «Никто не знает, сколько у нас работает детей, но только в 1988 г. число покинувших школу достигало 7390 тыс. человек». В конце 1988 г. ЦК КСМК опубликовал срочный документ «Извещение о запрещении использования детского труда».

Так как же обстоит дело с использованием труда детей в Китае? Почему после 30-летнего искоренения этого зла старого Китая вновь говорят об эксплуатации детского труда, как о серьезной социальной проблеме? Как отразится возникновение новой волны неграмотной молодежи, вынужденной с молодых лет наниматься на работу, на реализации программы модернизации Китая в XXI в.?

Реальная китайская действительность требует открытого ответа на эти злободневные вопросы.

Известно, что в старом Китае наемный детский труд был широко распространен как в сельских районах, так и в городах. Степень эксплуатации детского труда по своей жестокости и бесчеловечности была несравнима с периодом начальной стадии капитализма в странах Европы. В Китае массовое использование детского труда было и порождением застойного феодального строя, и продуктом капиталистического развития в немногих промышленных районах страны. Немаловажной причиной была и перенаселенность, малоземелье крестьянских хозяйств, огромные массы излишней рабочей силы на рынке труда. Женский и детский труд выступал конкурирующей силой по отношению к труду взрослых мужчин в силу возможностей их эксплуатации при крайне низкой оплате. Ограниченный спрос на труд покрывался массой неквалифицированных и неграмотных женщин и детей, хотя $\frac{1}{3}$ мужчин в рабочем возрасте не находили себе работу. В городах возникли целые специфические отрасли детского труда — прислуга в домах зажиточных хозяев,

Коновалов Евгений Александрович, доктор экономических наук, главный научный сотрудник

прядание и вышивка на тканях, плетение корзин и прочие трудоемкие производства. Воспроизводилась простая мускульная рабочая сила. Труд был беспросветным, срок жизни — коротким.

Ранние, часто родственные браки по соглашению родителей предопределяли судьбы детей, наносили огромный вред генофонду нации.

Революция 1949 г. коренным образом изменила социально-экономические условия в стране, сделала многое для искоренения пороков старого общества. Ликвидация неграмотности среди взрослого населения и массовое распространение начального образования явились одним из первых завоеваний КНР. Запрещение детского труда стало естественной и органичной составной частью социальных программ. В городе в течение короткого времени детский труд был фактически изжит. В сельских районах после массового кооперирования и с установлением народных коммун детский труд успешно изживался. Более полное использование взрослой рабочей силы сделало детский труд излишним и по экономическим причинам. Можно было с основанием говорить о ликвидации социальных и экономических условий эксплуатации детского труда. И тем не менее даже в этих условиях отдельные рецидивы наемного труда детей оставались под видом родственных связей, которые в завуалированных формах позволяли применять труд детей в качестве няnek, прислуги, подсобных работников и т. д. Постепенно происходило разрушение общенациональной системы всеобщего школьного образования, которые в народных коммунах начались из-за снижения качества обучения, отсутствия минимальных расходов на школьное строительство и подготовку квалифицированных учителей, общее понижение статуса умственного труда и знаний вообще. Крестьяне переосмысливают саму необходимость давать полноценное образование, особенно девочкам. Из толчи веков возрождаются патриархальные взгляды на роль женщины в семье, все более массовыми становятся явления ранних помолвок и браков детей между родственными семьями. Жесткая политика внедрения концепции «однодетной семьи» искусственно сдерживала, но не останавливала крестьян от рождения «сверхплановых» детей, от желания создать большую семью со своим внутренним миром и прочными устоями.

И вот с конца 70-х годов по стране прошла грандиозная волна распространения системы производственной ответственности в форме семейного подряда, а в городах стали воссоздаваться частный сектор и смешанные предприятия с иностранным капиталом. Эти явления нанесли глубокий отпечаток на все аспекты социально-экономической жизни страны. Сам по себе переход от замкнутой и натуральной по существу экономики и открытой внешнему миру товарной экономике означал подлинную революцию, не меньшую по своей значимости, чем установление народной власти в 1949 г.

За 10 лет хозяйственных реформ произошли громадные изменения, которые дали несомненные положительные результаты. Это проявилось в высокой динамике роста производительных сил, в раскрепощении сознания трудящихся, в росте жизненного уровня населения. Оживление товарной экономики, возникновение различных по характеру рынков, в том числе и рынка рабочей силы (в Китае чаще называют его «рынком трудовых услуг»), породили новые явления конкуренции, более свободного перемещения рабочей силы по территории страны, между сферами и отраслями народного хозяйства.

Меняется отношение общества в такой важной сфере, какой является занятость. Семейный подряд по-новому осветил возможности крестьян в производстве и обмене продукции. Загнанные ранее вовнутрь процессы безработицы и неполной занятости теперь проявились более объективно и рельефно. Подобно тому, как на мелкой воде разом обнажатся камни на дне, так и хроническое аграрное перенаселение в условиях семейного подряда с каждым годом увеличивалось под влиянием более интенсивного труда крестьян на собственной земле. Ожидается, что к 2000 г. от 300 до 350 млн. крестьян окажутся излишними, если оставить их в традиционном земледелии. Проблема их трудоустройства стала вновь труднейшей задачей общественного развития.

Как это ни парадоксально, именно в этих условиях вновь возникла проблема детского труда. Крестьяне, проявившие тягу к товарной экономике, почувствовавшие возможность заработать на рынке наличные деньги, не только максимально

вкладывают свой труд, но и используют возможности наемного труда. Цена наемного труда с начала 80-х годов резко нарастает с 1 юаня до 3—4 юаней в день. Лишь немногие крестьянские хозяйства имеют возможность нанимать по несколько батраков на весь сезон, в подавляющем большинстве используется труд временных, сезонных работников. Он применяется в случаях ударных работ в течение короткого времени, когда необходимо собрать и переработать фрукты, спустить воду в прудах и выловить свежую рыбу, на транспортных работах, в строительстве жилья. Во всех же других случаях в течение всего года приходится использовать труд членов семьи, женщин, пожилых людей и детей. Экономическая потребность в детском труде становится столь необходимой, что крестьяне делят свои хозяйства на бедные и зажиточные не в зависимости от денежных доходов, а от количества рабочей силы, включая и детей. Это обстоятельство во многом подтолкнуло семьи к рождению детей — вторых, третьих и последующих. Именно с этого периода вновь повысилась рождаемость. В тех районах, где по-прежнему проводилась жесткая демографическая политика, крестьяне идут на «сверхплановые» рождения, укрывают факты рождения детей, платят за рождение несанкционированных детей огромные штрафы (от 1 тыс. до 10 тыс. юаней за мальчика). Многие женщины, укрываясь от санкций местных властей на время беременности и родов, покидают родные деревни, временно перебираются в другие места к родственникам, с мужьями переезжают в поселки и города, устраиваясь на временную случайную работу. Иными словами, в крестьянских семьях пробуждается мощное традиционное мелкокрестьянское чувство иметь большую семью и много детей как символ богатства. Соответственно и меняется отношение к детям в семье. Сызмальства они являются вначале помощниками, а затем полной рабочей силой, которая должна поддерживать благосостояние семьи. Особенно незавидным является положение девочек в семье. С раннего возраста они выполняют многие работы в домашнем хозяйстве, на полях. Если этому мешает учеба в начальной школе, то проще всего оказывается снять девочку с занятий, ибо повсеместно считают, что знания в школе ни к чему. Если мальчику образование можно дать, для того чтобы он приобрел специальность, попал в армию, в институт, то для девочек никчемным считается даже начальное образование. Так, в течение нескольких лет хозяйственной реформы по стране прокатилась новая «волна неграмотности».

Число учащихся в общеобразовательных школах не только не увеличивается, но и сокращается. Это является результатом уменьшения количества детей школьного возраста, но главным образом того, что родители оставляют детей без школьного образования с первых же классов начальной или средней школы. На неполный охват детей школой влияет и плачевное состояние сельских школ: нехватка помещений и элементарного школьного инвентаря, низкий уровень подготовки учителей, плохая усвояемость детьми предметов и плата за учебу — эти факторы побуждают родителей оставлять детей без школы. В стране не существует общегосударственной системы обязательного обучения, она распространяется всего на половину сельских уездов. По расходам на обучение на 1 учащегося Китай занимает одно из последних мест в мире.

Число учащихся в начальной общеобразовательной школе КНР (в млн. чел. в течение учебного года)

1978	—	146,2	1983	—	135,8
1979	—	146,7	1984	—	135,6
1980	—	146,6	1985	—	133,7
1981	—	143,3	1986	—	131,8
1982	—	139,7	1988	—	125,4

Как видно из таблицы, число учащихся средних школ (школьный возраст 6—10 лет) в последние годы существенно сокращается, и с 1979 г. уменьшилось на 21 млн. человек. Неправильно было бы объяснять это сокращением числа рождений в годы жесткого контроля над рождаемостью, так как этот эффект уже перестает сказываться. Так, в течение 1987—1988 гг. число учащихся в начальной школе

сократилось более чем на 7 млн. человек, хотя в годы их рождений (1978—1983) коэффициент рождаемости и число рождений из года в год нарастало. Если учесть многочисленных второгодников, то можно с уверенностью говорить о том, что все более значительная часть детей школьного возраста в сельских районах Китая покидает школу, а некоторые из них не заканчивают даже первый класс. Положение может спасти лишь система обязательного образования, но для этого нужно сделать его бесплатным и резко улучшить всю школьную систему. Пока же детей не только родители освобождают от школы, но и вербуют люди из других мест. В стране обеспокоены этим явлением. Корреспондент газеты «Гунжэнь жибао» пишет о том, что с апреля 1988 г. в специальной экономической зоне Шэньчжэнь обнаружено 529 детей школьного возраста, завербованных из других районов². Естественно задается вопрос: что же будет представлять собой строители социализма в Китае в XXI в.? Ведь это они и есть тот «строительный материал, из которого следует создавать модернизированное общество». Всеми силами необходимо приостановить новую волну неграмотности.

Массовое распространение детского труда в Китае следует объяснять целым рядом факторов, из которых экономические играют основную роль.

Прежде всего в деревне до сих пор господствует ручной неквалифицированный труд. Чтобы стать работником, совершенно не требуется образование и квалификация. Крестьянские дети с раннего детства воспринимают домашние и вспомогательные работы на полях, в переработке сельскохозяйственной продукции, выращивания скота и птицы как естественную обязанность. Они приобщаются к монотонному труду в течение всего года и в школьном возрасте являются необходимыми помощниками в семье. При этом использование труда девочек значительно интенсивнее и шире. Семья как бы готовит дочерей к участию жить в доме будущего мужа со многими и хлопотными занятиями. Чем больше может и умеет работать девочка, тем выше ее цена при помолвке и в замужестве. Мальчишки ориентируются на более сложные и тяжелые работы. Детский труд является органичной составной частью крестьянской жизни. По количеству и качеству труда зачастую определяется и отношение родителей к детям. Как-то сообщалось, что некий глава семьи ввел «сдельную» систему оплаты труда для всех членов семьи и строго распределял питание и наличные суммы «по труду». Каждая крестьянская семья знает, во сколько обходится содержание ребенка. По этим данным в масштабах всей страны и в сельской местности, в частности, расходы на содержание одного ребенка до 16 лет обходятся соответственно в 4600 и 3 тыс. юаней за 15 лет. Это означает, что содержание ребенка в среднем требует расходов крестьянской семьи в размере 200 юаней в год в среднем. Естественно, что в разных районах и группах семей эти расходы резко различаются. Многие родители предпочитают, чтобы дети работали и хотя бы частично оправдывали расходы на них. О том, насколько алчными и несправедливыми бывают родители, свидетельствуют многочисленные факты попрошайничества среди детей по требованию родителей. В ряде крупных городов нищенство и попрошайничество среди детей носит изуверские формы и резко осуждается общественностью. Другой видоизмененной формой эксплуатации детей являются ранние помолвки по сговору родителей. Вновь, как и в старом Китае, учащаются явления обучения малолетних со всеми ритуалами (подарками, знакомством между родней, угощениями и т. п.), что обрекает детей на тяжкую долю в будущем. Особенно часты эти явления в бедных районах и в районах проживания национальных меньшинств.

Наибольшую опасность представляет наемный детский труд. Он широко применяется во многих отраслях и секторах народного хозяйства.

На государственных предприятиях труд детей применяется в тех случаях, когда необходимо привлечь дополнительное количество работников в сезонные пики. Нехватку постоянных рабочих компенсируют в этих случаях дети, родители которых работают на данном предприятии. Работа в эти сезоны носит срочный и ударный характер. Это имеет место на пошивочных предприятиях, на консервных заводах. В провинции Сычуань на консервном заводе в городе Лучжоу постоянно работает 1 тыс. человек постоянного персонала, но в сезон сбора и переработки апельсинов привлекается дополнительно более 3 тыс. человек, из которых значительную часть составляют дети из 10 окрестных сел и деревень, которых снимают с учебы в школе. Корреспон-

дент газеты в конце 1988 г. посетил два цеха завода — по очистке апельсинов от корочки и цех по отделению плодов от косточек, в которых работало 281 человек, из них 127 (40 %) детей в возрасте 12—15 лет. На этой государственной фабрике применяется сдельная оплата труда, работают круглосуточно в две смены — по 12 и более часов. Администрация объясняет такой режим работы тем, что «задания срочные»³. Подобные случаи имеют место и на пошивочных предприятиях со срочными заданиями из-за рубежа.

На коллективных предприятиях в сельских районах детский труд применяется значительно шире, так как не существует никакого законодательства, ограничивающего труд детей. На сельских предприятиях труд также носит сезонный и временный характер. Детей снимают с учебы в любой момент, когда возникает потребность в дополнительной рабочей силе. Небольшая удаленность сельских предприятий от мест жительства крестьян позволяет применять детский труд по мере возникновения производственной необходимости.

Наибольшее распространение детский труд получает в частном и индивидуальном секторе. Сфера его использования очень широка. Дети работают прислугой, нянями, учениками, поденными и сезонными работниками, на продаже товаров, при транспортировке грузов. Такой труд отличается высокая интенсивность, социальная незащищенность и отсутствие его охраны.

Многочисленные публикации свидетельствуют о фактах эксплуатации труда детей в частном секторе. Вот одна из них: «Эй ленивец, ты еще не встал?» Мальчик работает на кухне, ему 14 лет, он получает 30 юаней в месяц, его называют батраком»⁴.

По материалам обследования провинции Хэбэй в трех городах — Баодин, Ханьдань и Цянчжоу число детей, работающих по найму, составляет 7,4 тыс., на некоторых предприятиях их число достигает 10—20 % численности персонала. Самым маленьким детям по 11 лет. На фабрике по плетению корзин в уезде Бобай (Гуанси-Чжуанский автономный район) все 40 работников — дети.

Погоня за прибылью в частном секторе побуждает хозяев прежде всего экономить на работниках, а в таких случаях дешевый детский труд рассматривается наиболее предпочтительным. Хозяева с наемной рабочей силой не заключают договоров, существует устная договоренность об оплате труда, широко применяются вычеты и штрафы, работника можно уволить в любое время без выходного пособия. Приводится факт, когда девушка случайно, не выдержав монотонного многочасового труда при резке капусты кухонным ножом, отрубила себе четыре пальца руки. Хозяин тут же объявил ей об увольнении, лишь по требованию ее подруг-землячек, которые также работали в этом ресторане, хозяин вынужден был выдать несчастной 20 юаней и распрощался с работницей.

Специфическим товаром на рынке рабочей силы являются девушки-няни. Их число в крупных городах страны стало очень значительным. Это связано с тем, что в городах семьи стали значительно меньше по размеру. Если в 1981 г. средний размер городской семьи составлял 4,24 человека, то в 1986 г. — 3,82 человека⁵. Это означает, что городская семья в настоящее время представлена родителями, в основном одним ребенком, а также кем-либо из престарелых. Занятость в городах за последние 10 лет увеличилась и достигает в 1986 г. в среднем 2,12 чел. на семью⁶. Иными словами, в типичной городской семье работают оба родителя, иногда кто-либо из престарелых, либо взрослых детей. Все большее число семей в городах, имея малолетнего ребенка, чтобы сохранить работу, вынуждены нанимать няню. В большинстве своем это девушки из деревни. Они не избалованы жизнью, довольствуются малым, получают невысокую зарплату (20—30 юаней в месяц), живут в семье в тяжелых условиях. Их работа может оказаться кратковременной, так как хозяева всегда могут найти другую, более дешевую работницу. Такая конкуренция давит на работающих девушек, они вынуждены мириться с любыми предложенными им условиями.

Каждый большой город находит домработниц из числа крестьянок в прилегающих к городу уездам и провинция. Существуют деревни, «специализирующиеся» на продаже девушек — нянь для городских семей.

Притягательной силой детского труда становятся предприятия, где используется иностранный капитал. Срочные заказы по переработке сырья из Сянган и продаже готовой продукции в Сянган требуют наличия на рынке дешевой рабочей силы в

любое время года. Появились специфические группы вербовщиков, которые привозят с собой целые группы детей и подростков не только из соседних уездов, но и из дальних провинций. Так, в феврале 1988 г. вербовщики из городов Гуанчжоу и Шэньчжэнь приехали в далекую Гуанси-Чжуанскую автономную область и завербовали большие партии школьников. В частности, из района Юйлинь было снято с учебы 1024 учащихся начальной и неполной средней школы, из которых 556 человек учились в начальной, а 468 человек — в средней школе. Только в одном уезде Бэйлюй школы лишились 2345 человек, из них свыше 200 учащихся были устроены на смешанные предприятия города Дунвань (провинция Гуандун)⁷.

Китайские газеты писали о девушках, завербованных в отсталых горных районах провинции Гуандун. Они работают на фабрике по изготовлению домашних туфель, заготовки которых поступают из Сянгана, искусно выполняют вышивку мелким узором с помощью микроскопов. Продукция пользуется большим спросом за рубежем. Эти неграмотные девушки работают на фабрике охотно, довольны своей зарплатой, в несколько раз превышающей оплату их труда дома, на полях.

Широкое использование детского труда на смешанных предприятиях в провинции Гуандун, в специальных экономических зонах Шэньчжэнь и острова Хайнань привлекло внимание мировой прессы. В сянганской газете «Хубао» опубликована статья под заголовком «В Гуандуне заполняют вакантные места детским трудом». В статье, в частности, говорится: «На многих предприятиях приморских районов Китая используют труд детей для поддержания низких издержек за счет низкой оплаты труда, и применением дешевого детского труда они достигают этого»⁸. Можно ожидать, что сфера использования детского труда на совместных предприятиях будет расширяться. Детский труд заполняет ниши, где не хватает рабочей силы, или стоимость труда взрослых становится для администрации слишком высокой. Это проявляется и в городской экономике развитых приморских районов, где степень занятости высока и городская молодежь считает целый ряд профессий и отраслей непрестижными. Эти молодые люди предпочитают временно не работать, ожидая «хороших» рабочих мест, а в это время находятся десятки тысяч крестьянских детей, согласных устраиваться в сферу обслуживания, на производства — на любых условиях, лишь бы зацепиться за работу в городах. В больницах мальчики работают на подсобных работах в сфере услуг, по пошиву одежды. Так, в результате оживления рыночной экономики происходят бурные процессы на рынке труда, перераспределение рабочей силы между городом и селом, между отраслями. Экономической основой интенсивности релативной рабочей силы является громадная разница в развитии производительных сил того или иного района и разрыв в оплате труда. Достаточно сказать, что на душу населения в развитом районе Шэхоу (город Шэньчжэнь) производство ВВП составляет 4600 ам. долл., а в сельских районах — всего 220 ам. долларов или в 20 с лишним раз меньше.

Что касается оплаты труда, то разрыв между районами также достигает 10—20 раз, а по отдельным категориям работников и значительно больше. В то время как в одних районах страны население живет впроголодь и не покрывает своим трудом самых элементарных жизненных потребностей, в целом ряде приморских районов существуют отдельные города и поселки, где жизненный уровень населения уже составляет 800—1 тыс. ам. долл. на 1 чел., то есть достиг уровня «скромного достатка» — цели развития Китая к 2000 г. Подобный разрыв в уровне жизни предопределяет направления и интенсивность миграционных потоков. Чем больше разница в оплате труда, тем сильнее отток из бедных отсталых районов и выше приток в развитые в экономическом отношении провинции и города приморской части страны.

Основными районами исхода эмигрантов являются, говоря в целом, провинции Сычуань, Хубэй, Хэнань, Шаньдун, Шэньси, Цзянси, Чжэцзян и Аньхой. Это связано не только с причинами, отмеченными выше, но и с таким фактором, как малоземелье, которое вынуждает крестьян покидать землю, покидать родные места. Успехи семейного подряда в первые годы привели к высвобождению десятков миллионов крестьян. Некоторые развитые районы смогли адаптировать излишки сельской рабочей силы в других отраслях, помимо традиционного земледелия, а другие — вытолкнули излишки рабочей силы за пределы уезда и провинции. Десятки миллионов мигрантов из сельских районов «партизанят» в поисках работы, формируя новую

отраслевую и территориальную структуру совокупной рабочей силы. Это положительное в целом социально-экономическое явление для Китая оказалось настолько внезапным и масштабным, что другие провинции и города оказались неподготовленными воспринять потоки сельских мигрантов. Нашумевшая по всей стране «Сычуаньская армия» в течение ряда последних лет «прорвалась» в соседние провинции, в труднодоступные районы Северо-Восточного и Северо-Западного Китая. Крестьяне говорят:

«Не сможем устроиться на Востоке, поедem на Запад». Побывавшие в городах крестьяне, хлебнув городской жизни и заработав по несколько сотен юаней, возвращаются на побывку домой, соблазняют молодежь «высокими заработками». Как только в деревне узнают, что такие рабочие вновь едут в город, за ними увязываются целые стайки молодежи и детей. Родители умоляют такого умельца: «Разреши, мой сын тоже поедет с тобой». Набираются значительные группы, которые добираются до городов с трудом, в переполненных железнодорожных вагонах, автобусах, речных судах. Информированность таких мигрантов незначительна и ложна. Например, достаточно услышать, что в Пекине «начальство и интеллигенты все хотят нанять домработницу», или «в провинции Гуандун все местные жители занимаются торговлей, бизнесом, а работать на полях некому, требуются работники со стороны», или «в таком-то районе началась крупная стройка, поезжай и устройшись на кирпичный завод» — эта информация, дошедшая до деревни, немедленно вызывает реакцию и потоки молодежи и детей неосмотрительно снимаются с мест. Классическим районом такого стихийного оттока молодой рабочей силы является провинция Сычуань. Из 90 млн. сельских жителей уже сейчас в провинции имеются излишки рабочей силы в размене более 20 млн. человек. На душу сельского населения приходится 0,9 му пахотной земли, что ведет к дальнейшему значительному высвобождению рабочей силы. По данным статистики, миллионы сычуаньских крестьян уезжают на поиски работы за пределы провинции. На конец 1988 г. число крестьян Сычуани, которые работают за пределами провинции в течение полугода, составляет 634 тыс. человек¹⁰.

Самым сильным магнитом притяжения мигрантов-крестьян является провинция Гуандун. Это объясняется тем, что в Гуандуне хозяйственная реформа началась раньше, чем в других районах страны, осуществляется интенсивнее и глубже. Сформировались не только рынки потребительских товаров, но и средств производства, денежный рынок и рынок рабочей силы. Гуандун является крупнейшим реципиентом иностранного капитала, на провинцию приходится около 70 % иностранного капитала на территории КНР и свыше $\frac{2}{3}$ всех совместных предприятий. На территории провинции находится специальная зона Шэньчжэнь, остров Хайнань до его образования в самостоятельную провинцию, а также целый ряд городов и поселков со свободным режимом функционирования иностранного капитала. Это позволяет широко привлекать не только местную рабочую силу, но и миллионы пришлых крестьян из многих районов страны. Достаточно сказать, что только в дельте реки Чжуцзян на совместных предприятиях, использующих привозное сырье и вывозящих готовую продукцию во многие страны через Сянган, работает 4,4 млн. человек, что более чем в 2 раза превышает всю рабочую силу Сянгана (2 млн. человек). Такова притягательная сила иностранного капитала, соединенная с массовой дешевой рабочей силой континентального Китая. Естественно, что для извлечения большей прибыли и поддержания конкурентоспособности готовой продукции на мировом рынке совместные предприятия ищут и находят на рынке труда самую дешевую рабочую силу — труд детей. Однако Гуандун отнюдь не «золотой рай» для приезжих. Товарная экономика в провинции подвержена серьезным циклическим изменениям в зависимости от конъюнктуры. Сокращение иностранных заказов и капиталовложений в строительство образовали скрытую и открытую безработицу, и тем не менее потоки крестьян продолжают прибывать. Число стихийно прибывших крестьян достигает 1,5 млн. человек. На железнодорожных вокзалах в Гуанчжоу море людей из приехавших в поисках работы. Некоторые месяцами и даже по полгода не могут найти работу, бедствуют, другие теряют заработки и не могут заработать себе на пропитание и жизнь: цены в Гуандуне растут в 2 раза быстрее, чем в других районах. Конкуренция на рынке труда настолько велика, что заставляет работников соглашаться на кабальные условия. В уезде Цунхуа крестьяне вначале зарабатывали за 3 дня 50 юаней, а затем вынуждены

были наняты к хозяину, который платил наличными по 6 юаней за 9-часовой рабочий день, что равно оплате труда в их родной деревне. Только на питание уходит 3,5 юаня в день. Крестьяне жалуются на то, что их заработанные деньги идут вербовщикам, агентам, подрядчикам. За 1 м³ вынудой земли с камнями, битым стеклом молодым крестьянам платят 4,5 юаня, они мечтают только бы заработать деньги на обратную дорогу в провинции Хэнань. Как говорят ныне, «крестьяне вкусили горькие плоды Гуандуна, заплатили за них дорогую цену». И тем не менее поток в Гуандун из других провинций и городов продолжается, при этом среди приезжающих все больше детей школьного возраста. Дети вынуждены работать на сезонных и случайных работах не только в городе, но и в сельских районах — работают на полях, помогая выращивать овощи и хлопок, ухаживают за фруктовыми деревьями, занимаются разведением домашней птицы и на других трудоемких работах.

В целом стихийные потоки из молодежи, лихорадочные поиски ими случайной работы, «партизанские» налеты на города и провинции создают известную социальную напряженность в целом ряде районов. Они дезорганизуют транспорт, сферу услуг, вызывают дополнительную нехватку жилья, продовольствия. В Гуанчжоу только на железнодорожном вокзале в отдельные часы дня скапливаются по 30 тыс. человек. В Ухани порой собирается свыше 100 тыс. крестьян, которые хотят продолжить свой путь из Сычуани в Гуандун по железной дороге. Из Чжэнчжоу (Хэнань) сообщают: резко увеличилось число пассажиров, стремящихся на юг. Поезда перегружены, рессоры автобусов не выдерживают. В Пекин ежедневно прибывает и отбывает на центральном вокзале по 230 тыс. человек, из них 70 % — прибывающие из других провинций. Многие из крестьян, включая детей, не найдя работы, бродят по улицам, ночуют под открытым небом, некоторые нищенствуют и просят милостыню, ходят в рванье. Среди молодежи растет преступность, проституция. Так, в городе Шэньчжэнь в первом квартале 1989 г. на приехавших из других районов страны приходилось 78,2 % всех преступлений в городе. Еще совсем недавно потоки приехавших крестьян в города рассматривались как огромное достижение реформы, сила, помогающая в городском строительстве. Но после того как во всех крупнейших городах страны число мигрантов превысило 10 млн. человек (в Гуанчжоу — 2 млн., Шанхае — 1,5 млн., а в Пекине 1,3 млн. человек), в печати стали называть это явление бедствием и первопричиной кризиса больших городов. События на Тяньаньмэне в июне 1989 г. в значительной мере отразили ту социальную напряженность, которая создалась в городе из-за больших масс молодежи, не имеющих работы, бродяжничающих месяцами, готовых на любые заработки.

Сейчас речь идет о том, каким будет начало жизненного пути для 200 млн. детей школьного возраста. Смогут ли они обрести безмятежное детство, хорошее отношение к себе в семье, получат ли они полноценное образование либо они пройдут через суровое детство, сквозь лишения, останутся без образования и вступят в XXI в. в качестве наилучшего «строительного материала» для модернизации страны. Есть, однако, надежда, что судьба китайских детей нынешнего поколения окажется достойной потомков великого китайского народа.

¹ Статистический ежегодник Китая. 1987.— Пекин, 1987.— С. 19; Жэньминь жибао.— 1989.— 1 марта.

² Гунжэнь жибао.— 1988.— 23 декабря.

³ См. там же.

⁴ Там же.— 1989.— 3 июня.

⁵ Чжунго тунци чжайяо.— 1987.— С. 102.

⁶ Там же.— С. 103.

⁷ Гунжэнь жибао.— 1989.— 3 июня.

⁸ Хубао.— 1988.— 21 сентября.

⁹ Нунминь жибао.— 1989.— 12 апреля.

¹⁰ Цзинци жибао.— 1989.— 8 апреля.

Г. СУХАРЧУК

Динамичное развитие современного мира по пути глобальной интеграции на основе усложняющихся мирохозяйственных связей ставит перед общественными науками множество новых вопросов, а, казалось бы, давно решенные проблемы освещаются с неожиданной стороны или ставятся совершенно по-новому. Этот процесс резко усилился сегодня, на переломе второго тысячелетия христианской эры, что в свою очередь настоятельно требует ответа на поставленные вопросы уже сегодня, сейчас.

И может быть, одной из самых настоятельных, требующих нового подхода является проблема социально-экономического строя как исторической и политэкономической категории вообще, постановка ее в современных условиях. Может ли служить основанием для определения исторической стадии развития того или иного социума его социально-экономический строй и вообще является ли история человечества линейным процессом поступательного развития от так называемых примитивных состояний производственно-хозяйственной деятельности к более совершенным? И наконец, признавая этот критерий, можно ли считать его достаточным или он «работает» лишь в совокупности с другими основаниями, как социально-экономическими, так и цивилизационно-культурными?

Собственно, немарксистская историко-философская мысль давно и по-своему ставит и решает эти вопросы как в полемике с марксистскими схемами, так и безотносительно к ним, опираясь на конкретный эмпирический материал, который в конце XX в. неизмеримо богаче, чем 100 лет назад, когда утверждалась марксистская формационная теория как инструмент наиболее общего членения истории по специфическим периодам-эпохам.

Как известно, в основе этой теории лежит именно экономический фактор, идея непрерывного, линейного по определению развития производительных сил, что неотвратно ведет к последовательному созиданию-отмиранию производственных отношений. Эта теория, что также общеизвестно, была создана на базе изучения социально-экономической и гражданской истории главным образом стран Западной Европы и греко-римского античного мира.

По мере расширения исторических знаний, постижения феноменов восточных социумов многие факты, доставлявшиеся наукой, не вписывались в пятистадийную формационную теорию, которая, казалось, удовлетворительно «работала» на западно-европейском материале. С этим уже столкнулся К. Маркс. Объясняя феномен восточных цивилизаций, Маркс выдвинул гипотезу о так называемом азиатском способе производства сперва на материале Индии, затем и других стран Востока и России. Живые следы азиатского способа производства он не без удовлетворения зафиксировал даже на своей родине в Вестфалии.

Ниже нам придется подробнее остановиться на так называемом азиатском способе производства (АСП) и дать собственное понимание этого феномена. А пока автор чувствует необходимость высказать свое понимание теории общественно-экономических формаций, стадий исторического развития человечества. Несколько предварительных замечаний.

Сухарчук Григорий Дмитриевич, доктор исторических наук

Уже не первое десятилетие, вероятно со времени известных дискуссий 60-х годов, в нашей исторической литературе с разных сторон разными авторами разрабатывался ряд направлений, которые, с одной стороны, ревизуют, с другой — уточняют теорию социально-экономических формаций. Генеральная линия этих ревизий и уточнений — мы здесь оставляем в стороне рассмотрение взглядов ученых, вообще отбрасывающих эту теорию как в принципе несостоятельную, — по-видимому, сводится к отрицанию рабовладения как самостоятельной стадии исторического развития человечества. Одни авторы рассуждают о единой добуржуазной эксплуататорской стадии (формации), которая приходит на смену первобытно-общинному строю. Другие говорят о «большой феодальной формации».

Разумеется, позитивная характеристика этих стадий у разных авторов не совпадает во всех своих параметрах. Что касается негативной характеристики, т. е. отрицания рабовладения как особой самостоятельной стадии, предшествовавшей феодализму, то в этом критики Марксовой «пятичленки», по-видимому, едины.

Смею думать, что мой подход к так называемой пятичленной схеме стадийного развития человеческих обществ отличен от всего, что до сих пор высказывалось у нас на этот счет. Внимательное чтение соответствующих работ основоположников (например, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса) довольно давно привело меня к заключению, которое в сегодняшних условиях раскрепощения мысли еще более окрепло. Речь идет о том, что, как это я понимаю, Маркс и Энгельс вместе или вслед один за другим, говоря о формационной теории, имели в виду историко-логические схемы. Последние вовсе не обязательно должны воплотиться с неотвратимостью, например противостояния планет, в историческую реальность и тем более повсюду. С этой точки зрения, т. е. как историко-логическая категория, рабовладельческая стадия мыслима в качестве формациеобразующей. Но это же и означает, что она не неизбежно должна развиться в формациеобразующую. То же следует отнести и к другой добуржуазной формации в Марксовом понимании — феодальной.

Более того, и это, несомненно, никогда не было секретом и для творцов формационной теории, на практике рабовладение встречается на всем протяжении с момента его появления в истории (и еще никто не установил, когда оно появилось!).

Логически же формационное различие, т. е. различие соотношения между производительными силами и производственными отношениями, в частности между рабовладельческим и феодальными способами производства, вполне определимо. Собственно, в этом состоит ограниченность и известная условность формационной теории, как, впрочем, и культурно-цивилизационного подхода.

Более того, кроме здесь названных двух, возможно предложить и иные точки отсчета истории социумов, которые не сводимы ни к теории формаций, ни к цивилизационной теории. К примеру, вполне возможно, обозревая историю человеческих сообществ, положить в основу их развития принцип выживания, или защиты лицом сначала (и наряду с) вызовом враждебной природы, затем, по мере совершенствования оборонительных и наступательных орудий, в борьбе против враждебных племен и, наконец, современных государств. А в современных условиях необходимость всемирной интеграции встает, как бетховенская Судьба, перед лицом ядерного уничтожения и (или) СПИДа. На какой-то стадии принцип выживания сочетается с экономическим формационным и не противоречит культурно-цивилизационному. Во всяком случае, на самых ранних ступенях человеческих сообществ защита от враждебного воздействия природы (нападения хищников, стихия и т. п.) и соседних стад-племен была не менее, а скорее более настоятельной потребностью, нежели добыча и собирание пропитания (поскольку эту последнюю функцию, очевидно, выполнять было легче, пока «подножный корм» находился в сравнительном изобилии, а воздуха хватало, чтобы дышать, не задумываясь).

Таким образом, как представляется, о формационной теории следует говорить как об одном из важнейших подходов, вскрывающих самые общие закономерности истории наряду с другими. Абсолютизация и соответственно догматическое окостенение этой теории, очевидно, превратили ее в тупой познания истории. Так же, впрочем, как и современные попытки вообще не считаться с ней чреватые тем же результатом. В таком контексте целесообразно обратиться к так называемому азиатскому способу производства.

Маркс говорит в своем наиболее тщательно разработанном сочинении, из которого, собственно, вырастает мощное здание марксистской экономической теории, в «Капитале», следующее: «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»¹.

Собственно, в этих словах сформулирована суть АСП, как его понимал К. Маркс и как его в последующем стали трактовать исследователи-марксисты, а также те, кто не был согласен с марксистской философией истории. При этом, как правило, подчеркивалось положение о том, что АСП обязательно зиждется на экономическом основании государственной собственности на землю. В частности, до сего дня противники распространения его на древний Китай как главный аргумент выставляют утверждение о наличии в Китае со времен седой древности частной, а не государственной собственности на землю.

Вторым по важности моментом трактовки АСП является отнесение его реально (или предположительного) существования к ранним периодам истории, даже по времени в дорабовладельческий период. Наличие же «азиатских черт» в последующие эпохи рассматривается как пережитки, остатки и т. п.²

Нам представляется, однако, что основополагающей характеристикой АСП является не наличие либо отсутствие частной собственности на землю, понимаемое по-европейски, с позиций буржуазного гражданского общества уже в древних обществах, а решающая роль государства как регулятора и в определенных пределах, достаточно, впрочем, широких, организатора производства³. Дело в том, однако, что в условиях восточных деспотий институт частной собственности на землю имел, так сказать, относительный характер. По крайней мере история поземельных отношений в древнем и средневековом Китае свидетельствует об этом. Другими словами, центральная власть, представленная мощным бюрократическим аппаратом во главе с императором, практически всегда оказывалась сильнее частной собственности, и последняя не могла ей эффективно противостоять как ограничивающая «ее произвол» по отношению к собственности сила.

Если принять во внимание сказанное, то АСП предстает в первую голову как форма существования общества и функционирования в нем производства, непосредственно направляемого и регулируемого всевластным государством, т. е. государственной бюрократией. И таким образом, АСП является наиболее четким выражением не экономического, вернее, в первую очередь не экономического, а общественно-политического подхода к периодизации истории. Очевидно, поэтому АСП «выпал» из пятиточечной формационной схемы.

Китай на протяжении тысячелетий своей истории неоднократно представлял собой как высокоцентрализованную империю, зиждившуюся на строго иерархизированной структуре власти, так и систему удельных княжеств, постоянно вступающих в политические и военные, мирные и враждебные отношения друг с другом. Однако в периоды даже самых ожесточенных распрей жители «Поднебесной» оставались таковыми, т. е. ощущали себя единым этносом, народом, живущим по определенным нравственным законам с единой исторической судьбой.

Если в периоды раздробленности император, например в длительную Чжоускую эпоху, был лишь номинальным олицетворением этнокультурного единства, а в иные времена вообще единого, одного для всех, пусть номинального, императора и вовсе не было, то в эпохи Единства закон, сформулированный жившим в IV в. до н. э. Гунсунь Яном (он же Шан Ян), «Государство сильно, если народ слаб», полагался в основу политического и социально-экономического управления. Неважно, делалось это сознательно и целеустремленно, следуя учению Шан Яна, или как бы по инерции, так сказать, само собой. Важно то, что этот закон или эта формула Шан Яна

обобщили практику и опыт долгих столетий исторического существования китайской цивилизации в области управления обществом.

Суть этого универсального положения можно кратко интерпретировать следующим образом: власть полностью сосредоточивается в руках верховного правителя и является абсолютной и неделимой. Он, и только он, делегирует ее в определенных частях своим представителям на местах. Последние подотчетны только высшим звеньям иерархии и перед управляемыми несут лишь моральную ответственность, т. е. в идеале «должны быть честными и неподкупными». Это — сильное государство.

Беспрепятственное и неограниченное торжество абсолютной власти, так же как ее эффективное функционирование, возможно лишь в условиях полной зависимости от нее населения, простолюдинов, или народа. Простолюдины, таким образом, должны быть лишены всякой предпринимательской инициативы и, насколько возможно, — прав собственности⁴.

Ни соляные копи, ни железные рудники не могли быть отданы в частные руки, в крайнем случае — только в откуп под контролем государства. Даже сосредоточение в руках частных лиц «чрезмерно больших» массивов земель нередко становилось в истории поводом жесткой монаршей опалы. А морально с конфуцианских позиций — осуждалось всегда, так же как торгашество и т. п. «безнравственная» деятельность⁵. Очевидно, этим следует объяснить отсутствие в китайском обществе на протяжении всей его истории института майората.

Все эти черты АСП создавали социально-экономический строй, который может быть охарактеризован с определенными оговорками (в части «общинного», а не частного землевладения) как примитивный государственно-феодалный социализм. Важнейшей чертой такого строя является почти полное отсутствие разделения труда, и, соответственно, его экономической базой является деревенское натуральное хозяйство. И нет сильных внутренних побуждений развития, поскольку диалектическая противоположность между трудом и собственностью, оформившаяся или по меньшей мере имеющая тенденцию к оформлению в виде капитала, в подобных условиях отсутствует. Государство же как общий регулятор производства постоянно и целенаправленно препятствует оформлению самостоятельно формирующегося капитала⁶.

Если согласиться с указанием К. Маркса на то, что «обе эти формы» являются «детскими формами», тогда, конечно, так называемый АСП останется достоянием далекой исторической эпохи «первобытного коммунизма». Однако, принимая во внимание «производственно-регулирующую» роль государства, возникшего на базе строя «первобытного коммунизма», придется признать, что детство данной формы растянулось на тысячелетия и без юности и расцвета прямо перешло в старческий возраст унылого застоя.

Дело в том, что социальные и государственные образования такого рода в силу именно сложившегося крайне медленного и постоянно сдерживаемого государством разделения труда в отличие от стремительно-динамичного общества западного типа развиваются крайне медленно. Настолько медленно, что, кажется, в исторически обозримый период они якобы совсем не эволюционируют. Это, кстати сказать, еще в 1914 г. отмечал и В. И. Ленин, указывавший, что государственный строй «азиатского деспотизма», как «всем известно», «обладает очень большой прочностью в тех случаях, когда в экономике данной страны преобладают совершенно патриархальные, докапиталистические черты и ничтожное развитие товарного хозяйства и классовой дифференциации»⁷.

Более того, говоря о Китае, многие исследователи характеризовали общественный строй этой страны, особенно в императорский период, как самодостаточный⁸, или не нуждающийся в поддержке извне и не зависящий от нее. И лишь столкновение с динамичными внешними факторами, в болезненное соприкосновение с которыми он вошел в 40-е годы XIX в., подорвало его социальную и политическую устойчивость.

Впечатление неподвижности китайского общества как бы многократно усиливается и находит подтверждение в культурно-цивилизационном аспекте. Так, если произведения античных и средневековых авторов, особенно общественно-научного содержания, в Европе по мере хода исторического времени превращались в «памятники культуры», то в Китае веками древние философские трактаты, многие из которых насчитывают не одну тысячу лет, вплоть до сего дня являются, так сказать, современной литературой и как таковая все эти сотни и тысячи лет служили инструментом непосредствен-

ного культурно-философского воздействия.

Столкновение с Западом в середине XIX в. и далее как бы образовало гремучую смесь, смертельно опасную для его «неподвижного состояния». Однако разрушительного единовременного взрыва не произошло, и ввиду громадности Китая, и в силу недостаточно глубокого проникновения чуждых влияний в китайскую социальную и цивилизационную толщу. Но в результате столетней борьбы и мучительных перемен в итоге народная революция положила конец немощи страны и ликвидировала угрозу иностранного порабощения, под которой Китай жил в течение столетия, предшествовавшего ей. Революция вновь, правда, в сильно модифицированной форме под знаменем коммунистического идеала воссоздала, может быть, наиболее эффективную и самую абсолютистскую центральную власть, которая когда-либо существовала в истории этой страны (сравнимую разве что с временем Цин Шихуана). При этом «слабость» народа была доведена до абсолютно возможного или даже мыслимого уровня.

Выражением этого крайнего состояния «слабости народа», пользуясь языком Гунсунь Яна, явились так называемые народные коммуны образца 1958 г. Говоря о народных коммунах, следует констатировать, что движение по пути к их созданию уже на базе никак не модифицированной общественной (коллективной), на деле — чисто казенной, государственной, собственности на землю, было результатом не только специфических внутрикитайских условий, сочетания традиций и определенного менталитета вождей и т. д., но и международных. Административно-централистская система в Советском Союзе, перенесенная в Китай с первого же момента установления активного сотрудничества наших стран в конце 1949 г., как бы добила зачатки иной социальной организации, пришедшей в Китай начиная с конца XIX столетия, когда в нем стали складываться буржуазно-капиталистические отношения. И хотя им противостояла мощная традиция, поддержанная и Сунь Ятсеном и Чан Кайши на протяжении нескольких десятилетий до революции 1949 г., она все же медленно, но утверждалась в приморских, наиболее развитых регионах страны.

В этой точке — провозглашение верности следования коммунистическому идеалу и доктрине научного социализма — революция свела воедино многовековую традицию «государственно-феодального социализма» и образец «нового справедливого социалистического общества», успешно построенного в Советском Союзе, показавшем себя несокрушимой державой во второй мировой войне и тем самым неопровержимо продемонстрировавшем превосходство своего социального строя над «загнивающим капитализмом». Очевидно, именно так представлялась ситуация в начале пятидесятих годов.

Итак, завершением «возврата в эпоху феодально-государственного социализма» было прямое насильственное насаждение государством как организатором социальной и хозяйственной жизни института народных коммун. В коммуне практически полностью восстанавливались патриархальные производственно-экономические отношения, к тому же в казарменно-военизированной форме. Всякое подобие собственности частных лиц вплоть до личной собственности на множество непроизводственных объектов владения и пользования упразднены. Производственной базой «коммунистического строя» стал почти стопроцентный ручной труд. Ручной труд господствовал не только в сельскохозяйственном производстве, но и в изготовлении изделий, бывших в Китае уже достаточно давно продуктами современной промышленности. В частности, это относится к металлургии и машиностроению, к транспорту⁹.

И если попытаться найти наиболее представительную форму государственно-феодального социализма, базирующегося на Марксовом понимании АСП, то она, несомненно, будет открыта не в седой древности и даже не в Голландской Индии или на Яве XIX в., а в народной коммуне КНР образца лета 1958 г.

Подчеркивая и учитывая решающую роль государства, абсолютистского авторитарного государства, в формировании государственно-феодального по своей природе социума, полезно вернуться в сжатом виде к рассмотрению вопроса о государстве вообще. И здесь мы обнаруживаем, что надо говорить не о государстве как продукте непримиримости классовых противоречий (Ленин В. И., ПСС.— Т. 33.— с. 7) органе классового господства, а, во всяком случае, о двух возможных типах государства, в том числе о «продукте непримиримости противоречий» как об одном из них. Может быть, это наиболее типично для обществ европейского типа. И о втором — государстве, возникшем на родоплеменной основе до возникновения выраженных классов-антагонистов. Например, из военной организации племенного союза, назначение которой — завоева-

ние экономического пространства и (или) обеспечение безопасности входящих в союз родов и даже племен. В этом втором случае, по-видимому, больше характерном для Востока, господствующим классом становится в силу своего положения в сформировавшемся в нем или формирующемся союзе — а это длительный процесс — военная или военно-административная верхушка родо-племенных вождей. Источником их материального богатства-благополучия является не только и даже не столько принадлежащая им собственность, включая, к примеру, пастбищные угодья, а сила самого государства-союза. В конце концов мыслима трансформация последнего типа государственного образования в некий гибрид с первым. Но характерные черты государства как орудия непосредственной организации распределения и частично также организации производства, скажем, ирригационных работ остаются в таком случае преобладающими¹⁶.

Кризис административно-командной модели социализма, пожалуй, раньше чем в других социалистических странах — в современной волне ее кризиса — проявился в Китае. Почему так вышло — интересная тема для исследования, которая заслуживает отдельного анализа. Здесь уместно лишь указать на такие факторы, как форсирование массового кооперирования в 1955—1956 годах в деревне, как еще более ускороенное массовое «преобразование» частной и так называемой промышленности госкапиталистического и кооперативно-промышленного секторов экономики в 1956—1957 годах в государственную. Все это, разрушив или нарушив существовавшие горизонтальные связи в системе народного хозяйства, неотвратимо вело к дальнейшему упрочению чисто административной системы в масштабах народного хозяйства в форме народных коммун.

Для преодоления кризиса после 1978 г. были предприняты решительные экономические реформы в деревне, где кризис был наиболее очевиден, наиболее опасен и потому дальше совершенно нетерпим. Общее направление реформ состояло в демонтаже системы сельских производственных бригад. Производственные бригады по своим социально-экономическим характеристикам близки к советским колхозам. Они, как и колхозы, существуют на принадлежащей им формально земле, а фактически на земле государственной. (В скобках не лишне еще раз заметить, что в условиях АСП, в его первоначальном виде или в таком, каким он предстает сегодня, государство никак не ограничивается в своем реальном командовании производством и распределением какой бы то ни было формальной природой собственности на землю. Ни провозглашенная частная, ни коллективная, никакая другая ее форма не может ограничить его непосредственного вмешательства в производственные и распределительные отношения, его произвол). Производственные бригады до 1985 г. продолжали быть заключенными в административную оболочку народных коммун. Последние, будучи местными административно-властными органами, продолжали распоряжаться или курировали занятия и предприятия сельских промыслов и местных деревенских и коммунальных предприятий. Будучи надстройкой над группами сельских производственных бригад, наделенные при этом большой административной и немалой производственной властью, коммуны могли при определенных условиях вновь поглотить те ограниченные экономические права, которые в силу обстоятельств правящий слой был вынужден после кризиса начала 60-х годов оставить за производственными бригадами.

Подчеркивая свою твердую приверженность преобразованиям форм собственности в деревне — отказ от фактической госсобственности на землю в пользу коллективной или условно-индивидуальной, при которой распоряжающееся землей крестьянское хозяйство не может ее продать, — китайские власти в 1984—1985 годах полностью демонтировали, теперь и формально, народные коммуны. Собственно, была восстановлена прежняя волостная административная система. А местная промышленность и сельские промыслы в зависимости от масштабов, характера деятельности и состава работающих перешли в распоряжение коллективов работников, отдельных хозяев или арендаторов.

В результате реформы в области собственно сельского хозяйства в течение нескольких лет между 1979 и 1985 годами были демонтированы сельскохозяйственные производственные бригады сначала как производственные образования, а затем и как органы, контролирующие и регулирующие крестьянские аренды и подряды. В качестве таковых они были заменены народными комитетами. Это был фактический демонтаж навязанной китайскому крестьянству со второй половины 1950-х годов системы коллективных хозяйств.

Практический результат этого процесса деколлективизации сказался немедленно. Едва поспевавшее за темпами прироста населения сельскохозяйственное производ-

ство в Китае за этот короткий срок, высвободившись из оков коллективной уравнительности, совершило заметный рывок в области производства зерновых и некоторых технических культур.

Однако административная система централизованного хозяйственного руководства не была радикально преобразована, даже в деревне и для деревни. Участки земли под индивидуальную, или подворную обработку крестьяне получали на весьма ограниченный срок — сначала до пяти лет, затем вскоре на 15 лет, — что препятствовало их основному долговременному освоению, связанному с сравнительно крупными капиталовложениями самих крестьян в свое хозяйство. Это объяснялось и как прямой невыход годовой сравнительно больших капитальных затрат на землю, которая через несколько лет может перейти в другие руки, а также недостатком доверия к существующему социально-политическому порядку, т. е. общей непрочности положения, коль скоро разрешение на распоряжение землей дается на короткий срок и, следовательно, ничто не препятствует отобрать ее назад. Вместе с политикой относительно низких цен на главный сельскохозяйственный продукт китайского земледелия — зерно, эти причины привели к серьезному замедлению его роста в следующие пять лет. Правда, для объективности изложения здесь следует еще добавить, что китайское земледелие, основанное на преимущественно ручном труде и традиционной агротехнике, вряд ли могло давать заметно большие сборы на тех же площадях, чем было получено в 1984 г. И тем не менее урожаем 1989 г. показал, что все же резервы здесь еще имеются.

Еще менее последовательными оказались реформы в промышленном секторе, или, как говорят в Китае, в городе, городская реформа. Если сельское хозяйство сразу же откликнулось на перемены, особенно в первое пятилетие реформ, то город, где все сложнее и многообразнее, с большим трудом «поворачивался лицом к реформе». Как сообщила китайская партийная печать¹¹, решительного перехода от устоявшихся методов административного централизованного руководства даже через пять лет после принятия «Решения о реформе в области городской промышленности» (1984) и после десяти лет попыток поставить на рельсы экономических отношений промышленную систему не удалось. С 1989 г. реформа вообще резко замедлилась, или, как говорят у нас, забуксовала.

Причину потери темпа экономических реформ в Китае, на наш взгляд, говоря в самом общем виде, следует искать в том, что они от начала до конца проводятся почти исключительно сверху силами государственно-партийного аппарата.

План проведения таких реформ, собственно, исходил не из стратегии коренной замены государственно-монополистических производственных отношений (приватизация и т. д.), хотя было ясно, что без определенных преобразований в этой области (допущение частного, кооперативного и т. д. секторов в ограниченных масштабах в «неключевых» отраслях производства и особенно в распределении) не обойтись, а из необходимости поднять очень низкий жизненный уровень народа с помощью экономических реформ.

В этом плане можно определить три этапа. Этап достижения сытости («вэньбао»), на котором ставилась задача удовлетворительно на китайском уровне обеспечить население огромной страны продовольствием, жильем, одеждой, но прежде всего — продовольствием, чтобы исключить голод. (Эта задача в основном была решена, а этап пройден к 1984—1985 годам).

Второй — его начало должно было совпасть со вторым десятилетием реформ — этап «скромной зажиточности», или «умеренного достатка» (сяокан). И наконец, этап высокого жизненного уровня, или Общего согласия, Общей гармонии (датун), в соответствии с древней общественно-философской традицией. Достижение датун, очевидно, отождествлялось с «построением социализма» (к середине XXI в.).

Уже беглое перечисление намеченных задач свидетельствует об организованной направленности и централизованной управляемости процессом созидания общества «датун», о том, что прохождение всех этапов должно обеспечиваться руководством сверху, из единого центра.

Выдвинутое Дэн Сяопином при начале реформ в сельском хозяйстве положение о том, что в деревне «сначала одни делают богаче» (а другие, следуя их примеру, постепенно подтягиваются до их уровня), никак не противоречило этой патерналистской схеме осчастливливания народа властями. Пределы же «инициативного» обогащения пионеров новых производственных отношений в деревне оказались довольно узкими.

Об этом, в частности, свидетельствует весьма сдержанное отношение в китайской печати к так называемым большим, или богатым, и специализированным дворам, т. е. по преимуществу высокотоварным хозяйствам фермерского типа начиная уже с 1986 г.

Это можно интерпретировать так, что обогащение (в деревне) сначала одних, затем подтягивание в ходе конкурентного производства к их уровню других хозяйств и т. д. не есть поощрение создания фермерских хозяйств, а программа, которая рассчитана в интересах ускоренного достижения стадии зэнбао. После ее достижения (1984—1985), как говорилось, должно было идти направляемое планомерное сооружение сяокан и т. д. Только при такой логике движения реформы принцип — «государство остается сильным, если народ слаб» остается ненарушенным. Дело в том, что уровень «слабого народа», или «параметры его слабости» становятся несколько другими. Сама же по себе идея силы государства при слабости народа четко выражает развитие на базе авторитарности в условиях ведущей экономической роли государства.

Однако уже на рубеже 1984—1985 годов обнаружилась ограниченность чисто экономических программ выхода из кризиса. Встал во весь рост вопрос об осмыслении, или, может быть, переосмыслении социализма, а говоря проще, о том, «что такое социализм?». Вопрос решался с двух сторон. Освоением всего наследия марксизма-ленинизма, его классических текстов, при постоянно возрастающей критической проработке их, а также с опорой на вновь читаемых классиков, — теоретических положений реформ (проблемы собственности; горизонтальные связи в экономике в сопоставлении с связями по вертикали; проблемы рынка вообще и системы рынков; хозяйственность и демократизация; реформа цен; интеграция в мирохозяйственные связи и др.).

Другой стороной выступала сама практика структурных реформ в экономике, а выражаясь точнее, практика реформирования экономического строя во всех его звеньях. Последняя и питала теорию, и создавала новые проблемы.

Сложность и множественность проблем реформы, определенные откаты ее (например, вынужденное откладывание реформы цен и оздоровления всего механизма ценообразования, двойные цены и др.), неоднозначность ее промежуточных результатов с точки зрения влияния на благосостояние разных слоев и отрядов трудящихся — все это настоятельно требовало общей оценки состояния китайского общества, оценки, которая давала бы единую точку отсчета для дальнейшего продвижения вперед. Такой точкой отсчета стала на определенный момент концепция «первоначальной стадии социализма», на которой находится Ктйай, по мысли руководства КПК, и которая, считается, займет не менее 100 лет со дня революции, т. е. должна длиться по меньшей мере до середины XXI в.

Коротко концепция «первоначальной стадии», как я ее понимаю, исходила из представления о недостаточном или весьма слабом технико-экономическом развитии Китая, из наличия в стране производительных сил, на базе которых скорое внедрение непосредственно общественных, или социалистических, отношений как преобладающего социально-экономического уклада преждевременно. В социально-политической области соответственно весьма неразвита демократия, которая является адекватным выражением научно, в согласии с теорией марксизма, понимаемого социализма. Более того, в настоящее время главной проблемой в данной области является не столько опасность со стороны пробуржуазных сил, или «пережитки капитализма» в Китае, а весьма упорные как в укладе жизни, так и в сознании широких слоев остатки «феодализма» и старой «феодальной» и «дофеодальной» морали.

Таким образом, концепция «первоначальной стадии» признавала необходимым в сжатом временном отрезке пройти стадию свободной рыночной экономики, допускающей и предполагающей равноправное сосуществование многоукладности и, следовательно, разных форм собственности.

Практика реализации данной концепции сразу же обострила целый ряд социально-экономических проблем общества. Это и проблемы темпов развития, и права, и условия деятельности быстро набиравшего силу частного сектора, а также так называемого коллективного (на деле фактически другой формы частного) сектора, представленного, как упоминалось выше, в своей массе поселковой и сельской промышленностью и подсобными промыслами, и ряд других. По-новому актуализировалась проблема «соотношения плана и рынка», макро- и микроэкономических структур, постоянно и горячо обсуждаемая в китайской печати.

Все эти процессы объективно размывали концепцию «государство сильно, если народ слабый», одетую ныне в одежды «административного социализма». В стране неотвратимо нарастала волна политической демократизации, поскольку для многих становилось очевидным, что реформа не имеет перспективы без творческой самодеятельности низов. Быстрая политизация общества усиливалась традиционно сильным в Китае возмущением безнравственностью, разрастающейся коррупцией в официальной среде.

Однако процесс политизации общества, мощный импульс которому дала КПК, выходил, по мнению узкого круга лидеров, из-под разумного контроля. Помимо, так сказать, естественных опасений быть устраненными от руководства властными структурами, лидеры партии видели в «падении дисциплины» опасность децентрализации не только экономики. На это в известных пределах, и достаточно больших, они еще, очевидно, готовы были пойти, но не на изменение политико-административных структур, т. е. на снижение роли партии. В этом, возможно, просматривалась опасность и распада государства, что не раз бывало в недавней истории Китая. Говоря о принятых здесь терминах, произошло столкновение между устоявшимися старыми административно-командными структурами авторитарной системы власти и объективной необходимостью допущения формирования «сильного народа». Такого народа, который сам будет и уже теперь стремится определять историческое движение своей страны. Или, говоря словами древнего трактата, «будет своевольничать».

Столкновение с необходимостью допустить существование «сильного народа» как непреходящего момента успешного преодоления технико-экономической отсталости Китая вызвало кризис реформ, очевидно, уже с конца 1985 г., который четко выявился в столкновениях в верхушке власти (сентябрьская, 1985 г., партийная конференция КПК и решение об «урегулировании», которое она приняла; отстранение Генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана в 1987 г., отстранение Генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзыяна в 1989 г.), а также в вооруженном подавлении выступления молодежи в июне 1989 г. Создалась чрезвычайная ситуация, которая была оценена авторитарной властью как угроза распада страны.

Говоря, что оценка об «угрозе распада» (контрреволюции) происходила и, очевидно, до сего дня исходит от авторитарной властной структуры, следует иметь в виду, что речь идет не только об ее, этой структуры, опасениях потерять свою власть. Такая вероятность существует в современных условиях в Китае. Она вытекает из опасности возникновения неуправляемой ситуации ввиду огромной сложности сбалансированного да еще сравнительно форсированного развития экономики огромной, экономически слабо интегрированной страны, в которой очень большую долю составляет мелкое натуральное и слоботварное, или полунатуральное, хозяйство мелких крестьян и ремесленников, в которой даже внутренний обмен между соседними провинциями сталкивается с серьезными трудностями. Естественной гарантией «монолитного единства нации» в современных условиях, очевидно, с указанной точки зрения является высокоорганизованная и дисциплинированная КПК. Отсюда сделан выбор в пользу снижения темпов всех структурных реформ, включая экономические, ради приспособления их к медленной поступи политико-административных и в целом политических преобразований и изменений. Возник кризис структурных реформ. Консервативно-централистские силы, которые сегодня определяют линию развития страны, объявили об очередном этапе «урегулирования», т. е. наведения порядка, или приведения всех к единообразию и послушанию, чтобы затем под их руководством вступить в следующий этап преобразований.

Так цепок и живуч азиатский способ производства, пускай в его современном «социалистическом» издании. И его преодоление отнюдь не одноактное действие. Это — долгий и болезненный процесс борьбы и преобразований.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. — Изд. II. — Т. 25. — 4. II. — С. 354. — М., 1962.

² Впрочем, модификации «первобытного коммунизма» в современных условиях весьма однозначно выделял еще Ф. Энгельс: «Следовало бы кому-нибудь взять на себя труд разоблачить распространяющийся как зараза государственный социализм, воспользовавшись его образчиком на Яве, где он процветает на практике. ...Голландцы на основе древнего общинного коммунизма организовали производство на государственных началах и обеспечили людям вполне удобное, по своим понятиям, существование; результат: народ удерживают на ступени первобытной ограниченности, а в пользу голландской государственной казны поступает 70 млн. марок ежегодно (теперь, наверно, больше). ...Между прочим, это доказательство того, что первобытный комму-

низм на Яве, как в Индии и в России, образует в настоящее время великолепную и самую широкую основу для эксплуатации и деспотизма...»

(Письмо Ф. Энгельса К. Каутскому в Цюрих от 16 февраля 1884 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.— Изд. II.— Т. 36.— С. 96—97.— М., 1964.)

³ Конечно, если однозначно полагать, что государство образуется лишь и вследствие появления антагонистических классов, то данная постановка вопроса выглядит некорректной. Поскольку в нее не вписываются такие «чисто надстроечные» элементы, как государство.

⁴ «Когда народ слаб — государство сильное, когда государство сильное — народ слаб. Поэтому государство, идущее истинным путем, стремится ослабить народ. Если народ прост — [государство] сильное; ежели народ распушен — [государство] будет слабым. Если народ слаб, он бредет по указанному пути; если же он распушен, то он своеволен. Если [народ] слаб, то есть [возможность] использовать [его]; если же он своеволен, то становится сильным». (Книга правителя области Шан. М., 1968.— С. 219—220.)

⁵ В комментарии к предпоследней фразе переводчик и исследователь приведенного в предыдущем примечании отрывка трактата «Шанцзюнь шу» Л. С. Переломов приводит многозначительное указание из книги «История ранней династии Хань» («Цзяньхань шу») античного историка Бань Гу, который отмечал, что среди тех, кто не шел «по указанному пути», было много купцов (промышленников.— Г. С.), рыболовов и охотников. Их всех в конце династии Цинь (III в. до н. э.) государство сослало в одно место, в Наньян (очевидно, чтобы эффективнее контролировать их деятельность) // Там же.— С. 305.

⁶ «Первоначальное единство между работником и условиями труда имеет (мы не говорим об отношениях рабства, когда сам работник принадлежит к объективным условиям труда) две основные формы: азиатская община (первобытный коммунизм) и мелкое семейное землевладение (с которым связана домашняя промышленность) того или иного типа. Обе эти формы являются детскими формами, одинаково малопригодными для того, чтобы развивать труд как общественный труд и повышать производительную силу общественного труда. Отсюда необходима разведина, разрыва, противоположности между трудом и собственностью (под последней следует понимать собственность на условия производства). Самой крайней формой этого разрыва, при которой вместе с тем производительные силы общественного труда достигают самого мощного развития, является форма капитала».

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.— Изд. II.— Т. 26.— Ч. III // Теории прибавочной стоимости.— Т. IV «Капитала».— М., 1964.— С. 438—439.)

⁷ Ленин В. И. ПСС.— Т. 25.— С. 266—267.

⁸ См., в частности: Д. Барнетт. Китай и мировое хозяйство.— Нью-Йорк — Лондон, 1982 (на англ. яз.).

⁹ На теоретическом и пропагандистско-публицистическом уровне значение современной машинной техники также широко принималось. Провозглашалось, например, что множество людей, подобно муравьям, грызущим кость, своими руками в состоянии заменить любой механизм.

¹⁰ Кстати говоря, государство второго типа весьма устойчиво — вплоть до сего дня! И тезис о его отмирании (см.: Ленин В. И. ПСС.— Т. 33.— С. 22) как добровольном или самом собой разумеющемся процессе в определенных условиях (переход к «высшей фазе коммунизма») сомнителен (что, кстати, подметил Сталин и что не так уж неверно вопреки утверждению автора статьи в «Коммунисте» Н. Симонова «Размышления о поометках Сталина на полях марксистской литературы» // Коммунист.— 1990.— № 18.— С. 72. «Люди привыкнув к соблюдению элементарных условий общности без насилия, без подчинения»,— утверждает В. И. Ленин (ПСС.— Т. 33.— С. 83). Слабость этого благородного тезиса, очевидно, заключается в полном игнорировании человеческой природы. Известно, что классики марксизма отдавали приоритет так называемой классовой природе людей, а фактически на деле подчеркивали решающую важность лишь этой «природы». И от нее проецировали обратную связь, как мы сказали бы сегодня, на отдельного человека (и сколько крови пролило на путях революций от России до Камбоджи по этой причине!). Тогда как классовая природа, если оставаться на материалистической почве, должна в конечном счете выводиться из природы человека как противоречивого существа, являющегося и частью коллектива — рода и т. д., и самостоятельным независимым, точнее сказать, автономным индивидом, наделенным способностью выбора (индивидуальная свобода). Вот это противоречивое сочетание зависимости — свободы лежит в основе человеческой природы. Как на этой базе люди, их определенные большие группы приобретают классовые черты, или «классовую природу»,— это специальный разговор.

В связи с громадным ростом производительности труда, достигнутым крупной капиталистической промышленностью, возникают материальные предпосылки для уничтожения классов (или изживания классового общества) в марксистском понимании этого феномена. Существование господства какого бы то ни было политического эксплуататорского класса становится излишним. Вот здесь ленинизм настаивает на насильственном уничтожении классового антагонизма через диктатуру пролетариата. А от последней полагает избавиться мирным путем, даже автоматически!

¹¹ См., например, журнал «Цюйши».— 1989.— № 7.

ХАК ЧЖУН КИМ

Встреча на высшем уровне Президента СССР М. С. Горбачева и президента Республики Корея Ро Дэ У в Сан-Франциско 4 июня 1989 г. стала поворотным пунктом в истории международных отношений в Азии последнего десятилетия XX века. За несколько часов встречи прежние отношения между Советским Союзом и Республикой Корея, характеризовавшиеся враждебностью и отсутствием дипломатических контактов, претерпели радикальные изменения. Руководители двух стран обсудили проблемы мира и стабильности в Северо-Восточной Азии, обменялись мнениями о перспективах примирения и снижения напряженности на Корейском полуострове.

30 сентября 1990 г., всего через четыре месяца после июньской встречи на высшем уровне, Республика Корея и Советский Союз установили дипломатические отношения. В настоящее время абсолютно ясно, что советско-южнокорейские отношения приобрели совершенно новый характер, и это уже начало оказывать значительное влияние на весь Корейский полуостров. Визит президента Ро Дэ У в Москву 13—16 декабря 1990 года, т. е. гораздо ранее ожидаемого срока, доказывает, что между двумя странами ускоренными темпами развиваются прочные зрелые отношения.

До 70-х годов правительства Южной Кореи не проявляли стремления к улучшению отношений с Советским Союзом. Южная Корея оставалась сторонним наблюдателем за прогрессом в усилиях Соединенных Штатов, направленных на снижение напряженности в мире, в частности, подписанием договора ОСВ-1 с Советским Союзом, ослаблением прежней конфронтации в отношениях с Китаем. В то же время правительство Южной Кореи, которое в своей внешней политике практически неотступно следовало курсу Соединенных Штатов, уже тогда сознавало необходимость продемонстрировать Китаю и Советскому Союзу свою готовность изучить возможность улучшения отношений с этими странами. Однако предпринятые в то время корейским правительством внешнеполитические инициативы, направленные на сближение с Советским Союзом, были безрезультатными. Это объясняется по меньшей мере четырьмя причинами.

Во-первых, после вторжения СССР в Афганистан в 1979 году американо-советские отношения обострились, а в мировой политике наблюдался возврат к «холодной войне». Атмосфера «холодной войны», разумеется, оказала свое воздействие и на советско-южнокорейские отношения. Во-вторых, у власти в СССР в то время находилось поколение, которое либо непосредственно участвовало в революции, либо находилось под сильнейшим воздействием идей 1917 года. Это поколение руководителей привыкло мыслить категориями «холодной войны» и нередко демонстрировало крайне доктринерские подходы в своей политике. Кроме того, ввиду своего преклонного возраста, советские руководители продолжали смотреть на Южную Корею только как на «колонию американского империализма» и были просто не в состоянии позитивно реагировать на какие бы то ни

Хакчжун Ким окончил Сеульский Национальный университет в 1965 году, где в 1969 году получил степень магистра. В 1970—1972 гг. обучался в университетах США, получил степень магистра в Кентском университете в 1970 г. и докторскую степень в Питсбургском университете в 1972 г. Был научным сотрудником в Калифорнийском университете (Беркли), профессором Токийского университета в 1983—1984 гг., а также научным стипендиантом Гумбольдта в Мюнхенском университете и в Венском университете в 1988—1989 гг. В 1985—1988 гг. д-р Хакчжун Ким избирался членом Национального Ассамблеи Южной Кореи. В период с 1973 по 1989 год был председателем и профессором факультета политических наук Сеульского Национального университета. В настоящее время д-р Хакчжун Ким — главный помощник президента Республики Корея по политическим вопросам.

было инициативы правительства Южной Кореи. В-третьих, правительство Северной Кореи, обеспокоенное перспективой улучшения отношений между Советским Союзом и Югом, в любую минуту было готово выступить в качестве тормозящей силы. Север то и дело твердил о том, что окружающие Корейский полуостров сверхдержавы стремятся узаконить раздел полуострова и «...маневрируют с целью создания двух Корей». Подобные заявления предполагали и участие Советского Союза в «заговоре о расколе». К такому давлению со стороны Севера, можно добавить и то, что Северная Корея заключила соглашение с Китаем, с которым у СССР в то время были весьма натянутые отношения. В-четвертых, прогресс в советско-южнокорейских отношениях не мог состояться еще и потому, что в то время как Северная Корея демонстрировала столь сильное неприятие такого прогресса, а Китай критиковал СССР за участие в «империалистическом заговоре по созданию двух Корей», сам Советский Союз просто не видел для себя никаких выгод в улучшении отношений с Югом.

Начиная с марта 1985 года, с формированием системы Горбачева, наблюдается неуклонное оздоровление международной обстановки в целом, способствующее прогрессу и в советско-южнокорейских отношениях. Новое поколение советского руководства исходит в своей политике из общемировых принципов прагматизма и антидоктринизма. Такое «новое политическое мышление» составляет основу философии перестройки и гласности Горбачева. Советские политологи разъясняют, что новое политическое мышление исходит из признания взаимозависимости всех стран мира и приоритета общечеловеческих целей (первая из которых — выживание человечества) над классовыми, национальными, религиозными и другими интересами. Оно предполагает приоритет общечеловеческих ценностей и, следовательно, деидеологизацию международных отношений.

При анализе конкретного значения высказываний советских специалистов можно, во-первых, предположить, что они предусматривают переосмысление и роли Соединенных Штатов, и советско-американских отношений. Если СССР действительно готов отказаться от прежнего подхода к США как к «...империалистической стране, намеревающейся спровоцировать войну с Советским Союзом», то, следовательно, СССР действительно готов обсуждать с Соединенными Штатами с реалистических позиций любые вопросы, начиная с проблемы сокращения советских вооружений. Если это действительно так, то советско-американские отношения вошли в период «новой разрядки» которая, по всей видимости, окажется гораздо более продолжительной, чем разрядка первой половины 70-х годов.

Во-вторых, перестройка отношений между СССР и США повлекла за собой изменение политики СССР в отношении социалистических стран. Теперь СССР признает, что разнообразие путей развития — это реальность международного коммунистического движения.

В-третьих, дипломатические методы решения международных проблем являются куда более привлекательной альтернативой, чем военные. В СССР стали придавать огромное значение компромиссам, достигаемым на основе баланса интересов и с учетом позиций всех участвующих в конфликте сторон. Это означает снижение акцента на роли военных сил в проведении внешней политики. Следствием этого стала инициатива Горбачева, направленная на контролируемое сокращение ядерных и обычных сил в Европе.

В-четвертых, «новое политическое мышление» придает гораздо большее значение экономическим отношениям со странами Запада. Следует отметить, что Горбачев прочно увязывает развитие внешнеэкономических связей СССР с перестройкой внутренней экономической системы. СССР вплотную подошел к осознанию невозможности получения западных капиталов и технологий без изменения экономической структуры внутри страны. Наряду с демилитаризацией советской внешней политики, акцент на экономических факторах подвел Советский Союз к необходимости при рассмотрении международных и мировых вопросов уделять больше внимания их экономическим аспектам.

Наиболее ярко советская внешняя политика, основанная на новом мышлении, проявилась в Европе, что стало очевидным в 1988 году, когда европейские страны подписали Венскую конвенцию. В Европе была создана атмосфера примирения и сотрудничества, и диалог между политическими лидерами СССР и стран Запада приобрел невиданную доселе интенсивность.

Влияние «нового политического мышления» стало проявляться и в Восточной Азии, что особенно наглядно продемонстрировали выступления Михаила Горбачева во Владивостоке (1986) и Красноярске (1988). Советский лидер, указав, что СССР является азиат-

ско-тихоокеанской державой, имеющей важные интересы в регионе, четко заявил, что Дальний Восток стал занимать главное место в советских внешнеполитических расчетах, знаменуя перемену акцентов от европейского направления. СССР, как представляется, и впредь намерен подходить к решению важных проблем в Восточной Азии с реалистических, деидеологизированных и прагматических позиций. Новые дипломатические инициативы принесли свои плоды: налицо вывод советских сил из Афганистана и Вьетнама, нормализация отношений с Китаем и явное стремление СССР улучшить отношения с Японией. Кроме того, СССР предпринял смелую попытку «открыть двери» Сибири и Дальнего Востока и расширить экономическое взаимодействие со странами АТР.

По мере реализации политики «нового мышления» она начинает захватывать и Корейский полуостров. Советские аналитики считают, что инициативы СССР, высказанные во Владивостоке и Красноярске, на практике означают провозглашение новых философских принципов подхода к региональному конфликту в Корее, признание реальности наличия на юге полуострова мощного государства, имеющего собственный политический вес в азиатско-тихоокеанском сообществе.

Здесь представляется полезным рассмотреть, что именно обусловило изменение советского подхода к Южной Корее. Наиболее важная причина такого сдвига уже называлась: изменение советских представлений о всем комплексе международных отношений, в том числе отношений с Соединенными Штатами. Только в таком, более широком контексте можно понять новые подходы СССР к Южной Корее. В этой связи следует учесть, что Горбачев высказал понимание причин военного присутствия США в Корее. В ходе визита в Вашингтон в июне 1990 г. он заявил, что американское военное присутствие в Европе является одним из элементов «стратегической ситуации в регионе и в этом смысле не создает каких-либо проблем для Советского Союза». Ту же логику применяет Советский Союз и к ситуации на Корейском полуострове, что проявляется в ряде публикаций советских политологов в последнее время. Прямо, например, указывается, что стабильность в отношениях между США и Южной Кореей благоприятствует развитию отношений между Южной Кореей и СССР.

С другой стороны, Советский Союз должен всячески приветствовать существенные перемены в американо-южнокорейских отношениях последних лет. По сути, от состояния зависимости, сохранявшегося до 60-х годов, эти отношения перешли к партнерству. Теперь уже можно говорить о взаимном влиянии сторон, каждая из которых имеет свои рычаги воздействия на партнера. Кроме того, рост антиамериканизма в Южной Корее свидетельствует о том, что определенные круги южнокорейского общества выступают за полную независимость в отношениях с США.

Как указывалось выше, темпы и масштабы развития Южной Кореи послужили одной из наиболее важных причин изменения советского подхода к этой стране. Разумеется, в данном случае имеется в виду прежде всего экономическое развитие Кореи.

Высоко оценивая экономический потенциал Южной Кореи, Советский Союз, по всей видимости, всерьез намеревается установить с ней партнерские отношения. Такие идеи были, в частности, высказаны в редакционной статье авторитетного московского еженедельника «Новое время»: «Южная Корея может стать для СССР столь же важным экономическим партнером, каким Япония была для Китая в 1970-х годах». Аналогичного мнения придерживается и советский эксперт по Корее: «При растущей интернационализации экономической жизни в АТР развитие двусторонних экономических связей между СССР и Южной Кореей становится естественным и логическим процессом».

Среди других факторов, повлиявших на новое восприятие Южной Кореи в СССР, советские специалисты называют «успех Сеульской Олимпиады 1988 года, демократизацию южнокорейского общества, политические инициативы, выдвинутые президентом Ро Дэ У 7 июля 1988 года, а также на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН». Указывается, что «все эти факторы изменили политический имидж Южной Кореи. Сеул показателен миру, что является экономическим и политическим партнером, с которым надо не бороться, а сотрудничать».

В этой связи следует подчеркнуть, что переход к демократии в Южной Корее произвел огромное впечатление в Советском Союзе. По мнению одного из советских специалистов по Корее, «президентские выборы в Южной Корее в 1987 году, проведенные на основе конституционной процедуры и мирной передачи власти, удалили моральные препятствия к развитию отношений между двумя странами. ... Важно отметить, что переход от авторитарного режима к закладыванию прочных основ демократической системы в

Корею вызывает повышенный интерес в Советском Союзе, ибо наша страна занимается аналогичной задачей демонтажа административно-бюрократической модели и перехода к плюралистичному обществу».

Это мнение разделяет и южнокорейский специалист по Советскому Союзу: «Внутриполитические изменения в направлении демократизации, начатые в 1987 году, способствовали еще более реалистичному подходу к Южной Корее и ситуации на Корейском полуострове. Если бы на фоне экономического развития Кореи у СССР появилась бы возможность расширения экономических контактов с Югом, Советский Союз рассматривал бы политические изменения как источник своей более автономной политики в отношении Южной Кореи».

Советские специалисты, как было показано выше, уже высказывали свои оценки политических инициатив президента Ро Дэ У. Однако эти инициативы можно оценить и в более широком контексте всей «северной политики», которая стала главной отличительной чертой Шестой республики. Как уже отмечалось, «северная политика» — один из главных новых элементов нынешней «политической таблицы» Южной Кореи, которая, по общему мнению, и послужила отправной точкой для улучшения отношения между Южной Кореей и СССР. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть эволюцию «северной политики», выдвинутой новой администрацией, пришедшей к власти 5 февраля 1988 года.

В своей инаугурационной речи президент Ро обещал проводить энергичную политику в отношении социалистических стран. По его мнению, «улучшение отношений со странами, чья идеология и социальная система отличны от наших, будет способствовать стабильности, миру и всеобщему процветанию в Восточной Азии».

Эти идеи получили дальнейшее развитие в «Специальной декларации в интересах национального самоутверждения, объединения и процветания» от 7 июля 1988 г., в которой президент Ро провозгласил, что «в настоящее время мир вступает в эру примирения и сотрудничества, которые не зависят от различий в идеологии и политических системах», и высказал намерение «продолжать добиваться улучшения отношений с Советским Союзом, Китаем и другими социалистическими странами». В то же время он подчеркнул, что будет «предпринимать усилия для открытия новой эры национального самоутверждения, объединения и процветания путем создания социального, культурного, экономического и политического пространства, в котором на основе принципов независимости, мира, демократии и благосостояния смогут жить и работать все члены корейского общества». Президент также заявил о своем стремлении «содействовать усилиям Северной Кореи, направленным на улучшение отношений с дружественными нам странами, в том числе США и Японией» в целях создания атмосферы, ведущей к установлению прочного мира на Корейском полуострове.

В Советском Союзе позитивно восприняли «Декларацию 7 июля». Советские специалисты называли ее «переходом политики Сеула к большей взвешенности». Два месяца спустя, выступая с важной речью в Красноярске, Горбачев заявил о возможности и желательности экономического сотрудничества между Советским Союзом и Южной Кореей. Более того, он предложил начать многостороннее обсуждение вопроса о снижении уровня военной конфронтации в регионах, примыкающих к побережью СССР, Китая, Японии, Северной и Южной Кореи. Представитель МИД Южной Кореи отметил «конструктивный характер» советской инициативы, и заявил, что его правительство уделяет ей особое внимание. В свою очередь, советские специалисты отмечали «значительный отклик в Южной Корее на речь Михаила Горбачева в Красноярске, которая была признана шагом вперед к созданию новой атмосферы в Северо-Восточной Азии».

Идеи «северной политики» президента Ро Дэ У получили дальнейшее развитие в его выступлении на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 18 октября 1988 года. Президент Республики Корея предложил созвать «консультативную мирную конференцию с участием США, СССР, КНР и Японии, а также Северной и Южной Кореи, что позволит заложить твердый фундамент прочного мира и процветания в Северо-Восточной Азии».

В Советском Союзе приветствовали предложение президента Ро как «отклик на новую советскую инициативу». По мнению советских специалистов, «создание механизма консультаций, при согласии всех заинтересованных сторон, для обсуждения этих проблем может сыграть позитивную роль в укреплении климата доверия и диалога в регионе». Более того, было признано соответствие этого предложения «сформулированной в Красноярске советской идее о проведении многосторонних консультаций по вопросам

контроля над вооружениями и сокращения военной деятельности в районе соприкосновения границ СССР, КНР, Японии, Северной и Южной Кореи».

Благоприятный отклик в СССР встретили и высказанные президентом Ро в 1989 г. новые подходы к проблеме национального объединения, к которым была приложена конкретная программа, выработанная на основе Декларации 7 июля и выступлении на сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

В целом правительство Горбачева считает, что «политические интересы Советского Союза и Южной Кореи в АТР не вступают в противоречия: инициативы двух стран по проблемам региона созвучны друг другу и носят взаимодополняющий характер». Ожидается, что советско-южнокорейское сотрудничество «позитивно повлияет на весь комплекс международных отношений в Восточной Азии и поможет созданию более мирного и стабильного порядка в регионе».

Внимательно наблюдая за развитием новых тенденций в Советском Союзе и их влиянием на международные отношения, правительство Шестой Республики энергично приступило к осуществлению своей «северной политики», ставя при этом задачу установления дипломатических отношений с Советским Союзом. В этом смысле можно полностью согласиться с советским специалистом по Корее, который пишет, что «северная политика» Южной Кореи, наряду с красноярскими инициативами президента Горбачева, открыла путь к сближению между двумя странами и расширению сфер совпадения интересов». В настоящее время мы наблюдаем «быстрое сближение Москвы с Сеулом в последние два года, что, возможно, является наиболее значительным явлением в процессе создания нового международного порядка в Северо-Восточной Азии».

В 1988 году в СССР было принято решение разрешить обмен визитами между южнокорейскими бизнесменами и советскими торговыми представителями. Наиболее важным событием стал визит в Москву в январе 1989 года основателя и почетного председателя группы «Хёндэ» Чон Чжу-Ёна, который договорился с председателем Торгово-промышленной палаты СССР Владиславом Малькевичем о создании Советско-южнокорейской Комиссии по сотрудничеству.

В феврале 1989 года в ходе визита в Сеул заместителя председателя ТПП СССР Владимира Галанова между ним и президентом Корейской Ассоциации содействия торговле (КОТРА) была достигнута договоренность об учреждении торговых миссий в Москве и Сеуле. Активный обмен визитами между руководителями делового мира задал определенную динамику экономическому сотрудничеству между двумя странами. В апреле 1989 года Торгово-промышленная палата СССР открыла свое представительство в Сеуле, а через три месяца состоялось открытие представительства КОТРА в Москве.

В августе 1989 года в Советский Союз из Южной Кореи прибыла крупная (31 чел.) экономическая делегация во главе с Чон Чжу-Ёном. В ходе состоявшихся переговоров советская сторона выразила пожелание получить помощь в строительстве фабрик по производству потребительских товаров, в обработке рыбопродукции, в строительстве гостиниц в Хабаровске и в конверсии некоторых отраслей оборонной промышленности. С тех пор группа «Хёндэ», руководимая Чон Чжу-Ёном, занимает авангардные позиции в изучении возможностей советско-южнокорейского экономического сотрудничества. К примеру, Чон Чжу-Ён и Генеральный директор Приморского краевого управления по лесоводству Эдуард Грабовский, подписали соглашение об обработке древесины в Сибири, которое стало свидетельством более активной советской позиции в вопросе об участии Южной Кореи в развитии Сибири и большей интеграции советской экономики в экономическую жизнь «северо-тихоокеанского треугольника».

По мере развития экономического сотрудничества нарастали и политические контакты. В августе 1988 года помощник президента Ро Дэ У доставил в Москву его письмо президенту Горбачеву, который в декабре 1988 г. передал с советским ученым (академиком) — корейцем по национальности ответное письмо Ро Дэ У. Затем в июне 1989 года в Советский Союз по приглашению директора ИМЭМО АН СССР Е. М. Примакова прибыл президент оппозиционной Демократической партии Ким Ён Сам. Здесь следует отметить, что Е. М. Примаков организовал встречу между Ким Ён Самом и министром иностранных дел КНДР Хо Дамом, который в настоящее время является членом Политбюро ЦК ТПК, курирующим проблемы отношений между Севером и Югом. В сентябре — октябре 1989 года в Южной Корее для участия в семинарах побывали директор ИСКАН АН СССР Георгий Арбатов, директор ИВ АН СССР и бывший заместитель министра иностранных дел СССР Михаил Капица, и делегация в составе 12 ученых во главе с но-

вым директором ИМЭМО А. Мартыновым. В марте 1990 года Москву посетила делегация Южной Кореи, в составе которой были Ким Ён Сам, ныне сопредседатель новой правящей Демократической Либеральной партии, и Пак Чер Ан, занимавший в то время пост государственного министра по политическим вопросам. В ходе встречи между Ким Ён Самом и М. Горбачевым стороны согласились в том, что нормализация двусторонних отношений в ближайшем будущем соответствовала бы интересам обеих стран. Ким Ён Сам доложил президенту Ро Дэ У, что советский руководитель не видит непреодолимых препятствий в деле установления дипломатических отношений между двумя странами, и президент Ро стал ждать подходящей возможности, которая способствовала бы осуществлению этого плана.

Пиком в дальнейшем улучшении советско-южнокорейских отношений стала встреча на высшем уровне президента Ро и Михаила Горбачева, которая состоялась в Сан-Франциско 4 июня 1990 года. Как писала газета «Крисчен Сайенс Монитор», эта историческая встреча стала подлинным «прорывом в отношениях между Южной Кореей и СССР».

Президенты двух стран обсудили проблемы, связанные с быстро меняющейся международной обстановкой, стабильностью в Северо-Восточной Азии и, в частности, на Корейском полуострове, а также проблемы двусторонних отношений. Президент Ро дал высокую оценку новому мышлению Горбачева и его политике гласности, которая коренным образом изменила атмосферу «холодной войны» и помогла в создании нового порядка примирения и сотрудничества между странами мира. Президент Горбачев в свою очередь высоко оценил успешную организацию Сеульской Олимпиады и признал, что Олимпиада сыграла большую роль в примирении между Востоком и Западом. Далее руководители двух стран признали важность распространения тенденций открытости и примирения на Северо-Восточную Азию, особенно на Корейский полуостров, с тем, чтобы там было ликвидировано конфронтационное наследие «холодной войны», и все заинтересованные страны могли бы тесно сотрудничать в деле установления мира и стабильности в регионе. Также была признана необходимость предпринимать дальнейшие усилия, направленные на снижение напряженности и установление мира на Корейском полуострове.

Президенты Ро и Горбачев согласились с тем, что корейская проблема должна решаться в ходе диалога между двумя корейскими государствами, и что между ними следует развивать обмены и сотрудничество в различных областях. Президент Ро подчеркнул, что его правительство не стремится изолировать Северную Корею и желает видеть в Севере не воинственного противника, а партнера по сотрудничеству.

Через два месяца после встречи в Сан-Франциско в Москву прибыла высокопоставленная правительственная делегация Южной Кореи во главе со старшим секретарем президента Ро по экономическим вопросам Ким Чжун Ином и старшим помощником президента Ро по вопросам дипломатии и национальной безопасности Ким Чжун Хи. 2—3 августа 1990 года состоялись советско-южнокорейские переговоры, в которых с советской стороны приняла участие правительственная делегация во главе с первым заместителем премьер-министра и председателем Госплана СССР Юрием Маслюковым. В результате первых советско-южнокорейских правительственных переговоров было достигнуто согласие по широкому кругу вопросов сотрудничества в области науки, промышленности и технологии, и принято решение о проведении второго раунда переговоров в Сеуле в октябре 1990 г.

16 октября 1990 г. президент СССР Михаил Горбачев в личном письме президенту Ро Дэ У выразил надежду на возможность проведения двусторонней встречи на высшем уровне. Данное письмо было направлено в ответ на письмо Ро Дэ У от 1 октября по случаю установления дипломатических отношений между двумя странами. Ро предложил провести в скором времени обмен визитами на высшем уровне, а также отметил, что установление двусторонних дипломатических отношений будет способствовать установлению прочного мира на Корейском полуострове. Уже через два с половиной месяца состоялся визит президента Ро в Москву — первый в истории визит главы Южной Кореи в Советский Союз. Ответный визит президента Горбачева состоялся в апреле 1991 г.

Итак, 30 сентября 1990 года Советский Союз и Южная Корея «в надежде на развитие дружественных отношений и многогранного сотрудничества между двумя сторонами» установили дипломатические отношения. Это историческое решение было принято на первой официальной встрече министров иностранных дел двух стран, состоявшейся в штаб-квартире ООН 30 сентября. Таким образом, через 86 лет после разрыва дипломатических отношений между Российской империей и королевством Корея в 1904 году отношения между СССР и Южной Кореей были приведены в нормальное состояние. В сов-

местном коммюнике, подписанном министрами иностранных дел Эдуардом Шеварднадзе и Цой Хо Чжунюм, обе стороны заявили о своем согласии открыть посольство соответственно в Сеуле и Москве.

Рассматривая отношения между СССР и Северной Кореей следует отметить, что после 1989 года в советско-северокорейских отношениях происходит явное расширение сферы разногласий. Советские источники правильно указывают на то, что «главная проблема состоит в различии путей политического и социального развития двух стран». К примеру, «взятый в Советском Союзе и Восточной Европе курс на демократизацию и экономическую реформу, нацеленную на развитие рыночных структур, отнюдь не приветствовался в Пхеньяне». Кроме того, стороны имеют различные воззрения на современную международную обстановку. СССР уже не считает США своим противником, и США уже не расценивают СССР как серьезного врага. Северная Корея, напротив, по-прежнему утверждает, что до тех пор, пока контроль над Корейским полуостровом будет оставаться главной целью агрессивной политики США, опасность войны в Азии будет возрастать. Следовательно, как утверждают советские источники, «в настоящее время факторы, традиционно крепившие советско-северокорейское стратегическое партнерство — единство целей, защита социалистических ценностей, межпартийные связи, борьба против империализма — теряют свое значение». Кроме того, по мнению советских специалистов, экономическое сотрудничество с Северной Кореей «демонстрирует свою неэффективность». Усилению разногласий между двумя странами способствует и стремление СССР «вытянуть» Северную Корею из международной изоляции путем постоянного давления, имеющего цель побудить ее улучшить отношения со странами, которые в Северной Корее до сих пор считаются враждебными.

Однако наиболее серьезную проблему для себя Северная Корея видит в резком улучшении отношений между Москвой и Сеулом. Особенно четко это проявилось после встречи на высшем уровне между президентами Ро и Горбачевым, на которую последовала гневная реакция Северной Кореи. Представитель МИД КНДР заявил в этой связи: «Мы полагаем, что президент Советского Союза, нашего союзника, вполне способен понять, насколько серьезные политические последствия может повлечь за собой его встреча с Ро Дэ У, который стремится лишь к расколу Кореи». Он добавил, что советско-южнокорейская встреча на высшем уровне — это «серьезная политическая проблема, связанная с замораживанием раскола нашей страны». Ту же позицию изложил министр иностранных дел Северной Кореи Ким Ён Нам во время визита Э. А. Шеварднадзе в Пхеньян 2—3 сентября 1990 года: «Если Советский Союз установит дипломатическое отношение с Южной Кореей, это будет означать, что он согласен признать раздел Кореи как «реальность» и узаконить существование «двух Корей» на международной арене». Как сообщалось, Шеварднадзе эта аргументация никак не убедила.

В Северной Корее четко поняли смысл встречи М. Горбачева с Ро Дэ У и последующего установления дипломатических отношений между Советским Союзом и Южной Кореей — Пхеньяну предлагалось либо изменить свою политику и присоединиться к международному сообществу, либо еще глубже увязнуть в собственной изоляции. И Южная Корея и Советский Союз прекрасно понимают, что Северная Корея просто не может позволить себе реагировать силой. Помимо того, что Северная Корея задолжала Советскому Союзу миллиарды долларов, она по-прежнему зависит от советских поставок нефти и передовых вооружений. По всей видимости, в Сеуле и Москве рассудили, что у Пхеньяна нет иного выбора, кроме как примириться с существованием Южной Кореи и в конечном итоге нормализовать отношения с США и Японией.

Такое рассуждение совершенно справедливо. После определенного давления со стороны Шеварднадзе, который в ходе своей поездки по странам Дальнего Востока 2—3 сентября 1990 г. нанес визит в Пхеньян, Северная Корея без особого энтузиазма направила в Сеул делегацию во главе с премьер-министром Ён Хюн Муком. 4—7 сентября 1990 года в Сеуле состоялись первые межкорейские переговоры на уровне премьер-министров. Вскоре после сан-францисской встречи президент Ро заявил, что «поскольку прямая дорога заблокирована, у нас нет иного выбора, кроме как проложить путь в Пхеньян через Москву». Он оказался прав: Северная Корея медленно открывает ранее плотно закрытые двери в Южную Корею.

Соглашение, достигнутое 28 сентября 1990 года в Пхеньяне, между Ким Ир Сенем и японской делегацией во главе с высокопоставленным деятелем правящей либерально-демократической партии Канэмару Син о том, что в ноябре будут начаты переговоры об

установлении дипломатических отношений, можно с определенной долей осторожности рассматривать как первый шаг Северной Кореи, свидетельствующей о ее готовности приспособиться к формирующемуся новому международному порядку в Северо-Восточной Азии. Ведь если Северная Корея установит дипломатические отношения с Японией, можно будет с полной уверенностью говорить о ее готовности полностью согласиться с формулой перекрестного признания (т. е. признания и Севера и Юга Соединенными Штатами, Советским Союзом, Китаем и Японией), против которой она до сих пор высказывала резкие возражения. Таким образом, Китаю будет легче пойти на полное признание Южной Кореи; США и Северная Корея также получают возможность установить дипломатические отношения, и оба корейских государства смогут одновременно вступить в члены ООН. Развитие событий в этом направлении будет способствовать замене нынешнего соглашения о перемирии новой мирной структурой на Корейском полуострове, что, в свою очередь, ускорит процесс межкорейских переговоров, направленных на объединение страны.

Установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Южной Кореей — это наиболее важное событие в истории южнокорейской дипломатии. Нормализация дипломатических отношений между двумя странами почти наверняка приведет к фундаментальным сдвигам в их двусторонних отношениях, которые на протяжении более сорока лет находились в состоянии вражды.

Нормализация отношений также означает, что льды «холодной войны» начали таять и в Северо-Восточной Азии. Следовательно, следует ожидать глубоких перемен в дипломатическом пейзаже региона, где еще ощущаются следы взаимной неприязни. Можно еще раз повторить, что нормализация отношений — это историческое, эпохальное событие, которое способствует прекращению конфронтации и открывает новую страницу в истории международных отношений в регионе. Если говорить более конкретно, это событие ускорит всеобъемлющие изменения международного порядка и снижение напряженности между Севером и Югом Кореи.

Для того, чтобы волны теплого международного прилива омыли весь Корейский полуостров, Север должен выйти из изоляции и проявить искреннее стремление проложить со своей стороны путь к мирному объединению Севера и Юга. В этой связи дипломатические отношения между Сеулом и Москвой могут создать хорошие возможности для прорыва в межкорейском диалоге и вывода его из 40-летнего тупика. Мы видим новые возможности для мира и прогресса на Корейском полуострове и вокруг него.

Перевод с английского Т. А. Каргановой

Трансазиатская железнодорожная магистраль — путь к интеграции Азии

В. АРСЕНОВ, А. ЧИЧКИН

Трансазиатская железная дорога (ТАЖМ) является одним из приоритетных проектов ЭСКАТО ООН в период 1960-х — 1990-х годов. Данный проект был разработан еще в середине 60-х годов; в 1967 г. Комитет по транспорту и связи ЭСКАТО принял решение о сосредоточении материально-финансовых ресурсов стран Среднего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии на реализации проекта ТАЖМ при техническом и финансовом содействии общеазиатских (Азиатский Банк Развития — АБР) и региональных (АСЕАН, АЗПАК, РСР¹) инвестиционно-экономических объединений.

Проект ТАЖМ наряду с проектом Трансазиатской автомобильной магистрали (ТАМ) рассчитан на несколько десятилетий и состоит из трех последовательных этапов:

— строительство соединительных железнодорожных линий между отдельными странами (Иран — Ирак, Иран — Пакистан, Индия — Бирма, Бирма — Таиланд) и линий, примыкающих к основной трассе ТАЖМ (Турция — Ирак, Пакистан — Афганистан, Индия — Непал, Индия — Бутан, Таиланд — Лаос — Вьетнам); унификация видов железнодорожной колеи; стандартизация подвижного состава и погрузочно-разгрузочного оборудования; реконструкция ряда терминалов и участков сети национальных железных дорог;

— разработка и реализация межнациональных программ по экономическому освоению новых территорий, развитию торгово-экономического и информационного сотрудничества, свободной торговли в регионе ЭСКАТО; согласование национальных стандартов и документов, регламентирующих взаимные и международные транспортно-экономические связи; обеспечение конкурентоспособности ТАЖМ в трансконтинентальном контейнерном сервисе (Европа, Средний Восток — Юго-Восточная Азия, Дальний Восток) по сравнению с другими видами транспорта и направлениями перевозок; развитие смешанных, в том числе комбинированных (железнодорожно-морских, -речных и -автомобильных) национальных и международных сообщений;

— постепенное формирование интеграционных (межгосударственных) транспортно-экономических комплексов, включая развитие портово-железнодорожных «полюсов индустриализации»; создание межнациональных систем управления, планирования и прогнозирования международных (внешнеторговых и транзитных) перевозок; обеспечение условий для развития новых перевозочных технологий, снижения капиталоемкости перевозок, использования современных и перспективных методов интеграции транспорта с экономической и внешней торговлей; стимулирование рационального природопользования в регионе

Арсёнов Вячеслав Иванович — директор Института комплексных транспортных проблем при Госплане СССР, д. э. н.

Чичкин Алексей Алексеевич — научный сотрудник ИКТП.

тяготения ТАЖМ².

Из этого следует, что сооружение ТАЖМ представляет собой комплекс организационных, технико-экономических и политических мероприятий межгосударственного характера, реализация которых возможна только в условиях ликвидации очагов военно-политической напряженности в различных регионах Азии и в АТР в целом, мирного разрешения внутривнутриполитических конфликтов в отдельных странах АТР, укрепления отношений диалога, взаимопонимания и сотрудничества на Среднем Востоке, в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке. Именно такие международные отношения, необходимость которых декларировалась еще в Бандунгском Заявлении (1955) развивающихся стран Азии и Африки, содействуют ускоренному социально-экономическому развитию всех стран мира, экономическому освоению новых регионов, реализации национальных и интеграционных социально-экономических программ.

Однако за последние десятилетия ситуация в большинстве регионов Азии характеризовалась конфронтацией стран, политических, этнических, религиозных движений. Ирано-иракский и индо-пакистанский конфликты, положение в Афганистане и вовлеченность в него сопредельных стран, сложная военно-политическая ситуация в Бирме, Камбодже, Непале, Пакистане, на Филиппинах, в отдельных районах Индии, Шри Ланки, неурегулированность политических отношений между некоторыми странами (АСЕАН — Камбоджа, СРВ; КНР — Камбоджа, СРВ, КНР — Индия) и т. п. существенно затрудняли не только субрегиональное торгово-экономическое сотрудничество, но и деятельность ЭСКАТО, является тормозом для азиатско-тихоокеанской экономической интеграции. Это сказывалось и на осуществлении проекта ТАЖМ (как и ТАМ), вопреки всевозрастающей социально-экономической необходимости его реализации. Лишь за последние 2—3 года сооружение ТАЖМ несколько ускорилось благодаря смягчению военно-политической напряженности в ряде регионов Азии. Вместе с тем конфронтационная ситуация на Ближнем и Среднем Востоке, прежде всего иракская агрессия против Кувейта (1990), негативно сказалась на общеазиатском сотрудничестве и соответственно на реализации проекта ТАЖМ (и ТАМ) и других проектов и программ ЭСКАТО.

Актуальность создания трансазиатских коммуникаций (ТАЖМ — ТАМ) в середине 60-х годов была обусловлена последствиями «семидневной» арабо-израильской войны (1967) и закрытием Суэцкого канала (1967—1975), имеющего важнейшее значение в транспортно-экономических связях Европы со странами АТР. Наличие железнодорожного и автомобильного сообщения между европейскими и азиатскими странами (через Сирию и Турцию), имеющего значительно меньшее расстояние, чем путь через Суэцкий канал и тем более через Атлантику и мыс Доброй Надежды, делало евроазиатские торгово-экономические отношения независимыми от политической нестабильности и непредсказуемости ситуации на Ближнем Востоке, сказывавшихся и на коммуникациях данного региона.

Открытие Суэцкого канала и военно-политические конфликты на Среднем Востоке, в Южной и Юго-Восточной Азии (1976—1988—1989) временно «охладил» интерес в Европе и частично в Азии (например, в Иране, Пакистане, Бирме, Таиланде) к трансазиатским коммуникациям. Однако тенденции экономического и политического сотрудничества в регионе ЭСКАТО наряду с некоторым смягчением военно-политической конфронтации в Азии, развитием интеграционных форм сотрудничества между странами и увеличением объемов торговли АТР (в частности, НИС Азии)* с Европой, что имеет место со второй половины 80-х годов, являются долговременными факторами, обуславливающими возрастающую заинтересованность стран Европы и АТР в реализации транснационального проекта ТАЖМ. По мнению тайваньских и индонезийских экспертов, ТАЖМ — ТАМ имеют евроазиатское политико-экономическое значение³.

Трансазиатская железнодорожная магистраль объединит в единую систему сеть железных дорог одиннадцати стран Среднего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии, а с учетом линий примыкания и ответвлений (в Камбоджу, Лаос, Вьетнам, КНР, Бутан, Непал, Афганистан и Сирию) девятнадцати стран Азии. ТАЖМ состоит из несколько взаимосвязанных участков: магистраль Турция — Бангладеш — Индия — Бирма — Таиланд — Малайзия (Малайя) — Сингапур; железнодорожный паром Сингапур — Индонезия (остров Ява); магистраль на острове Ява (Джакарта — Баньюанги).

Характерной особенностью ТАЖМ является наличие, помимо основной трассы, параллельных (дополнительных) линий, стыкующихся с главным направлением магистрали (см. табл. 1).

Таблица 1

Основная трасса ТАЖМ			Параллельные (дополнительные) линии ТАЖМ		
Страна	Участки	Протя- жен- ность, км	Страна	Участки	Протя- жен- ность, км
1	2	3	4	5	6
Турция	Стамбул — Анкара — Кайсери — Сивас — Ван — Хой	1800	Турция СССР	Сивас — Эрзурум — Карс — Ахурян Ахурян — Ленинан — Ереван — Нахичевань — Джульфа	620 310
Иран	Хой — Тебриз — Тегеран — Кум — Керман — Захедан	2520	Иран	Джульфа — Тебриз — Тегеран	750
Пакистан	Захедан — Суккур — Лахор — Амритсар	1650	Турция	Сивас — Курталан — Мосул	680
Индия	Амритсар — Дели — Мадрас — Дханушкоти	2730	Ирак	Мосул — Багдад — Басра	930
ж. д. паром Джанушкоти — Талайманар (Шри Ланка) Шри Ланка	Талайманар — Коломбо	210 300	Иран Пакистан Индия	Басра — Хорремшехр — Кум Суккур — Хайдарабад — Бармер Бармер — Дели Бармер — Мадрас	620 730 720 1920
Итого (Турция — Шри Ланка)		9210			
Индия	Дели — Патна — Калькутта — Куштия	1730			
Бангладеш	Куштия — Дакка — Силчар	480	Индия — Бангладеш	Кочбихар — Дакка	370
Индия	Силчар — Дибругарх — Дангори	600	Индия — Бирма	Силчар — Импхал — Мандалай	480
	Патна — Кочбихар — Дибругарх	1620			
Бирма	Дибругарх — Шинбуян — Мьичина — Мандалай — Таунгу	1250	Бирма — Таиланд	Мандалай — Мо- ламыян — Ие — Тхонгпхахум — Бангкок	1140
Таиланд	Таунгу — Чиангмай — Бангкок — Сонгхла	2050			
Малайзия — Сингапур	Сонгхла — Ипох — Куала-Лумпур — Джохор-Бару — Сингапур	930	Малайзия	Сонгхла — Кота- Бару — Куала- Лумпур	580
Итого (Индия — Сингапур)		8660			

Ж. д. паром Сингапур — Джакарта (Индонезия) Индонезия (о. Ява)	Джакарта — Бан- дунг — Баньюванги	1000 940	Индонезия (о. Ява)	Бандунг — Сура- бая — Баньюванги	820
Всего (Тур- ция — Индоне- зия)		19 810			

С учетом существующих ответвлений и линий, примыкающих к ТАЖМ (Бангкок — Нонгкай — Вьентьян, Бангкок — Пномпень — Хошимин — Ханой, Мосул — Халеб — Дамаск, Мосул — Кайсери, Патна — Катманду и др.) общая протяженность магистрали превышает 23 тыс. км, из которых примерно 10 тыс. км приходится на страны Юго-Восточной Азии.

Вместе с тем из 19,8 тыс. км протяженности основной трассы ТАЖМ строятся или подлежат строительству только 1,5 тыс. км, что составляет 8 % протяженности главного направления ТАЖМ. Основной регион строительства — Юго-Восточная Азия: Дибругарх — Мандалай (Индия — Бирма), 450 км; Таунгу — Чиангмай (Бирма — Таиланд), 435 км; около 70 % протяженности строящихся параллельных линий ТАЖМ приходится на участки между Индией и Бирмой, Бирмой и Таиландом (строятся также соединительные участки между Турцией и Ираком, Ираком и Ираном). Таким образом, основным регионом строительства ТАЖМ являются сопредельные территории Южной и Юго-Восточной Азии. Экономическое сообщество стран Южной Азии (ESSA)⁴ имеет соглашение с АСЕАН и Бирмой (подписаны в 1988—1989 гг.) о взаимном финансовом и научно-техническом содействии сооружению ТАЖМ — ТАМ и других объектов производственной инфраструктуры в Юго-Западной части АТР.

Примерно 18,3 тыс. км ТАЖМ приходится на имеющуюся сеть национальных железных дорог, подлежащих реконструкции и модернизации, а в ряде районов Бангладеш, Шри Ланки, Бирмы и Таиланда — восстановлению (коммуникации в данных районах разрушались и разрушаются вследствие действий повстанческих группировок и частых стихийных бедствий). Паром Сингапур — Джакарта сдан в эксплуатацию в 1988 г.

С учетом взаимодействующих железнодорожных систем Вьетнама и КНР (линии Ханой-Хэкоу, Ханой — Пинсян), Турции и СССР (Ахурян — Лениакан), СССР и Ирана (Нахичевань — Джульфа — Тебриз), Турции, Ирака и Сирии, а также наличия железнодорожного сообщения между СССР, КНР, МНР и КНДР (Транссиб, БАМ, Турксиб — Дружба — Урумчи — Цзинин — Пекин, Транссиб — Улан-Батор — Цзинин — Пекин, Транссиб — КВЖД — Пхеньян и другие взаимно-стыкующиеся магистрали, железнодорожные паромы), ТАЖМ является составной частью трансконтинентальной железнодорожной системы, объединяющей практически все страны Азии и соединяющей эти страны с Европой (через СССР, Турцию и Сирию) и Африкой (через Ирак, Сирию и Палестину)⁵.

Сооружение магистрали и особенно реконструкция имеющихся участков сети представляют собой комплексную проблему кардинального технического перевооружения железнодорожного транспорта большинства стран — членов ЭСКАТО. К примеру, не менее 80 % тягловых средств на железных дорогах стран региона ТАЖМ составляют паровозы различных марок, около 75 % 520-тысячного парка грузовых вагонов имеет двухосную основу. Эксплуатационная надежность (безопасность движения) характерна только для 30—35 % железнодорожной сети; изношенность верхнего строения пути в странах Среднего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии превышает 60 %⁶. Трудноразрешимой задачей реализации проекта ТАЖМ является унификация железнодорожной колеи: в регионе ТАЖМ железные дороги имеют 5 различных типов колеи — 1435 (европейская), 1600—1676 (широкая), 1067 (капская), 1000 (метровая) и 600—900 мм (узкая). Европейская

колея «господствует» на сети Турции, Ирана и Ирака. Широкая преобладает в Индии (60 % сети страны), Пакистане (70 %), Бангладеш (80 %), является единственной в Шри Ланке. Метровая колея доминирует в странах Индокитая и АСЕАН, ее имеют ряд железных дорог Индии (30 % сети — преимущественно южные и юго-восточные районы), Пакистана (20 % — северо-западные и юго-восточные районы) и Бангладеш (15 %). Железные дороги острова Ява (Индонезия), Непала и Бутана имеют капскую колею; узкая распространена на ряде участков Индии, Пакистана, Бангладеш и Бирмы.

Столь «пестрая палитра» типов железнодорожной сети наряду со всевозможными стихийными бедствиями и акциями повстанческих группировок серьезно осложняет строительство ТАЖМ и реконструкцию действующей сети. Кроме того, разноколейность железных дорог длительное время способствовала политике внутрирегионального (Малайзия, Таиланд) и национального (Иран, Пакистан, Бирма) изоляционизма — ограничению связей со странами сопредельных регионов, обусловленному внутри- и внешнеполитическими причинами.

Комитет по транспорту и связи ЭСКАТО предлагает два варианта решения задачи унификации колеи ТАЖМ:

1. Введение в странах Индокитая и АСЕАН европейской колеи (1435 мм), совпадающей с колеей сети КНР, и перевод всех железных дорог Южной Азии на колею 1600 мм (преобладающей в этом регионе), что позволит уменьшить количество перестановок вагонов (или число смен колесных пар) в регионе ТАЖМ: они будут производиться на пограничных переходах Иран — Пакистан, Индия — Бирма.

2. Унификация железных дорог стран Южной и Юго-Восточной Азии на базе колеи 1600 мм (перестановка вагонов в этом случае будет осуществляться только на переходах между Ираном и Пакистаном). Данный вариант встречает возражения стран АСЕАН, Индокитая, Китая и Бирмы, так как его реализация, помимо большей сметной стоимости, осложнит технологию взаимодействия железных дорог стран Юго-Восточной Азии и КНР, заинтересованных в развитии международных, в том числе трансконтинентальных транзитных сообщений.

Реализация проекта ТАЖМ и связанных с ним задач с середины 80-х годов осуществляется при научно-исследовательском и политическом содействии нескольких рабочих групп ЭСКАТО: по составлению национальных и региональных картосхем магистрали (общие затраты — 70 тыс. долл.); по организации объединенного управления строительством, эксплуатацией ТАЖМ и центра прогнозирования грузопотоков (620 тыс. долл.); по стандартизации путей сообщения, подвижного состава и условий перевозок (270 тыс. долл.); по обеспечению эффективного взаимодействия железнодорожного, автомобильного, морского и речного транспорта (65 тыс. долл.); по развитию пропускной способности и электрификации сети железных дорог (270 тыс. долл.); по строительству искусственных сооружений и совершенствованию технологии строительства (300 тыс. долл.) и по подготовке научных и инженерно-технических кадров (около 500 тыс. долл.) В деятельности данных групп, оказании финансово-технической помощи странам АТР в реализации проекта ТАЖМ (и ТАМ) и экономическом освоении прилегающих к магистрали территорий участвуют КНР, СССР, Югославия, Скандинавские страны, Азиатский банк развития, Фонд помощи развивающимся странам ОПЕК, Исламский банк развития, АСЕАН, АЗПАК, а также фирмы и банки Японии, Тайваня, Южной Кореи, Австралии, Новой Зеландии, Канады и Великобритании⁷.

В течение 1990—1995 гг. намечается ввести в действие железнодорожные линии к востоку от основной трассы ТАЖМ, а именно: Вьентьян — Луангпхабанг — Самна — Ханой (Лаос — Вьетнам), 700 км; Мандалай — Намту — Баошань — Куньмин (Бирма — КНР), 870 км; Мьичина — Бамо — Баошань (Бирма — КНР), 480 км. Данные линии, сооружение которых уже началось, обеспечат прямое железнодорожное сообщение между Бирмой, Китаем, Лаосом и Вьетнамом, будут содействовать ускоренному социально-экономическому развитию юго-западного Китая (провинция Юньнань), северных и северо-восточных районов Бирмы и Лаоса, а также — экономическому взаимодействию данных районов и стран. Кроме того, линия Куньмин — Мандалай предоставит КНР выход к бирманским портам на Индийском океане (Рангун, Пегу, Моламьяйн), а магистраль Вьентьян — Ханой соединит Лаос с портами СРВ (Хайфон, Винь и др.) и обеспечит прямое сообщение между Таиландом, Лаосом, Вьетнамом и КНР (Бангкок — Нонгкай — Вьентьян — Ханой — Пинсян, Ханой — Хэоу). Таким образом, будет образована железнодорожная система, объединяющая страны Дальнего Востока и Юго-

Восточной Азии, то есть КНР, страны Индокитая, Бирму, Малайзию и Сингапур. В финансировании мероприятий по созданию этой системы участвуют, помимо отмеченных стран, Гонконг, Макао, Тайвань и Япония.

На период после 1995 г. запланировано сооружение линий трансасиатского значения, примыкающих к ТАЖМ и являющихся фактически ее продолжениями: Чэнду — Дардо — Чамдо — Лхаса (КНР), 1625 км; Синин — Нагчу — Лхаса (КНР), 1570 км; Лхаса — Шигацзе — Гангток — Дарджилинг (КНР — Сикким — Индия), 620 км⁸; Дангори — Дзакюй — Чамдо (Индия — КНР), 570 км. Эти магистрали обеспечат железнодорожное сообщение Китая, в том числе Тибета, с Индией и другими странами Южной Азии, а также с Ближним и Средним Востоком по кратчайшему направлению. Они улучшат транспортное обеспечение развития экономики и внешнеэкономических связей многих регионов КНР (Тибета, Сычуани, Цинхая), а также экономическое взаимодействие западных, центральных и восточных провинций КНР, что особенно важно в контексте политики внешнеэкономической открытости центрального и западного регионов Китая, проводимой правительством КНР в этих регионах с 1989 г.

С учетом того, что Сычуань-Тибетская (Чэнду — Лхаса) и Цинхай-Тибетская (Синин — Лхаса) магистрали, строительство которых началось в 1987—1989 гг., соединены с магистралями всех регионов Китая, в том числе с новой трансконтинентальной артерией Актогай — Дружба — Урумчи — Ланьчжоу — Сиань — порт Ляньюньган (СССР — КНР, 4000 км) и примыкающими к ней международными линиями (Ланьчжоу — Цзинин — Пекин — Тяньцзинь, Улан-Удэ — Улан-Батор — Цзинин и др.), — будет обеспечено минимальное расстояние транзитных (через КНР) железнодорожных перевозок СССР, МНР и Кореи со странами Юго-Восточной и Южной Азии. Коммуникации Китая, таким образом, станут важнейшим звеном в осуществлении трансасиатских и евроазиатских транспортно-экономических связей, в том числе международного контейнерного сервиса (Европа — АТР): по оценкам южнокорейских и китайских специалистов, использование железных и автомобильных дорог КНР сокращает примерно в 1,5—2,5 раза (в сравнении с морскими сообщениями) расстояние перевозок НИС Дальнего Востока, Японии, МНР и КНДР со странами Индокитая, Южной Азии и Бирмой. Кроме того, при использовании ТАЖМ и примыкающих к ней линий расстояние перевозок Тайваня, Гонконга, Макао, а также Вьетнама, Лаоса и Камбоджи со странами Южной Азии, Бирмой, Ираном и Ираком уменьшается в 1,5—2 раза (по сравнению с морским вариантом)⁹.

После 1997 г. намечается ввести в эксплуатацию железную дорогу Луангпхабанг — Хэйсай — Таунджи — Мандалай (Лаос — Бирма), 730 км, проект которой был разработан при содействии ЭСКАТО еще в начале 70-х годов. Тогда эта линия имела прежде всего политическое значение, ибо соединяла Лаос с портами Индийского океана (в Бирме), минуя Таиланд и КНР. В условиях американской агрессии в Индокитае и военно-политической напряженности в отношениях Лаоса (и Вьетнама) с Китаем и Таиландом (60-е — первая половина 80-х годов) данная магистраль была важной «артерией прорыва» блокады Лаоса. Участок Мандалай — Таунджи (160 км) построен в конце 70-х годов.

В настоящее время целесообразность сооружения линии Луангпхабанг — Мандалай во многом обусловлена развитием торгово-экономических связей ЛНДР и Вьетнама с Бирмой и Индией, а также стратегией ускоренного индустриального развития приграничных районов Лаоса, включающей расширение их внешнеэкономической открытости (аналогичный курс в отношении приграничных территорий наменен и в Бирме).

В регионе тяготения ТАЖМ и примыкающих к ней линий разведаны значительные ресурсы каменного угля, лигнитов, нефти, марганца, руд цветных металлов, урана, строительных материалов, а также ценных пород древесины. С сооружением системы ТАЖМ появится возможность увеличить производство и экспорт продукции тропического и субтропического земледелия: по расчетам непальских и бутанских специалистов, создание ТАЖМ — ТАМ будет содействовать увеличению производства продуктов сельского хозяйства в Южной Азии в 2 раза, а их экспорта — в 2,5 раза (для Бирмы и стран Индокитая эти показатели составят, соответственно, 1,5—2 и 2,5—3 раза)¹⁰.

В настоящее время при содействии ЭСКАТО, АСЕАН и АЗПАК осуществляются контакты между странами Южной, Юго-Восточной Азии, Среднего и Дальнего Востока с целью интенсификации общеазиатского сотрудничества в освоении обширных и богатых разнообразными природными ресурсами территорий, тяготеющих к ТАЖМ — ТАМ. С этой

целью намечается создание специальной межгосударственной комиссии ЭСКАТО — с соответствующей инициативой выступили правительства Индии, КНР, Бирмы, Бутана, Бангладеш и Непала; эту инициативу поддержали Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Сингапур, Бруней, Австралия, Новая Зеландия, Иран, Афганистан и другие страны. Однако реализация общеазиатских экономических программ возможна лишь при условии нормализации военно-политической обстановки в ряде стран и мирного решения имеющихся региональных конфликтов. Поэтому в рамках ЭСКАТО предпринимаются усилия по организации общеазиатского политического диалога¹¹.

Помимо развития торгово-экономического сотрудничества между азиатскими странами, сооружение трансазиатских магистралей (ТАЖМ — ТАМ) обусловлено также ростом объемов торговли между странами Европы и Юго-Восточной Азии, повышением значения стран АСЕАН (прежде всего Сингапура, Таиланда и Малайзии) в социально-экономической реконструкции и внешнеэкономических связях Восточной Европы и СССР.

По сравнению с 1976 г., объем торговли стран Юго-Восточной Азии с ЕЭС к 1986 г. возрос в 1,3 раза и составил 29 млн. т, в том числе экспорт ЮВА — 18,7 млн. т (рост в 1,3 раза), импорт — 10,3 млн. т (рост в 1,4 раза)¹². На период до 1996 г. объем торговли ЮВА с ЕЭС составит 43—45 млн. т, т. е. увеличится не менее чем в 1,5 раза, в том числе экспорт — 22—25 млн. т (рост в 1,2—1,3 раза). Причем прогнозируются более высокие темпы прироста импорта ЮВА из стран ЕЭС: по объему он почти сравняется с экспортом Юго-Восточной Азии (20—21 млн. т).

На долю железнодорожного транспорта (1980—1985) приходилось 27 % объема экспортных и 38 % импортных перевозок ЮВА со странами ЕЭС, при этом примерно 30 % экспорта и 25 % импорта ЮВА по железным дорогам приходилось на контейнеризованные грузы. Предполагается, что к 1997 г. удельный вес данного вида транспорта в перевозках между ЮВА и ЕЭС составит 35—40 %, а доля контейнерных железнодорожных перевозок превысит 40 %.

Доля железных дорог в перевозках Восточной Европы и СССР со странами ЮВА составила (первая половина 80-х годов) 15—20 %, из них на контейнеризованные грузы приходилось 30—35 %. Характерно, что удельный вес СССР в общем объеме экспортных железнодорожных перевозок восточноевропейских стран СЭВ, СССР, Югославии и Албании в ЮВА превышает 35 %, в импортных перевозках (этих же стран с ЮВА) — 65 %. Аналогичными являются показатели по контейнерным железнодорожным перевозкам СССР в общем объеме этих перевозок восточноевропейского региона в целом со странами ЮВА.

На период до 1997 г. намечается резкое увеличение объемов железнодорожных, а также морских и железнодорожно-морских перевозок ЮВА с восточноевропейскими странами, в том числе транзитом через КНР, СССР и страны Среднего Востока — по территории Китая и СССР будут использоваться для этих перевозок коммуникации Юньнани, Цинхай-Тибетская, Сычуань-Тибетская магистрали и новая артерия Сиань — Ланьчжоу — Урумчи — Дружба — Актогай (в Южной Азии и на Среднем Востоке — ТАЖМ). Особенно быстрыми темпами будут возрастать объемы контейнерных перевозок в смешанном железнодорожно-морском сообщении между ЮВА и странами Восточной Европы. Это обусловлено развитием торгово-экономического сотрудничества НИС Азии и всех стран Юго-Восточной Азии с Восточной Европой, ростом восточноевропейского импорта технологий, повышением финансово-экономической активности АСЕАН и НИС Дальнего Востока в Восточной Европе (а также в Южной Азии, на Среднем и Ближнем Востоке). В результате, к 1998 г. доля СССР в общем объеме экспортных железнодорожных перевозок восточноевропейского региона в ЮВА сократится до 20—25 %, а в импортных перевозках — до 45—50 %. Как и в 70—80-х годах, основными торговыми партнерами Западной и Восточной Европы среди стран ЮВА останутся Сингапур, Таиланд, Малайзия и Индонезия (то есть почти все страны АСЕАН), увеличивающие вывоз капитала, экспорт технологий и оборудования практически во все регионы мира¹³.

Сооружение ТАЖМ и примыкающих к ней линий увеличит также долю железнодорожного транспорта в обеспечении торгово-экономических связей КНР со странами Южной Азии, АСЕАН и Бирмой с 10—12 % в середине 80-х годов до 25—30 % к 1998 г. (в общем объеме перевозок КНР с этими странами). Не менее 30 % объема перевозок

Китай с его юго-западными соседями будет осуществляться в смешанном железнодорожно-речном сообщении (с использованием рек Брахмапутра, Иравади, Салуин, Меконг, Янцзы)¹⁴.

Определение экономической эффективности трансконтинентальных наземных коммуникаций должно учитывать, по мнению ЭСКАТО, — расстояния, сроки перевозок, эксплуатационные затраты, инвестиции, период окупаемости последних и т. п., а также экономико-политические факторы: межгосударственное сотрудничество в производственной инфраструктуре, освоении новых территорий, укрепление административно-контрольных функций государства, увеличение занятости населения, формирование или расширение национальных или региональных (субрегиональных) рынков, независимость от судоходных компаний ОЭСР и т. д. Экономико-политические факторы, как уже отмечалось, имеют важнейшее, если не решающее значение в оценке целесообразности сооружения ТАЖМ, примыкающих к ней линий и при определении международной и национальной экономической эффективности использования трансасиатских транспортных артерий. При этом развитие комбинированных (смешанных) перевозок, в первую очередь железнодорожно-морских сообщений, является наиболее перспективным и эффективным вариантом евроазиатских, как и трансасиатских транспортно-экономических связей. Данный вариант ныне широко используется в перевозках между странами Среднего Востока и Южной — Юго-Восточной Азии: например, грузы, следующие из Ирана и Турции (Ирака, Сирии, СССР) в страны Южной Азии — ЮВА, перегружаются с железнодорожного на морской транспорт в портах Ирана (Абадан, Хорремшехр, Бендер-Аббас) или Ирака (Басра), затем следуют до портов Южной Азии — ЮВА и далее направляются по железным дорогам стран назначения; аналогично перевозятся грузы и в обратном направлении. Отчасти такой вариант сообщения обусловлен незавершенностью иранского участка ТАЖМ (Керман — Захедан), политической напряженностью в Камбодже, в отношениях между Пакистаном и Индией и т. п.

Примером евроазиатских комбинированных перевозок является Транссибирский контейнерный сервис (ТСКС), функционирующий с 1971 г., в котором участвуют морские порты, паромы и железнодорожные магистрали СССР (Турксиб, Транссиб, БАМ и др.), а также МНР, Северного и Северо-Восточного Китая. ТСКС используется в торгово-экономических связях МНР, КНР, КНДР, Японии, Индокитая, НИС Дальнего Востока, Австралии и Новой Зеландии со странами Европы и Ближнего Востока; в последнее время интерес к этой артерии проявляют также Иран, Афганистан, Филиппины, Сингапур, Малайзия, Индонезия, Папуа, Аляска¹⁵.

Значительный потенциал по контейнерным перевозкам имеют страны Южной и Юго-Восточной Азии: годовая провозная способность железных дорог Таиланда и Малайзии (исчисления в контейнерах), составляет 40 тыс., в случае реализации проекта ТАЖМ данный показатель превысит 65 тыс. Объем контейнерных перевозок на железных дорогах Индии в 1989 г. составил 45 тыс., с учетом сооружения ТАЖМ объем этих перевозок к 2000 г. прогнозируется в размере 70—92 тыс. т/год. В настоящее время осуществляется программа контейнеризации перевозок между северо-восточной Индией, Бангладеш, Непалом, Бутаном и Бирмой¹⁶.

Высокая капиталоемкость организации и начального этапа осуществления контейнерных перевозок на всех видах транспорта полностью окупается, как показывает мировая практика (в том числе опыт Японии и НИС Азии) значительно меньшими эксплуатационными затратами по перевозкам, размерами потерь (порчи) грузов, улучшением взаимодействия различных видов транспорта, ускорением доставки грузов. Причем, чем больше дальность перевозок, тем быстрее окупаются инвестиции и значительнее экономический эффект контейнеризации.

Согласно исследованиям ЭСКАТО, экономические показатели вариантов транспортировки во многом определяются сроками (скоростью) перевозок, а также эксплуатационно-технологическими особенностями видов морских сообщений (трамповое, линейное), отдельных магистралей, портов и пунктов стыковки национальных железных дорог. Экономические показатели по вариантам трансконтинентальных перевозок (в расчетах принималось, что скорость грузовых поездов в Азии — регионе ТАЖМ составляет 23—30, в Европе — 36—50 км/ч; скорость морских судов составляет 37—43 км/ч) свидетельствуют о том, что по срокам перевозок и эксплуатационным затратам трансасиатские и евроазиатские перевозки, как правило, более целесообразны по железным дорогам по сравнению с морским транспортом¹⁷. Использование ТАЖМ в евроазиат-

ских перевозках (например, на маршрутах Южная Азия, ЮВА — Роттердам, Одесса, Ленинград, порты Ирана и Ирака) позволяет существенно снизить эксплуатационные затраты и ускорить доставку грузов в сравнении с использованием морского транспорта в сообщениях между азиатскими и европейскими странами. Однако, поскольку международное судоходство, по существу, монополизировано судоходными компаниями стран ОЭСР и «удобными флагами» (Либерии, Панамы, Кипра, Гонконга и др.), фактически принадлежащими этим компаниям, ТАЖМ (а также ТАМ) имеет очевидные экономико-политические преимущества как в евроазиатских, так и трансазиатских перевозках.

С учетом развития экономического сотрудничества между странами АТР, Южной Азии и Среднего Востока, а также евроазиатских транспортно-экономических связей, железнодорожный транспорт — ТАЖМ имеет очевидные политико-экономические преимущества в международных сообщениях. Совершенствование технологии железнодорожных перевозок, особенно взаимодействия железных дорог с морским и речным транспортом в Азии еще более повысит значимость ТАЖМ и примыкающих к ней линий, будет содействовать снижению расходов по перевозкам во внутренних (национальных), внешнеторговых и транзитных сообщениях стран Азии.

Стимулирование иностранных капиталовложений, поощрение различных форм транснационального предпринимательства в условиях развития интеграционных процессов в АТР обуславливают возникновение и распространение новых способов взаимодействия как видов транспорта, так и транспортной системы в целом с экономикой и внешней торговлей. К таким способам в регионе ТАЖМ относятся свободные транспортные зоны (СТЗ), первоначально созданные в зонах экспортного производства в НИС Азии, странах АСЕАН и Японии в 60—70-х годах, а затем образованные в аналогичных зонах (районах) КНР, Вьетнама, Лаоса, Индии, ОАЭ, Бахрейна, Кувейта, Сирии, Турции, а также в других регионах мира в 80-е годы.

К СТЗ относятся свободные порты, свободные таможенные зоны, зоны свободной (беспошлинной) торговли, экспортно-импортные и транзитные зоны, консигнационные склады и т. п. Пользователи СТЗ могут получать по импорту, осуществлять транзит и (или) экспортировать не облагаемые пошлинами различные товары; СТЗ предоставляют грузоотправителям, перевозчикам и грузополучателям транспортные, торговые, финансовые, складские и другие услуги. Наиболее распространенными формами управления СТЗ являются смешанные (например, региональные) консорциумы, ассоциации пользователей или инвесторов.

Существует две основных модели СТЗ. Первая предусматривает выделение на части территории портов и (или) магистралей зон льготного таможенного режима, которые выполняют в основном торгово-транзитные услуги (складирование, упаковка, маркировка товаров, поставка топлива и продовольствия на суда и железнодорожные составы, снабжение запчастями и т. п.). Вторая модель СТЗ характеризуется широким набором функций, включая производство и ремонт перевозочных средств, тары и упаковки, предоставление кредитов, инвестиций в экономику прилегающих территорий, проведение НИОКР. СТЗ первой модели созданы в КНДР (Чхонджин, Наджин, Синьиджу), Лаосе (Вьентьян, Паксе), Камбодже (Пномпень, Кампонгсаом), Вьетнаме (дельта Меконга), Макао, а также в КНР, странах Южной Азии и Среднего Востока. СТЗ второй модели имеются практически во всех странах Дальнего Востока (кроме КНДР и МНР) и АСЕАН, получают распространение в Южной Азии, на Среднем Востоке. Намечено создание СТЗ обеих моделей и в СССР, МНР, Папуа¹⁸. Столь широкое развитие СТЗ свидетельствует о транснациональном характере внутри- и внешнеэкономической открытости стран АТР, а также о важной роли транспортного обеспечения экономики, внешней торговли и международной экономической интеграции.

Таким образом, Трансазиатская железнодорожная магистраль является составной частью комплексных транспортно-экономических программ и мероприятий стран Дальнего, Среднего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии, то есть практически всех стран ЭСКАТО, развивающих многостороннее экономико-политическое сотрудничество и торгово-экономические связи с Европой.

Реализация проектов ТАЖМ и примыкающих к ней линий, а также участие Советского Союза в этих проектах позволит повысить эффективность различных форм сотрудничества СССР с большинством стран АТР, прежде всего в сфере взаимодействия транспортных систем Советского Союза и азиатско-тихоокеанского региона. Это особенно актуально в связи с развитием трансконтинентальных (Восток — Запад) сообщений.

- ¹ «Региональное сотрудничество для развития», РСР — экономическая группировка на Среднем Востоке в составе Ирана, Турции и Пакистана. Функционировала с 1964 по 1983 г., возобновила свою деятельность (в частности, по сотрудничеству стран-членов в области производственной инфраструктуры) в 1988 г.
- ² ESCAP in Brief.— Bangkok, 1980.— P. 44; West-South Asia review.— Colombo, 1980.— № 10.— P. 8—17.
- ³ Financial and Trade.— Bannuwange, 1989.— № 86.— P. 18.
- ⁴ Экономическое сообщество стран Южной Азии (ESSA) создано в 1987 г. В его составе — Индия, Пакистан, Бангладеш, Афганистан, Непал, Бутан, Шри Ланка, Мальдивы (постоянные члены), Бирма (ассоциирована с сообществом).
- ⁵ ПДВ.— 1989.— № 6.— С. 137—140.
- ⁶ География и развивающиеся страны. Материалы Всесоюзной конференции (М.— январь 1978 г.).— М.: Наука, 1978.— С. 157—158.
- ⁷ Inter-country project of the governments of Asia and the Pacific countries of the ESCAP region (1985—1994).— Bangkok.— Transport and Communications Division ESCAP, 1985.— P. 180—195; Transport and Communications Bulletin.— ESCAP.— Hong Kong, 1981.— № 54.— P. 23—34.
- ⁸ Планируется строительство ответвлений линии Лхаса-Дарджилинг до Катманду (Непал) и Тхимпху (Бутан), соединенных с железнодорожной сетью Индии.
- ⁹ East Asia and South China perspectives. Hong Kong — Macao.— 1988.— № 15—18.
- ¹⁰ Dacca Morning Post.— 1990.— 19 May.
- ¹¹ Bandung Alternative.— 1989.— № 12.— P. 49—58.
- ¹² Без Филиппин, Брунея, Вьетнама, Лаоса и Камбоджи (т. е. данные в целом по Таиланду, Малайзии, Сингапуру, Индонезии и Бирме).
- ¹³ Transport and Communications Bulletin.— № 54.— P. 31—32; Transasian trade and investment.— Manila, 1987.— № 18.— P. 19—25.
- ¹⁴ Rail-cum-Sea Transport Advantages.— Suez, 1988.— Vol. 18.— № 12.— P. 94—95.
- ¹⁵ Подробнее о ТСКС см.: Transport and Communications Bulletin.— № 54.— P. 27; ПДВ.— 1989.— № 6.— С. 137—140.
- ¹⁶ Indian Railways.— Delhi, 1989.— Vol. 35.— № 8.— P. 13.
- ¹⁷ Экономические показатели рассчитаны на период второй половины 70-х — середины 80-х годов. Корректировка исходных данных для расчетов на перспективу осуществляется в рамках Комитета по транспорту и связи ЭСКАТО (см.: Indochina Trade and Investment.— Bangkok, 1987.— № 8.— P. 23—25; Transport and Communications Bulletin.— № 54.— P. 33—34).
- ¹⁸ Technika i gospodarka morska.— Warszawa, 1988.— Vol. 38.— № 4.— S. 148—152.

К. КИЯНЕНКО

(г. Усть-Каменогорск)

Современная жилищная система КНР складывалась в 50-е годы под непосредственным влиянием советской. Краеугольные камни этой системы — централизованное планирование развития жилищного строительства в рамках фиксированных капиталовложений, преимущественно государственное финансирование, государственное владение жилищным фондом и субсидирование его эксплуатации, распределение жилища через предприятия и муниципалитеты, чисто символическая квартплата.

Почти три десятилетия следования этим принципам не позволили Китаю сколь-нибудь существенно приблизиться к решению острейшей жилищной проблемы. В итоге к 1978 г. среднегодовой объем ввода общей площади жилищ составил лишь 37,5 млн. м². Обследование 192 городов в 1977 г. выявило среднюю обеспеченность в 3,6 м² на одного жителя (государственный стандарт, фиксирующий жилищные условия как стесненные, составляет 4 м² на человека). По данным общенационального обследования 1978 г., 35 % городских семей имели экстремальные жилищные условия, а 5—6 % были фактически бездомными. К этому следует добавить, что значительная часть жилищного фонда не имела элементарного инженерного и санитарно-технического оборудования. В 1987 г. центральным водопроводом было оснащено лишь 20,3 %, центральной канализацией — 19,5, а разными системами теплоснабжения — 51,6 % городских жилищ. По оценке одного из западных исследователей — R. Kirkby — в предреформенный период «городское жилищное строительство получало недостаточные ассигнования для удовлетворения потребностей растущего населения и покрытия убытков, связанных со старением жилищного фонда. Это привело к фактическому снижению уровня жилищной обеспеченности и ухудшению городских жилищных условий в целом»¹.

В сентябре 1978 г. Государственный Комитет по капитальному строительству организовал первую в истории Китая Всекитайскую конференцию по жилищному строительству. Она должна была наметить цели развития жилища на ближайшее будущее и найти способы финансирования жилищного строительства. Было решено до 1985 г. построить больше жилья, чем за предшествующие 28 лет.

В результате строгой координации усилий на уровне муниципалитетов и кардинального изменения структуры инвестиций в 1979 г. объем жилищного строительства составил 62,6 млн. м² общей площади, а годовой прирост 66,9 %! Местные предприятия в 1981 г. впервые обеспечили более половины средств для жилищного строительства.

Лишь свертывание правительством в 1983 г. остатка жилищной программы в связи с экономическими трудностями отодвинуло достижение цели, поставленной Всекитайской конференцией, до 1987 г.

Изменение структуры инвестиций в жилищное строительство в пользу коллективных и индивидуальных средств стало первым действительно радикальным шагом жилищной реформы, принесшим реальные плоды. Именно эта мера обеспечивает в последнее десятилетие достаточное финансирование и стабильно высокие объемы жилищного строительства (табл. 1).

Доля объемов нового строительства за счет государственных средств сократилась с 80,6 % в 1980 г. до 44,8 % в 1988 г., то есть почти вдвое. За этот же период доля коллективной собственности возросла с 2,7 до 6,7 %, а индивидуальной — с 6,4 до 30 %, то есть в 4,7 раз.

Таблица 1

Объем жилищного строительства в городах по источникам финансирования за 1978—1988 гг. в натуральных показателях (млн. м²)

Годы	Всего млн.	Государственная собственность				Коллективная собств.		Индивидуальная собств.	
		Капитальное строительство		Реконстр.		млн. м	%	млн. м	%
		млн. м ²	%	млн. м	%				
1978		37,5							
1979	74,8	63,0		2,0					
1980	102,1	82,3	80,6	10,5	10,3	2,8	2,7	6,5	6,4
1981	110,7	79,0	71,4	14,4	13,0	4,2	3,8	12,9	11,7
1982	131,5	90,2	68,6	21,0	16,0	6,6	5,0	13,7	10,4
1983	129,5	81,2	62,7	26,5	20,5	7,9	6,1	13,9	10,7
1984	123,5	77,0	62,3	22,1	17,9	7,7	6,2	16,7	13,5
1985	153,2	95,6	62,4	20,2	13,2	9,0	5,9	28,3	18,5
1986	148,4	89,1	60,0	21,7	14,6	9,8	6,6	27,6	18,6
1987	132,3	64,6	48,8	23,9	18,1	8,9	6,7	34,9	26,4
1988	134,1	60,1	44,8	24,7	18,4	9,0	6,7	40,2	30,1

Источник: Экономический ежегодник Китая.—1989.

Сопоставление стоимостных показателей государственного, коллективного и индивидуального строительства подтверждает тенденцию «разгосударствления» жилищного строительства и ее темпы.

В 1988 г. из 106,7 млрд. юаней, инвестированных в целом в жилищное строительство в городе и селе, средства госбюджета составили лишь 29,2 млрд. юаней (27,4 %), финансы предприятий — 5,4 млрд. юаней, а личные средства граждан — 72,1 млрд. юаней (67,6 %). Важно подчеркнуть, что индивидуальная собственность бурно развивается в городском жилищном строительстве. Только за 5 лет (1983—1988) ее доля возросла с 3,8 до 13,1 % (с 1,6 до 14 млрд. юаней). Важно и то, что темпы развития индивидуальной собственности в городе намного опережают аналогичные показатели для села. За указанный пятилетний период они составили соответственно 792 и 170 % (в денежном выражении). Тем временем прирост коллективных инвестиций в городах приблизился лишь к 140 %, а госбюджетных — к 60 %.

В результате активного привлечения индивидуальных средств граждан удается повышать объемы жилищного строительства при сохранении или незначительном увеличении объемов государственного финансирования и одновременном сокращении его удельного веса в капвложениях в строительство в целом.

Поиск форм привлечения индивидуальных и коллективных средств финансирования жилищного строительства составил основное содержание первого этапа жилищной реформы — до 1987 г. Одна из форм — так называемая трехдольная кооперация. В 1981 г. правительство провело эксперимент в четырех городах среднего размера с целью несколько снизить финансовую нагрузку на государственный бюджет. Администрация предприятий и семьи должны были наравне с государством оплатить по трети стоимости нового жилья. Эксперимент был не вполне успешным, так как не решал проблему радикально, с точки зрения интересов государственного бюджета, и слишком обременял администрацию предприятий.

В то же время управленцы, эксперты и жители некоторых городов одобряют «трехдольную кооперацию» при покупке жилья. Например, жители Тяньцзиня внесли в 1989 г. на эти цели 100 млн. юаней, правительство — 25 млн. юаней, а местные предприятия — 75 млн. При стоимости 1 м² площади жилья 300 юаней семья вносит 2 тыс., а государство и предприятие — остальное².

В 1986 г. в городе Ухань, а позднее в Шанхае, Пекине и Тяньцзине опробован «кооперативный метод» жилищного строительства. Жители объединялись в кооперативы, которые сначала строят, а затем занимаются эксплуатацией жилья на паях с местными компаниями по недвижимости. Их средняя стоимость была 280 юаней за м². В других

городах кооперативы занимаются реконструкцией старых зданий, покупкой коммерческого жилища и пользуются при этом некоторыми льготами со стороны государства по сравнению с частными покупателями (средняя стоимость жилья здесь 350 юаней за м²). Однако жилищная кооперация не получила до сих пор значительного развития в Китае, и через два года после эксперимента в Ухани по всей стране насчитывалось лишь 20 кооперативов, владевших 160 тыс. м² жилплощади.

Наиболее радикальные шаги реформы — коммерциализация жилищного строительства и приватизация имеющегося общественного жилищного фонда — были приняты уже в первые годы реформирования экономики. В 1981 г. для коммерческих операций с жилищем создается Китайская государственная корпорация жилищного строительства и недвижимости. После 1982 г. в условиях сокращения госбюджетного ассигнования жилищного строительства и хронической нехватки средств на содержание жилищного фонда на муниципальном уровне приватизация стала рассматриваться как важный путь быстрого увеличения фондов. Некоторые небольшие городки начали продавать новые дома по цене от 100 до 200 юаней за м² (стоимость земли, которая в Китае подсчитывается и включается в стоимость жилплощади здесь заметно ниже, чем в крупных городах).

Чтобы ускорить продажу общественного жилья Китайская корпорация по жилищному строительству и развитию в 1984 г. провела в ряде городов следующий эксперимент. Для покупателей, вносивших деньги сразу (средняя квартира площадью 50 м² стоила 9 тыс. юаней, то есть примерно семилетний доход семьи), делалась скидка в размере 20—30 %; оплачивавшие в рассрочку должны были внести стоимость с процентами в течение 20 лет.

В 1985 г. городским жителям Китая уже было продано жилье общей площадью 4 млн. м².

Настоящим прорывом в развитии жилищной реформы и разработке ее принципиальной концепции стал эксперимент, предпринятый в городе Яньтай (провинция Шаньдун). Муниципалитет города исходил из того, что ежегодные дотации государства в размере 10 млрд. юаней на содержание жилищного фонда и 20 млрд. юаней на строительство жилища обусловлены низкой квартплатой — жилищной рентой. В среднем ее размер составляет 0,13 юаня за 1 м², а нижний предел — 0,02 юаня. Это значит, что квартира площадью 40 м² обходится семье несколько дороже пяти юаней в месяц (около 4 % дохода среднего горожанина или менее стоимости пачки хороших сигарет). Даже если прибавить к рентным платежам стоимость воды, электроэнергии, газа, плата за жилье все же не превысит 10 юаней, это около 10 % зарплаты рабочего средней квалификации. Начальная стоимость строительства 1 м² жилья с учетом стоимости земли составляет в среднем 300—500 юаней. Стоимость ремонта и содержания жилищного фонда по меньшей мере втрое превышает рентный доход. Помимо чрезмерной финансовой ноши для государства низкая рента чревата и другими негативными последствиями:

- большая доля жилищного фонда ветшает из-за недостатка средств;
- у населения отсутствует мотивация для покупки коммерческого жилья и выкупа государственных квартир в личную собственность;
- отсутствуют средства для расширения индустрии недвижимости;
- чиновники, причастные к распределению жилья, неизбежно погружаются в злоупотребления и коррупцию.

В течение 16 месяцев муниципалитет Яньтай обследовал 40 тыс. домохозяйств, их жилищные условия, демографическую структуру и др. Полученная информация была тщательно обработана и на ее основе специально созданные рабочие группы предложили более 50 планов жилищной реформы для города, из которых был выбран ныне действующий. В основе плана — принцип дифференцированной ренты. Согласно ему семья, занимающая большую, относительно норматива, площадь, должна платить больше, а находящаяся в стесненных условиях должна получать компенсацию. В то же время в целом размер квартплаты был повышен более чем в 7 раз — с 0,18 юаней до 1,28 юаня за 1 м². Одновременно выплачивается дополнительное к зарплате — 23,5 % от ее размера. Оно может быть потрачено только на оплату ренты.

Высокая рента стала мощным стимулом для покупки коммерческого жилья и приобретения государственных квартир в личную собственность. Для поощрения и облегчения покупки квартир специальный банк делает скидку в размере 14 % тем, кто вносит

стоимость квартир сразу. Предлагается низкопроцентный кредит, первый взнос составляет 30 % стоимости квартиры. Свою лепту вносят и предприятия: они могут предоставлять своим сотрудникам на срок от 3-х до 5-ти лет так называемые жилищные поручительства.

На кредиты взимается дифференцированный процент в зависимости от срока его погашения: до 5 лет — 3 %; от 5 до 10 лет — 3,3 %; от 10 до 15 лет — 3,6 %.

Трехкомнатная квартира обходится в 14 тыс. юаней, включая 4 тыс. взноса и 10 тыс. кредита. Те, кто приобретает квартиру в личную собственность, получают право ее продажи, сдачи внаем, передачи по наследству, дарения.

Принятая программа жилищной реформы в Яньтае по оценке китайских специалистов оказалась весьма действенной. Проведенное обследование 80 тыс. семей показало следующее:

- сверх государственной дотации, но не намного больше прежнего платят за квартиру 47 % семей, но только 3,6 % семей платят свыше 20 юаней в месяц;

- после 1987 г. около 20 тыс. семей обменяли многокомнатные квартиры на меньшие, а 200 семей, имевшие излишки жилплощади, отказались от них; до реформы насчитывалось 3 тыс. семей без жилья, заселенных коммунально или переуплотненно; в течение менее двух лет 2 тыс. из них решили свою жилищную проблему;

- изменилась структура потребления, вместо покупки дорогостоящих бытовых товаров (телевизоров, холодильников, видеомэгафононов) люди стали вкладывать деньги в жилье;

- резко увеличилось количество семей, желающих приобрести квартиру в личную собственность. К концу 1988 г. более 5 тыс. семей претендовали на покупку³.

Опыт Яньтая стал мощным стимулом распространения жилищной реформы по стране и принятия ее современной концепции. 1 августа 1987 г. Госсовет КНР одобрил этот опыт и программу реформы «по-яньтайски» и принял решение в течение 3—5 лет (начиная с 1988 г.) осуществить жилищную реформу по всему Китаю. Основной целью реформы ставится приватизация жилья. Признано необходимым разрушить систему, которая до последнего времени считалась моделью справедливого социалистического жилищного хозяйства.

Планируется распределение жилья заменить распределением финансов, повысить ренту не менее чем до 1 юаня за 1 м², ввести государственные субсидии к зарплате для оплаты повышенной ренты, превратить жилищное строительство в товарное производство, открыть в КНР рынок недвижимости и развивать его финансирование.

В 1988 г. принято решение двухэтапного повышения ренты. Руководитель Государственной комиссии по реконструкции экономики Гао Шаньчян так определил эти этапы:⁴

На первом этапе — в течение 3—5 лет — рента будет увеличена до размеров компенсирующей стоимость строительства, ее величина (включая амортизационные отчисления, стоимость ремонта, управленческих услуг, процент и таксу) возрастет до 1,56 юаня. Для обеспечения оплаты государство сделает специальные дотации в размере 25 % от зарплаты.

На втором этапе рента будет увеличена настолько, чтобы превратить жилищное строительство в саморазвивающийся сектор экономики, к базовой ренте добавится страховка и стоимость аренды земли, упомянутая дотация станет частью зарплаты.

В реализации реформы предполагается осторожность и постепенность и учет местных условий. Каждая провинция, муниципалитет и автономный район должны выбрать несколько городов или районов для апробации жилищной реформы и накопления опыта. К 1990 г. по первоначальному плану все города, кроме пограничных, удаленных и экономически отсталых, должны были начать реформу. Предложения с мест по выбору населенных пунктов для ее апробации согласуются с центральным правительством. От провинциальных городов пока не требуется начинать полномасштабную реформу, но они могут приступить к ограниченной, чтобы лучше подготовиться к грядущим переменам. Пересмотр ренты также предполагается делать с учетом местных условий.

Учитывая роль жилищной реформы не только для решения жилищной проблемы, но также в снижении инфляции, предотвращении разбухания фондов потребления и улучшении его структуры, наконец реорганизации экономики в целом, многие экономисты и политики в Китае и за рубежом признают ее центральной для экономической ре-

формы, «главной частью в усилиях центрального правительства установить рыночную экономику»⁶.

Считается, что если продать только половину построенного государством жилья городским жителям, будет получено 200 млрд. юаней на дальнейшее жилищное строительство и развитие других отраслей народного хозяйства.

Дополнительное значение жилищной реформе придает тот факт, что она рассматривается как инструмент решения чрезвычайно болезненной для Китая демографической проблемы. Так, планируется создание специальных денежных жилищных депозитов для единственного ребенка, который по достижении определенного возраста сможет получить квартиру, а семьи с двумя и более детьми будут лишены такого права.

Через два года после официального признания яньтайского эксперимента, в августе 1989 г., 26 из 30 провинций, автономных районов и городов центрального подчинения Китая присоединились к нему.

В апреле 1988 г. началась жилищная реформа в Пекине; разработан детальный план на основе изучения жилищной ситуации в столице⁶. План включает 16 пунктов: стандарт основной зарплаты, от которого будет зависеть дотация к зарплате; стандарт ренты, процент доплаты (государственной дотации) к основной зарплате, цену для вновь строящегося жилья, процедуру выплаты «жилищных купон».

Тяньцзинь — один из крупнейших городов Китая — входит в число 17. выбранных Госсоветом для апробации практики продажи построенного государством жилья. Муниципалитет Тяньцзиня организовал специальный Жилищный банк для создания фонда жилищного строительства; те, кто хранит здесь деньги, при наличии определенной суммы получает право внеочередной покупки квартиры. В 1988 г. в Тяньцзине проведен социологический опрос населения, который показал, что более 80 % жителей города поддерживают жилищную реформу. Из 1053 обследованных семей 814 высказались в ее пользу, главный мотив поддержки — реформа лишает чиновников возможности злоупотреблять положением при распределении жилища⁷.

В Гуанчжоу жилищная реформа вступила в силу 1 октября 1989 г. Ею также руководит специальная группа. Планируется все общественное жилье продать населению. На начало 1990 г. было продано 2 тыс. квартир общей площадью 130 тыс. м². Те, кто вносит стоимость квартиры сразу, пользуется скидкой в размере 20 %, поэтому 95 % покупателей выбрали именно этот путь. Большая часть жилья, построенного после 1 октября должна сразу продаваться, а не сдаваться (исключение делается лишь для малообеспеченных). С 1990 г. планировалось увеличить ренту, но жители получают субсидии — до 40 % зарплаты — от своих предприятий. Активно идет в Гуанчжоу выкуп общественного жилья в частную собственность. Если жилье полностью оплачивается в первый год, покупателю делается 20 %-ная скидка, каждый следующий год эта скидка сокращается на 5 %.

В Шанхае в 1988 г. состоялся первый в Китае аукцион по продаже городских квартир. Городские власти намерены продать большую часть вновь построенных квартир.

В январе 1988 г. Национальное совещание по жилищной реформе решило, что в городах, где реформа еще не начата, крупные предприятия могут начать взимание более высокой ренты с жителей вновь построенных домов или увеличить ренту за большие по площади квартиры в этих же зданиях.

Для ситуации по стране в целом характерно, что в крупных городах нет погоня за коммерческим жильем, а в средних и малых наблюдается настоящий бум. За 1988 г. в небольших городах и поселках две крупнейшие фирмы продали 6,5 млн. м² общей площади жилья на 800 млн. юаней. Средняя стоимость одного метра общей площади была при этом 120 юаней. Большинство покупателей составили бывшие фермеры, занявшиеся различными ремеслами.

В целом по стране действовало в 1988 г. 3214 компаний по торговле недвижимостью, их рабочий капитал составил 33 млрд. юаней, а чистая годовая прибыль — 1,3 млрд. юаней⁸.

Капитал таких компаний может быть смешанным. Например, одна из них — на 70 % финансируется предприятиями и частными лицами, на 16,3 % — банковскими ссудами, собственные средства корпорации составляют 13,7 %⁹.

По неполным данным отдела недвижимости Министерства строительства в 1988 г.

собственностью граждан стало коммерческое жилье площадью 7,23 млн. м², в среднем продано 28,3 % китайского фонда коммерческих квартир, прирост по сравнению с 1987 г. составил 10 %. Однако в общем объеме инвестиций в капитальное строительство капитальные вложения в коммерческое жилище занимают лишь около 7,2 % (табл. 2).

Таблица 2

**Продажа коммерческого жилища
(по стране в целом)**

Годы	Построено коммерческого жилища		Предъявлено к продаже	Продано жилья, млн. м. кв.		Средняя стоимость м. кв. общ. пл. юаней
	Всего, млн. м. кв.	Доля, % от жил. стр.		Всего	В т. ч., отд. лицам	
1987	29,1	22,0	34,11	23,85	4,27	503
1988	36,2	27,0		25,49	7,23	

В последние годы жилищная реформа стала наталкиваться на серьезные препятствия, в 1989 г. заговорили даже о том, что она вступила в критическую стадию. Называют следующие главные препятствия на пути ее развития.

1. Социально-психологическая установка значительной части населения на бесплатное получение жилья, уверенность многих в том, что они заслужили государственное жилище, как бы ни был скромнен их реальный вклад в общественную копилку.

Некоторые рассматривают коммерциализацию и приватизацию как беззащитную попытку государства забраться в карман к гражданину и потому противоречащую идеалам социализма.

2. Денег, в нынешних условиях, нет ни у большей части населения (средняя зарплата 80—100 юаней), ни у многих предприятий, значительная доля которых убыточна, ни у государства (дефицит госбюджета составил в 1988 г. 8 млрд. юаней).

Лишь некоторые социальные группы в состоянии платить за коммерческое жилье — владельцы частных предприятий, процветающие фермеры, высокооплачиваемые отставные служащие и китайские граждане, имеющие родственников за рубежом, но в целом они составляют не более 10 % населения.

3. Реформа увеличивает социальное противостояние, в частности, противоречит интересам чиновников, наделенных огромной властью и близких к сфере распределения жилища.

4. Стремительно растущая цена на жилье подрывает энтузиазм потенциальных покупателей.

5. Жилищная реформа плохо увязана с реформой других сфер — ценообразования, зарплаты, финансов и социального обеспечения.

6. Наряду с позитивным отношением к реформе значительной части населения необходимо отметить сомнения, а иногда и неприятие реформы другой его частью.

Характернейшей трудностью на пути жилищной реформы определяет и меры по ее ускорению. На специальном собрании, состоявшемся в Министерстве строительства Китая по случаю международного дня жилища 2 октября 1989 г. эксперты высказали некоторые предложения по развитию реформы. Главной задачей, по их мнению, является изменение психологической установки населения, пропаганда жилищного рынка и отказ от иждивенческих настроений в расчете на общественную благотворительность. Не менее важна задача координации жилищной реформы с реформами цен, зарплаты и в других взаимосвязанных экономических сферах.

В нынешней ситуации осуществляемая в КНР жилищная реформа является уникальным источником опыта по переводу государственного жилищного строительства на

«рельсы» рыночной экономики, превращению его в самофинансируемую отрасль народного хозяйства, избавлению государственного бюджета от явно непосильного бремени финансирования основных объемов жилищного строительства. Внимательный анализ упомянутых сложностей китайской жилищной реформы, а так же и ее очевидных достижений и находок является ценным источником опыта для глубокой реорганизации жилищного хозяйства в СССР.

¹ Kirkby R. J. R. Urbanization in China: Town and Country in a Developing Economy 1949—2000 AD.— Grown Helm, London, Sydney, 1985.— P. 177.

² In: China Daily.— 1989.— 3 November.

³ In: Mou Thento. Housing Reform in Yantai // China Reconstructs.— 1989.— № 8.— P. 12—13.

⁴ In: China Daily.— 1988.— 19 March.

⁵ Ibid.— 1989.— 21 January.

⁶ Ibid.— 1988.— 9 April.

⁷ Ibid.— 1988.— 12 January.

⁸ Ibid.— 1989.— 22 August.

⁹ Ibid.— 1989.— 14 January.

СИС: СОЦИУМ, ИНФОРМАЦИЯ, СТАТИСТИКА

Развитие туризма в Китае

По данным Государственного управления по делам туризма, в 1990 г. Китай посетили 27,46 млн. туристов или на 12,1 % больше, чем в 1989 г. Валютные поступления от туризма составили 2,22 млрд. американских долларов. Быстрый рост индустрии туризма после резкого спада в предыдущие годы китайские должностные лица объясняют повышением качества обслуживания, введением льготных тарифов, улучшением туристской инфраструктуры, открытием новых маршрутов.

Только в Пекине насчитывается 122 интуристовских гостиницы, 76 туристских бюро, в которых занято 120 тыс. человек и 3 тыс. гидов, владеющих иностранными языками.

В начале 1991 г. между правительствами СССР и КНР достигнуто соглашение об обоюдной отмене виз для туристских групп. Большое развитие получил приграничный туризм. Например, жители Благовещенска и соседнего китайского города Хэйхэ чуть ли не каждый день организуют однодневные туристские поездки друг к другу. В этих поездках участвуют и жители других городов и даже иностранцы, находящиеся в СССР и Китае.

Развитие дела туризма, подчеркнул Премьер Госсовета Ли Пэн, является составной частью китайской политики открытости внешнему миру. Оно имеет как экономическое, так и политическое значение.

Малые и средние предприятия в экономике Южной Кореи

ЛИ ДЕ ЕН

Обычно малые и средние предприятия уступают крупным предприятиям по размеру капитала, технической оснащенности и менеджменту. Вместе с тем малый и средний бизнес лидирует по таким показателям, как общее количество занятых на предприятиях и доля выпускаемой продукции в ВВП Республики Корея. Нужно также учитывать ряд специфических функций малых и средних предприятий в экономике государства, которые можно кратко сформулировать следующим образом:

1) Малые и средние предприятия содействуют развитию конкуренции и свободного предпринимательства. Постоянно совершенствуя выпускаемую продукцию и внедряя все новые технологии, они, сами являясь субъектами конкуренции, стимулируют ее рост между предприятиями, сдерживают монополизацию и способствуют сохранению здорового начала в экономическом механизме.

2) Малые и средние предприятия являются необходимым звеном в общей цепи общественного разделения труда. На современном этапе рост экономической эффективности достигается через совершенствование структуры производства, в процессе которого наряду с тенденцией к интеграции имеет место и дифференциация, ведущая к углублению разделения труда по горизонтали.

3) Малые и средние предприятия дают шанс многим потенциальным предпринимателям начать свое дело, служат базой для развития производств, на которые опирается крупный бизнес.

4) Малые и средние предприятия производят товары и услуги, которые нерентабельны для крупных предприятий, и тем самым расширяют их выбор.

В перспективе роль малых и средних предприятий в экономике Республики Корея, вероятно, будет возрастать. Это связано прежде всего с тем, что по мере удовлетворения основных потребностей покупателя они будут носить все более индивидуальный и разнообразный характер. А это означает, что такие предприятия в силу их большей гибкости в условиях изменяющейся обстановки будут расширять сферы своей деятельности.

С первой половины 60-х годов, когда в стране начались коренные экономические преобразования, по мере непрерывного совершенствования структуры производства постепенно возрастала и роль малых и средних предприятий. Вместе с тем, если сравнивать с промышленно развитыми странами, удельный вес этих предприятий в Республике Корея остается невысоким. Вполне очевидно, что для дальнейшего стабильного развития экономики страны необходимо неуклонно увеличивать количество малых и средних предприятий, с тем чтобы в сотрудничестве с крупными конгломератами они могли углублять специализацию, и гибко реагируя на изменение конъюнктуры рынка, оперативно заполнять свободные «ниши» в производственных структурах.

Ли де Ен, исследователь Института Китая и СССР Ханьянского университета, Сеул, Республика Корея.

1. Малые и средние предприятия до 80-х годов

Развитие малых и средних предприятий до 80-х годов можно разделить на два основных этапа:

Период формирования экспорт-ориентированной индустрии (1962—1971).

Период создания базовых отраслей национальной экономики: тяжелой и химической (1972—1979)².

Первый период характеризовался развитием малых и средних предприятий в отраслях легкой промышленности путем стимулирования их экспорта и налаживания кооперационных связей между предприятиями.

В рассматриваемые годы правительство успешно реализовало два 5-летних плана по созданию экспорт-ориентированной экономики. Внешние займы были использованы с учетом национальной специфики. Благодаря принятым мерам увеличился экспорт текстиля, кожи, деревянных и металлических изделий, различных механизмов, электроприборов и других товаров — преимущественно трудоемких изделий легкой промышленности.

Основным содержанием политики по отношению к малым и средним предприятиям в 60-е годы явилось принятие широких мер по их стимулированию, подкрепленных соответствующими законами. Однако ощутимые результаты в этой области были достигнуты лишь после 70-х годов.

На втором этапе развития малых и средних предприятий происходили расширение их экспортной базы, развитие сопряженных отраслей производства, стабилизация финансовых отношений между предприятиями, оптимизация системы государственных субсидий. Правительство издало ряд законов, ставших основой существования малых и средних предприятий с крупными конгломератами на принципах взаимного дополнения. Были разработаны меры комплексного обеспечения этих предприятий финансовыми средствами, менеджментом, технической помощью.

Отличительной чертой данного периода явилось, с одной стороны, налаживание серийного производства узлов и деталей на малых и средних предприятиях с последующей их доводкой и сборкой на крупных предприятиях, а с другой, — внедрение современных методов усиления конкурентоспособности малых и средних предприятий.

В ходе реализации третьего и четвертого 5-летних планов правительство одновременно с расширением экспорта и исходя из нужд обороны страны, провозгласило быстрое, приоритетное развитие тяжелой и химической промышленности. В 1977—1979 гг. в эти отрасли было вложено 3,9 млрд. долл., или 79 % всех средств, вложенных в промышленность³. В результате капиталовложения в легкую промышленность резко сократились, что негативно отразилось на положении малых и средних предприятий. Концентрация значительных средств в нескольких крупных корпорациях значительно ослабила потенциал национальной экономики в целом.

2. Развитие малых и средних предприятий в 80-е годы

В рассматриваемый период основной была задача ликвидации структурной диспропорции, явившейся результатом экономической политики 70-х годов.

На смену государственному субсидированию, так называемой политике социальной защиты, пришла экономическая политика, основанная на принципах экономической эффективности. Правительство всячески поощряло частную инициативу. Государство закрепило за собой обязательство защищать и всячески содействовать развитию малого и среднего бизнеса. Были приняты меры по укреплению конкурентоспособности малых и средних предприятий, активизации их сотрудничества с крупными предприятиями, обеспечению стабильной работы, увеличению технического содействия, развитию местной промышленности, расширению экспортных производств малых и средних предприятий, созданию совместных с зарубежными партнерами предприятий. В этот период также возрастали и дополнялись функции организаций, заинтересованных в помощи и содействии малых и средних предприятий.

3. Сравнительная характеристика политики по отношению к малым и средним предприятиям до и после 1980 года

Если провести сравнительный анализ политики развития малых и средних предприятий до и после 1980 года по таким критериям, как: основная идея и направленность; позиция правительства; содержание деятельности; пути развития, то можно отметить следующие различия.

а) Значительно изменились основные идея и направленность.

В 60-е годы политика правительства по отношению к малым и средним предприятиям еще не выделялась как отдельное направление, учитывались только отраслевые отличия различных сфер деятельности предприятий. В 70-е годы был взят курс на социальную защиту и содействие в развитии малых и средних предприятий в условиях ускоренного развития крупного бизнеса. В 80-е годы политика правительства в рассматриваемом отношении претерпевает кардинальные перемены: малые и средние предприятия рассматриваются не только с точки зрения обязательной защиты и содействия развитию, но и с позиции поощрения и расширения этого сектора экономики. В частности, было предусмотрено увеличить численность малых и средних предприятий прежде всего за счет вновь создаваемых предприятий, модернизировать и кооперировать уже созданные, стимулировать экспортный потенциал малых и средних предприятий.

Благодаря такой политике произошло укрепление связей внутри системы малых и средних предприятий.

б) В 80-е годы при принятии в Национальной Ассамблее доработанной Конституции Республики Корея в нее был включен пункт, гласивший, что «государство обязано защищать и развивать деятельность малых и средних предприятий». Тем самым было на самом высоком официальном уровне зафиксировано твердое намерение государства развивать такие предприятия. В этот период также был издан Указ о введении в действие Основного закона о малых и средних предприятиях, приняты законы о стимулировании закупок изделий вновь созданных малых и средних предприятий, а также внесено множество различных изменений в законы о таких предприятиях, принятые ранее.

в) Произошли значительные изменения и в способах реализации политики по отношению к малым и средним предприятиям. В 80-е годы развитие таких предприятий ведется в соответствии с комплексными планами, рассчитанными на длительную перспективу.

г) В рассматриваемый период значительно активизировалась деятельность различных организаций по содействию малым и средним предприятиям, взявших на себя функции по оказанию всесторонней поддержки различным мероприятиям правительства, направленным на развитие таких предприятий. Поскольку ранее не существовало таких органов комплексной поддержки, правительству приходилось действовать непосредственно через частный сектор, что не приводило к должной эффективности.

д) В 80-е годы в деятельности по развитию малых и средних предприятий помимо старых форм появились и различные новые формы, в частности такие, как поиск и помощь перспективным экспорт-ориентированным малым и средним предприятиям, а также вновь создаваемым предприятиям.

4. Положение малых и средних предприятий и необходимость технической модернизации

Экономическая политика 60-х годов, направленная на создание экспорт-ориентированных отраслей, и политика развития базовых отраслей в 70-х годах в основном ориентировались на создание крупных предприятий. Вследствие этого их роль возрастала, а роль малых и средних предприятий, напротив, ослабевала, что и привело к неэффективности в распределении ресурсов, к снижению производства комплектующих узлов и деталей, не обеспечивалось пропорциональное и органичное развитие всех отраслей промышленности. Главное же состояло в том, что снижение роли малых и средних предприятий ослабило базу технического прогресса юж-

нокорейской экономики, так как новые идеи и разработки новых товаров возникают чаще всего именно на этих предприятиях.

Разумеется, недостаточное развитие малых и средних предприятий снизило темпы технического прогресса в южнокорейской экономике в 60—70-х годах.

Южнокорейская экономика в рассматриваемый период достигла невиданного доселе роста, но экономические достижения тех лет базировались в основном на простом копировании, на переделке и подгонке к местным условиям уже устаревшей, невысокого класса техники, вышедшей или выходящей из употребления во многих развитых странах.

По мере того как позитивный потенциал указанных методов развития стал таять, возникла острая необходимость поиска новых путей реализации стратегии индустриализации. В этот период южнокорейская экономика не могла не перейти к интенсивному пути развития, а потому как никогда возросло значение технического прогресса, уровень которого определяет потенциальные возможности участия в международном разделении труда, укрепления структуры промышленности, увеличения благосостояния общества.

5. НИОКР и концепция технической модернизации

НИОКР включает в себя основные элементы технического новаторства — исследование и разработку. По определению «Национального фонда науки» (США) НИОКР есть слияние науки и техники, включая проектирование и разработку технологии новой продукции, а также исследование фундаментальных и прикладных наук, путей их развития. НИОКР подразумевают широкую деятельность по планомерному изучению выхода новых изделий и новых технологий, по усовершенствованию уже выпускаемых.

Д. Шумпетер, который первым систематизировал полемику о технической инновации, характеризует последнюю в очень широком смысле. Это: 1) производство новых товаров; 2) внедрение новых способов производства; 3) освоение новых рынков; 4) освоение новых ресурсов, 5) достижение новой ступени организации. Причем он рассматривает техническую инновацию как движущую силу развития экономики.

Питер Друк также придает технической инновации всеобъемлющий смысл. Он подразделяет принцип новаторства на внутрипроизводственные и внешние элементы, расширяя его далеко за пределы инновации.

Как ясно из вышесказанного, исследование и разработка фактически четко не подразделяются. Исследование тяготеет к новым открытиям и знаниям, а разработка стремится к возможности претворить мысль в производстве, и это является фундаментом технической инновации.

6. Роль малых и средних предприятий в технической инновации

Важнейшая роль малых и средних предприятий в технической инновации заключается в следующем¹.

а) Малые и средние предприятия являются основным источником технической инновации и их вклад в ее эпохальное развитие намного выше, чем в деле простого улучшения и копирования изделий.

б) Малые и средние предприятия в период технического обновления обеспечивают непрерывный поток товаров.

в) Малые и средние предприятия являются стержнем так называемых «новых технологических производств», которые можно видеть во многих развитых странах. Радикально осуществляя техническое новшество, такие малые и средние предприятия создают новый ведущий технический элемент или внедряют в производство прикладную технику, добиваясь нового этапа технического прогресса.

г) Значение вклада малых и средних предприятий в техническую инновацию различно в зависимости от рода деятельности. В общем можно сказать, что производства, требующие больших капиталовложений и огромных средств на техническую разработку, опираются на крупные предприятия, а производства с меньшими капиталовложениями и меньшими средствами на техническую разработку,

которые сравнительно легко выходят на рынок, осуществляют техническое новаторство через малые и средние предприятия.

7. Достоинства и недостатки малых и средних предприятий в технической инновации

Итак, малые и средние предприятия могут играть важную роль в техническом прогрессе, ибо их новаторство по сравнению с крупными предприятиями имеет ряд достоинств.

а) Малые и средние предприятия поддерживают тесную связь с потребителями, имеют работников по узкоспециальным техническим вопросам и поэтому могут быстро и эффективно реагировать на технический прогресс и колебания конъюнктуры рынка.

б) Менеджеры малых и средних предприятий, особенно в наукоемких отраслях, являются активными хозяйственниками, быстро схватывают новое и реализуют его на практике, между тем как на крупных предприятиях из-за бюрократических форм управления новаторские качества кадров часто угасают. Кроме того, по сравнению с менеджерами крупных предприятий у менеджеров малых и средних предприятий сильна тенденция к снижению риска, что особенно важно для инновационной деятельности.

в) Для успешного управления производством между сотрудниками любой организации должно быть налажено четкое взаимодействие — это касается как решения внутренних проблем, так и своевременного реагирования на внешние перемены. В этом смысле малые и средние предприятия действуют значительно эффективнее крупных.

г) То, что техническая инновация на малых и средних предприятиях более эффективна и экономична, чем на крупных, — это факт. Технические разработки первых, как правило, дешевле, срок их разработки короче, выше также и отдача технического нововведения по отношению к общим капиталовложениям на исследовательскую деятельность. К тому же малые и средние предприятия обычно разрабатывают только те проекты, которые имеют выход на рынок и связаны с меньшим риском. Поэтому в них доля успеха технических нововведений выше, чем на крупных предприятиях.

Таким образом, возможности технической инновации малых и средних предприятий с точки зрения внутренних моментов предпочтительнее.

В чем же заключаются их недостатки?

а) Для разработки значительных технических нововведений необходимы сильные технические кадры, которых малые и средние предприятия зачастую не имеют, так как не располагают ни средствами, ни иными возможностями для содержания специально создаваемых подразделений НИОКР.

б) Малые и средние предприятия подчас бывают слабы, когда речь идет о сборе информации извне, когда нужно узнать о потребностях рынка, о технических новшествах, а также уяснить политику технической помощи или политику правительства и на этой основе выработать правильный план действий или новаторский подход к проблеме.

в) Если подходить к рассматриваемому вопросу с точки зрения управления хозяйством, то управляющие малыми и средними предприятиями очень часто принимают решения лишь по своему усмотрению и от их воли в значительной мере зависит направление технической мысли. В наше время, когда велики перемены в обществе, особенно в экономике и технике, управленцы данных предприятий часто бывают бессильны правильно проанализировать возникшую ситуацию и выработать верную стратегию дальнейших действий.

г) Разработка новейших изделий и их сбыт сопряжены с определенным риском, требуют соответствующих финансовых затрат. Малые и средние предприятия зачастую не могут избавиться от риска и не способны изыскать средства на разработку изделий с повышенной степенью риска.

Таким образом, если малые и средние предприятия по сравнению с крупными предприятиями могут быстрее реагировать на изменения потребностей рынка, быть более гибкими в управлении и во внедрении технических новшеств, а также в приспособлении к внешним переменам. Вместе с тем следует иметь

в виду и недостатки малых и средних предприятий, что выражается в частности, в нехватке у них средств и способных технических кадров, ограниченной возможности в производственной и сбытовой сферах.

8. Техническая инновация в южнокорейской экономике сегодня: состояние, проблемы и пути их решения

а) Состояние технической инновации.

Период экономического застоя начала 70-х годов побудил развитые страны посредством технического новаторства изыскать способы оздоровления экономики и стимулирования развития малых и средних предприятий. Между тем Республика Корея в процессе развития экономики уделяла недостаточно внимания собственным исследовательским и конструкторским разработкам в области техники и технологии. Это привело к ее относительному отставанию в развитии технического прогресса. Одной из важнейших причин случившегося надо считать приоритетное субсидирование крупных предприятий, что негативно отразилось на заинтересованности предпринимателей во внедрении в производство передовых технических разработок. А с усилением тенденции к монополизации рынка замедлился процесс становления и развития системы свободной конкуренции, основанной на техническом превосходстве. Немаловажным обстоятельством явилось и то, что передача технологии на международном рынке носит характер «рынка продавца». Поэтому по мере ужесточения охраны передовой технологии странами-владельцами углубляется неравенство в техническом отношении между развитыми и развивающимися странами. Следовательно, если Республика Корея рассчитывает на непрерывный рост в будущем, то должна добиваться максимального укрепления возможностей осуществления собственных научно-конструкторских разработок, особенно на малых и средних предприятиях.

б) Причины отставания научно-технических разработок.

Как известно, низкий уровень научно-технических разработок и техники зависит от многих факторов, в частности от следующих:

— от стремления самих предприятий. Практика показывает, что многие из них проявляют недостаточный интерес к научно-техническим разработкам;

— от факторов внешней среды, среди которых прежде всего надо отметить недостаточное развитие малых и средних предприятий Республики Корея в сфере обмена научно-технической информацией по вертикали и по горизонтали, а именно: (1) недостаточно развиты связи между родственными предприятиями, кооперация в области НИОКР по созданию совместных исследовательских лабораторий, не налажен технический обмен между предприятиями различного профиля; (2) недостаточно развито управление головным предприятием дочерними предприятиями в научно-техническом и хозяйственном отношениях; (3) слабо развиты совместные разработки между ними, мала их роль в распространении технических достижений; (4) недостаточно широко пропагандируются передовые технические достижения через всевозможные выставки, ярмарки, рынки образцов;

— от того, что недостаточен уровень помощи малым и средним предприятиям в виде льготных финансирования, налогообложения и кредитования. Прежде всего необходима специальная система помощи и стимулирования, учитывающая особенности научно-технического развития таких предприятий. Отсутствие экспертного органа, способного компетентно оценить экономическую и техническую состоятельность разработок, не позволяет эффективно использовать финансовые средства, выделяемые правительством.

Финансовые организации зачастую не учитывают особенностей субсидирования малых и средних предприятий в области НИОКР, не обеспечивают их системой гарантий. Поэтому такие предприятия вынуждены на свой страх и риск изыскивать средства на научно-технические исследования. В области налогообложения крупные предприятия также находятся в более выгодном положении. Официально выполняя технические проекты правительства, они получают субсидии на развитие собственных исследовательских центров.

в) Пути решения проблем.

Учитывая структурные особенности современной системы субсидирования технических разработок, можно рассмотреть следующие возможности ее совершенствования.

(1) Страны, которые подобно Южной Корее находятся в стадии технического развития, прежде чем достигнут этапа самостоятельных разработок и их реализации, вынуждены опираться на иностранную передовую технику. Но нельзя закупать и использовать любую технику, необходим серьезный отбор с учетом уровня развития экономики страны-импортера, собственных национальных особенностей страны-экспортера, состояния ее технической инфраструктуры, а также наличия средств, предназначенных на внедрение техники.

(2) Действующая ныне система помощи техническому развитию малых и средних предприятий маломощна во всех ее звеньях, начиная с раннего этапа технической разработки и кончая производственным этапом. Поэтому необходимо всестороннее усиление всей системы субсидирования.

(3) Техническим разработкам малых и средних предприятий необходима не столько косвенная помощь в виде льготных налогов, сколько непосредственная помощь в виде дотаций. Для ускорения технического развития должна стать органичной связь «производство — фундаментальная наука — исследовательский центр — государство», чтобы увеличить совместные усилия по укреплению научно-технического потенциала малых и средних предприятий.

(4) Так же, как и в США, в Республике Корея усиливается необходимость роста новых предприятий, специализирующихся на НИОКР⁵.

Новатор-предприниматель должен одновременно обеспечивать решение троякого рода задач: финансирование из фонда риска; ускорение обмена технической информацией в научно-технической инфраструктуре; выход на рынок и охрану авторских прав.

Кроме того, необходимо создать комплексную систему содействия техническому новаторству малых и средних предприятий, включающую различные способы управления этим процессом, а именно: предоставление технической информации, техническое руководство и обучение, техническая разработка, совместные исследования государственного и частного секторов, совместные исследования между самими малыми и средними предприятиями, исследовательская разработка по заказу (по поручению)⁶.

* * *

Итак, в общих чертах рассмотрена политика Республики Корея в отношении малых и средних предприятий и пути развития технической инновации.

Сегодня здесь с усовершенствованием структуры промышленности все более возрастает роль таких предприятий, хотя по сравнению с передовыми развитыми странами их удельный вес, например по показателю добавленной стоимости, в южнокорейской экономике еще невелик (см. таблицу).

Таблица

Доля малых и средних предприятий в производстве***
(в %)

	Южная Корея (1986 г.)	США (1982 г.)	Япония (1985 г.)
по численности предприятий . . .	99,4	98,5	99,1
по количеству занятых	64,0	62,2	71,8
по добавленной стоимости	39,9	53,5	54,8

*** См.: Юн Гён Мин. Успехи и задачи политики развития малых и средних предприятий в 80-е годы. Сеул, Институт производства, 1989, с. 31. (на кор. яз.). При сопоставлении приведенных данных следует иметь в виду, что малое или среднее предприятие в Южной Корее — это предприятие с числом занятых до 300 человек, в Японии — до 300 человек (или с капиталом не более 100 млн. иен), а в США — с числом занятых от 500 до 1500 человек.

Если в США и Японии политика по отношению к малым и средним предприятиям в общем устоялась, то в Республике Корея она еще переживает этап формирования. Развитие малых и средних предприятий способствует сбалансированному развитию национальной экономики, укреплению конкурентоспособности на международном рынке, ускорению технического новаторства, более полному использованию рабочей силы, устранению дисбаланса в распределении доходов и т. д.— одним словом служит трамплином для прыжка в передовую экономику. Для обеспечения в будущем своего непрерывного роста Республика Корея должна укреплять собственный технический потенциал, в частности путем подтягивания все еще недостаточного потенциала малых и средних предприятий. Это важно особенно сегодня, когда во всем мире все более возрастает роль технического новаторства как главного элемента развития, когда передовые страны не очень-то легко расстаются со своей новейшей технологией, а развивающиеся страны становятся все более зависимыми в техническом отношении. Вследствие всего этого вопрос о новаторских функциях малых и средних предприятий стоит как никогда остро.

В заключение хочу отметить, что и в Южной Корее глубоко осознают необходимость всесторонней помощи ускоренному техническому развитию малых и средних предприятий, понимают их важную роль в техническом новаторстве. Республика Корея ставит перед собой в качестве поистине стратегической задачи полное освобождение от технологической зависимости, создание собственной высококоразвитой технической базы и выход на этой основе на рубежи самых высокообеспеченных современных обществ.

Перевод с корейского В. Кима и Г. Тен

¹ См., например: Гё Тван Хён. Современная теория малых и средних предприятий.— Сеул, 1987. (на кор. яз.)

² См.: Юн Гён Мни. Успехи и задачи политики развития малых и средних предприятий в 80-е годы.— Сеул, 1989.— С. 23. (на кор. яз.)

³ См.: Квак Сын Ен, Ли Ен Сен. Структура и политика экономики Республики Корея: 1960—1980.— Сеул, 1984.— С. 47. (на кор. яз.)

⁴ См., например: Ким Дек Кё. Возможности технических разработок малых и средних предприятий и политика развития этих предприятий технического профиля. Фонд науки Республики Корея.— Сеул, 1983.— С. 32—38. (на кор. яз.)

⁵ Новые предприятия сферы НИОКР родились в США и Западной Европе. Коротко их особенности состоят в следующем: 1) небольшая группа начинающих предпринимателей, владеющая технологией, специализируется на разработке и продаже новых технических идей, создает самостоятельное малое предприятие, специализирующееся на НИОКР; они в основной массе обладают высоким научным потенциалом; 2) их формирование и новаторская деятельность во многих случаях достигается посредством осуществления преемственности идей, внедрения в производство идей, разработанных в научных организациях институтов или действующих предприятий, а также посредством привлечения кадров с высоким научным потенциалом.

⁶ См.: Тё Ван Ги. Исследование технического новаторства Республики Корея. Производство экспорта.— Сеул, 1983.

Знакомьтесь: сельские предприниматели Китая

(Продолжение)

СЯО ШУЙГЭНЬ

(Директор Сучжоуской главной обувной фабрики «Дашэн», провинция Цзянсу)

Сучжоуская главная обувная фабрика «Дашэн» (первоначальное название: «Уцзянская вторая обувная фабрика») — предприятие в поселке Бэйку уезда Уцзян, провинция Цзянсу. В начальной стадии фабрика размещалась в 12 старых комнатах, располагала персоналом в количестве 18 молодых людей и кредитной ссудой на сумму 30 тысяч юаней. За семь лет, к концу 1987 года, штат фабрики увеличился до 1700 с лишним человек, площадь производственных помещений — до 21 тысячи квадратных метров. Сегодня основные фонды фабрики составляют 9,8 миллиона юаней, годовая продукция — около миллиона пар кожаной обуви. Фабрика стала одним из крупных обувных предприятий в провинции Цзянсу. С 1986 года обувь с маркой «Дашэн» уже вышла на рынки США и Японии. Объем экспорта обуви в 1988 году составил 150 тысяч пар.

Директором этой фабрики является Сяо Шуйгэнь, которого называют «обувным королем». Происходит он из крестьян, занимался в свое время столярным ремеслом. Его опыт по созданию фабрики многогранен. Он может рассказать о налаживании рациональной организации труда, об интеграции в единую систему таких звеньев, как принятие решений, моделирование продукции, налаживание технологии, производство и сбыт. Но самым главным в его опыте является, пожалуй, умение использовать преимущества предприятия как производителя высококачественной продукции для того, чтобы перешагнуть через границы района, отрасли и сферы собственности, создать блок предприятий и расширить возможности развития путем налаживания широких горизонтальных хозяйственных связей.

Шел 1984 год — четвертый год существования фабрики. Благодаря гибкости и оперативности в хозяйствовании, фабрика Сяо Шуйгэня наладила выпуск оригинальных моделей обуви. Их предложение не могло удовлетворить рыночный спрос. Однако из-за нехватки средств, ограниченности помещений и персонала трудно было обеспечить расширенное производство. Тогда Сяо Шуйгэнь приступил к организации объединения, в которое, помимо производственных, должны были войти комплектующие предприятия, по сбыту и другим звеньям оборота. Например, узнав, что мебельная фабрика в поселке Бэйку стала нерентабельным предприятием, Сяо Шуйгэнь договорился с ее руководством, и она стала филиалом главной фабрики, специализирующимся по производству каблуков. На обувной фабрике в селе Ваньцзы дела шли плохо. Сяо Шуйгэнь купил оборудование и помещение фабрики и на этой основе создал седьмой филиал. Таким образом, усилиями Сяо Шуйгэня было сформировано объединение с участием Первой поселковой фабрики своего уезда и других мест. Отношения между членами объединения — это либо паевые на основе смешанного капитала, либо отношения совместного хозяйствования и технического сотрудничества. Потом руководство объединения разработало единый план, для реализации которого на предприятия-филиалы был направлен новый технический и управленческий персонал. В результате на этих предприятиях зна-

чительно повысился уровень производства и управления. Сложилась единая цепь производственных процессов: от моделирования обуви до изготовления всех деталей: подошвы, каблука и т. д. Объем продукции увеличился в несколько раз. Объединение обладает комплексной производственной структурой, позволяющей выпускать кожаную обувь всех сезонов года, обувь для потребителей всех возрастов, обувь как дорогостоящую, так и дешевую, для массового потребителя.

Методом компенсационной торговли Сяо Шуйгэнь создал сырьевую базу производства для своего объединения, организовал сеть продажи продукции в более чем 100 больших и средних городах страны. Тем самым был обеспечен сбыт миллиона пар кожаной обуви, выпускаемого ежегодно.

В настоящее время предприятия обувного объединения «Дашэн» имеются в 5 провинциях и городах страны. Чуть ли не каждые три дня на рынок поступают 2 новые модели его продукции. Таких темпов не знала практика обувной промышленности Китая.

ЛИ ГУЙЛЯНЬ

(Директор Ляонинского производственного объединения готового платья «Синьцзинь»)

Эта женщина, получившая лишь неполное среднее образование, с 16 лет стала работать в поле. А сегодня она возглавляет современное предприятие по изготовлению экспортной одежды, где занято более 3,2 тысячи человек. В 1979 году Ли Гуйлянь организовала пошивочную фабрику, привлекла для этого 80 сельчан. Средства собрали сами. За 10 лет фабрика выросла в объединение, которое располагает 10 заводами-филиалами с 2100 единицами передового оборудования.

Став директором, Ли Гуйлянь отлично наладила управленческую работу. В центре ее внимания — меры, обеспечивающие качество продукции. Четкий ритм работы, высокое качество продукции и ответственность, с которой предприятие выполняет контрактные задания, принесли славу и объединению, и его директору. За последние несколько лет объединение «Синьцзинь», возглавляемое Ли Гуйлянь, поставило 5 миллионов штук одежды на рынки стран и районов в Европе, Азии и Америке, не получив при этом ни одной рекламации. Недаром один американский бизнесмен преподнес объединению «Синьцзинь» мемориальную доску с надписью «Непревзойденная репутация, высокое качество, широкая известность».

Ли Гуйлянь хорошо знает: для того чтобы сделать предприятие жизнеспособным, усилий одного человека недостаточно. Необходимо мобилизовать активность рабочих и служащих. Поэтому она стоит за то, чтобы руководитель всегда жил интересами и нуждами рабочих, был связан с ними тесными узами. Только при этом условии можно рассчитывать на поддержку людей. Ее слово не расходится с делом. «Рабочие понимают меня, а я — их» — говорит Ли Гуйлянь. Именно это взаимное понимание и взаимное доверие явились той цементирующей силой, благодаря которой маленькая пошивочная фабрика со штатом в 80 человек смогла в короткий срок войти в число солидных производственных объединений.

Там, где хорошо налажены взаимоотношения между рабочими и руководящим персоналом, любое распоряжение сверху встречается поддержку масс. Здесь никто не воспринимает правила и распоряжки как нечто принудительное. Руководители, в свою очередь, получили возможность уделять больше внимания изучению важных вопросов развития производства.

У ЦЗИЛУН

(Директор Гаочэнского металлургического завода, провинция Хэбэй)

У Цзилун — в прошлом рядовой крестьянин из уезда Гаочэн провинции Хэбэй. В ходе реформы хозяйственной системы он явился пионером в деле внедрения на госпредприятии нового механизма хозяйствования, получившего распространение на поселково-волостных предприятиях. Творчески подходя к подрядному и арендному методам, он внес новую жизненную силу в три цеха госпредприятий, долгое время оставшихся нерентабельными. Применяя опыт, накопленный в сельской реформе, он успешно разрешил вопрос, связанный с отделением права собственности от права хозяйствования на госпредприятии, в свою очередь предоставив ценный опыт для улучшения перестройки госпредприятий.

В начале 80-х годов в Китае стали быстро развиваться поселково-волостные предприятия. В то же время госпредприятия, несмотря на большие людские, материальные и финансовые ресурсы, не в состоянии были полностью использовать свои возможности. Это объяснялось главным образом тем, что на госпредприятиях рабочие и служащие «питались из общего котла» предприятия, а предприятия в свою очередь черпали из «общего котла» государства.

В конце 1981 года кремниевый цех Тайюаньского завода по производству электролизной меди уже дошел до грани банкротства. Этот цех, на строительство которого был затрачен миллион юаней, в течение 5 лет понес в общей сложности убытки на сумму 1,9 миллиона юаней. Руководители завода не раз приглашали специалистов в качестве шефов, надеясь, что удастся изменить положение в цехе. Но время шло, шефы приходили и уходили, а процент брака не сокращался, расход электроэнергии не снижался, цех оставался нерентабельным. И вот когда руководство завода уже собиралось закрыть этот цех, У Цзилун, который в то время был внештатным, временным рабочим на этом заводе, на свой риск заявил, что берет на себя наладить работу кремниевого цеха. Между ним и руководством завода был подписан контракт о подряде. В контракте между прочим оговаривалось, что завод обеспечит прожиточный минимум рабочим в случае, если цех понесет убытки. Если же цех станет рентабельным, то 70 процентов прибыли будет отчисляться заводу.

У Цзилун укомплектовал из таких же, как и он, временных рабочих — бывших крестьян, подрядную бригаду. Часть прежних рабочих тоже осталась в цехе. Остальные были перемещены на другие посты. У Цзилун отменил существовавшие разряды зарплаты и строгое разграничение функций персонала, ввел систему ответственности, согласно которой контингент рабочих, показатель экономической эффективности, фонд оплаты труда, а также условия премирования и штрафования устанавливались с учетом характера и объема задания. Новая система влила жизненную силу в производство. В том же 1982 году было рафинировано 707 тонн кремния, причем 97,5 процента продукции отвечало требованиям качества. Значительно сократился расход электроэнергии на тонну кремния. В том же году цех получил прибыль в размере 190 тысяч юаней.

Инициатива У Цзилуна, взявшего на подрядно-арендных условиях шефство над цехом, явилась смелым экспериментом в деле отделения права хозяйствования от права собственности на предприятии всенародной собственности. Он взял в свои руки бразды правления, благодаря чему решения стали тут же проводиться в жизнь, что стало ярким контрастом по сравнению с прежней практикой управления на госпредприятии, когда для реализации любой инициативы приходилось обращаться за санкцией в вышестоящие ведомства, а последние, как правило, тянули с ответом до бесконечности. В 1985 году У Цзилун на арендных условиях взял шефство еще и над кремниевым цехом по производству кремния Шицзячжуанского завода желтого фосфора. Валовая продукция цеха в стоимостном выражении в том же году составила 2,7 миллиона юаней. Была реализована прибыль на сумму 410 тысяч юаней. 90 процентов продукции было экспортировано за границу, в результате чего было выручено более 800 тысяч американских долларов дохода.

Теперь на основе возглавляемой У Цзилуном подрядной бригады выросла промышленная компания, где занято 600 рабочих и служащих. Эта компания шефствует над 8 предприятиями 4 провинций.

(Продолжение следует)

Б. СЛАВИНСКИЙ

На вечернем заседании 6 сентября 1951 г. с часовой речью выступил глава советской делегации на Сан-Францисской конференции, первый заместитель министра иностранных дел СССР А. А. Громыко¹.

Выступление А. А. Громыко

Советский представитель отметил важность вопроса о мирном договоре с Японией, воевавшей против многих стран, «не говоря уже о Китайской Народной Республике, народ которой в течение длительного времени вел один на один борьбу против вторгнувшегося на ее территорию японского агрессора...». При этом китайский народ понес огромные потери, материальные и человеческие. Отстаивая свою независимость в борьбе против японской агрессии, приняв на себя основную тяжесть борьбы против этой агрессии, китайский народ внес неоценимый вклад в дело борьбы с японскими милитаристами, ускорив таким образом окончательную победу свободных народов.

Далее глава советской делегации напомнил, как развивалась японская агрессия. Еще в 1931 г. японская армия вторглась в Маньчжурию. После шестилетней оккупации Маньчжурии, которая была превращена Японией в военный плацдарм для дальнейшего расширения агрессии на азиатский континент, милитаристская Япония вторглась в 1937 г. в Центральный Китай и оккупировала жизненно важные центры страны.

В 1938 г. Япония напала на Советский Союз в районе Владивостока у озера Хасан. Получив должный отпор, в 1939 г. агрессивные силы Японии повторили свое нападение в другом месте, в районе Монголии, около Халхин-Гола, чтобы прорваться на советскую территорию. Получив и на этот раз отпор со стороны вооруженных сил Советского Союза, японские милитаристы, как известно, не отказались от своих агрессивных планов в отношении СССР, не скрывая, что их целью является захват советского Дальнего Востока.

От японской агрессии пострадал ряд других стран Дальнего Востока и Азии, в том числе Филиппины, Индонезия, Бирма, Индия. Урон понесли и США — нападение Японии на военно-морскую базу США в Тихом океане — Перл-Харбор. Война расширилась, охватив значительную часть Азии, и длилась почти 15 лет.

Потребовались объединенные усилия держав для того, чтобы отстоять независимость стран, подвергшихся нападению со стороны японского агрессора, и создать условия для установления прочного мира на Дальнем Востоке.

В течение нескольких лет Советский Союз неоднократно предлагал предпринять практические шаги для мирного урегулирования на Дальнем Востоке, в том числе ускорить заключение мирного договора с Японией. «Речь должна идти о таком мирном договоре и таком мирном урегулировании с Японией, — утверждал Громыко, — которые не позволили бы вновь поднять голову японскому милитаризму и обеспечили бы мир и безопасность для всех стран Азии и Дальнего Востока».

Эта задача может быть решена успешно, если участники конференции будут исходить из тех принципов, которые нашли свое выражение в известных международных соглашениях, касающихся Японии, и претворение которых в жизнь

¹ Окончание. Начало см. «ПДВ». № 1991 — № 3.

обеспечило бы недопущение возрождения японского милитаризма. Это относится, прежде всего, к таким соглашениям, как Каирская декларация 1943 г., Потсдамская декларация 1945 г. и Ялтинское соглашение 1945 г., по которым США, Великобритания, Китай и Советский Союз взяли на себя определенные обязательства как в отношении завершения войны с Японией, так и в отношении мирного урегулирования с Японией и превращения ее в миролюбивое, демократическое государство.

Это относится также к таким соглашениям, как Декларация Объединенных Наций от 1 января 1942 г., по которой Объединенные Нации взяли обязательства не заключать сепаратного мира с враждебными государствами, в том числе с Японией, и решения ДВК об основной политике в отношении Японии, принятые уже после окончания войны с Японией.

Известно, что Потсдамская декларация от 26 июля 1945 г. и принятые в соответствии с этой декларацией решения Дальневосточной комиссии об основной политике в отношении Японии, предусматривают искоренение японского милитаризма и недопущение условий, которые позволили бы вновь возродиться милитаризму в Японии. Решением ДВК «Основная политика в отношении Японии после капитуляции» от 19 июня 1947 г. на Японию накладываются, в частности, строгие ограничения в отношении ее вооруженных сил. После заключения мирного договора все оккупационные войска должны быть выведены из Японии, и ее территория не должна использоваться для содержания иностранных военных баз. Отсутствие в мирном договоре четкого и ясного указания на этот счет противоречило бы самой цели мирного урегулирования с Японией, которое должно привести к восстановлению ее суверенитета, равно как противоречило бы интересам поддержания мира на Дальнем Востоке, утверждал докладчик.

Особое внимание Громыко уделит рассмотрению территориальных вопросов, которые ранее были согласованы союзными державами. В этих соглашениях нашли свое признание совершенно бесспорные права Китая, теперь Китайской Народной Республики, на территории, до сих пор остающиеся отторгнутыми от Китая. Бесспорно, что исконные территории Китая, отторгнутые от него, как остров Тайвань (Формоза), Пескадорские, Парасельские острова и другие китайские территории, должны быть возвращены КНР.

Также бесспорны права Советского Союза на южную часть острова Сахалин и все прилегающие к ней острова, а также на Курильские острова, находящиеся ныне под суверенитетом Советского Союза.

В американско-английском проекте предусматривается вступление Японии в военные группировки, создаваемые под эгидой США, цель которых не имеет ничего общего с интересами поддержания мира на Дальнем Востоке. Правительство США добивается, чтобы уже в самом мирном договоре был предreshен вопрос о заключении военного соглашения между США и Японией и чтобы, таким образом, уже при заключении мирного договора с Японией была предreshена ее судьба как американской военной базы, отметил Громыко.

В отношении вывода с территории Японии оккупационных войск. В американско-английском проекте (статья б) формально содержится положение о выводе войск. Однако, в этой же статье говорится о возможности сохранения вооруженных сил на японской территории «в соответствии или вследствие какого-либо двустороннего или многостороннего соглашения, которые заключены или могут быть заключены между одной или несколькими союзными державами, с одной стороны, и Японией — с другой».

Ясно, что оговорка относительно вывода оккупационных войск в 90 дней — это пустая и ничего не говорящая фраза, употребленная явно для того, чтобы ввести в заблуждение наивных людей относительно действительного смысла этой статьи договора. Действительный же смысл ее состоит в том, — заметил Громыко, — что уже сейчас Японии навязываются соглашения, по которым она заранее обязуется предоставить свою территорию для создания американских сухопутных, военно-морских и военно-воздушных баз, в соответствии с агрессивными планами США на Дальнем Востоке.

В проекте указывается лишь на отказ Японии от права на китайские территории — острова Тайвань, Пескадорские, Парасельские и другие острова, но

«сознательно умалчивается о дальнейшей судьбе этих территорий». Между тем совершенно ясно — они должны быть возвращены китайскому народу, хозяину своей земли, подчеркнул Громько. «Точно также, пытаясь грубо нарушить и суверенные права Советского Союза в отношении Южного Сахалина с прилегающими к нему островами и Курильских островов, уже в настоящее время находящихся под суверенитетом Советского Союза, проект также ограничивается лишь упоминанием об отказе Японии от пран, правооснований и претензий на эти территории, умалчивая об исторической принадлежности этих территорий и о бесспорной обязанности Японии признать суверенитет Советского Союза на эти части территории СССР. Мы уже не говорим, продолжал Громько, что; внося такого рода предложения по территориальным вопросам, США и Великобритания, подписавшие в свое время Каирскую и Потсдамскую декларации, а также Ялтинское соглашение, стали на путь грубейших нарушений обязательств, принятых на себя по этим международным соглашениям.

Американо-английский проект предусматривает изъятие из-под суверенитета Японии островов Рюкю, Бонин, Розарио, Волкано, Парес-Вела, Маркус и Дайто и передачу их под администрацию США под предлогом установления над этими островами опеки ООН. Однако, хорошо известно, что такое отторжение от Японии названных островов не предусмотрено упомянутыми соглашениями держав, а также решениями Совета Безопасности, который только и имеет право выносить решения об опеке над теми или иными территориями, имеющими стратегическое значение. Это значит, что включенное в американо-английский проект требование является произвольным и незаконным, сказал Громько.

Серьезного внимания заслуживают те положения американо-английского проекта, которые посвящены экономическим вопросам. В нем главное внимание уделяется закреплению экономических привилегий, которые получили некоторые государства в Японии, и, прежде всего, США после войны и в ходе оккупации Японии.

Американо-английский проект мирного договора с Японией, представленный на конференции, не может ни в какой мере служить делу мирного урегулирования с Японией. Он не может удовлетворить ни одно государство, которое не на словах, а на деле стоит за установление прочного мира на Дальнем Востоке, утверждал докладчик. Этот договор вызвал отрицательное к себе отношение со стороны КНР, Индии, Бирмы и некоторых других стран.

Известно также, что правительство Индии, продолжал советский делегат, осудило американо-английский проект, заявив, что оно не может быть участником этого договора ввиду того, что предусматриваемое им «урегулирование не может быть ничем иным, как источником недовольства среди широких слоев японского народа и должно посеять семена будущего раздора и возможного конфликта на Дальнем Востоке»².

Подводя итоги сказанному, Громько сделал следующие выводы относительно американо-английского проекта мирного договора: 1. Проект не содержит никаких гарантий против восстановления японского милитаризма, превращения Японии в агрессивное государство. Проект не содержит гарантий обеспечения безопасности стран, пострадавших от агрессии милитаристской Японии. Проект создает условия для возрождения японского милитаризма, угрозу повторения японской агрессии. 2. Проект договора фактически не предусматривает вывода оккупационных иностранных войск. Наоборот, он закрепляет пребывание на территории Японии иностранных вооруженных сил и содержание иностранных военных баз в Японии и после подписания мирного договора.

Под предлогом самообороны Японии проект предусматривает участие Японии в агрессивном военном союзе с Соединенными Штатами.

3. Проект договора не только не предусматривает обязательств Японии не вступать ни в какие коалиции, направленные против любого из государств, участвовавших в войне с милитаристской Японией, но, наоборот, расчищает дорогу для участия Японии в агрессивных блоках на Дальнем Востоке, созданных под эгидой США.

4. Проект договора не содержит никаких положений о демократизации Японии, об обеспечении демократических прав японского народа, что создает прямую угрозу возрождения довоенных фашистских порядков в Японии.

5. Проект договора грубо нарушает завоеванное право китайского народа на неотъемлемую часть Китая — Тайвань (Формозу), Пескадорские, Парасельские острова и другие

территории, отторгнутые от Китая в результате японской агрессии.

6. Проект договора противоречит тем обязательствам, которые взяли на себя США и Великобритания по Ялтинскому соглашению о возвращении Сахалина и о передаче Курильских островов Советскому Союзу.

7. Многочисленные экономические постановления рассчитаны на то, чтобы закрепить за иностранными, в первую очередь американскими, монополиями приобретенные ими в период оккупации привилегии. Японская экономика ставится в кабальную зависимость от этих иностранных монополий.

8. Проект фактически игнорирует законные требования государств, пострадавших от японской оккупации, о возмещении Японией понесенного ими ущерба. Вместе с тем, предусматривая возмещение ущерба непосредственно трудом японского населения, он называет Японию кабальной формой репараций.

9. Американско-английский проект является не договором мира, а договором подготовки новой войны на Дальнем Востоке¹.

Не может быть никакого оправдания тому, продолжал Громыко, что правительства США и Англии захватили в свои руки подготовку мирного договора и теперь толкают другие государства на заключение подготовленного ими сепаратного договора с Японией. Тем не менее, Советский Союз не отказался участвовать в Сан-Францисской конференции. Это объясняется необходимостью во всеуслышание сказать подлинную правду об американско-английском проекте и противопоставить ему требования относительно такого мирного договора с Японией, который действительно отвечает интересам мирного урегулирования на Дальнем Востоке и служит укреплению всеобщего мира.

Учитывая то, что американско-английский проект мирного договора, по мнению советской стороны, не отвечает тем требованиям, которые предъявляются к мирному договору с Японией, советская делегация предложила внести следующие поправки к проекту мирного договора, внесенному правительствами США и Великобритании на рассмотрение конференции:

1. По статье 2.

а) Вместо пунктов «в» и «г» включить пункт в следующей редакции:

«Япония признает полный суверенитет Китайской Народной Республики над Маньчжурией, островом Тайвань (Формоза) со всеми прилегающими к нему островами, над островами Пенхулуэдао (Пескадорские), островами Дуншачюньдао (острова Пратас), а также над островами Сишачюньдао и Чжувшачюньдао (острова Парасельские, группа Амфитриты и банка Макксфилд) и островами Наньшанюньдао, включая остров Спратли, и отказывается от всех прав, правооснований и претензий на названные в этой статье территории».

б) Пункт «с» изложить в следующей редакции:

«Япония признает полный суверенитет Союза Советских Социалистических Республик на южную часть острова Сахалин со всеми прилегающими к ней островами и на Курильские острова и отказывается от всех прав, правооснований и претензий на эти острова».

2. По статье 3. Изложить статью в следующей редакции:

«Суверенитет Японии будет распространяться на территорию, состоящую из островов Хонсю, Кюсю, Сикоку, Хоккайдо, а также Рюкю, Бонин, Розарио, Волкано, Парес-Вела, Маркус, Цусима и другие острова, входившие в состав Японии до 7 декабря 1941 г., за исключением тех территорий и островов, которые указаны в статье 2».

3. По статье 6. Пункт «а» изложить в следующей редакции:

«Все вооруженные силы союзных и соединенных держав будут выведены из Японии в возможно короткий срок, и, во всяком случае, не более чем в 90 дней со дня вступления в силу настоящего договора, после чего ни одна из союзных или соединенных держав, а также никакая другая иностранная держава не будет иметь своих войск или военных баз на территории Японии».

4. По статье 14. Пункт «а» и подпункт 1 этого же пункта заменить следующим пунктом:

«Япония принимает на себя обязательство возместить убытки, причиненные военными действиями против союзных и соединенных держав, а также оккупацией территорий некоторых союзных и соединенных держав. Размер и источник покрытия подлежащих выплате Японией репараций должны быть рассмотрены на конференции

заинтересованных государств с обязательным участием стран, подвергшихся японской оккупации, а именно — КНР, Индонезии, Филиппин, Бирмы и с приглашением на эту конференцию Японии».

5. По статье 23. Вместо пунктов «а» и «в» включить пункт в следующей редакции:

«Настоящий договор будет ратифицирован государствами, которые подпишут его, включая Японию, и войдет в силу для всех государств, которые его затем ратифицируют, когда ратификационные грамоты будут сданы на хранение Японией и большинством стран, включая США, Советский Союз, Китайскую Народную Республику и Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии... Он войдет в силу для каждого государства, которое впоследствии ратифицирует его, с момента сдачи ратификационной грамоты на хранение».

6 и 7. Новые статьи (в главе IV) о демократических тенденциях среди японского народа.

8. Новая статья (в главе VIII).

«Япония обязуется не вступать ни в какие коалиции или военные союзы, направленные против какой-либо державы, принимавшей участие своими вооруженными силами в войне против Японии».

9. Новая статья (в главе III).

«Сухопутные, военно-воздушные и военно-морские вооружения Японии будут строго ограничены так, чтобы отвечать исключительно задачам самообороны. В соответствии с вышеизложенным Японии разрешается иметь вооруженные силы, включая пограничную охрану и жандармерию не выше чем:

а) сухопутная армия, включая зенитную артиллерию, с общей численностью личного состава в 150 тыс. человек;

в) военно-морской флот с численностью личного состава в 25 тыс. человек и общим тоннажем в 75 тыс. тонн;

с) военно-воздушные силы — 20 тыс. человек.»

10 и 11. Новые статьи (в главе III) об ограничении военной деятельности в Японии.

12. Новая статья (в главе IV).

«На Японию не налагаются никакие ограничения в развитии ее мирной промышленности, а также в развитии торговли Японии с другими государствами и ее доступа к сырьевым ресурсам в соответствии с нуждами экономики Японии. Равным образом на Японию не налагается никаких ограничений в развитии ее торгового судоходства и строительства торговых судов».

13. Новая статья (в главе III).

«1. Проливы Лаперуза (Соя) и Нимуро по всему японскому побережью, а также Сангарский (Цугару) и Цусимский должны быть демилитаризованы. Эти проливы будут всегда открыты для прохода торговых судов всех стран.

2. Проливы, указанные в п. 1 настоящей статьи, должны быть открыты для прохода лишь тех военных судов, которые принадлежат державам, прилегающим к Японскому морю»⁴.

Несмотря на столь тщательную подготовку к работе конференции, обработку практически всех ее участников, разработчикам проекта мирного договора были высказаны серьезные замечания по его содержанию со стороны многих делегатов не только социалистических стран, но и близких союзников США. Это касалось таких кардинальных вопросов как отсутствие в тексте договора ограничений на возможное перевооружение Японии, опасение японской экономической экспансии в азиатско-тихоокеанские страны, угроза со стороны Японии проблемам рыболовства на Тихом океане.

Так, новозеландский представитель заявил, что его правительство приветствовало бы определенные «разумные ограничения в отношении японского вооружения и несколько большие гарантии того, что война, которая так жестоко была навязана нам..., никогда больше не повторится»⁵. Делегация Австралии высказалась в пользу включения в мирный договор ряда ограничений относительно численности вооружения будущих японских оборонительных сил⁶.

Представитель Филиппин Ромуло высказал несколько критических замечаний и объяснил, что Филиппины дают согласие на ремилитаризацию Японии, учитывая, что она

«в конечном счете» будет включена в систему коллективной безопасности и тем самым «будут рассеяны все опасения, которые в противном случае могли бы возникнуть на Филиппинах»⁷.

Намерение США оставить свои войска на территории Японии и после прекращения оккупации подверглось острой критике на конференции не только со стороны социалистических стран, но и представителей ряда азиатских и африканских государств. Еще до начала работы конференции в ноте индийского правительства от 23 августа 1951 г. говорилось: «Положение договора, которое в части оборонительного соглашения предусматривает, что нынешние оккупационные силы могут и впредь оставаться в Японии, наводит на мысль, что это соглашение не представляет собой решения, принятого Японией как государством, пользующимся полной свободой и суверенитетом. Последствия этого будут самыми плачевными не только для народов Японии, но и для широких слоев населения Азии»⁸.

Серьезные разногласия среди многих стран, воевавших с Японией, вызвала проблема репараций. Еще на стадии выработки условий мирного урегулирования ряд государств в категорической форме потребовали от Соединенных Штатов безоговорочного восстановления Японией понесенных этими странами огромных материальных потерь. Так, Филиппины настаивали на репарационных платежах в сумме 8 млрд. долл., Франция потребовала 2 млрд. долл. репараций. Материальные потери Голландии в результате японского нашествия, по подсчетам голландского правительства, составили около 2 млрд. долл.

20 июля 1951 г. правительство Бирмы заявило, что оно не подпишет мирный договор, так как он дает возможность Японии уклониться от ответственности за уплату репараций, на которые Бирма имеет право⁹.

Как уже отмечалось ранее, Советский Союз внес на конференции предложение тщательно обсудить проблему репараций на специально созванной конференции заинтересованных государств с участием Китая, который за восемь лет войны против Японии потерял 10 млн. человек, а потери собственности достигли 50 млрд. долл. Это советское предложение, по решению председателя конференции, не обсуждалось и было также отвергнуто.

7 сентября слово было предоставлено последнему, сорок девятому оратору — полномочному представителю Японии Сигэру Ёсида.

Выступление С. Ёсида

«В мирном договоре, который рассматривает конференция, нет статей карательного или реваншистского характера; в нем отсутствуют такие положения, которые налагали бы длительные ограничения на японский народ. Этот договор полностью восстанавливает в Японии суверенитет, равенство и свободу и принимает ее в международное сообщество в качестве свободного и равноправного члена. Этот договор является не договором мести, а документом, свидетельствующим о «примирении и дсверии». В качестве полномочного представителя Японии я с радостью принимаю этот справедливый и великодушный мирный договор», — заявил Ёсида¹⁰.

Обратило на себя высказывание японского представителя по территориальным вопросам. «В отношении Курил и Южного Сахалина я не могу согласиться с утверждением советской делегации, что Япония захватила их с помощью агрессии», — заявил премьер-министр. Он утверждал, что северные Курилы (к югу от Урупа) и южная часть Сахалина были областями, открытыми и для Японии, и для русских поселенцев. 7 мая 1875 г. Сахалин стал русским в результате его обмена на северные Курилы. «Но на самом деле, — заявил Ёсида, — под названием «обмен» Япония просто уступила Южный Сахалин России для того, чтобы решить территориальный спор. Это по Портсмутскому договору 1905 г., заключенному при посредничестве президента США Т. Рузвельта, Южный Сахалин стал также японской территорией»¹¹.

«Острова Хабомаи и Шикотан, составляющие часть Хоккайдо, одного из четырех основных японских островов, все еще оккупируются советскими вооруженными силами просто потому, что на них размещались японские войска в то время, когда заканчивалась война».

«К сожалению, — продолжал премьер-министр, — зловещие силы тоталитарного угнетения и тирании все еще действуют в мире. Эти силы простираются через половину азиат-

ского континента, сеют семена раздора, распространяют беспорядки и смуту и вызывают открытую агрессию повсюду, в том числе в непосредственной близости от Японии. В этих условиях мы, будучи разоруженными, для того, чтобы избежать угрозы войны, вынуждены искать помощь от страны, которая может и желает помочь нам. Вот почему мы намереваемся заключить договор безопасности с Соединенными Штатами, по которому американские войска останутся в Японии до тех пор, пока такая опасность будет ликвидирована, или международный мир и безопасность будут гарантированы под эгидой Организации Объединенных Наций или на основе коллективного соглашения».

Есида позволил себе ряд грубых высказываний в адрес Советского Союза. Он, в частности, заявил: «Япония уже подвергалась в свое время опасности с севера со стороны царского империализма, который угрожал Курилам и Хоккайдо. Сегодня — это коммунистическая угроза, которая исходит с того же направления».

«Когда союзные войска будут выведены из нашей страны в соответствии с заключенным договором, образуется состояние вакуума в стране, — продолжал Есида. — Ясно, что эта лавина агрессии обрушится на наше побережье. Вот поэтому крайне необходимо во имя нашего существования предпринять соответствующие меры безопасности», — заключил премьер-министр Японии¹².

На вечернем заседании 7 сентября, после выступления всех делегаций А. А. Громыко спросил председателя конференции Ачесона, намерен ли он поставить на рассмотрение и решение конференции советские поправки и дополнения к проекту. Сначала Ачесон заявил, что эти поправки и дополнения не внесены формально на рассмотрение конференции. Когда же Громыко напомнил, что они не только составляли часть заявления советской делегации, но были одновременно представлены и отдельно, Ачесон сослался на то, что конференция созвана только для подписания договора и что требование советской делегации о рассмотрении ее предложений и принятия по ним решения «не относится к порядку дня».

В ответ на это глава советской делегации назвал заявление председателя «беспрецедентным», так как оно «преследует цель навязать конференции в порядке диктата без каких-либо изменений американско-английский проект мирного договора с Японией». Конференция, сказал он, превращается в формальную процедуру, предназначенную для того, чтобы протамповать американско-английский проект мирного договора с Японией, а действия США объясняются их боязнью всестороннего публичного обсуждения предложенных Советским Союзом поправок и дополнений. Заявив, что он оспаривает заявление председателя, Громыко потребовал, чтобы оно было поставлено на обсуждение конференции. Однако Ачесон, используя большинство поддерживающих США государств, добился решения в поддержку своей позиции. Не обсуждались дополнения и поправки, внесенные другими делегациями.

Заключительное выступление Дж. Даллеса

Заключительное выступление Даллеса свелось в основном к ответу на выступление Громыко, анализу выдвинутых им советских предложений. Все то, что предложил Советский Союз, сказал Даллес, имеет целью создать обстановку, в которой Япония была бы беззащитной как от внутренней нестабильности, так и внешней угрозы до такой степени, чтобы она могла легко стать жертвой любой сильной и динамичной соседней державы. И мы все знаем, что имеется такая сильная и динамичная держава в непосредственной близости от Японии.

Несмотря на наши искренние усилия прийти к соглашению с Советским Союзом, мы не смогли найти с ним общий язык, отметил американский дипломат. Это можно видеть и по тем предложениям, которые он сделал на этой конференции. Например, советское предложение номер 6 говорит о поддержке организаций, которые способствуют развитию «демократических» тенденций в Японии. На советском языке единственной организацией, которая проводит «демократические» тенденции, является коммунистическая партия. И те статьи, если их одобрить, не позволили бы предпринять какие-либо меры против деятельности в Японии коммунистической партии.

Что же касается внешних аспектов, то по советским представлениям Япония должна полагаться только на свою самооборону. Это означает, что она лишается возможности получить помощь извне, не может вступить в соглашение о коллектив-

ной безопасности, которая предоставляется любому суверенному государству в соответствии с Уставом ООН.

Особо Даллес выделил советское предложение номер 13, касающееся деятельности ВМФ в Японском море. Что оно означает, спросил он? По этому предложению единственной военно-морской силой, действующей там, стал бы базирующийся во Владивостоке огромный советский флот, который будет патрулировать воды по всему японскому побережью, разрежет Японию на две части и отделит ее от Кореи, так что даже силы ООН не смогут действовать в проливах между Корейским полуостровом и Японией. Вот какого рода «шутки» содержатся в серии советских предложений, с которыми мы сталкивались в течение 11 месяцев. И вот почему было невозможно для нас прийти к любому соглашению с Советским Союзом, несмотря на наше искреннее желание сделать это, заключил Даллес¹⁴.

Заключительное выступление К. Янгера

Заключительное выступление К. Янгера явилось своеобразным ответом на выступление советского делегата. Он подчеркнул, что за проект договора на конференции выступило 48 стран и только 3 — против. «После того, как меньшинство высказало свои взгляды, — сказал министр, — должна превалировать воля большинства»¹⁵.

Английский дипломат напомнил, что Советский Союз настаивал на выработке мирного договора через СМВД, где он пользовался правом вето. Если бы это случилось, то, как стало очевидно здесь в Сан-Франциско, вряд ли бы мы имели сегодня соглашение о мирном урегулировании с Японией.

«В то время как большинство из нас пытаются сотрудничать с азиатскими странами в вопросах реконструкции и развития или по линии ООН, или в рамках программы четырех пунктов или плана Коломбо, Советский Союз поощряет либо содействует гражданской войне или агрессии в Малайе, Индокитае, в Корее, а сейчас ищет пути сорвать принятие просвещенного и либерального мирного договора с Японией», — заявил Янгер.

* * *

8 сентября 1951 г. состоялась церемония подписания мирного договора с Японией. Его в алфавитном порядке подписали представители 48 государств, последним подписал договор премьер-министр Японии Ёсида и члены японской делегации. По сообщению газет, вся церемония подписания продолжалась 14 минут. Советский Союз, Польша и Чехословакия отказались подписать этот документ, и их делегации не участвовали в процедуре.

На церемонии закрытия конференции последним выступил Д. Ачесон. Он сказал: «То, что мы здесь сделали, мы сделали как для себя, так и для тех, кто не прибыл сюда, так как мы сотворили величайший мир для всех народов»¹⁶.

В тот же день А. А. Громыко созвал пресс-конференцию, где в присутствии 300 корреспондентов обосновал причины отказа СССР от подписания договора¹⁶. Давая оценку американско-английскому мирному договору, он заявил, что этот договор не может быть основой подлинного мирного урегулирования на Дальнем Востоке. Громыко назвал его сепаратной сделкой между правительствами США и Японии.

Сан-Францисский мирный договор явился продуктом своего времени. Это были годы «холодной войны», острых политических кризисов, прямых вооруженных столкновений в Корее и Индокитае между империализмом и так называемым лагерем мира и социализма. Так как он был подготовлен Соединенными Штатами и Великобританией, то в нем в максимальной степени нашли отражение стратегические интересы прежде всего этих стран и их союзников. Тем не менее в договоре в известной мере учитывалось мнение Советского Союза и требования как японского народа, так и мировой общественности.

Как писал советский японист Д. В. Петров, «при всех своих недостатках Сан-Францисский договор не носил характер военного пакта... Договор не был поэтому столь опасен для дела мира на Дальнем Востоке, как заключенный одновременно с ним двусторонний пакт безопасности, заложивший основы военного союза между американской и японской реакцией»¹⁷.

Договор безопасности между США и Японией был подписан спустя несколько часов после официальной церемонии заключения Сан-Францисского мирного договора.

Символизируя военный характер соглашения, Ачесон и Ёсида подписали его в Сан-Францисском клубе сержантского состава американской армии.

В преамбуле договора безопасности говорилось, что Япония как суверенная страна, имеющая неотъемлемое право на индивидуальную и коллективную самооборону, «желает, чтобы в качестве временного мероприятия по ее обороне Соединенные Штаты Америки содержали свои вооруженные силы в Японии и вблизи нее для предотвращения вооруженного нападения на Японию»¹⁴.

Главное содержание договора заключалось в его статье I, согласно которой Япония предоставляла США «право размещать наземные, воздушные и морские силы в Японии и вблизи нее». Эти силы «могут быть использованы» для «поддержания международного мира и безопасности на Дальнем Востоке и обеспечения безопасности Японии», а также и «для подавления крупных внутренних бунтов и беспорядков в Японии».

Сан-Францисский мирный договор, как и договор безопасности стали результатом определенного компромисса между Токио и Вашингтоном. Правящие круги Японии в итоге длительных закулисных маневров добились юридического прекращения оккупации и передачи в их руки всей полноты власти в стране. За это им пришлось пойти на ряд серьезных уступок Соединенным Штатам в политической и военной областях.

В заключении коснемся, пожалуй, самого главного вопроса: почему Громыко все-таки не подписал Сан-Францисский мирный договор? Нужно сразу оговориться, что до тех пор, пока остаются закрытыми для исследователей документы МИД'а СССР, однозначно ответить на него будет трудно. Мы можем только высказать свои личные суждения, логически порассуждать о возможных причинах таких действий советского правительства. Правда, в 1990 г. американский журнал «Тайм»¹⁵ опубликовал магнитофонные записи Н. С. Хрущева, которые в некоторой мере проливают свет на мотивы поведения СССР. Бывший советский руководитель утверждал, что Советский Союз не имеет мирного договора с Японией «из-за неправильного образа мышления Сталина. Если бы он верно оценил положение сразу после того, как был сокрушен японский милитаризм, мы могли бы сохранить в Японии наше представительство и установить контакты с наиболее прогрессивными элементами этой страны (по советской терминологии, с коммунистами. — Б. С.). Вместо этого мы самоизолировались и заплатили очень дорогую цену за наше упрямство и глупость».

Хрущев жаловался на то, что Трумэн в японской политике вел себя вызывающе, игнорировал интересы СССР. Это, мол, сильно раздражало Сталина, «однако мы ничего не могли поделать. Преимущество было у американцев».

Далее Хрущев делает любопытное признание: «И все же американцы оставили место для нашей подписи под мирным договором. Все, что нам надо было сделать, это поставить подпись, и все встало бы на свое место. Мы восстановили бы мирные отношения с Японией и смогли бы направить наших дипломатов в Токио. Но Сталин закусил удила и отказался подписывать договор. Сталин никогда ни у кого не спрашивал совета. Он сам решал, что делать».

Отказавшись подписать договор с Японией, мы проглотили американскую наживку и в итоге стали играть на руку наиболее агрессивным, антисоветским силам в США, и все из-за собственной близорукости. Поскольку у нас не было никаких контактов с Японией, пострадали и наша экономика, и наши политические интересы».

Несмотря на столь авторитетное свидетельство, я все же полагаю, что мотивы поведения советской дипломатии были гораздо глубже, чем просто обида или раздражение. В чем же могли состоять в тот период стратегические цели Советского Союза? Сталин, видимо, считал, что международное положение для СССР складывалось более благоприятно, чем для США. Только что победила китайская революция. С советской помощью КНР наращивала свой экономический и военный потенциал. И хотя не удалось «с ходу» путем прямой военной атаки КНДР против Юга добиться объединения Кореи, тем не менее Соединенные Штаты «увязли» в корейской войне, несли значительные потери и исход сражения пока был непредсказуем.

Что же касалось Японии, то Сталин серьезно надеялся, что в этой стране свое последнее слово еще скажут коммунисты. Неспроста ведь он лично принял делегацию КПЯ на высоком уровне, которая летом 1951 г. приезжала в Москву для доработки своей программы действий. Ее острие было направлено против американской оккупации Японии. Как свидетельствовал советский дипломат Н. Б. Адырхаев, который был

переводчиком на этой встрече. Сталин отметил, что если японские товарищи считают главной задачей партии борьбу против американской оккупации, то это и нужно отразить в программном документе. Необходимо повсеместно создавать невыносимые условия для оккупантов, заявил он.

Программа КПЯ 1951 г., впоследствии она была названа самими японскими коммунистами «ультралевой, авантюристической», во многом представляла собой догматическое копирование опыта компартии Китая (подготовка к развертыванию партизанской войны в горных районах, создание «опорных баз» и т. д.), предусматривала проведение в Японии насильственной революции с целью свержения «реакционного правительства Ёсиды»²⁰.

Вызывают удивление и действия советских дипломатов в японском мирном урегулировании. Ведь американцы действительно оставляли для нас шанс стать участниками мирного договора, особенно это было видно в октябре 1950 г. (встреча Дж. Даллеса с Я. Маликом), а затем в марте 1951 г., что следовало из текста проекта мирного договора, переданного советскому правительству 29 марта.

Однако Советский Союз не сумел проявить достаточной гибкости, готовности пойти на компромисс, ставил перед собой завышенные цели и мало считался с интересами другой стороны. Конечно, нам хотелось, чтобы американцы незамедлительно вывели свои войска из Японии. Но это была нереальная задача, так как США, понеся огромные потери в войне с Японией, стремились иметь гарантии для своей безопасности, чтобы исключить возможность повторения агрессии против них не только с японской земли, но и с Азиатского континента. Сохранение американских баз на японской территории являлось главной задачей дипломатии США на Дальнем Востоке, после того как они «потеряли» Китай. Государственный департамент США прямо предлагал Советскому Союзу поддержать предложенный Соединенными Штатами проект мирного договора с Японией в обмен на признание ими восстановленных прав Советского Союза на Сахалин и Курильские острова. СССР, не подписав Сан-Францисский мирный договор, оставил тем самым неурегулированным территориальный вопрос, что является до настоящего времени основным препятствием для полной нормализации советско-японских отношений.

Это был крупнейший просчет сталинской дипломатии.

¹ Выступление А. А. Громыко. In: Conference for the Conclusion and Signature of the Treaty with Japan. San Francisco, California, September 4—8, 1951. Record of Proceedings. Wash.— P. 102—122 (на английском языке); Supplement to the Record of Proceedings.— Wash., U. S. GPO, 1952.— P. 100—154 (на русском языке).

² Supplement to the Record of Proceedings.— P. 136.

³ Ibid.— P. 136—139.

⁴ Ibid.— P. 147—154.

⁵ Record of Proceedings of the Conference.— P. 200.

⁶ Ibid.— P. 251.

⁷ Ibid.— P. 227.

⁸ Ibid.— P. 123.

⁹ Union Gazette.— July 27.— 1951.

¹⁰ Выступление С. Ёсиды. In: Record of Proceedings of the Conference.— P. 277—281.

¹¹ Ibid.— P. 278.

¹² Ibid.— P. 279—280.

¹³ Заключительное выступление Дж. Ф. Даллеса. Ibid.— P. 300—302.

¹⁴ Заключительное выступление К. Янгера. Ibid.— P. 296—299.

¹⁵ Заключительное выступление Д. Ачесона. Ibid.— P. 309.

¹⁶ Текст выступления А. А. Громыко на пресс-конференции 8 сентября 1951 г. см.: Сборник документов и материалов по Японии. 1951—1954.— М., 1954.— С. 24—31.

¹⁷ Петров Д. В. Внешняя политика Японии после второй мировой войны. М., 1965, с. 64.

¹⁸ Сборник документов и материалов по Японии. 1951—1954.— С. 129.

¹⁹ Time.— № 40.— 1990.— October 1. Перевод дается по тексту в журнале «За рубежом».— 1990.— № 41.

²⁰ См. Встреча Сталина с японскими коммунистами // Проблемы Дальнего Востока.— 1990.— № 2 (на русск. яз.).

Политика Танака — Тодзио глазами соотечественников

В. ГАЛИЦКИЙ

Год назад в статье в газете «Известия», посвященной перестройке в СССР и будущему советско-японских отношений, заместитель руководителя группы политобозревателей японского информационного агентства Киодо Цусин Минору Такахаси отмечал, что «антисоветские настроения японцев, наверное, во многом уменьшились бы, если бы с советской стороны прозвучали упоминания о событиях, которые происходили в конце второй мировой войны и в последующем...»¹. Поддерживая это мнение, хотелось бы не забывать о принципе взаимности, так как в последнее время в основном «объясняется и оправдывается» только советская сторона, хотя очаг войны на Дальнем Востоке возник во многом по вине Японии. Целесообразно вспомнить и обдумать по этой причине некоторые вопросы военной политики Японии вообще и по отношению к Советскому Союзу в частности до капитуляции в августе 1945 г. Представляется небезынтересным посмотреть на эту политику глазами тех, кто вначале в планах, а потом и на практике претворял ее в жизнь, а в итоге оказался в плену в СССР.

Изучение архивных документальных материалов показало, что советскими войсками в августе — сентябре 1945 г. было взято в плен 609 тыс. 448 солдат и офицеров японской национальности (в их числе 170 генералов, 26 тыс. 345 офицеров)². Фактически был пленен весь командный состав Квантунской армии. Среди пленных генералов и старших офицеров было много лиц, причастных к разработке стратегических и оперативных планов ведения боевых действий против сопредельных стран, в том числе и против Советского Союза. К этой категории японских военнопленных относились: командующий Квантунской армией полный генерал Отодзоо Ямада, начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Хикосабуро Хата, начальник оперативного отдела штаба Квантунской армии генерал-майор Томокацу Мацумура, начальник радиоразведывательного отдела Квантунской армии генерал-майор Комацу, военный советник армии Маньчжоу-го генерал-лейтенант Иситаку Акияма, командующий 3-й армией генерал-лейтенант Кэйсаку Мураками (ранее занимал должность начальника НИИ по мобилизации всех средств для ведения войны), начальник управления железнодорожных перевозок Квантунской армии генерал-лейтенант Тацуми Кусаба, начальник Информационного бюро штаба Квантунской армии полковник Уити Хисэгава, заместитель начальника штаба 4-й армии полковник Тацуо Маки и многие другие.

После прочтения многих документальных материалов, освещающих жизнь и деятельность японских генералов и офицеров в плену в СССР, можно сделать вывод, что большинство из них обдумывали и обсуждали проблемы, связанные с участием в войне, отношением к войне, о будущем Японии, ее государственном устройстве, дальнейшем развитии и т. п. Собственноручные заявления, ответы на анкеты социологических исследований, протоколы опросов и допросов, выступления на собраниях, совещаниях, митингах и т. п. свидетельствуют о постепенной эволюции взглядов пленных японских генералов и офицеров на эти проблемы. Не сразу пришло к ним понимание агрессивности и аморальности войны, которую вела Япония. Офицерский корпус японской армии периода второй мировой войны был воспитан на идеях экспансионизма, милитаризма, «миссионерства» и жизненной необходимости расширения территории

Японии за счет материковой части Азии, островных территорий и даже других континентов. Войну за Великую Восточную Азию под эгидой Японии они считали священной. Однако поражение в войне, ознакомление в советском плену с правдой о второй мировой войне привело к определенным изменениям их взглядов на военную политику японского правительства. Проводимые социологические исследования среди японских военнопленных показали, что уже на конец 1946 г. около 60 % всех участвовавших в анкетировании осудили милитаристскую политику японского правительства, хотя и сохранили верность императору¹. Именно с конца 1946 г. среди японских военнопленных, в том числе и среди офицерского состава, начали преобладать демократические настроения.

Содержание анкет социологических исследований, собственноручно заполнявшихся японскими военнопленными, говорит о том, что почти 90 % военнопленных, участвовавших в анкетировании, до капитуляции Японии вообще не интересовались политикой, по их словам, они просто «выполняли свой долг» перед императором. Вот один из типичных ответов на вопрос об отношении к войне, который дал в анкете в 1946 г. военнопленный офицер Таками Като, содержавшийся в лагере № 387: «До капитуляции японской армии я вообще не интересовался политикой. Просто служил в войсках. Но по прибытии в СССР и имея возможность дать самокритичную оценку прошлой политике Японии, пришел к убеждению, что нами управлял не народ, а часть народа, состоящая из капиталистов и военщины. Они роскошно жили за счет труда народа. Сколько человек было убито на фронте для того, чтобы они оставались у власти. Нужно наказать главных военных преступников и создать новое правительство, основанное на народной власти»¹.

Излагая свои политические взгляды, военнопленный офицер этого же лагеря Тосуэ Иногути в 1946 г. подчеркивал, что «всем теперь стало ясно, что вторая мировая война была войной, которая преследовала неправильную цель. И эта война была развязана империалистической Японией, Германией и Италией. Уже с 1932 г. мы чувствовали неизбежность империалистической войны и общего кризиса капитализма, но мы не проявляли никакой деятельности, направленной против этой тенденции ввиду того, что у нас не было никакого сплочения и организации демократических сил, а реакционеры безжалостно подавляли малейшие зачатки демократических начинаний. Таким образом, мы не сумели и не могли противостоять империалистическим стремлениям и допустили развязывание второй мировой войны, которая привела к мировой исторической трагедии. Мы не смогли также противостоять общей мобилизации и вынуждены были служить в армии. Занимаясь сейчас самокритикой, мы чувствуем стыд перед народом Японии, потому что, зная цель этой войны, мы не только не боролись против ее возникновения, но даже сами не могли избавиться от службы в ее пользу»⁵.

Японские военнопленные, сравнивая новую для них информацию об СССР, о Японии, второй мировой войне с той, которую вдалбливали им в голову на протяжении всей их многолетней военной службы, делали собственные выводы и оценки военной политики своего правительства и главных ее авторов — Танака и Тодзио.

Характеризуя политику тандема Танака — Тодзио по отношению к СССР, бывший заместитель начальника штаба 4-й армии полковник Тацуо Маки писал: «В августе 1937 г. я был направлен начальником военно-административного отдела генерального штаба Японии генерал-лейтенантом Усироку в Германию с задачей изучить немецкий язык, жизнь и быт немцев, структуру и тактику немецкой армии... В ноябре 1937 г. я стал адъютантом военного атташе Японии в Берлине генерал-лейтенанта Хироси Осима. Осима мне лично говорил, что Антиконтинтерновский пакт необходим, так как у Германии и Японии есть общие интересы, направленные против СССР, и поэтому в Берлине подписан этот пакт. Пакт — это детище Осима. Пакт — это договор о политическом взаимодействии, направленном против СССР, предполагающем не только взаимную «духовную» поддержку, но и урегулирование вопросов торговли, промышленности и военных проблем. В политическом отношении пакт первоначально как бы имел задачу борьбы с коммунистическим влиянием, но, когда к пакту присоединилась Италия, не имевшая непосредственной заинтересованности в противостоянии СССР, его характер резко изменился. Следовательно, хотя наименование «Антиконтинтерновский пакт» и сохранилось, это был скорее договор о «совместном установлении нового порядка в Европе и Азии»⁶.

Военнопленные генералы Отодзю Ямада, Хикосабуро Хата, Томокацу Мацумура, Тацуми Кусаба, офицер императорской ставки Ситэхару Асаэда, полковник Уити Хасэгава и другие в своих заявлениях, показаниях, выступлениях в плену в исторической последовательности показали развитие экспансии Японии в сопредельных странах, роль, место и последствия политики Танака — Тодзио. Так, в своей собственноручно написанной 8—9 апреля 1946 г. оценке этой политики Отодзю Ямада отмечал: «В Японии было немало людей, которые стремились упрочить национальные права путем экспансии в направлении Курильского архипелага и Сахалина с тем, чтобы усилить оборону Севера и колонизировать эти земли»⁷. Военнопленный генерал-лейтенант Тацуми Кусаба считал, что «маньчжуро-монгольский план Танака являлся планом постепенного захвата Восточной Азии, опираясь на Маньчжурию и Монголию как на базу и плацдарм материковой агрессии»⁸.

По утверждению японских военнопленных генералов и офицеров, для реализации плана Танака (известен как «меморандум Танака» 1927 г.) в Японии проводилась широкомасштабная идеологическая и психологическая обработка населения и личного состава армии. Активными проводниками этой политики, взявшими на себя задачу идеологической обработки населения и личного состава армии Японии во враждебном отношении к СССР, были: Кудзуу Иосихиса, глава общества «Черный дракон», лидер фашистской «Народной лиги строительства Восточной Азии»; Тэйити Муро, автор книги «Будущее мира» (о захвате Сибири до Урала); генералы Садзоо Араки, Кэндзи Доихара (организатор различных провокаций против СССР); автор стратегического плана войны против СССР генерал-лейтенант Кэндзи Исихара и др.

Японские военнопленные генералы дали не только общую характеристику антирусской, антисоветской политики Танака—Тодзио, но и на конкретных фактах раскрыли процесс подготовки к войне против СССР. Так, генерал-майор Кадзуо Оцубо (бывший начальник штаба 3-го фронта Квантунской армии) 28 марта 1946 г. заявил, что «в мае 1942 г. были сформированы 1-й и 2-й фронты Квантунской армии для захвата советского Приморья. В августе 1943 г. в Хайларе в штабе 6-й армии было совещание по вопросам оперативных действий армии, против СССР. Изучался план наступательной операции 2-го фронта на Читу»⁹. Подполковник Сэдзима, выступавший в качестве свидетеля на Токнийском процессе, подтверждая данное заявление Кадзуо Оцубо, показал, что начиная с 1939 г. штаб Квантунской армии разрабатывал план внезапного нападения на СССР под названием «Кантокуэн»¹⁰. Этот план никогда не отменялся, а постоянно дорабатывался. Генерал-лейтенант Томокацу Мацумура в своих показаниях свидетельствовал, что «для улучшения подготовки к войне против СССР было необходимо усилить органы, собирающие информацию об СССР. Поэтому в 1940 году при штабе Квантунской армии было сформировано Информационное бюро»¹¹.

Раскрывая истоки агрессивности японских правящих кругов, генерал-лейтенант Мацумура Томокацу 2 февраля 1946 г. писал, что «в итоге революции Мэйдзи феодальные устои были разрушены, из Европы и США в Японию стала проникать европейская культура. Япония стала бурно развиваться в культурном отношении, и одновременно стало быстро увеличиваться население. Появилась нужда во всех видах сырья. Япония стала стремиться к захвату Китая и Маньчжурии»¹².

Необходимо обратить внимание на то, что Япония в тот период, создав достаточно мощный экономический потенциал, легко стала на путь экспансии в отношении сопредельных стран. Чувство собственного превосходства над ними в экономической и особенно военной силе, с одной стороны, а с другой — неудовлетворенность своим островным положением, которое не позволяло считаться «великой державой», привели Японию к агрессивной войне, закончившейся, однако, жестоким поражением. Можно только приветствовать, что лидеры послевоенной Японии пошли другим путем и отказались от попыток добиться статуса великой державы военной силой. Послевоенная мирная история Японии свидетельствует, что этого статуса страна фактически уже добилась трудом и талантом японского народа, мирным соревнованием в мировом сообществе.

Однако в 30—40-е годы японское правительство пошло путем агрессии и вооруженной конфронтации. Наиболее ярким проявлением этого курса явилась политика Танака — Тодзио. И нельзя не согласиться с высказыванием генерал-лейтенанта Томокацу Мацумура (2 февраля 1946 г.) о том, что «существовал или не существовал меморандум генерал-полковника Танака, однако история подтвердила факт действий Японии в соответствии с курсом, предусмотренным меморандумом»¹³. Приняв политическое решение о под-

готовке к войне с СССР, японское правительство последовательно проводило практические меры в этих целях, и только успехи в боевых действиях Советской Армии, а затем и союзных держав против фашистской Германии и ее сателлитов удержали японское руководство от нападения на Советский Союз.

Раскрывая историю и содержание пропагандистского обеспечения агрессивного курса японского правительства против СССР, полковник Уити Хасэгава писал в плену, что курс на вооруженную конфронтацию с СССР японское правительство приняло еще с 1918 г. В частности, он подчеркнул, что «в японской прессе никогда не было правдивого объяснения причин интервенции 1918—1922 гг. Пресса и художественная литература убеждали население в том, что японские военные в Приморье защищают интересы Японии. Даже неудачи при оккупации Китая оправдывались японскими военными тем, что СССР поддерживает и возбуждает Китай против Японии. С этой целью Информационным бюро кабинета министров Японии в Токно была организована выставка, где демонстрировались книги, плакаты, изданные в Советском Союзе на китайском языке, и разного рода коммунистическая литература, изданная на иностранных языках с целью убедить японцев в «красной опасности» и антияпонском движении в СССР. Даже плакаты, призывающие трудящихся крепить оборону СССР, были преподнесены на этой выставке как доказательство «красного милитаризма». Такие выставки организовывались не только для широкого обозрения, устраивались также и закрытые выставки для узкого круга, что еще больше усиливало разного рода слухи, возбуждало антисоветские настроения японцев»¹⁴.

Идеологическая подготовка личного состава армии и населения Японии к нападению на СССР, по заявлению многих японских военнопленных, проводилась в неявной, в неоткрытой форме, чтобы не вызвать в Советском Союзе повышения бдительности к Японии. Японское командование рассчитывало достичь, по заявлению полковника Уити Хасэгава, «решающего успеха именно от внезапности нападения на Советский Союз»¹⁵. В японской прессе постоянно писалось о том, что Япония «имеет врагов», которые «покушаются на интересы Японии», «наши враги», «защищать интересы Японии от покушения врагов» и т. п., не упоминая при этом Советский Союз. Таким образом, среди японского населения непрерывно поддерживалось мнение, что Япония окружена врагами, которые только и думают о том, чтобы напасть на Японию и отнять ее богатства, лишить национальной независимости. По мнению полковника Хасэгава, инцидент в районе озера Хасан был широко использован для антисоветской пропаганды. События преподносились так, что «слабая Япония храбро защищала свои законные права от захватчика». «СССР начал инцидент и одержал успех. Много пролито японской крови на родной земле, но эта земля осталась у СССР. Создана угроза жизненной линии Японии, проходящей в Маньчжурии», и т. д.¹⁶

Для обеспечения пропагандистского воздействия на солдат и население Японии целенаправленно заказывались специальные книги. Так, Хасэгава по заказу начальника Учебного отдела Квантунской армии полковника Такао Накадзима в конце 1943 г. написал книгу под названием «Особенности характера японца», которая выдержана в явно германофильском и антисоветском духе, восхваляла существовавший в Германии фашистский государственный строй, методы ведения внутренней и внешней политики. В книге проводились параллели между японским и германским народами, подчеркивалось, что между ними много общего не только в характере, но и в положении их государств, в общности исторических судеб и стремлении установить «новые порядки» соответственно в Европе и Азии. Заказ на книгу являлся следствием поворота в ходе советско-германской войны, когда офицеры и солдаты Квантунской армии поняли, что СССР собственными силами может справиться с Германией. Книга была издана и распространена во всех воинских частях Квантунской армии.

Ранее начальник Информационного отдела Военного министерства Японии Хикосабуро Хата, в марте 1937 г., опубликовал книгу «Наш сосед Россия». Хата в книге проводил мысль о том, что СССР «сильная страна, находящаяся неподалеку от Японии и притом все время увеличивающая свою мощь». По мнению полковника Хасэгава, прочитав книгу Хата, можно было сделать вывод, что коммунистическая партия, имеющая за собой реальную силу, — очень опасна. Книга вызвала чувство опасения не только к России, но и к компарии¹⁷.

В свою очередь генерал-лейтенант Хикосабуро Хата в собственноручно написанных показаниях подтвердил, что «устремления японского правительства и японской армии всегда были направлены на Маньчжурию, Монголию и советский Дальний Восток»¹⁶. Далее Хикосабуро Хата подчеркнул, что «развязывание маньчжурских событий Японией явилось грубейшим нарушением портсмутского договора и устава Лиги Наций. Как следствие этого Япония оказалась в международной изоляции. Для того чтобы выйти из нее, Япония решила наладить сотрудничество с Германией и Италией, находившимися в таком же положении. В результате между Японией, Германией и Италией был заключен пакт против Коминтерна и трайтенный союз. Этими мероприятиями была создана постоянная угроза СССР и приобретены выгодные позиции для ведения войны против СССР. Что же касается заключения советско-японского пакта о нейтралитете, то этот шаг был направлен для упрочения японской позиции в отношении Америки»¹⁹.

Японские пленные офицеры признавали, что пропагандистское обеспечение политики Танака — Тодзио дезинформировало население и личный состав армии Японии об истинной политике Советского Союза, его внешнеполитических намерениях. Находившийся в лагере № 387 офицер Мунэки Ямагути в 1946 г. писал, что «эта политика разложила народные массы Японии»²⁰. «В результате ложного и неправильного освещения политики СССР у японского народа формировалось чувство страха и ненависти к Советскому Союзу, — заявил другой пленный офицер, Сэйки Огума. — У меня, так же как и у большинства японцев, было чувство антипатии к СССР в силу вышеуказанной пропаганды»²¹. Следует отметить, что и в настоящее время у многих японцев это чувство, во многом продукт пропаганды, сохраняется. Об этом свидетельствует результат совместного опроса общественного мнения, проведенного ТАСС и Киодо Цусин в ноябре 1990 г. Сохранение подобных стереотипов обусловлено недостаточной, а порой и искаженной информацией японского народа о Советском Союзе, его народах, устремлениях советских людей.

Огромные перемены произошли во взаимоотношениях между СССР и Японией за последние годы. Идет переосмысление истории этих отношений. Важно начать процесс качественной их перестройки. Но, как показала история и результаты социологических исследований, проведенных среди японских военнопленных в первые послевоенные годы, нельзя построить нормальные отношения без знания друг друга.

Сегодня ясно, что очищение японо-советских отношений от негативных наслоений и деформаций прошлого — процесс длительный и совсем не такой простой, как может быть, кажется некоторым. Он требует от японских и советских политиков, ученых огромной ответственности, активной гражданской позиции, честности и объективности, взаимотерпимости, доброжелательности, стремления найти общий язык, установить и развивать взаимовыгодное сотрудничество.

¹ Такахаши Минору. Когда исчезают преграды. — Известия, 1990. — 22 августа.

² См.: ЦГА СССР, ф. 1п, оп. 19г, д. 6, лл. 38—39, 41а; оп. 23а, д. 1, л. 30; оп. 30е, д. 1, л. 2; и др.

³ См.: ЦГА СССР, ф. 4п, оп. 30я, д. 156, 237 и др.

⁴ Цит. по: ЦГА СССР, ф. 4п, оп. 30я, д. 237, л. 7.

⁵ Цит. по: ЦГА СССР, ф. 4п, оп. 30я, д. 237, лл. 24—26.

⁶ Цит. по: ЦГА СССР, ф. 451п, оп. 5, д. 96, лл. 10—82.

⁷ Цит. по: ЦГА СССР, ф. 451п, оп. 5, д. 72, л. 3.

⁸ Цит. по: ЦГА СССР, ф. 451п, оп. 5, д. 100, л. 62.

⁹ Цит. по: ЦГА СССР, ф. 451, оп. 5, д. 68, л. 166.

¹⁰ См.: ЦГА СССР, ф. 451п, оп. 5, д. 68, л. 262.

¹¹ Цит. по: ЦГА СССР, ф. 451п, оп. 20, лл. 1, 17.

¹² Цит. по: ЦА МО СССР, ф. 32, оп. 11306, д. 437, л. 75.

¹³ Цит. по: ЦГА СССР, ф. 451п, оп. 20, д. 3, л. 5.

¹⁴ Цит. по: ЦГА СССР, ф. 451, оп. 5, д. 96, л. 183.

¹⁵ Цит. по: ЦГА СССР, ф. 451, оп. 5, д. 96, л. 192.

¹⁶ Цит. по: ЦГА СССР, ф. 451п, оп. 5, д. 96, л. 195.

¹⁷ См.: ЦГА СССР, ф. 451п, оп. 5, д. 96, л. 234.

¹⁸ Цит. по: ЦГА СССР, ф. 451п, оп. 5, д. 71, л. 8.

¹⁹ Цит. по: ЦГА СССР, ф. 451п, оп. 5, д. 71, л. 16.

²⁰ См.: ЦГА СССР, ф. 4п, оп. 30я, д. 237, лл. 36—37.

²¹ Цит. по: ЦГА СССР, ф. 4п, оп. 30я, д. 237, лл. 44—46.

Первые визиты флотов России и США

Ю. КОРШУНОВ

Американская экспедиция русского флота (1863—1864)

Прошло более 125 лет со времени завершения двумя русскими эскадрами первого официального дружественного визита в порты Атлантического и Тихоокеанского побережий США.

Третий год в США шла гражданская война. Отношение к ней европейских государств было сложным и противоречивым. Англия и Франция активно поддерживали южан и, стремясь разрушить государственную целостность Соединенных Штатов, готовили вооруженную интервенцию. Россия выступила против планов Лондона и Парижа. «Для нас нет ни Севера, ни Юга, а есть Федеральный Союз, разрушение которого мы наблюдали бы с прискорбием,— писал вице-канцлер А. М. Горчаков.— Мы признаем в Соединенных Штатах только то правительство, которое находится в Вашингтоне»¹. Взаимоотношения России с Англией и Францией к этому времени вновь резко ухудшились еще и в связи с восстанием 1863 г. в Польше. Англия и Франция, боявшиеся усиления России, начали сколачивать против нее новую коалицию европейских государств. Попытки русской дипломатии ослабить возникшую напряженность путем мирных переговоров результатов не дали. Над Россией опять нависла угроза войны.

В этих условиях встал вопрос, как использовать флот, чтобы в случае начала военных действий он не оказался запертым во внутренних водах. Печальный опыт Крымской войны был еще очень памятен. Обсуждая этот вопрос, адмирал А. А. Попов писал: «Прошлая война подтвердила, (...) что самая ложная (...) из всех идей сбережения флота есть необходимость спрятать его: военные суда сберегаются в море, учатся в сражениях»². Аналогичной точки зрения придерживались и многие другие передовые деятели русского флота. К началу 1863 г. в морском министерстве сформировалась идея заблаговременного вывода русских эскадр в океан до начала военных действий. Предполагалось, что базироваться они будут на порты Соединенных Штатов. Было получено на этот случай согласие Вашингтона. Предусматривались три главные цели: во-первых, создать угрозу торговому судоходству вероятных противников России и тем оказать давление на шедшие с ними дипломатические переговоры; во-вторых, продемонстрировать поддержку правительству А. Линкольна в его борьбе с мятежными южными штатами и, в-третьих, если начнутся военные действия, нанести удар по самому уязвимому месту Англии — ее морским коммуникациям.

Для достижения поставленных целей было сформировано две эскадры: Атлантическая и Тихоокеанская. В состав первой эскадры вошли три фрегата («Александр Невский», «Пересвет» и «Ослябя»), два корвета («Варяг», «Витязь») и клипер «Алмаз». Командующим был назначен контр-адмирал С. С. Лесовский — опытный и образованный моряк, недавно возвратившийся из командировки в США, где в течение полутора лет изучал опыт броненосного кораблестроения. Свободно владея четырьмя языками (английским, французским, немецким и испанским), С. С. Лесовский прекрасно знал обстановку в Америке. Вторую эскадру возглавил будущий выдающийся организатор и строитель отечественного броненосного флота контр-адмирал А. С. Попов.

Коршунов Юрий Леонидович, контр-адмирал, профессор, доктор военно-морских наук (Ленинград)

носного флота контр-адмирал А. А. Попов. Базировалась эскадра на русское Приморье, только что начавшее осваиваться. В ее состав входило четыре корвета («Калевала», «Богатырь», «Рында», «Новик») и два клипера («Абрек» и «Гайдамак»).

Основную роль должна была играть эскадра С. С. Лесовского. В докладе морского министерства правительству указывалось, что ее появление в Атлантическом океане «может иметь на мирное окончание проходящих ныне переговоров более влияния, нежели сухопутные вооружения, имеющие в отношении к Англии чисто оборонительный характер, который не угрожает жизненным интересам этой морской (...) страны». Считалось, что возможные в случае начала военных действий потери наших кораблей были бы оправданы, так как «польза от этих крейсеров была бы не сравнима с той, которую мог принести весь наш флот, стоящий на Малом кронштадтском рейде, под прикрытием береговых укреплений». Аналогичным образом оценивал свои возможности и А. А. Попов. Он писал: «Если я буду иметь три-четыре недели времени [на развертывание.— Ю. К.], то с божьей помощью, надеюсь, мы будем в состоянии сделать много вреда неприятелю прежде, нежели понедобится нас исключить из списков флота»⁴.

Подготовка операции проводилась в глубокой тайне. К ее планированию было привлечено лишь высшее руководство морского министерства и министерства иностранных дел. Даже командиры кораблей о действительных целях похода узнали лишь накануне выхода из Кронштадта. 14 июля 1863 г. была утверждена инструкция морского министерства контр-адмиралу С. С. Лесовскому. Она предписывала ему «следовать к берегам Северо-Американских Соединенных Штатов, не заходя на пути ни в какой порт, и по прибытии бросить якорь в Нью-Йорке». В инструкции указывалось, что цель эскадры в случае войны действовать всеми возможными средствами, нанося «наичувствительнейший вред неприятельской торговле». Подробно излагая политическую обстановку в мире, давая конкретные рекомендации по взаимодействию с А. А. Поповым, по организации связи, снабжения и т. д. инструкция тем не менее предоставляла С. С. Лесовскому полную свободу действий. В ней прямо указывалось, чтобы «во всех случаях, когда Вы признаете необходимым, не стесняясь данными наставлениями и действовать по Вашему усмотрению»⁴.

Менее чем через месяц после утверждения плана операции Атлантическая эскадра была готова к выходу. Утром 18 июля все корабли, кроме фрегата «Ослябя», который уже находился в Средиземном море и шел в Нью-Йорк самостоятельно, вышли из Кронштадта под парами. С. С. Лесовский спешил. Топливо корабли должны были пополнить на выходе из Балтики с заранее посланных туда двух транспортов. Впервые в истории отечественного флота заправку боевых кораблей осуществляли на ходу. На перегрузку более 1 тыс. т угля ушло около 30 час. 25 июля в полной боевой готовности эскадра вышла в Северное море. Главное, о чем заботились,— не встретиться с англо-французскими силами. Поэтому в

Русская эскадра под командованием контр-адмирала С. С. Лесовского на рейде Нью-Йорка

Адмирал С. С. Лесовский

Адмирал А. А. Попов

Атлантику решено было выходить не через Ла-Манш, а севернее Англии. Планы С. С. Лесовского были решительные. «Если начальник встретившейся иностранной эскадры, — писал он в инструкции своим командирам, — предложит вернуться обратно в Балтийские воды или сделает какие-либо оскорбительные для чести нашего флага предложения, то адмирал намерен вступить в бой».

Плавание в океане проходило тяжело. Штормовые ветра сменялись полным штилем с густыми туманами и непрекращающимися дождями. Опасаясь начала военных действий, уголь экономили, шли под парусами. Трудности усугублялись разницей в скорости хода кораблей. В конце концов С. С. Лесовский принял решение каждому судну следовать самостоятельно. Благодаря высокой выучке экипажей и подготовке командиров кораблей эскадра собралась в Нью-Йорке почти одновременно. 13 сентября на нью-йорском рейде встали на якорь «Александр Невский» под флагом командующего и «Пересвет». «Ослябя» был уже там. На следующий день подошли «Варяг» и «Витязь». Клипер «Алмаз», попавший в штилевую полосу, пришел 29 сентября. К 1 октября в Сан-Франциско собралась и эскадра А. А. Попова. Для координации совместных действий между командующими немедленно была установлена оперативная связь — курьерами и шифро-телеграммами.

Одновременное появление в портах США двух русских эскадр для Англии и Франции оказалось совершенно неожиданным. Оно произвело именно тот эффект, на который и рассчитывало русское правительство. Не случайно А. М. Горчаков писал, что операция «наших морских сил в Северной Америке в политическом смысле мысль удачная, а в исполнении отличная».

Как докладывал из Вашингтона русский посол, «появление впервые нашего военного флага в Соединенных Штатах произвело сенсацию в стране, и особенно в Нью-Йорке». Справедливо рассматривая приход русских эскадр как демонстрацию поддержки правительства А. Линкольна, газеты писали о восторженной встрече наших моряков. Вот как описывала «Нью-Йорк геральд» встречу С. С. Лесовского и его офицеров на улицах города: «Полные народа тротуары улиц, по которым направлялось шествие, окаймлялись войсками, стоявшими длинными шпалерами. Дома были разукрашены флагами, оркестры играли русский и американский национальный гимны, народ с восторгом встречал процессию». Страницы газет пестрели заголовками «Россия и Соединенные Штаты братствуют», «Новый союз скреплен», «Восторженная народная демонстрация» и т. д. Вспоминая о поддерж-

ке России в Крымской войне, газеты отмечали, что многие из русских офицеров были украшены орденами и медалями за Синоп и Севастополь. Почти ежедневно русские корабли посещали многочисленные делегации городов и штатов. Все они выражали свое уважение и признательность России «за доброжелательство, обнаруженное русским правительством к правительству и народу Соединенных Штатов, в особенности при настоящих несчастных затруднениях, в которых находится американская нация»⁷. Будущий великий композитор, в те дни гардемарин клипера «Алмаз» Н. А. Римский-Корсаков писал: «Нашу эскадру приняли здесь дружелюбно, даже до крайности. В военном платье на берег и показаться нельзя: не ты будешь смотреть, а на тебя будут смотреть, будут подходить (даже дамы) с изъявлением уважения к русским и удовольствия, что они находятся в Нью-Йорке». Популярность русских моряков оказалась столь велика, что не обошлось даже без ее влияния на женскую моду. Как писали газеты, для многих нью-йоркских модниц «непрерывной принадлежностью туалета сделались пуговицы наших сюртуков, кокарды с фуражек, гардемаринские якоря в головных уборах и аксельбанты в бальных нарядах».

Однако не только банкетами, визитами и парадами были заняты наши моряки. Проявляя мужество и «истинно русскую самоотверженность», они неоднократно помогали населению в тушении столь часто возникавших в то время городских пожаров. Муниципалитеты Аннаполиса и Сан-Франциско выразили за это командующим свое искреннее восхищение и благодарность. Группа офицеров Атлантической эскадры во главе с командиром «Осляби», братом известного русского адмирала Г. И. Бутакова, капитаном 1-го ранга И. И. Бутаковым совершила поездку в действующую Потомакскую армию. Правда, морякам для этого пришлось пересечь на лошадей и превратиться в кавалеристов, но что не сделаешь ради союзнического долга. Зато встречали русских офицеров в войсках северян с восторгом. При объезде позиций «каждый полк отдавал честь, преклоняя знамена»⁸.

В крайне сложной обстановке оказалась эскадра А. А. Попова. Северяне, по существу, не имели на Тихом океане своего флота, и жители Сан-Франциско постоянно находились под угрозой нападения южноамериканских корсар и могли рассчитывать только на «заступничество русской эскадры, пользовавшейся их гостеприимством». В связи с этим командующий должен был «ежеминутно быть готовым дать ответ, что он предпримет в случае нападения на город южноамериканского корсара»⁹.

Готовились и снаряжались корсары южан, как правило, в Англии. Именно о них и писал К. Маркс, отмечая, что в Англии имеется «целый рой пиратских судов, только и ждущих удобной минуты, чтобы последовать за «Алабамой» (корсаром южан, снаряженным англичанами.— Ю. К.) по ее позорному пути»¹⁰. Набег «Алабамы» как раз и ожидался в Сан-Франциско, когда там собиралась Тихоокеанская эскадра. Надо же было случиться, что один из кораблей А. А. Попова, клипер «Абрек», по своему внешнему виду настолько походил на «Алабаму», что в первый момент появления на рейде был принят за южноамериканского корсара. Столкновение с американскими фортами было предотвращено только благодаря решительным действиям командира «Абрека» капитана 2-го ранга К. П. Пилкина, в будущем известного адмирала, организатора и первого руководителя минно-торпедной службы в русском флоте. Вот так описывали очевидцы этот инцидент. «Брандвахтенный пароход открыл огонь по входящему на рейд клиперу, а береговые форты готовились последовать его примеру. В эту критическую минуту блестяще проявились свойственные К. П. Пилкину находчивость и хладнокровие. Почти мгновенно поняв, в чем дело, сообразив, что для клипера не опасны мелкие пушки брандвахты, но огонь фортов может оказаться роковым, он, не задумываясь, направил клипер к борту парохода, пробил тревогу и, подойдя вплотную к брандвахте, прикрывшись ею, вызвал наверх abordажные партии. На пароходе к этому времени недоразумение уже выяснилось, и русский клипер был принят с криками «ура!»¹¹.

А. А. Попов принял решение взять Сан-Франциско под свою защиту. Эскадра начала готовиться к боевым действиям против корсар южан. Однако из Петербурга предупредили, что Россия должна держаться строгого нейтралитета. «Действия корсар в открытом море нас не касаются; даже в случае нападения их на форты обязанность Вашего превосходительства — соблюдать строгий нейтралитет». Исходя из принципа невмешательства во внутренние дела США, командующему эскадрой предоставлялось право применять оружие, лишь если корсар, пройдя форты, будет угрожать самому городу. В этом случае, указывалось А. А. Попову, «вы имеете право, единственно во имя человеколюбия, а не политики, употребить влияние Ваше для предупреждения зла»¹². К счастью, все обошлось благополучно. Пока русские корабли, находясь в полной боевой готовности, стояли в порту, ни один

корсар южан не посмел приблизиться к городу.

Оценивая пребывание русских эскадр как важный фактор провала попыток Англии и Франции вмешаться в гражданскую войну, президент А. Линкольн предложил С. С. Лесовскому посетить Вашингтон и порты Атлантического побережья. Приглашение президента есть приглашение президента, и С. С. Лесовский, несмотря на крайне неблагоприятную погоду, отдает приказ о переходе к Вашингтону. Однако прежде чем покинуть Нью-Йорк, командующий счел необходимым ответить на «любезность и гостеприимство, оказанное горожанами нашей эскадре». Он предложил составить подписку в пользу благотворительных заведений Нью-Йорка. Это предложение «было принято с большим удовольствием»¹³. В своем письме мэру Нью-Йорка С. С. Лесовский писал: «Прежде чем мы оставим Нью-Йорк, прошу Вас, сэр, принять от имени офицеров вверенной мне эскадры выражение душевной благодарности за те дружественные чувства, с которыми принимали нас Ваши сограждане. Прошу Вас принять прилагаемую при этом сумму 4 760 долларов, собранную по добровольной подписке офицерами нашей эскадры с целью предложить оную на покупку топлива бедным семействам». Ответ мэра был незамедлителен. «Я имел честь получить Ваше письмо с вложением 4 760 долларов, пожертвованных офицерами Вашей эскадры. За этот великодушный акт благотворительности прошу позволения передать Вам и Вашим сослуживцам-офицерам чистосердечную благодарность города. Могу Вас заверить, что граждане Нью-Йорка платят Вам тем же чувством за Ваше дружественное к нам расположение. Их всегднее желание было, чтобы, пользуясь приходом Вашей эскадры, укрепить узы дружбы, существующие между Россией и Соединенными Штатами Америки»¹⁴.

21 ноября 1863 г. фрегат «Ослябя» под флагом командующего, корветы «Варяг», «Витязь» и клипер «Алмаз» встали на якорь на реке Потомак в аванпорту Вашингтона — городе Александрии. С кораблей хорошо был виден купол Капитолия. К сожалению, из-за болезни А. Линкольн не смог посетить наши корабли, и С. С. Лесовский «ввиду выраженного президентом желания видеть наших офицеров» задерживает свой уход. 7 декабря, как только здоровье президента улучшилось, русский посол представил «президенту и г-же Линкольн адмирала Лесовского и командиров эскадры». Русские моряки посетили Вашингтон, были гостями конгресса. С ответным визитом на кораблях побывали государственный секретарь Стюард, морской министр Уэллес и другие общественные и государственные деятели США.

Накануне своего ухода из Вашингтона «для конгресса, который в тот день не имел даже своего обычного заседания», адмирал дал бал. Гостей было видимо-невидимо — «пятьсот человек сенаторов, депутатов и членов их семейств»¹⁵. Как писали газеты, бал был великолепен. Хозяйева сделали все, что могло доставить гостям «удовольствие и приятность. Столы были превосходно сервированы, роскошно убраны редкими цветами и награжены тонкими яствами и винами»¹⁶. Особенно американцев поражал высокий уровень культуры и технической подготовки русских моряков. На одном из обедов, данных в честь С. С. Лесовского в Бостоне, хозяйева отмечали, что «городскую библиотеку еще не посещали более просвещенные и знающие люди, чем наши уважаемые гости»¹⁷. Нередко горожане становились зрителями спектаклей, которые русские моряки ставили прямо на палубе своих кораблей. Особенной популярностью почему-то пользовалась только что появившаяся на русской сцене комедия А. Н. Островского «Не в свои сани не садись».

Почти полгода находились русские корабли в американских водах и все это время играли важную роль в предотвращении вмешательства Англии и Франции в гражданскую войну Северо-Американских Штатов. Присутствие русских эскадр в Атлантическом и Тихом океанах способствовало успеху русской дипломатии на переговорах с Англией и Францией, оказало определенное влияние на повышение авторитета правительства А. Линкольна и укрепило его позиции в войне с мятежными южными штатами.

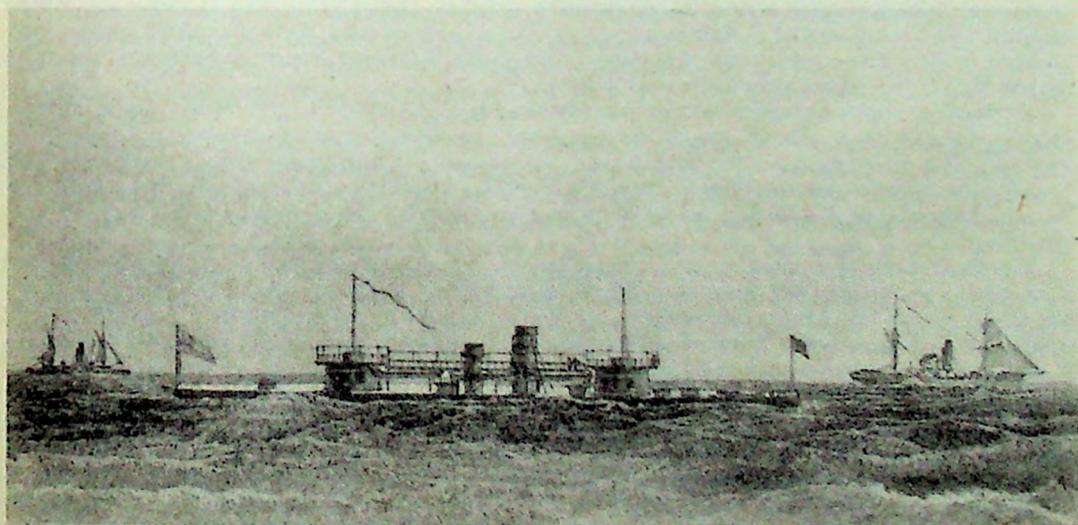
Улучшение политической обстановки в начале 1864 г. позволило русскому правительству разрешить С. С. Лесовскому и А. А. Попову отправить часть своих кораблей в плавание в малоизученные русским флотом южные и экваториальные районы Мирового океана. В этих походах корабли не только совершенствовали боевую выучку экипажей, проводили парусные, артиллерийские и абордажные учения, но и осуществляли подробное описание районов плавания, проводили метеорологические и океанологические наблюдения, собирали образцы почвы, растительности, корректировали карты и лоции.

Через несколько месяцев корабли обеих эскадр начали готовиться к походу на родину. Совершив за 47 суток переход через Атлантический океан без захода в порты, 20 июля С. С. Лесовский прибыл в Кронштадт. Покинула Сан-Франциско и эскадра А. А. Попова.

На мониторе через океан (1866)

Шел 1865 г. Гражданская война в США приближалась к концу. 17 февраля пал Чарлстон — столица рабовладельческого Юга. Трудной и изнурительной была эта война для американского народа. Единственным государством, которое поддержало правительство А. Линкольна, была Россия. В правительственных кругах Вашингтона все чаще стали говорить об ответном визите в Россию. Ждали завершения президентских выборов. А. Линкольн вел предвыборную кампанию под лозунгом «Смерть рабству!» и победил. 4 апреля 1865 г. он вновь стал хозяином Белого дома, однако через несколько дней выстрел в вашигтонском театре Форда погрузил Америку в траур. Стало не до визита. Неожиданно этот визит был ускорен выстрелом, прозвучавшим в Петербурге. 16 апреля 1866 г. на набережной Невы было совершено покушение на Александра II. Тогда по счастливой случайности царь остался жив. Находясь еще под впечатлением недавней гибели любимого президента, Америка с большим сочувствием отнеслась к событиям в Петербурге. Лучшей возможности выразить России признательность за активную поддержку в годы гражданской войны и одновременно поздравить императора «по поводу чудесного спасения его от смерти»¹⁸ найти было трудно. Это понимали и лидеры правящей республиканской партии. 4 мая 1866 г. они выступили в конгрессе с заявлением, в котором говорилось, что «народу, отдавшему нам в час нашей смертельной опасности свои самые теплые чувства, следует направить нечто большее, чем просто поздравление императору»¹⁹. В связи с этим палате представителей и сенату предлагалось принять специальное совместное обращение к главе русского государства, а для его вручения направить в Россию отряд военных кораблей с чрезвычайным послом. 16 мая совместное постановление было подписано президентом Э. Джонсоном. В качестве чрезвычайного посла конгресс назначил помощника государственного секретаря по морскому министерству Густава Фокса. Бывший морской офицер, 45-летний Г. Фокс был известен как активный политический деятель администрации А. Линкольна. В годы гражданской войны он являлся одним из видных организаторов и руководителей флота северян. Конгресс одобрил предложение Г. Фокса осуществить визит в Россию не на рядовом корабле флота США, а на одном из его мониторов. Считалось, что именно корабль принципиально нового типа, впервые созданный во время войны северянами, будет наилучшим образом представлять флот Соединенных Штатов в этом его первом послевоенном официальном визите.

Был выбран один из новейших мониторов «Миантонамо», низкобортный, глубоко сидящий броненосец водоизмещением 1 225 т. Он имел длину 79 м, ширину 16 м и осадку 4,5 м,

Монитор «Миантонамо» в океане

Густав Фокс

высота его надводного борта не превышала 70—80 см. В двух башнях размещались 4 орудия калибра 381 мм. Для обеспечения его перехода через океан было выделено два паровых парусно-колесных фрегата «Аугуста» и «Ашуелот». К концу мая все эти корабли сосредоточились в бухте Сент-Джонс на острове Ньюфаундленд, откуда до ближайшей точки европейского побережья (Ирландии) лежал самый короткий путь — 3 200 км. 5 июня корабли вышли в море. С погодой американским морякам повезло. Однако, несмотря на относительно благоприятную погоду, по едва возвышающейся над водой палубе монитора постоянно гуляла полуметровая волна. Выход на верхнюю палубу был небезопасен. Зато бортовая качка глубокоосидающего корабля почти не давала о себе знать.

Каждый день координаты корабля закупоривались в бутылку и бросались за борт — кто знает, что может быть завтра. Океан есть океан. Да и недавняя гибель во время шторма у мыса Гаттерас первого корабля этого типа была еще свежа в памяти. Одним словом, через океан на «Миантонамо» шли люди не робкого десятка. Переход длился 11 суток. 16 июня, пройдя 1 765 миль, отряд Г. Фокса достиг побережья Ирландии. Кстати, три из брошенных за борт бутылок тоже достигли Европы у побережья Нормандии и по давней морской традиции были переданы американским властям.

Странное зрелище представлял для европейцев монитор — «это невиданное до того судно, походившее издали на огромный плот, на котором возвышалось две башни и труба»²⁰, Английский адмирал, которого Г. Фокс при первом своем визите застал внимательно рассматривающим «Миантонамо» в бинокль, прежде всего спросил: «И вы действительно переплыли Атлантику на этой штуковине? Очень сомневаюсь, что я мог бы это сделать»²¹.

Прошло несколько дней, и «штуковина» вновь отправилась в плавание к берегам России с заходами в Шербур и Копенгаген. Балтика встретила заокеанских гостей частыми туманами. То и дело приходилось сбавлять ход или ложиться в дрейф. Наконец 3 августа отряд прибыл в Гельсингфорс. Тревожили слухи о якобы свирепствующей в Петербурге холере. К счастью, слухи оказались преувеличенными, и 5 августа американские корабли покинули Гельсингфорс. Предстоял последний переход по Финскому заливу. При выходе из гавани отряд Г. Фокса был встречен русской броненосной эскадрой. После обмена салютами русские суда выстроились в две колонны, а американский пароход и монитор стали между ними. Соединенная эскадра прибыла в Кронштадт 6 августа. Величественную картину представлял в тот день кронштадтский рейд. Стены Купеческой гавани были переполнены народом, вдали виднелась русская эскадра и массивные укрепления Кронштадта, множество шлюпок и яхт сновало во всех направлениях, а на переднем плане медленно двигался

«Миантонамо», приветствуемый пушечными выстрелами с фортов и звуками американского национального гимна. Как только корабли стали на якорь, контр-адмирал С. С. Лесовский от имени императора приветствовал посланника конгресса. В тот же день Г. Фокс и сопровождавшие его лица отбыли в Петербург, где заняли отведенные для них апартаменты в «Hotel de France» на Большой Морской, недалеко от арки Главного штаба.

8 августа посольство было принято Александром II. Аудиенция состоялась в Петергофском дворце. До Петергофа ехали поездом. На станции пересели в придворные кареты. Несмотря на строгий дипломатический этикет, прием проходил в исключительно теплой обстановке. «Многочисленные связи, издавна соединяющие великую империю на востоке и великую республику на западе, — говорилось в зачитанном Г. Фоксом послании конгресса, — вновь умножились и упрочились благодаря непоколебимой поддержке, которую русское правительство оказало Соединенным Штатам в тяжелые годы их междоусобной борьбы»²². О традиционно дружественных отношениях между Россией и Америкой говорил и царь. Свою речь он закончил заверением, что никогда не забудет дружественного приема, оказанного Соединенными Штатами его эскадрам. Желая отблагодарить американских моряков, император объявил, что все они без исключения, и офицеры, и команда, являющиеся гостями русского правительства. Тотчас после аудиенции в Вашингтон была отправлена телеграмма, в которой Г. Фокс докладывал правительству об исполнении возложенной на него миссии. Это была первая телеграмма, отправленная из России в Америку по только что проложенному в 1866 г. трансатлантическому кабелю.

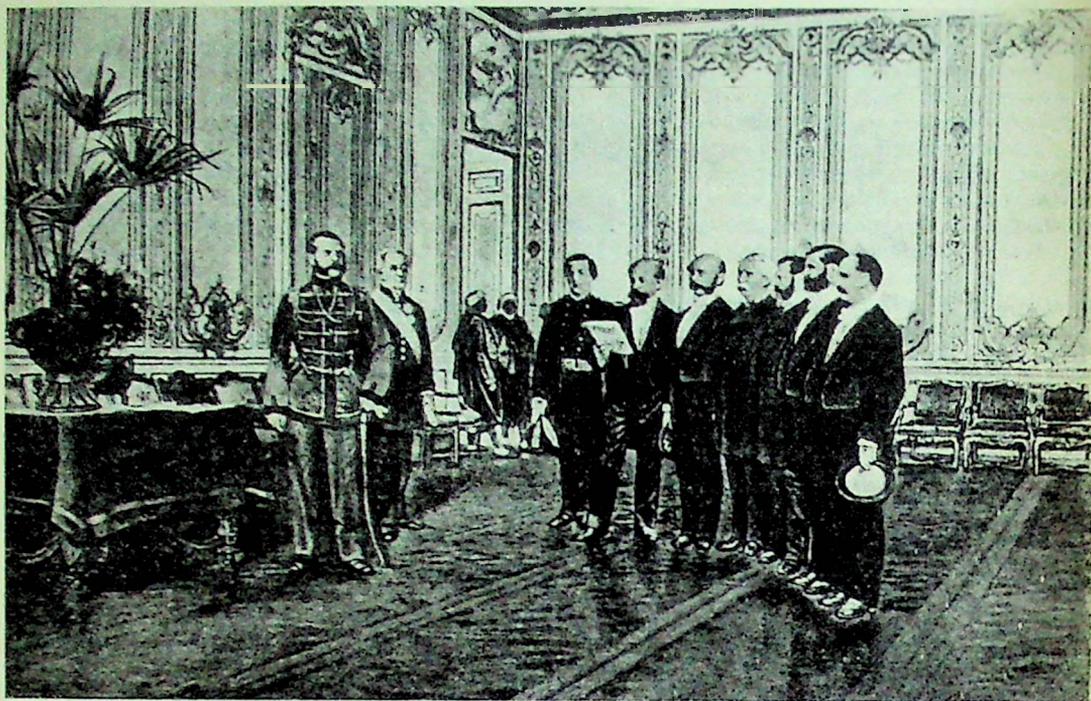
Пока во дворце шел официальный прием, американские офицеры в сопровождении С. С. Лесовского осматривали дворцы и парки Петергофа. В нижнем парке они встретили героя Севастопольской обороны Э. И. Тотлебена. «Офицеры с почтением и восторгом приветствовали знаменитого инженера... Прощаясь с ним, прокричали ему трижды "ура"». Не забыли показать американским гостям и дуб на Царицыном острове, выросший из желудя с дерева, «осеяющего могилу Вашингтона».

На следующий день Александр II в сопровождении наследника и великих князей посетил американские суда. «Миантонамо» салютовал ему из своих башенных орудий. Делалось это впервые и вопреки правилам, ибо в американском флоте орудия такого калибра предназначались исключительно для военных действий.

Так начался первый официальный визит американского флота в Россию. Впереди было знакомство со столицей. Однако до нее, конечно, был Кронштадт с его мощными фортами, доками, морской обсерваторией, богатейшей библиотекой Морского клуба, почетными читателями которой стали все американские офицеры, и арсеналом. Кстати, при осмотре последнего гости были «поражены множеством военных флагов, забранных у неприятеля и свидетельствующих о подвигах русского флота на море». В Кронштадтском морском клубе американскому посольству был дан первый официальный обед. Радужие офицеров русского флота, «великолепные угощения и задушевный тон речей» произвели на американцев самое отрадное впечатление. Впрочем, торжественные приемы, обеды и ужины шли теперь один за другим. Заокеанские гости были нарасхват, а уж о русском хлебосольстве и говорить не приходится.

Знакомство с Петербургом начали с Исаакиевского собора. Он поразил американцев своим великолепием и огромными размерами. Далее последовали Зимний дворец, Эрмитаж, Адмиралтейство, Морской музей, Обуховский сталелитейный завод, Публичная библиотека, летние лагеря гвардейских полков в Красном Селе, музей Академии наук, Биржа, Невский монастырь, музей Горного института и т. д. Было что показать и чем поразить гостей из-за океана. В дополнение ко всему шли приемы и балы, один великолепнее другого. Например, ужин в роскошно иллюминированном саду одного из особняков на Каменном острове, на котором присутствовал «весь цвет петербургского общества», обошелся гостеприимному хозяину более чем в 40 тыс. руб.

В погожий августовский день гости совершили поездку в Царское Село и по Петербургу. Осматривали дворцы и парки, готическое здание Адмиралтейства с его миниатюрными доками и арсенал, заинтересовавший американцев своей уникальной коллекцией старинного и современного оружия. День завершили в Павловске. Здесь в честь гостей был устроен «русско-американский праздник»; вокзал был полон самой изысканной публики, которая восторженно приветствовала американцев; по окончании музыки им был предложен в вокзале ужин». Между прочим, во время «музыки» исполнялся и галоп «Миантонамо», только что сочиненный в честь гостей музыкальным директором Павловска (была, оказывается, и такая должность).

Аудиенция в большом Петергофском дворце
С картины неизвестного художника (Центральный Военно-Морской музей)

23 августа по приглашению Московского городского общества посольство выехало в Москву в специальных вагонах, «задрапированных снаружи флагами американских цветов». Первая остановка — Любань. Путешественники приглашены к обеду. На тост «За здоровье всех дорогих гостей, едущих в Москву» американцы отвечали тостом «За всех русских, лучших друзей Америки»²⁴. Следующая остановка в Чудово, посольство приветствует делегация Новгорода. Выслушав приветствие, «м-р Фокс взял стакан и предложил тост «За благоденствие Великого Новгорода, древнейшего из русских городов». «После этого из рядов новгородской делегации «выступил (...) один из депутатов от крестьян, почтенный старец, убеленный сединами, и, обращаясь к адмиралу С. С. Лесовскому, произнес: «Скажи ты им, батюшка, что мы всегда будем молить за них бога за то, что они так глубоко сочувствуют нам и нашему государю»». Вместе с хлебом-солью гостям были преподнесены медаль, отчеканенная в честь тысячелетия России, гравюры с видами Новгорода, баранки, выпекаемые здешними жителями, и живая рыба, только что пойманная в Волхове. Очередная остановка и очередные приветствия в Твери. И вот наконец Москва, Николаевский вокзал.

Первопрестольная встретила гостей громом оркестра. Над привокзальной площадью, заполненной толпой встречающих, звучит национальный гимн «Hail Columbia». Городской голова, члены управы и многочисленные представители различных обществ приветствуют посольство. Гости направляются в приготовленную для них резиденцию. Неожиданно они видят там свои фотографии. Удивление их возрастает еще более, когда они видят и свои портреты, написанные маслом, хотя они никому не позировали. Секрет раскрывают хозяева — снимки были сделаны в Петербурге за два дня до отъезда в Москву, с них и писались портреты.

В тот же день посольство нанесло официальный визит генерал-губернатору Москвы В. А. Долгорукому. Поднимая тост за здоровье гостей, он сказал: «Прием, оказанный вам в среде нашего флота, говорит о том, каким уважением пользуются граждане Соединенных Штатов в нашем отечестве. Поверьте, что такой же прием вы встретите и в Москве, нашей древней столице»²⁴.

Вечер американцы провели в Зоологическом саду, где в их честь было устроено большое гуляние. Сад был переполнен публикой и роскошно иллюминирован, светились транспаранты с именами Вашингтона, Франклина и Линкольна. Когда стемнело, был зажжен фейерверк, среди которого ярко горели огненные слова «Nail Columbia».

Знакомство с Москвой оказалось не менее интересным и насыщенным, чем со столицей. Началось оно с Кремля и Красной площади, затем следовала прогулка по городу — «коляски были в ямской упряжке, одна часть тройками с дугами, другая четверками, лошади были убраны сбруей с бляхами и бубенчиками»²⁵. За несколько дней пребывания в Москве гости посетили Петровскую земледельческую академию, Гостиный двор, суконно-сатинную фабрику, Николаевский сиротский приют, Троице-Сергиеву лавру, подмосковное имение князей Голицыных Кузьминки, «некогда любимое загородное место Петра Велико-го», и, конечно, Большой театр и многие другие не менее интересные и примечательные места. На пятый день посольство отбыло в Нижний Новгород. Американцам решили показать знаменитую ежегодную Нижегородскую ярмарку. Размах ярмарки поразил. Продолжалась она по два месяца, и в это время население города возрастало в 6—8 раз, с 40 до 250—300 тыс. человек. Торговый оборот ярмарки превышал 100 млн. руб. Одного только чая здесь продавалось более чем 6 тыс. т. Вечером посольство было приглашено на обед, устроенный в честь гостей купечеством. «Обеденный зал был украшен цветами, зеленью, национальными флагами и портретами государя, Вашингтона, Линкольна и Джонсона. За стол село около полутора человека, между которыми были представители всех национальностей: русские, персы, татары, армяне, купцы с Кавказа и из далекой Сибири». Ярморочный комитет «очень сожалел», что в связи с разгаром ярмарки купечество не может принять дорогих гостей с тем блеском, «с каким оно желало». В последующие дни гости познакомились с городом, Кремлем, древними соборами, с речным портом, в котором стояло более сотни пароходов, осмотрели и место, с которого Минин держал речь к народу в 1612 г., призывая его к защите отечества.

1 сентября посольство отплыло в Кострому. Встреча с костромичами также осталась в памяти американских гостей. «Как только м-р Фокс вступил на набережную, один из крестьян снял с себя верхнюю одежду и расстелил ее перед ним. М-р Фокс попытался перешагнуть через нее. Однако в ту же минуту, словно по мановению волшебного жезла, весь путь до конца набережной был мгновенно устлан одеждой. Толпа молча наблюдала, что будет дальше. Когда же м-р Фокс решил, наконец, пройти по одежде, толпа радостно приветствовала его громким «ура!»²⁶. После знакомства с Костромой, осмотра памятника Ивану Сусанину посольство продолжило свой путь по Волге.

В Твери на паровой пристани состоялась традиционная встреча, после которой гости отправились «в экипажах осматривать город и потом на станцию железной дороги, где им был предложен обед. Во время обеда (...) престарелый ветеран Ф. Н. Глинка, сражавшийся еще при Бородино, прочел поэму своего сочинения, в которой прославлял дружбу между Россией и Америкой; после многих тостов и речей приезжие должны были поспешить на поезд, пришедший из Москвы, с которым они отправились обратно в Петербург».

Последние дни пребывания в столице американцы посвятили дальнейшему знакомству с жизнью города, «покупке разных вещей русского изделия» и нанесению прощальных визитов. Наиболее ярким событием был обед в Английском клубе, который должен был служить выражением дружбы между Россией и Соединенными Штатами. По давней традиции клуба, после обеда гости вновь были приглашены в столовую, где уже «пылал пунш». Перед присутствующими выступил канцлер А. М. Горчаков. Упомянув о радушном приеме, который был оказан американцам повсюду в России, он отдал справедливость личным качествам посланника конгресса Фокса и отметил: «Я радуюсь, что умы практические, чуждые всякого предубеждения, могут сами и беспристрастно судить о нас. Они могли оценить и (...) величайшую гордость и славу нашего отечества, и народ, составляющий его силу!» Выразив надежду, что добрые взаимоотношения между обоими народами будут существовать вечно, А. М. Горчаков отметил, что он особенно ценит эти взаимоотношения потому, что «они не представляют никому ни угрозы, ни опасности... Господь даровал обоим странам такие условия существования, что они вполне могут довольствоваться своей великой внутренней жизнью». В тот же день полный текст речи А. М. Горчакова был передан телеграфом в Соединенные Штаты. Отправка этой телеграммы обошлась корреспонденту «Нью-Йорк геральд» в 7 тыс. долл.

Утром 15 сентября, в день ухода американских кораблей, на яхте управляющего морским министерством адмирала Н. К. Краббе был дан прощальный завтрак. Желая

американцам счастливого пути, адмирал Краббе выразил радость, «что русским удалось, наконец, отплатить американцам за радушный прием, оказанный ими в 1863 г. адмиралам Лесовскому и Попову»²⁷. По окончании завтрака гости отбыли на свои корабли, американская эскадра снялась с якоря и вышла в Финский залив.

¹ Красный Архив.— 1939.— Т. 3 (94).— С. 126.

² Цит. по: Малкин М. М. Гражданская война в США и царская Россия.— М., 1939.— С. 243.

³ Морской сборник.— 1913.— № 8.— С. 30—31; 1914.— № 10.— С. 37.

⁴ Красный Архив.— 1930.— Т. 1 (38).— С. 159, 161.

⁵ Морской сборник.— 1913.— № 8.— С. 35, 38, 43.

⁶ Красный Архив.— 1939.— Т. 3 (94).— С. 136.

⁷ Цит. по: США: экономика, политика, идеология.— 1974.— № 7.— С. 61.

⁸ Кронштадтский Вестник.— 1864.— 18 января.

⁹ Морской сборник.— 1914.— № 10.— С. 44.

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф.— Соч.— Т. XII.— Ч. 2.— С. 400.

¹¹ См.: Морской сборник.— 1913.— № 2.— С. 5.

¹² Там же.— 1914.— № 10.— С. 45.

¹³ См.: Кронштадтский Вестник.— 1863.— 4 декабря.

¹⁴ Там же.— 1863.— 22 декабря.

¹⁵ Красный Архив.— С. 139.

¹⁶ Кронштадтский Вестник.— 1864.— 3 января.

¹⁷ Цит. по: Всенно-исторический журнал.— 1977.— № 4.— С. 104.

¹⁸ Русская старина.— 1887.— Т. 53.— С. 47.

¹⁹ Loubat J. Fox's Mission to Russia.— New York, 1873.— P. 15.

²⁰ Русская старина.— С. 50.

²¹ Loubat J. Op. cit.— P. 37.

²² Ibid.— P. 88.

²³ Русская старина.— С. 54—56, 59.

²⁴ Loubat J. Op. cit.— P. 211, 232.

²⁵ Русская старина.— С. 61.

²⁶ Loubat J. Op. cit.— P. 292, 314.

²⁷ Русская старина.— С. 69, 71, 72, 74, 75.

Документы по истории советско-китайских отношений

В январе 1940 г. в Москве была открыта выставка китайского искусства. Более 1900 экспонатов из государственных и частных коллекций, представляющие все жанры китайской художественной школы, было представлено на этой выставке, организованной совместно советскими и китайскими организациями. Выставка привлекла внимание советской общественности. После 15-месячной работы в Москве по инициативе ВОКС и с согласия китайской стороны она была перевезена в Ленинград и открылась в Эрмитаже. Но вскоре началась Великая Отечественная война. ВОКС предпринял необходимые меры для сохранения экспонатов выставки Китайского искусства, упаковав их вместе с ценными коллекциями Государственного Эрмитажа. Китайские власти, обеспокоенные судьбой коллекции, предприняли меры для быстрой отправки ее в Китай. Ниже мы предлагаем вашему вниманию не публиковавшиеся ранее документы — переписку между НКВД и Китайским посольством в СССР о драматической истории возвращения выставки в Китай, завершившейся, к счастью, благополучно. Коллекция была возвращена в Китай.

*Chinese embassy
Moscow*

№. 780/41

Китайское Посольство, свидетельствуя свое уважение, имеет честь обратиться к Народному Комиссариату Иностранных Дел с нижеследующим:

В начале января 1940 года в Москве открылась выставка Китайского Искусства из экспонатов, привезенных из Китая и предоставленных во временное пользование из государственных и частных коллекций Китая, причем некоторые из экспонатов представляли собой весьма ценные оригиналы и уникамы. После 15-ти месячной работы Выставки, вызвавшей в широких советских общественных кругах большой интерес и живейшее одобрение, Всесоюзное общество Культурной Связи с Заграницей (ВОКС) известило Посольство о намерении перевезти экспонаты в Ленинград для устройства Выставки в Эрмитаже. В настоящее время по данным ВОКС'а экспонаты уже перевезены и выставлены там в Ленинграде.

Уже в начале текущего 1941 г. Посольство начало получать из Китая письма и телеграммы с выражением пожелания, чтобы экспонаты после окончания Выставки в Москве были бы возвращены в Китай. Однако, поскольку ВОКС'ом было изъявлено желание устроить Выставку в Ленинграде из Китая было получено согласие на это, но все же была выражена просьба принять меры к тому, чтобы после экспонирования на некоторое время в Ленинграде, экспонаты были бы возможно скорее отправлены обратно в Китай.

В середине июня с. г. Посольством была получена из Китая телеграмма с запросом, когда предполагается закрыть Выставку в Ленинграде и когда предполагается экспонаты вывезти обратно в Китай. В телеграмме просили сообщить об этом, чтобы можно было заблаговременно прислать представителя для обратной приемки экспонатов.

Посольство по этому вопросу 19 июня с. г. снеслось с ВОКС'ом, обещавшим выяснить и дать ответ.

В настоящее время Посольством получено телеграфное распоряжение Китайского Правительства просить подлежащие органы в возможно скором времени отослать экспонаты обратно в Китай и передать там подлежащим учреждениям, и в случае, если будет признано необходимым прибытие сюда специального уполномоченного для приемки, просить заблаговременно уведомить Посольство, чтобы можно было заранее снести о командировании сюда уполномоченного. Если же в настоящее

время вывезти не представится возможным, то просить принять необходимые и надлежащие меры охраны от всяких возможных в военное время случайностей.

Разумеется, речь идет о возвращении только экспонатов, предоставленных во временное пользование для Выставки; кроме этих экспонатов были одновременно присланы некоторые предметы от Китайско-Советского Общества Культурного Сближения в Китае в подарок, которые должны остаться в Советском Союзе: список такого рода предметов имеется в Посольстве.

Китайское Посольство имеет честь просить Народный Комиссариат Иностранных Дел довести об изложенном до сведения подлежащих органов Советского Союза на предмет принятия соответствующих мер и не отказать о последующем известить Посольство, за что Посольство заранее приносит свою глубокую благодарность.

Москва, 30 июня 1941 года

*Печать Посольства Китайской
Республики*

II

СССР

Народный Комиссариат
Иностранных дел

В ответ на ноту от 30 июня 1941 г. № 780/41, НКИД имеет сообщить Китайскому посольству, что Всесоюзное Общество культурной связи с заграницей сразу же после нападения Германии на СССР приняло необходимые меры для сохранения экспонатов Выставки Китайского искусства, ныне находящихся в Ленинграде. Экспонаты в настоящее время упакованы и хранятся вместе с ценными коллекциями Государственного Эрмитажа в безопасном месте.

Москва, 7 июля 1941 г.

*В Китайское посольство
в Москве*

III

*Chinese embassy
Moscow*

№. 1148/41

Китайское Посольство, свидетельствуя свое уважение, имеет честь обратиться к Народному Комиссариату Иностранных Дел с нижеследующим:

В ноте своей от 30 июня 1941 г. за № 780/41 Китайское Посольство, по поручению своего Правительства, обратилось к Народному Комиссариату Иностранных Дел с просьбой снести с подлежащими органами о возможно скорой отправке обратно в Китай китайских экспонатов Выставки Китайского Искусства, открытой в Москве в сентябре 1940 г. и, в случае, если временно будет признана невозможной такая отправка,— о принятии мер к охранению этих экспонатов от случайностей военного времени.

В любезном ответе своем, в ноте от 7 июля 1941 г. за № 3, Народный Комиссариат Иностранных Дел сообщил Посольству, что Всесоюзное Общество Культурной Связи с заграницей приняло необходимые меры для сохранения экспонатов, ныне находящихся в Ленинграде, и что эти экспонаты упакованы и хранятся вместе с ценными коллекциями Государственного Эрмитажа в безопасном месте. Затем названное общество ВОКС сообщило дополнительно Посольству 31 июля 1941 г., что, эти экспонаты находятся вне Ленинграда вместе с ценными коллекциями Эрмитажа в безопасном месте. Об этих сообщениях Народного Комиссариата Иностранных Дел и Общества

ВОКС было своевременно доведено Посольством до сведения Китайского Правительства.

Выражая глубокую благодарность руководящим органам советской стороны за принятие мер охранения экспонатов, Китайское Посольство, по поручению своего Правительства настоящим вновь обращается к Народному Комиссариату Иностранных Дел с убедительнейшей просьбой не отказать снестись с подлежащими учреждениями о возможно скорой отправке этих экспонатов обратно в Китай. Потребность в этих экспонатах явилась уже давно и уже в самом начале этого года был возбужден вопрос об обратной их отправке. Вопрос этот был временно отложен исключительно в связи с возникшей в советских кругах идеей об устройстве выставки в Ленинграде. Таковая идея и была осуществлена, экспонаты были отправлены весной этого года в Ленинград и оставались там вплоть до начала войны. Таким образом, вопрос об отправке экспонатов обратно в Китай не находится в связи с военными действиями, а вызван потребностью в этих экспонатах в самом Китае.

В видах наибольшей скорости и надежности отправки Китайское Правительство просит отправить экспонаты специальным самолетом до города Ланьчжоу в Китае. При этом в первую очередь Китайское Правительство просит отправить экспонаты, предоставленные в свое время для выставки Государственным Музеем старых дворцов в Бейпине и Археологическим Отделением Академии Наук Китая, с оставлением прочих экспонатов временно в СССР.

В ожидании любезного ответа Китайское Посольство за исполнение настоящей просьбы заранее выражает большую благодарность.

Москва, 30 сентября 1941 года.

*Печать Посольства Китайской
Республики*

IV

Справка

По вопросу о музейных экспонатах, привезенных из Китая из государственных и частных коллекций во временное пользование на открывшейся в январе 1940 г. выставке Китайского искусства в Москве.

19 июня 1941 г. Посольство по поручению Китайского правительства снеслось с ВОКСом по вопросу, когда предполагается закрыть выставку в Ленинграде.

30 июня — нота в НКВД, с просьбой о возвращении их в Китай.

7 июля НКВД нотой ответил Посольству, что ВОКС принял необходимые меры для сохранения этих экспонатов в Ленинграде.

Но Китайское правительство, в частности, Сунь Фо, продолжало настаивать на отправлении их в Китай.

31 июля ВОКС сообщил в Посольство письмом Комитета по делам Искусства, что экспонаты находятся в Ленинграде совместно с ценными экспонатами из Эрмитажа.

30 сентября — новая нота Китайского посольства.

11 октября заведующий 1-м ДВО Лифанов сообщил советнику Посольства Ли Цзежуну, что «несмотря на большие транспортные затруднения, связанные с войной НКВД благосклонно рассматривает просьбу Китайского правительства об отправке китайских экспонатов выставки Китайского искусства в Китай и в соответствии с этим дал указание Комитету по делам искусств и ВОКСу. Экспонаты находятся в безопасном месте в г. Свердловске. Порядок приема представителем китайской стороны и все технические вопросы, связанные с переотправкой экспонатов в Китай, прошу обсудить с ВОКСом и Комитетом по делам искусства. Как нам сообщили ли для проверки и упаковки указанных экспонатов потребуется 5—7 дней».

Основываясь на этом сообщении Посольство начало переговоры с ВОКСом.

11 октября состоялась 1-я беседа Лю Цзежуна с заместителем Председателя ВОКСа г. Зотовым. г. Зотов высказал сомнение в возможности получения самолета. Лю Цзежун предложил взять экспонаты по железной дороге до Алма-Аты, а оттуда самолетом в Китай.

12 ноября 1941 г. Зотов в беседе с Лю Цзежуном сказал, что и с железной дорогой сложности, и он просит отложить отправку.

3 января 1942 г. Лю Цзежун вновь просил Зотова ускорить отправку.

10 февраля 1942 г. Зотов в личной беседе с Лю Цзежуном сообщил, что все готово к отправке, есть решение, что в первую очередь должны быть отправлены:

1. Экспонаты Дворцового Музея Китая.
2. Экспонаты Академии наук Китая.
3. Экспонаты Китайского Центрального правительства.

Для приемки груза китайская сторона направила в Алма-Ату Ли Найци.

8 апреля 1942 г. Лю сообщил Зотову по телефону, что экспонаты из Алма-Аты могут быть вывезены на самолете китайско-советского общества «Хаши-Ата» и что таким образом вопрос о формальностях, связанных с прилетом самолета из Китая, отпадают.

Далее произошла заминка.

29 апреля Зотов сообщил Лю Цзежуну, что в связи с военной обстановкой советские организации не могут предоставить самолета, ни даже железнодорожного вагона для отправки экспонатов.

Куйбышев, 30 мая 1942 г.

V

Штамп
НКВД
28 сентября 1942 г.

Китайское Посольство
Москва

Китайское Посольство, свидетельствуя свое уважение НКВД, имеет честь проводить при сем копию Акта от 11 августа 1942 года, составленного в гор. Алма-Ата Заведующим Отделом Государственным Музеем Дворца г. Ли Найци, с китайской стороны, и Зав. отделом Востока Государственного Эрмитажа проф. И. М. Лурье, с советской стороны, о принятии китайской стороной и сдачи советской стороной музейных экспонатов, принадлежащих Китаю и находившихся временно на выставке в Москве и Ленинграде.

В Акте перечисляются номера оставленных в Советском Союзе предметов в дар Сталину, так и предназначенных в дар Советскому Правительству. Подробная опись этих предназначенных в дар предметов имеется в распоряжении Китайского Посольства, которое готово в случае необходимости предоставить в распоряжение НКВД или другого советского учреждения копию этой описи.

НКВД
1-й ДВО, Куйбышев

*Куйбышев, 28 сентября
1942 г.*

VI

СССР
Народный Комиссариат
Иностранных дел
№ 7

Народный Комиссариат Иностранных дел, свидетельствуя свое уважение Китайскому Посольству, имеет честь подтвердить поручение копии Акта от 11 августа 1942 г., составленного в г. Алма-Ата зав. Отделом Востока Государственного Эрмитажа И. М. Лурье, с одной стороны; и Заведующего Отделом Государственного Музея Дворца г. Ли Найци, с китайской стороны, о сдаче советской стороной и принятием китайской стороной музейных экспонатов, принадлежащих Китаю и находившихся временно на выставке в Москве и Ленинграде.

г. Куйбышев, 9 декабря 1942 г.

Китайское Посольство
г. Куйбышев

Публикация Р. Миронцкой

Малоизвестный визит китайского дипломата в Россию

Н. НОВГОРОДСКАЯ

В середине XIX в. «опиумные войны» распахнули двери Китая для западноевропейских государств: китайские порты были открыты для иностранной торговли, в ряде торговых городов были учреждены консульства для защиты прав иностранных подданных, в Пекине приступили к работе в дипломатических миссиях представители Англии, Франции, США и России. В январе 1861 г. для осуществления внешнеполитической деятельности Китая в отношении стран Западной Европы и Америки было создано Главное управление по иностранным делам (Цзунлямынь) во главе с одним из самых влиятельных сановников цинского двора — князем Гуном (И Сином).

Цинская империя вступила в новый этап развития: рушилась веками существовавшая и казавшаяся универсальной схема отношений с окружающим миром, разбивался о реальность миф о непобедимости Срединной империи, о превосходстве китайского над всем иностранным. В сложившейся ситуации цинские правители всеми силами стремились, «сохранив лицо», вернуть стране былую мощь и влияние. Хотя среди них и были те, кто осознал насущную необходимость для Китая «идти в мир», перенимать опыт и научно-технические достижения развитых капиталистических государств, конкретные меры в этом направлении предпринимались крайне медленно. Даже такой простой, ни к чему не обязывающий шаг, как отправка китайского посольства с ознакомительной поездкой по странам Европы и Америки вызвал серьезные раздумья у столичных чиновников. Как «созревало» это решение видно из донесения посланника Российской императорской дипломатической миссии при цинском дворе А. Е. Влангали вице-канцлеру А. М. Горчакову от 1 марта 1866 г., в котором в частности говорилось:

«Давно уже носились слухи о том, что китайское правительство предполагает послать, подобно японцам, несколько лиц в Европу для ознакомления с иностранными землями, с которыми оно имеет торговые и дружественные трактаты.

К этому также побуждали китайцев находящиеся здесь иностранные представители, и даже в последнее время французский посланник передал им приглашение своего правительства принять участие во Всемирной выставке 1867 года. Последнее предложение они отклонили под предлогом, что они к тому не подготовлены, тем более что страна еще не успела совсем оправиться от бывших и отчасти продолжающихся внутренних волнений.

Главный инспектор Таможен в открытых портах Китая англичанин Харт поверял мне, что уже несколько лет он не упускает ни одного случая объяснить китайским сановникам необходимость послать посольство ко всем дворам Европы и также к допущению здешних представителей к представлению богдохану своих кредитивных грамот. Также он доказывал им необходимость введения в Китае железных дорог и телеграфных сообщений, без чего они всегда будут стоять в промышленном и административном отношении ниже европейцев.

Китайского посольства в Европу г/осподин/Харт добивался для того, чтобы почетные доверенные здешнему правительству лица, могли бы по возвращении в Китай рассказать высшим правительственным лицам то, что они увидали бы в Европе; а аудиенции у богдохана послужили бы к возвышению в народном мнении понятия об европейских государствах, которых продолжают здесь считать ниже китайского...

Все убеждения г/осподина/ Харта были выслушиваемы всегда, но до исполнения им

Новгородская Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, сотрудник ИДВ АН СССР.

было еще далеко, несмотря на доверие, которое они ему оказывали, в особенности касательно иностранной морской торговли в открытых портах.

Ныне китайское правительство решилось воспользоваться отъездом в шестимесячный отпуск г/осподина/ Харта и поручило его попечению одно доверенное лицо, которое, не имея официального характера, объедет несколько европейских столиц и донесет потом о всем им виденном...»¹

Ответственная миссия была возложена на сановника по имени Бинь Чунь. Такой выбор цинского правительства был обусловлен несколькими причинами: являясь начальником Департамента императорских стад в Министерстве двора, Бинь Чунь одновременно в течение двух лет проработал в Управлении императорских морских таможен бок о бок с Хартом. Поэтому Бинь Чунь не только хорошо был знаком с главным инспектором, но за это время успел познакомиться с другими европейцами и составить представление об иностранной торговле в целом. Кроме того, будучи чиновником третьего класса, что соответствовало российскому статскому советнику, Бинь Чунь занимал в цинском обществе необходимое для главы такого рода миссии положение. И, наконец, он пользовался репутацией хорошего литератора, что, учитывая цели поездки, несомненно, принималось во внимание.

10 февраля 1866 г. Бинь Чуню из Цзунлиямыня последовало высочайшее повеление объехать иностранные государства и после возвращения в Китай по результатам путешествия представить подробное описание посещенных им стран в географическом и этнографическом отношении².

12 февраля, когда по случаю Нового года по лунному календарю в Цзунлиямыне собрались посланники всех иностранных государств, Бинь Чунь был представлен дипломатическому корпусу и было официально сообщено о предстоящей ему поездке. Это известие было с радостью воспринято посланниками западноевропейских держав³.

16 февраля Бинь Чунь в сопровождении помощника президента Цзунлиямыня Хэнци ездил в иностранные представительства европейских стран с прощальными визитами⁴.

23 февраля путешественники двинулись в путь. Из иностранцев, кроме Р. Харта, Бинь Чуня сопровождали в поездке служащие Управления императорских морских таможен француз Дешани* и англичанин Боура. С цинской стороны в состав миссии также были включены три ученика из Училища по изучению иностранных языков (Тунвэньгуаня) Дэмин (второе имя — Чжан Дэи), Фэн И и Янь Хуэй. Путешествие положительно сказалось на дальнейшей судьбе молодых людей. Двое из них впоследствии занимали высокие посты: Чжан Дэи был назначен полномочным министром Китая в Англии и в общей сложности провел на дипломатической работе за рубежом 28 лет, а Фэн И дослужился до поста консула в Сингапуре. Бинь Чуню также разрешено было взять с собой в путешествие сына — Гуаньина.

Русскому правительству о предстоящем визите китайцев в Россию стало известно от посланника Российской дипломатической миссии при цинском дворе А. Е. Влангали. В вышеупомянутом донесении на имя вице-канцлера А. М. Горчакова от 1 марта 1866 г. он подробно сообщил о характере и составе посольства, пути следования и намерении китайцев посетить столицу России⁵.

Одновременно в письме к директору Азиатского департамента министерства иностранных дел России П. Н. Стремноухову от 1 марта 1866 г. А. Е. Влангали изложил свое мнение по поводу двух главных фигур миссии, Бинь Чуня и Р. Харта. «Пин-Чунь был прежде приставлен к Харту почти как шпион, — отмечал А. Е. Влангали, — теперь же, а в особенности во время поездки в Европу он будет совершенно его человек. Если Вам случится встретиться с Хартом, то Вы увидите сами, что он человек скромный, благонамеренный, честный и понимающий свое дело.

Я вообще с ним как и все мои коллеги в очень хороших отношениях. Я с ним много беседовал о телеграфе и даже просил его усилить свои советы китайцам об изъявлении согласия о введении их в этой Небесной империи; и знаю, что он много говорил в пользу этого предприятия, но китайцы только слушали. Беда иметь дело с людьми, которых цивилизация столь противоположна нашей»⁶.

Однако, как оказалось, посещение России и других европейских стран не входило в планы Р. Харта. Генеральный инспектор намеревался использовать свой отпуск для устройства собственных дел, поэтому, позаботившись о радушном приеме китайских

* В русских документах XIX в. — Дежан.

гостей в Лондоне, он уехал в Ирландию и поселился в доме у родителей, в местечке Раванз, где и состоялось его знакомство с будущей женой Эстэр Джэйн Брэдон. Впервые после 10 лет напряженной работы в китайской таможне Харт отдыхал в кругу семьи, наслаждался обществом очаровательно девятнадцатилетней невесты и вместе с ней любовался красотами Килларнийских озер, где после бракосочетания, состоявшегося в августе 1866 г. в Дублине, молодожены провели медовый месяц. А тем временем другие члены посольства продолжали ознакомительный вояж по Европе.

По продолжительности визит в Россию был самым краткосрочным, посланцы Цинской империи пробыли в Санкт-Петербурге всего 5 дней. Переводчиком и сопровождающим иностранных гостей в столице был назначен К. А. Скачков, человек блестяще владевший китайским языком и имевший за плечами богатый опыт общения с цинскими чиновниками.

Примечательно, что представители обеих сторон, непосредственно участвовавшие в событиях, подробно изложили все, что было пережито ими за эти несколько дней. К. А. Скачков, согласно установленным правилам, представил в МИД России докладную записку «О пребывании китайского комиссара в Петербурге», составленную в виде краткого отчета⁷. В свою очередь Бинь Чунь, следуя высочайшему повелению, вел путевые заметки, в которых день за днем фиксировал сделанные им в пути наблюдения.

Вскоре после возвращения в Пекин Бинь Чунь представил на высочайшее рассмотрение подготовленный им труд — «Путевые записки» (Чэнча бици). По-видимому, чистовой вариант работы был написан в максимально сжатые сроки. Посольство вернулось в Пекин 1 ноября 1866 г., а по свидетельству А. Е. Влангали, уже в самом начале января 1867 г. в столице обсуждалась новость о том, что Бинь Чунь «о своем путешествии в Европу написал целый том, который здешнее Министерство полагает отпечатать в небольшом числе экземпляров»⁸. Одна из копий «Путевых записок» попала в Российскую дипломатическую миссию, где была переведена на русский язык Алексеем Ленцом. А. Е. Влангали направил экземпляр этого перевода в Азиатский департамент с предложением ходатайствовать о публикации «Путевых записок» в журнале «Русский Вестник»⁹. Но из-за большого объема рукописи редакция отказалась печатать предложенный материал полностью, испросив согласия МИД на издание выдержек из дневника Бинь Чуня, однако на сей раз Азиатский департамент отклонил это предложение, после чего рукопись была возвращена в архив, где хранится и поныне¹⁰.

На китайском языке «Путевые записки» Бинь Чуня переиздавались несколько раз. В 1970 г. эта работа была опубликована на Тайване в многотомном издании «Цзиньдай Чжунго шилляо цункань» (Серия исторических источников по истории Китая в новое время), а в 1979 г. напечатана в КНР в серии брошюр под общим названием «Идти в мир», подготовленной хунаньским издательством «Жэньминь».

Таким образом, благодаря сохраненным документам и материалам истории визита Бинь Чуня в Россию можно восстановить вплоть до мельчайших подробностей.

Итак, 4 июля 1866 г. путешественники прибыли в Петербург. В «Путевых записках» под этой датой (5 число 6 луна) помещена следующая запись: «Ясно и безветрие. В 8 часов утра пароход вышел из залива, вода была гладка как зеркало и цветом своим походила на цвет неба, эта картина расширяла сердце и увеселяла дух. В 3 часа пополудни прошли Кронштадт. Главных фортов 3, они стоят выдавшись из моря. Я слышал, что в 1854 г. соединенный англо-французский флот подступил к крепости, но не смог овладеть ею и отступил.

Проехав 30 верст (60 ли) мы достигли русской столицы Петербург. Дома прилегают один к другому, улицы широкие, город в окружности имеет более 25 верст (50 ли), здания широкие и высокие, дворцы полны блеска, так что столицу можно совершенно справедливо назвать венцом столиц всех государств, жителей в ней 536 тысяч. В 5 часов по полудни мы сошли на берег и поехали в гостиницу»¹¹.

Совершенно иной характер носит запись от этой даты в докладной записке К. А. Скачкова. В ней прежде всего анализируется состав прибывшей в столицу миссии. «Китайский комиссар Пинь Чунь — отмечал К. А. Скачков, — приехал в Петербург 4 июля вечером. При нем находились его сын и три китайских студента, из которых двое говорят изрядно по-английски и один слегка по-французски; его переводчики английский — г/осподин/Vowga, и французский г/осподин/ Dechanys. Прислуга состояла из одного француза и шести китайцев»¹².

5 июля состоялось знакомство К. А. Скачкова с китайцами. Естественно, в докладной

записке этот эпизод занимает ключевое место и описан следующим образом: «...состоящий при Азиатском департаменте К. Скачков был у Бинь Чуня ради любопытства увидеться с китайцами. Он познакомился с ними довольно коротко. Вечером того же дня все китайцы со своими переводчиками ездили на Минеральные воды к Излеру.»¹³

У Бинь Чуня же напротив, как бы между прочим, в конце записи от 5 июля говорится о том, что «чиновник МИД господин Кун (К. А. Скачков — Н. Н.) был у него с визитом, и рассказал, что уже прежде прожил в Пекине 8 лет.»¹⁴ На первое же место среди событий дня ставится визит к «русскому министру» и к иностранным посланникам¹⁵. Подробнее всего Бинь Чунь описал поездку на Минеральные воды. «В 7 часов, — говорится в «Путевых записках», — отправился в сад Минеральные воды, лежащий в 20 ли на Запад от города. На пути проехали два больших моста длиной 100 футов каждый, пол их устлан деревянными досками, так что экипажи катились чрезвычайно ровно. В саду я видел разные игры, все девушки занимались ими, они же сыграли две комедии. В час ночи все гуляющие стали разъезжаться, небо было еще светло, хотя уже было близко к восходу солнца»¹⁶.

На следующий день, 6 июля, как отмечается в докладной записке, «Бинь Чунь со своей компанией, но без европейских переводчиков был с визитом у К. А. Скачкова. Жена его угостила китайцев завтраком и желтым чаем»¹⁷, после чего гости отправились осматривать Исаакиевский собор. По-видимому, размеры собора и внутреннее убранство произвели на Бинь Чуня сильное впечатление, поскольку он подробно описал это в «Путевых записках»¹⁸.

Вечером, по свидетельству К. А. Скачкова, китайцы опять отправились к Излеру. Надо полагать, что увеселительные мероприятия столичного общества пришлось по вкусу цинским чиновникам и сопровождавшим их европейцам.

7 июля утром иностранные гости были приняты вице-канцлером А. М. Горчаковым и директором Азиатского департамента Н. П. Стремноуховым. В «Путевых записках» Бинь Чунем лишь вскользь упоминается о встрече с вице-канцлером, и подчеркивается, что «господин Го (А. М. Горчаков. — Н. Н.) был вежлив и ласков». Зато у К. А. Скачкова эта встреча описана очень подробно и живо: «...в назначенный час Бинь Чунь со всей своей компанией явился к вице-канцлеру. Вице-канцлер принял Бинь Чуня именно настолько прилично, насколько то требовалось для комиссара, не предъявлявшего никакого полномочия от своего правительства.

Его сиятельство (А. М. Горчаков. — Н. Н.) сидел в кабинете пред своим письменным столом, а Бинь Чунь и вся его компания были посажены в почтительном расстоянии вокруг того стола. Угощения не было никакого, любезностей тем более не было никаких.

Китайский комиссар вообще не бойкий, отвечал не на вопросы вице-канцлера, а заранее заученными им льстивыми ответами, не забыв прежде всего упомянуть, о слишком столетней дружбе между двумя великими соседственными державами.

Когда вице-канцлер недовольный тем, что переводчик Скачков передавал ему ответы Бинь Чуня несколько не соответствующие его вопросам поручил быть переводчиком Дежану, то этот обошелся иначе. Он довольно точно передавал Бинь Чуню вопросы вице-канцлера и выслушивая ответы Бинь Чуня все-таки не соответствующие вопросам, передавал... ответы собственного изобретения, заботясь... чтобы они вполне соответствовали вопросам князя.

Только благодаря вице-канцлеру, осудившему Бинь Чуня за то, что завтра он намеревается уехать назад из Петербурга, Бинь Чунь или говоря точнее сам Дежан ответил, что они вполне ценят внимание князя и останутся в Петербурге еще на день.

Прием у князя продолжался минут 15. Затем все китайские гости были приняты в Азиатском департаменте г/осподином/ директором (П. Н. Стремноуховым — Н. Н.) в его кабинете. И тут также было хорошо выдержано наше отношение к китайскому комиссару. Г/осподин/ директор поручил К. Скачкову показать китайцам достопримечательности столицы, послав распоряжение, чтоб китайцев принимали гостеприимно. Тотчас К. Скачков повел их в Эрмитаж и в Зимний дворец. Китайцы удивлялись всему царскому богатству, считали число шагов обширных зал, спрашивали о числе свечей в люстрах великолепной Николаевской залы, любовались видами с балконов дворца, но зато без всякого внимания проходили мимо замечательнейших оригиналов живописи в Эрмитаже, с любопытством засматривались только на те картины, где есть голые женские фигуры. Дворцовые зимние сады были для них неожиданной новостью»¹⁹.

Многое во время посещения Петербурга казалось китайцам необычным и абсолютно не похожим на то, к чему они привыкли у себя в стране. Поражали их размеры и архитектура зданий, внутреннее убранство помещений, непривычными для китайских гостей были выполненные в европейской манере живописи полотна, на которых «изображения точно живые». И уж абсолютно невозможно представить, чтобы в момент отсутствия императора в столице посетители могли бы осматривать Запретный город, в отдельные павильоны которого доступ был закрыт даже для чиновников высших рангов и дворцовых слугителей.

«Из Дворца за поздним временем — было уже 6 часов, К. Скачков не повез усталых китайцев в Горный корпус, как сперва предполагалось, а по просьбе переводчика Боура, показал китайцам царския экипажи. В этот же вечер в 12 часов китайцы со своими переводчиками, без Бинь Чуня поехали в Шато-де-флер»²⁰.

Четвертый день пребывания зарубежных гостей в российской столице был еще более насыщенным, чем предыдущие. В 7 часов утра К. А. Скачков заехал за китайцами в гостиницу, откуда они вместе отправились на Петербургскую железную дорогу для поездки в Красное село.

«В Красном селе, — отмечается в докладной записке, — в придворной линейке они поехали на военное поле, где происходили малые маневры пехот. Им было дано удобное место посредине поля на холмике откуда были видны все маневры... До окончания маневров его высочество великий князь Николай Николаевич издали верхом на лошади подзвал к себе Скачкова, сказав, что он желает посмотреть на китайцев. Бинь Чунь со всей своей компанией приблизился к великому князю до крайности робко. Великий князь спросил Бинь Чуня, хорошо ли наше войско, а Бинь Чунь ответил, что Китайское государство более 100 слишком лет в дружбе с Россией.

Затем его императорское высочество государь наследник подъезжая верхом к великому князю приказал Скачкову, чтоб и к нему подошли китайцы. Бинь Чунь услышал от Скачкова сколь высокое лицо желает его видеть, вполне растерялся и стал приближаться к государю наследнику крайне тихо, необыкновенно робко переступая с ноги на ногу. Перед его высочеством он предстал бледный, как полотно, его ответы были едва слышны...

В 3 часа Скачков повез китайцев по железной дороге в Петергоф. Там китайцы были привезены во дворец. Осматривая дворец, Бинь Чунь был поражен видом с главного дворцового балкона на группы фонтанов с их Самсоном. Потом китайцы поехали по парку около мест наиболее замечательных фонтанами, видом на море и постройками. Фонтаны обворожили Бинь Чуня, забыв китайскую спесь, он любовался ими, иногда припрыгивая как дитя»²¹.

В «Путевых записках» Бинь Чунь очень поэтично описал посещение Петергофа: «Комнаты во дворце отделаны блистательно и роскошью своею поражают зрение. В саду вода проведена в 31 место, для чего в землю зарыто 110 концов железных труб, чрез которые воду заставляют брызгать вверх на 60 слишком фут, вроде колонны из хрустала, внизу вода льется подобно нефриту и брызги ее прыгают, как жемчужины, наполняя бассейн, но не переполняя его. Один фонтан похож на стеклянный колпак, висящий вниз отверстием, в другом месте падение воды похоже на полотнища из белой шелковой ткани, висящие на скале, в третьем — как бы драгоценные жемчужные занавеси спускаются на 4 углах беседки»²².

Вечером того же дня по приказанию графа Мусина-Пушкина в одной из комнат бокового флигеля в Петергофском дворце в честь китайских гостей был дан прощальный обед. На следующий день посланник цинского двора и его свита должны были покинуть Петербург. Из дневниковых записей Бинь Чуня видно, что он покидал Россию с сожалением: «9 июля Господин Кун (К. А. Скачков — Н. Н.) приехал проводить нас, позаботился о нашем багаже, взял нам билеты на проезд по железной дороге и при прощании мы немало погрузились об разлуке»²³.

В докладной записке К. А. Скачкова сцена прощания описана еще более эмоционально: «Бинь Чунь очень усердно упрашивал Скачкова сесть вместе с ним в карету, чтоб хоть теперь не расставаться с другом. С ним сели еще два китайца. На длинном пути до станции Варшавской железной дороги Бинь Чунь высказался Скачкову о своем сожалении столь скоро расстаться с Россией... Бинь Чунь несколько раз повторял, что такого богатства, как в Петербурге и такого гостеприимства, какое ему оказали русские, он не встретил нигде в Европе.

Сказав, что после первого опыта китайского правительства в посылке своего

комиссара ознакомиться с Европой, теперь будут посылаться такие же комиссары часто, и он будет просить князя Гуна, чтоб вторая его командировка была сухопутным трактом через Кяхту в Россию... Насколько Бинь Чунь был искренен в своей откровенной беседе с Скачковым, сказать трудно, но слезы его, несколько судорожные порывы на его лице, были в пользу его искренности»²⁴.

В Петербурге визит Бинь Чуня был воспринят без особых восторгов, к нему отнеслись как к ординарному событию в дипломатической деятельности страны. Лишь в одной из столичных газет, «Санкт-Петербургских ведомостях», было опубликовано информационное сообщение, в котором говорилось, что «через Гельсингфорс, 3-го июля проехало из Стокгольма в Петербург китайское посольство. Мандарини этого посольства, которым в Стокгольме на выставке проходу не было от чрезмерного множества любопытных, посетили в Гельсингфорсе вечерний бал в заведении Минеральных вод и находящуюся там же дачу консула Френкеля, который принимал у себя этих гостей с Дальнего Востока. В настоящее время это посольство уже находится в Петербурге. Сегодня, 8 июля оно посетило Петергоф»²⁵. Об отъезде китайского посольства из России в столичной прессе сообщений не было.

В цинской империи путешествие Бинь Чуня вызвало определенный резонанс. Дипломатические представители иностранных миссий надеялись, что рассказы Бинь Чуня о достижениях западноевропейских государств подтолкнут китайских чиновников на путь экономического преобразования страны, и будут способствовать активизации ее внешнеполитической деятельности на международной арене.

Вскоре после возвращения Бинь Чуня в Пекин князь Гун 5 ноября 1866 г. направил из Цзунлиямыня письмо российскому посланнику А. Е. Влангали с благодарностью за прием, оказанный китайскому чиновнику в Санкт-Петербурге²⁶.

Сам Бинь Чунь также нанес визит А. Е. Влангали, в ходе которого выразил сожаление, что ему пришлось пробыть в России столь короткое время. Из беседы китайского сановника с российским посланником следовало, что Бинь Чунь «вывез из России очень приятные воспоминания, как о приеме, сделанном ему князем Александром Михайловичем и в Азиатском Департаменте, так и о виденных им достопримечательностях»²⁷.

Таким образом, посещение китайским посольством нашей страны имело позитивное значение для дальнейшего развития русско-китайских отношений, и, кроме того, благодаря распространению в Цинской империи «Путевых записок» Бинь Чуя, способствовало формированию в цинском обществе достоверных знаний о России.

¹ Архив внешней политики России (далее АВПР), ф. СПб. Главный архив, 1—9, оп. 8, 1866—1868, д. № 25, л. 1—2 об.

² Бинь Чунь. Чэича бицзи-Путевые записки // Цзиньдай Чжунго шилiao цункань. Серия исторических источников по истории Китая в новое время.— Тайбэй, 1970.— Сб. 55.— Вып. 545.— С. 11.

³ Там же.

⁴ Там же.— С. 12.

⁵ АВПР, ф. СПб. Главный архив, 1—9, оп. 8, 1866—1868, д. № 25, л. 2 об. — 4.

⁶ Там же, л. 12.

- ⁷ АВПР, ф. СПб. Главный архив, 1—9, оп. 8, 1866—1868, д. № 25, л. 27—30.
⁸ Там же, л. 36.
⁹ Там же, л. 37—39 об.
¹⁰ Там же, л. 102—105; 40—101 об.
¹¹ Бинь Чунь. Указ. соч.— С. 93—94; АВПР, ф. СПб. Главный архив, 1—9, оп. 8, 1866—1868, д. № 25, л. 81 об.— 82.
¹² Там же, л. 27.
¹³ Там же, л. 27.
¹⁴ Бинь Чунь. Указ. соч.— С. 94.
¹⁵ Там же.
¹⁶ Там же; АВПР, ф. СПб. Главный архив, 1—9, оп. 8, 1866—1868, д. № 25, л. 82—82 об.
¹⁷ Там же, л. 27.
¹⁸ Там же, л. 82 об.; Бинь Чунь. Указ. соч.— С. 95.
¹⁹ АВПР.— Ф.— СПб.— Главный архив.— 1—9.— Оп. 8.— 1866—1868.— Д. № 25.— Л. 27—27 об.
²⁰ Там же.— Л. 28.
²¹ Там же.— Л. 28—29.
²² Бинь Чунь. Указ. соч.— С. 97; АВПР.— Ф.— СПб.— Главный архив.— 1—9.— Оп. 8.— 1866—1868. Д. № 25. Л. 83.
²³ Бинь Чунь. Указ. соч.— С. 97—98; АВПР.— Ф.— СПб.— Главный архив.— 1—9.— Оп. 8.— 1866—1868. Д. № 25.— Л. 83 об.
²⁴ Там же.— Л. 29 об.— 30.
²⁵ Санкт-Петербургские ведомости.— 1866.— 9 июля.— № 185 — С. 3.
²⁶ АВПР.— Ф.— СПб.— Главный архив.— 1—9.— Оп. 8.— 1866—1868. Д. № 25. Л. 37.
²⁷ Там же.— Л. 35 об.

СИС: СОЦИУМ, ИНФОРМАЦИЯ, СТАТИСТИКА

10 миллиардов деревьев за 10 лет

Таков весомый итог всенародной кампании по лесонасаждению в Китае. Только в минувшем году в ней приняли участие 400 миллионов человек, которые посадили более 2 млрд. саженцев. В Северо-Восточном, Северном и Северо-Западном Китае созданы мощные лесозащитные полосы общей площадью 10,8 млн. га. 7 лесозащитных полос окружают китайскую столицу, благодаря чему здесь улучшилась экологическая обстановка, уменьшилось количество пыли в сезон сильных ветров и пыльных бурь. Новые системы защитных лесополос создаются сейчас в бассейне реки Янцзы и в приморских провинциях. Как сообщил министр лесного хозяйства Гао Дэчжань, в настоящее время общая площадь лесного покрова в Китае составляет 125 млн. га, из них площадь искусственно высаженных лесов занимает 30 млн. га, что не имеет аналогов в мировой практике.

В предстоящее десятилетие Китай намерен за счет лесонасаждений увеличить площадь, занятую лесами еще на 31 млн. га. При этом рост запасов древесины и количество ее потребления намечено сбалансировать уже в этом году, чему во многом способствует принятый «Закон КНР о лесах». Рациональному использованию лесоматериалов способствуют и успехи деревообрабатывающей промышленности, выпускающей в большом количестве экономичные древесные плиты для строительства.

После прочтения статьи
Л. С. Васильева «Вторая ре-
волюция»

Ф. БЕЛЕЛЮБСКИЙ

Жаль, руки кооператоров не дотянулись еще до переиздания чудесной книги Михаила Гершензона «История молодой России». Как сейчас ясно, он увидел в начале XX в. лишь первые зарницы революционной грозы. Но даже такие, не самые яркие (по нынешним временам) впечатления побудили его ужесточить оценку прекраснодушного оптимизма декабристов, краха их наивной веры в линейный, неотвратимый прогресс. Отсюда осознание Гершензоном нового качества культуры после 1825 г.: «Старое мировоззрение рухнуло. Начался великий ледоход русской мысли».

Экскурс первый:

Шестой «ледоход» — половодье до горизонта. Сколько уж «ледоходов» прошло с той благословенной поры, как люди стали осознавать себя западниками и славянофилами? Начнем считать: 1) первый «ледоход» (30—40-е годы XIX в.); 2) «великая реформа» (середина XIX в.); 3) «предштормовые четверть века» (рубеж столетий); 4) «уроки Октября» (20-е — начало 30-х гг.); 5) хрущевская «оттепель» (а фактически — тоже «ледоход») — вот и пальцев не хватило на руке! — Шестой у нас «ледоход». «Но кони — все скачут и скачут. А избы — горят и горят» (Н. Коржавин)². И «льды» общественного сознания продолжают плыть. Раньше можно было хоть на глазок определить направление движения. Теперь иное. Половодье разлилось до горизонта. Сплошная свалка «льда» вперемешку с простодушным, откровенным мусором. И еще заметно: нет высокой волны. Какое-то колыхание, некормленная, чахоточная рябь на воде. Мелководье...

Куда же стремится безрадостная толчея — наш шестой «ледоход»? Где же стороны света, где же право и лево в нынешнем мареве? Можем ли мы, опираясь на современное социальное познание, сделать выбор личной позиции или сознательно принять коллективное мнение?

Для оценки ситуации возможны разные пути. В идеале необходим системный, комплексный подход: надо учесть все объекты, их изменения и движение в пространстве, систематизировать информацию и т. д. Возможен и ускоренный вариант, то есть анализ ограниченного явления, но характерного для изучаемого процесса. Критериям, как говорят социологи, «представительной» («репрезентативной») выборки удовлетворяет, в частности, работа³ Леонида Сергеевича Васильева, профессора, доктора исторических наук, заведующего сектором теоретических проблем истории Востока Института востоковедения АН СССР. Читателям известно его имя — автора многих книг. Да и редакция «Нового времени» объявила его своим лауреатом 1990 г.⁴ Речь идет не о случайной, проходной статье. Л. С. Васильев призвал к слову современного советского общества, ко «второй», после 1917 г., революции. Идея не совсем уж неожиданная. На площади Пушкина, рядом с редакцией «Московских новостей», мне уже лет пять назад приходилось слышать нечто подобное. Но бесспорной теоретической новинкой является система развернутой им аргументации. Рассмотрим ее внимательнее. Она того заслуживает.

Белелюбский Феликс Борисович — китаевед, кандидат исторических наук.

Экскурс второй:

Будущее без выбора — «еврокапитализм». Скучная история. К анализу перспектив перестройки еще мало привлекались материалы истории Востока (и Китая в том числе). Прорыв профессора Л. С. Васильева к новой проблематике очень кстати, даже чуть поздно. Каков же смысл всемирной истории в системе взглядов моего коллеги? Лучше процитировать: «Еврокапитализм как система не просто много лучше, чем социалистический вариант восточной структуры, но и единственный выход для нас. И для того, чтобы как-то решить проблему, единственный достойный выход — признать вслух то, что есть на самом деле. Признать, что мы должны совершить радикальную перестройку, функционально аналогичную трансформации классических восточных структур в сторону еврокапитализма» (с. 34). Достаточно вспомнить о Японии, «четырёх драконах» Восточной Азии. Добавим и Индию, и Таиланд, и многих других. Истина здесь есть, да только не вся.

Возьмем опыт Ирана, Афганистана арабов. Так ли уж они торопятся вступить на якобы магистральный «еврокапиталистический» путь? Влиятельные, подчас мощные социальные силы Востока заняты восстановлением прерванной капитализмом исторической преемственности, поисками своих самобытных исторических путей в гораздо большей степени, чем учебой у «еврокапитализма». А как государства Азии, сделавшие социалистический выбор? У них полно своих проблем, но убедительно ли снисходительное, мимоходом сделанное замечание, будто там существует (как у нас, в СССР) лишь «социалистический вариант восточной структуры» и им (как и нам) пора забыть о своем убогом прошлом и «трансформироваться» в сторону «еврокапитализма»?

По-моему, эта позиция не допускает иных толкований: суть всемирной истории — движение к «еврокапитализму». Почему именно к «еврокапитализму», а не к «американокапитализму» или не к «японокапитализму», или даже к «тайванекапитализму», «замаячившему в отдалении» в образе «майка революции»? Не ответить на вопрос: какой критерий использован для выбора термина? Но содержание и направление социального движения — не спор о словах: «еврокапитализм» или «тайванекапитализм». Желательно не смешивать становление общечеловеческой культуры, современного глобального сообщества, даже «всемирной системы производительных сил» (открытой В. В. Крыловым) с простым торжеством «еврокапитализма». Вот уже, можно сказать, почти сформировался всемирный кинематограф. Возникает на наших глазах и всемирная литература. Создание ее предвещали еще авторы «Коммунистического манифеста». Даже синтез культур Запада и Востока, предсказанный членами английского «Фабианского общества» (Б. Шоу, супруги Вебб, Г. Уэллс), и тот (казалось бы, немыслимый сто лет назад!) приобретает реальные черточки (в форме обмена информацией, взаимонаблюдения и даже взаимопонимания). Складывается система всемирных политических, экономических и правовых организаций, укрепляются авторитет международного права и приоритет общечеловеческих, а вовсе не «еврокапиталистических» ценностей. Речь идет о разных уровнях эволюции человечества. Ее гуманитарный и технологический уровни напрочь игнорируются профессором Л. С. Васильевым. Он напрасно сводит их к формационному, социально-экономическому объяснению.

По старой (до начала 60-х годов) схеме нашей теории общества все народы шли стройными колоннами, повинувшись неведомым им законам, по ступенькам пяти социально-экономических формаций («пятичленки»). И не положен был им выбор. Все, что противоречило, мешало схеме, отсекалось, выпихивалось по возможности из науки истории. Двигались народы к единой высшей цели — к построению коммунизма.

А какую замену предлагает Леонид Сергеевич? Вместо «пятичленки» сконструированы модели двух формаций: «Первую из них в наши дни принято именовать командно-административной, вторую — рыночно-частнобственнической. Первая на протяжении тысячелетий господствовала вне Европы, вторая — в Европе, да и то преимущественно в Западной» (с. 31). И первое («восточное») общество — обречено. Но по старой внутренней логике построена схема. Способ мышления все тот же: отсутствие альтернативы, прямолинейность, абсолютизация идеи развития, идея «золотого века» в будущем. Только одна высшая цель другая — «еврокапитализм». Скучная история!

Всякая теория полезна, если она помогает понять факты. Ведь объяснение — функция науки. Как связана сущность события с его местонахождением: на Востоке оно произошло

(в «восточной» структуре) или на Западе (в «западной» структуре)? Никак. Концепция двух формаций обладает еще меньшей познавательной способностью, чем справедливо разруганная «пятичленка». Однако, если цель глобальной общественной динамики отчеркнута профессором Л. С. Васильевым неясно, то ее исходные позиции раскрыты им гораздо более и основательно.

Экскурс третий:

Конец проблемы «азиатского способа производства» (АСП). Изменение в историографической ситуации отмечено в научной прессе несколько месяцев назад: «Дискуссия об «азиатском способе производства», начавшаяся еще в 20-е годы и равномерно тлевшая под почвой исторического сознания (вырываясь на поверхность в «критические периоды»), подходит, вероятно, к концу, как подходит к концу породившая ее эпоха. Становится ясно, что АСП — не более чем эвфемизм и что речь идет о гораздо более серьезных вещах»⁵. О более серьезных вещах пишет, по существу, и профессор Л. С. Васильев. Его идеи в самом деле и интересны, и общезначимы: «Собственно, только и именно с появлением государства начинают свою историю государственный («азиатский», по Марксу) способ производства и тесно связанное с ним право централизованной редистрибуции (перераспределения) совокупного достояния коллектива. Это высшее право, а не мифическая частная собственность, которой в далекую эпоху формирования государства еще просто не существовало, и предоставило в руки тех, кто в силу своих потенций оказывался наверху и держал в руках рычаги перераспределения, огромную власть. Такого рода феномен я предложил именовать термином «власть — собственность» (с. 31). Да, его формулировка позволяет полнее понять природу «азиатского способа производства». Пора уже признать факт действительного существования типа общественной организации, где власть является источником дохода (присвоения отчужденного прибавочного продукта). Пора признать и победу сторонников этой концепции (в просторечии «азиатчиков»). Эту точку зрения принял также самый жесткий и последовательный критик работ профессора Л. С. Васильева — В. Н. Никифоров. В последней, посмертно опубликованной работе он написал: «Отвергая анархические предубеждения автора и присущие ему резкие перегибы, сегодня мы, наверное, обратили внимание на подчеркиваемую Витфогелем опасность перерождения такого государства, которое держит в руках все средства производства, в деспотическое. Социалистические государства и их партии вынуждены учитывать сейчас печальный опыт деформаций советского строя при Сталине»⁶. Таким образом, и В. Н. Никифоров понимал, что речь идет о «более серьезных вещах», чем просто об общественном строе народов Востока в древности и средневековье. Только из факта общественного признания концепции «азиатского способа производства» вовсе не следуют провозглашенная профессором Л. С. Васильевым обязательность победы «еврокапитализма» во всей вселенной или хотя бы возможность такой победы. Кроме того, представляется необходимым небольшое уточнение к концепции статьи «Вторая революция».

Попробую сделать первое и последнее лирическое отступление. Данная статья, естественно, была сначала предложена мной журналу «Новое время» для их раздела «Дискуссионная трибуна». В первом варианте мой текст выглядел следующим образом:

«Экскурс четвертый:

Первая цитата из работы К. Маркса на страницах «Нового времени» в 1990 г. В последних номерах журнала нет цитат из классиков марксизма-ленинизма. Но все же надеюсь: коммунисты из журнала «Новое время», отчаянно смелые борцы против привычных истин марксизма, разрешат разочек процитировать К. Маркса, ну хотя бы не как вождя мирового пролетариата, а как коллегу, научного работника. Пусть позволят именно мне, беспартийному». Но увы, попытка протащить на страницы «Нового времени» цитату из «Капитала» не удалась. А тут дело не в желании подразнить редакцию.

Не лишена интереса проблема приоритета. Все же именно К. Маркс во втором томе «Капитала» (гл. 47) писал: «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы

отличен от этой формы земельной ренты»⁸. Ясна роль первооткрывателя данной формы социальной связи, ибо «налог» — функция «власти», а «рента» — реализация «собственности». Ведь термин «власть — собственность» употребляли многие участники дискуссий 60—70-х годов. Но впервые в печати он использован А. Я. Гуревичем в 1970 г.⁹ В правовом обществе, если мы хотим его строить, приоритет принадлежит ему. Многие другие претенденты на авторство этого термина (не только профессор Л. С. Васильев) могут утешаться размышлениями о коллективном творчестве в науке, о возможностях одновременных открытий в ходе неопубликованных, незафиксированных дискуссий.

Отвлечемся от частности. Скажем главное: участники дискуссии¹⁰ и «азиатчики» (Л. С. Васильев, Б. В. Ветров, Л. А. Седов, А. А. Стербалова, Н. Б. Тер-Акопян и др.), и даже некоторые их оппоненты (Л. Б. Алаев, Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин, В. П. Илюшечкин, Ю. М. Кобишанов, Л. С. Переломов и, конечно, В. Н. Никифоров) — содействовали в 60-х — 70-х годах спасению чести и достоинства моего ремесла историка, да и советского социального познания в целом.

Дискуссия об «азиатском способе производства» разворачивалась на двух уровнях: общесоциологическом (с политическим подтекстом или «душком», в зависимости от позиции читателя) и конкретно-историческом (который тоже не лишен мировоззренческого значения). В реальном историографическом процессе в лагере «азиатчиков» не сложилось единства взглядов даже о границах (ареале) распространения «азиатского способа производства». Большинство (как, например, Л. С. Васильев) вслед за К. Марксом ограничило его влияние Азией. Другие¹¹ распространили его еще на Африку. Что же с иными континентами? И потому нужен

Экскурс четвертый:

Какому способу производства принадлежал князь путивльский Игорь Святославович?

Тот же вопрос можно задать и в более житейской форме: откуда и на каком основании Игорь Святославович брал доходы на содержание Ярославны и дружины? Представим себе визит профессора Л. С. Васильева в Путивль и его обращение к местному князю: «Игорь, продай Путивль!» Но ведь Путивль не куплен Игорем Святославовичем. Здесь наследственная власть и собственность совпадают. А если бы профессор Л. С. Васильев обратился с аналогичной просьбой к любому из герцогов бургундских, то «приватизация» Дижона и здесь бы ему не удалась.

Почему? Ответ можно найти в трудах историков другого научного направления. Его сформулировала еще в 1968 г. Л. В. Данилова, определившая характер общественной структуры государственной эксплуатации как «универсальной»¹². Ее название определяется учеными по-разному: государственно-феодалная (по-моему, предпочтительней); статистская, от «етá» — государство; государственно-эксплуататорская; бывают даже государственно-рабовладельческие социальные связи (храмовые хозяйства) и т. п. Данный тип общественных отношений (как бы его ни называть) в той или иной степени присутствует в любом докапиталистическом обществе. Во многих социумах он не исчезает и сосуществует с другими на последующих стадиях развития. Если уж говорить об универсальности «азиатской», то есть государственно-эксплуататорской модели, пора отметить вклад «азиатчиков» в подготовку теоретических предпосылок осознания «азиатских» структур частью (одним из элементов!) общественного строя СССР.

Государственный аппарат всех стран, независимо от этнической, религиозной или культурной принадлежности, одинаково стремился совместить функции управления и функции эксплуатации, сделать свою власть и свою собственность безграничными. И, естественно, всегда находились недовольные, воплощавшие в себе реалистические (частно-собственническое или общинное, коллективистское) начала. Противоборство их представляется мне стержнем социальной истории всех докапиталистических обществ.

Экскурс пятый:

Традиционный Восток и динамичный Запад? Корректно ли сравнение? Вот в Западной Европе государственное хозяйственное регулирование не достигло победных господствующих высот. Многие помешало: городские коммуны, использовавшие и деньги, и раздоры среди знати, и римское право; церковь, ставшая самостоятельной политиче-

ской и экономической силой; народные движения, указавшие границы терпения трудящихся; да и многовековое отсутствие непосредственной угрозы опустошительных завоеваний. Ослабление центра подготовило ускоренный бросок традиционного европейского общества в «светлое царство еврокапитализма» (из «пелетона» ему подобных) где-то на рубеже XVI-XVII вв. Наоборот, в Азии укрепились в разных вариантах экономическое верховенство государственной власти. Послабее она оказалась в Японии (вот мы и видим результат).

Так ли уж плодотворно тысячекратное противопоставление двух разнопорядковых, разноразмерных величин: еще не вышедшего из средневековья Востока (да еще абсолютизируя его специфику) и современного Запада (либо индустриального, либо уже вступившего в НТР)? Метафизическое противопоставление «Запада» и «Востока» и даже сравнительно более прогрессивная концепция «трансформации классических восточных структур в сторону еврокапитализма» (вариант теории модернизации традиционных обществ) все с нарастающей скоростью теряют познавательные качества. В их рамках непредсказуемы и необъяснимы крупнейшие события в современной жизни Азии: ирано-иракская и афганская войны, события в Персидском заливе и т. д. Нужна новая методология.

Без сопоставления результатов пройденных различными странами путей невозможно оценить глобальную ситуацию. В частности, надо использовать возможности «объясняющей» (но не «отождествляющей») аналогии, «вывода по модели». По каким же критериям сравнивать? Сравнимы ли производственные отношения, темпы экономического роста, материального производства? Можно ли формализовать и сопоставить духовные ценности цивилизаций? Тут уж гегемония Запада не столь очевидна. Несомненный опыт сравнительно-исторических исследований уже накоплен в нашей стране. Впервые переоценку роли государственности как фактора, приводящего к стагнации азиатских стран, в начале 50-х годов (в печати, да еще при Сталине!) начал выдающийся советский индолог Игорь Михайлович Рейснер (брат Ларисы Рейснер)¹³. «Не лучше ли сравнивать отставший, средневековый во многом Восток со средневековой же Европой с целью выявить сходство и различие исходных рубежей последующего «соревнования»? — задал вопрос В. И. Павлов, подготовивший лучшее у нас компаративистское исследование средневековых обществ Европы и Азии¹⁴. Сейчас А. М. Петров предложил существенное уточнение, предлагая определить глобальный процесс как «разнотемповое развитие» Запада и Востока¹⁵.

Последующий уровень анализа — уже разнонаправленное, разнокачественное социальное движение двух регионов в эпоху формирования мирового капиталистического хозяйства. Здесь накоплена большая позитивная традиция (всех трудно перечислить).

Наконец, приближается и третий уровень сопоставления: «Восток и Запад в 90-х годах». Эй, «отсталый Восток» с «классическими восточными структурами!» Ау! Вот уж бывшие колонии (Южная Корея, Индия, Монголия) оказывают нам, «стране победившего социализма», гуманитарную помощь. Что же, они успели «трансформироваться в сторону еврокапитализма»? Перестали быть сами собой, утратили азиатский облик? Нет же! Соотношение догмы и реальности особенно наглядно на китайском примере.

Экскурс шестой:

Как француз Бернар Пиво искал в России сломанные туалеты. Известно, иностранцы с Запада приезжают к нам не из меркантильных соображений. Они приезжают сюда за романтикой, «за туманом и за запахом тайги». Вот и Бернар Пиво приехал в Москву в твердой уверенности, что здесь все туалеты сломаны. Но оказалось, это не так¹⁶.

Мы с Леонидом Сергеевичем побывали в Китае в 1989-1990 гг. К сожалению, в отличие от французского издателя, профессор Л. С. Васильев нашел там «азиатский способ производства». Его аргументацию лучше воспроизвести в ее собственном, неподдельном блеске, а не пересказывать: «На смену власти чиновников-шэньши в императорском Китае пришли коммунисты-ганьбу, а место конфуцианства как господствующей доктрины занял маоизм. Все остальное — структура отношений, характер и формы управления страной, принцип перераспределения — сохранилось, даже ужесточилось... Эксперименты Мао показали несостоятельность жесткого «социалистического» варианта традиционной структуры, и сразу же после его смерти страна вернулась к классиче-

скому ее варианту, допустив к жизни контролируемый рынок и ограниченную частную собственность. ...Хочу специально оговориться, подчеркнуть (многие у нас смотрят на Китай как на образец — по сравнению с нами он нынче действительно далеко впереди и, главное, идет вперед, хотя и медленно)... Китайские реформы... спасают от краха, но не ведут к изменению структуры и потому не дают выхода, если под словом «выход» иметь в виду не прозябание (а это удел 90 % китайцев сегодня и надолго в будущем), а надежду на лучшее (пример лучшего — второй Китай, Тайвань)» (с. 44-34).

Конечно, сегодня не «прозябают 90 % китайцев». Каждый читатель может выразить недоверие статистике. Только надо иметь в виду: ведь КНР последние годы получает иногда займы в международных организациях. В цивилизованных государствах займы дают тем, у кого есть достоверная информация об экономике. Китайские экономисты пересмотрели все основные показатели за 40 лет экономического развития (у нас это сделано только частично). Они сообщают: за последние 12 лет сельское население обеспечило питанием нацию (прибавило урожай свыше 100 млн. тонн зерновых), а свой жизненный уровень увеличило втрое; три четверти жителей китайской деревни переселились в новые дома (построено 6,7 млрд. м²); количество квадратных метров на душу сельского населения выросло с 8 до 16,6¹⁷.

Не только о статистике речь. Мы с Леонидом Сергеевичем одновременно обнаружили два Китая. Он увидел там «азиатский способ производства» (который, по принятой им теории, то есть по якобы Марксу, основан на натуральном хозяйстве, а также на внешнеэкономическом принуждении) и «прозябающих» китайцев. Передо мной оказались развитые товарно-денежные отношения и достойный народа уровень жизни. Понимаю, у моих китайских друзей (даже наиболее оплачиваемых ученых высшей квалификации) деньги считанные, и не раз. Да, далеко не все, что хочется, рядовой гражданин может купить в магазинах, набитых товарами (но есть еще дразнящий стимул зарабатывать!). В стране много еще следов бывлой нищеты, давнего хронического голода, особенно на облике старшего поколения. Даже домашних животных (собак и кошек) почти нет. Но я не увидел там, в Китае, не только кошечек и собачек, но и очередей в магазинах.

На китайских вещах обычно не указывается цена. Она — ситуационна, сиюминутна. Твердая, государством охраняемая цена (ниже коммерческой, рыночной!) сохраняется лишь на небольшую группу товаров, выдаваемых по карточкам. Жестко фиксируется нижний прожиточный минимум. Однако почти все можно в неограниченном количестве купить сверх нормы, но только по повышенной цене. Еще пример. Коллеги посоветовали мне положить стипендию в банк: «У нас платят 12 % годовых, а перерасчет — каждые два месяца». Действительно, перед отъездом на мой счет пришли как процент от вклада дополнительно 90 ам. долл. (любопытный вариант «азиатского способа производства!»). Видимо, так устроена финансовая система: у китайцев лишние деньги «горят» в карманах и сумочках. И они бегут в банк, чтобы спастись от «пожара», получить существенный доход.

Интересны впечатления моих китайских друзей, которых после возвращения я принимал уже на Родине в 1990 г. По их мнению, каждодневные потребности сейчас в Китае удовлетворить легче, чем в России. А вот жилища, мебель, одежда, бытовая техника, доступность личных транспортных средств, дачи или садовые участки (!) — все прекрасно. «У вас качество жизни выше, чем у нас», — сказал мне один из гостей.

Опыт КНР тоже не стоит абсолютизировать. Там много неповторимого, неотделимого от местной почвы. Не можем же мы выставить три продавца на одного покупателя, как мне приходилось не раз видеть. В нанкинском магазинчике пластмасс продавцы поняли по моему произношению, откуда взялся покупатель, и тут же поставили в магнитофон кассету на русском языке: «Выходила на берег Катюша». Пришлось купить в два раза больше. Ну, куда нам такой опыт. А вот методы «урегулирования экономики», трижды повторенные в Китае, никто в нашей синологии как следует не изучал (как отметил В. Я. Портяков на одной из наших конференций).

Надо обязательно избежать перекоса. Poleмика по бытовым, эмпирическим вопросам не должна отвлекать внимание от теоретических проблем. В образе китайского социализма, возникшего под пером профессора Л. С. Васильева, соединены в немыслимое целое качественно различные стадии развития Китая. Левацкая концепция социализма, отвергнутая КПК и китайским народом, отождествляется им с доктриной «новой демократии», принятой сейчас в КНР. По моему личному (не общепринятому) не-

нию, в рамках китайского коммунистического движения сформировались три модели социализма: 1) концепция «новой демократии» — в сущности нэповская схема: ведущая роль государственного сектора при сотрудничестве с другими формами собственности в условиях рынка (1949-1951, 1978-1991); 2) казарменный (яньаньский) коммунизм: «двухъярусная» экономика = народные коммуны + современное производство (1958-1978). Сосуществование и противоборство двух первых программ в рядах КПК накануне 1949 г., отражавшее сложность ее социальной базы, установил А. В. Меликсетов¹². Позже появилась третья модель: командно-административная модель советского типа, но в китайской оркестровке (1951-1957). Политическое противоборство в Китае происходило не между «двумя линиями», как обычно кажется, а между неустойчивыми коалициями сторонников всех трех моделей. Более того, спор вовсе не сводился к соперничеству идей.

Модели социализма — не просто теоретические конструкции, даже не просто программы различных фракций коммунистического движения. Они отражают реальное бытие хозяйственных укладов, заложенных еще в дореволюционном «наследии». И трудно сказать, что возникло раньше: социальные формы или порождающие их идеи. После революции возникали, рушились и вновь рождались хозяйственные уклады, соответствующие всем трем моделям.

В студенчестве нас, будущих «шестидесятников», учили: «История не терпит сослагательного наклонения (если бы...». Потом, через годы, понял: вне вариативного подхода (без изучения надежд, планов и действий побежденных) задача науки истории сводится к необходимости обоснования успеха победителей. Лучше меня написал В. П. Данилов: при безальтернативном взгляде на прошлое «история приобрела бы какой-то мистический характер, а занятия ею вообще утратили бы смысл»¹³. К примеру, «великий перелом» 1928-1929 гг. в результате сознательного отказа от нэпа привел к свертыванию товарно-денежных связей, к ренатурализации хозяйства, ко внеэкономическому принуждению. То же самое в еще большей мере произошло в результате «большого скачка» 1958-1959 гг. в Китае. «Великая пролетарская культурная революция» в Китае и наш «тридцать седьмой год» были, в сущности, контрударами сторонников концепции казарменного коммунизма против других интерпретаций социалистического идеала. Вот утраченные альтернативы, о которых предстоит еще подумать.

А думать приходится. В социальной организации и Советского Союза, и Китая заложена, к сожалению, возможность волюнтаристского, внеэкономического вмешательства государственного аппарата в народное хозяйство, возможность пренебречь соотношением расходов и результатов. Тут — не инерция традиционного мышления, не «пережиток», а реальное бытие архаических, докапиталистических, «азиатских» структур в современных социалистических обществах.

В нашей стране фактически существуют и противоборствуют две теоретические модели социализма. Первая («казарменно-коммунистическая») основана на отрицании товарно-денежных отношений, на господстве централизованно-распределительных связей, на апелляции к массовым уравнилельным устремлениям неквалифицированных производителей. Вторая (условно «рыночный социализм») ориентирована на современное производство, на использование стоимостных отношений, на руководящую роль государства путем экономического, а не насильственного урегулирования, на использование материальных и гуманистических стимулов, на поощрение сложных, квалифицированных форм труда. Современная модификация второй модели перерастает ее стадийно-ранний, «нэповский» вариант, признавая и допуская конкуренцию как со «своими» не-социалистическими укладами, так и на арене мирового капиталистического хозяйства.

Обе модели, обе концепции социализма — разностадийны. «Казарменно-коммунистическая» отражает (в преобразенной, трансформированной форме) социальный протест представителей докапиталистических укладов дореволюционной России, их стремление к самообороне против капитализма. Вторая, государственно-капиталистическая модель социализма отражает потребность в коренном преобразовании социальных противоречий внутри уже окрепнувших капиталистических отношений. Это — один из вариантов решения проблем современного общества.

За рубежом возникла концепция, в рамках которой общественный строй СССР и КНР трактуется как различные модификации «азиатского способа производства». Эту традицию, начатую К. Витфогелем и Р. Гароди, продолжил, не называя их имен, профессор Л. С. Васильев. Не вижу ничего страшного или крамольного в этой идее, кроме одного

недостатка: она не объясняет резолюций ни нашего XX съезда, ни китайского VIII съезда, направленных против культа личности; она не объясняет ни нашей перестройки, ни китайской экономической реформы. Концепция «азиатского способа производства» на современном материале в ее абсолютизированном виде не работает. Она может лишь частично содействовать пониманию примитивных, казарменно-коммунистических форм социализма.

Борьба современной части советского и китайского общества за преодоление архаического наследия (уклада) — истинное содержание и источник их общественного развития. Воспринимаю борьбу за нэп, за «оттепель» 50-х годов и за сегодняшнюю перестройку как единое целое. Столь же последовательной мне представляется защита реалистическим течением в КПК концепции «новой демократии» (с 1940 г.) и «социалистической модернизации» (с VIII съезда КПК, 1956 г.).

Многие страны попадали в ситуацию необходимости выбора путей ускоренного, догоняющего развития. Отыскивались разные модели: бонапартистская, бисмарковская, японская и другие. Государство становилось организатором решения новых общенациональных задач (хоть неточно сформулированных и по цели, и по методу реализации). Но немало и удавалось! Социалистический вариант сложился в русле этой глобальной тенденции. Диктатура казалась многим оптимальным вариантом управления. И догматики-идеалисты воспринимали «учредилровку» как «говорильню» (вроде наших сегодняшних парламентских бдений). Только ужасный опыт побудил осознать отсутствие «обратной связи» как залог гибели любой сверхцентрализации. «Ужасы» демократии, «ужасы» гражданского общества как формы безопасности и стабильности общественного бытия все еще трудно принять многим.

Экскурс седьмой:

Стабильность или ледоход? Будто можно собраться и избрать стабильность, издать декрет и заморозить ледоход, остановить лавину, урегулировать социальные катаклизмы. Не несет позитивного заряда и призыв ко «второй революции». Однонаправленный, нацеленный на кромку горизонта «железный» прогресс профессора Л. С. Васильева приобрел мистические черты. А ведь с ним не совладали ни европейские просветители, ни наши (в военных мундирах и без них). На страницах «Нового времени развернута риторическая альтернатива: «еврокапитализм» или «китайский социализм». Да и ответ сразу готов: «Еврокапитализм — это единственный наш путь. Другого нет» (с. 34). Альтернатива представляется надуманной. Неверно поставлен вопрос. Варианты надо изучать обстоятельно. Но они — неповторимы. У нас свой путь — и не «еврокапиталистический», и не китайский. Не будет он и «тайванекapиталистическим» или «японокапиталистическим». Пора отказаться от метафизической, мифологической мечты о «золотом веке» в будущем, как бы его ни называть. А сегодня всем придется «поступиться принципами» — и правым, и левым.

К сожалению, свойством становиться материальной силой обладают и неверные идеи. Опасность попытки нового, на этот раз «технократического» скачка в «еврокапиталистическое» счастье представляется реальной. Один из последних прожектов — псевдоуравнительский план Л. Пияшевой раздачи «инвестиционных чеков в качестве доли в средствах производства, в качестве создания равных для всех и каждого стартовых условий прихода к рынку, в качестве главного принципа равенства в либеральном обществе — равенства шансов»²⁰. Однако достаточно провести несколько часов в любом сберегательном банке, чтобы увидеть, как десятки (а в масштабе страны — миллионы) людей не могут распорядиться своими кровными деньгами или облигациями по состоянию здоровья, из-за культурного уровня, да и просто ввиду незнания русского языка, принятого в банковском деле. Как же справятся они с не заработанными ими «инвестиционными чеками»? Все это напоминает бесплатную раздачу населению оружия и боеприпасов. При данном уровне социальной психологии, этики деловых отношений, трудовой морали аналогичный результат сейчас (подчеркиваю!) принесет и введение у нас частной собственности на землю. По поводу этих проектов напоминает призыв друга Дидро — аббата де Рейналя, которого переводил Радищев: «Народы, не разрешайте вашим так называемым владыкам делать против вашей общей воли даже добро»²¹.

У моего оппонента нет прекраснорудного оптимизма: «Может показаться, что мы в выигрышном положении по сравнению с другими отсталыми странами. Как-никак — великая держава с мощной промышленностью, необъятными ресурсами, развитой наукой и даже подчас неплохой техникой, с великой культурой. Но не стоит обольщаться. Та степень деградации, в которой мы нынче находимся, не может быть сколько-нибудь весомо компенсирована тем, чего мы достигли в смысле развития, особенно если сравнить наши достижения с достижениями развитых стран. Словом, наш путь к развитому миру, к еврокапиталистической структуре долгов и сложен» (с. 34). В последующей статье он выражается еще определеннее: «Снова вернемся к многострадальному нашему народу. Именно он — во всяком случае достаточно большая часть его — боится перестройки, боится рынка и привычно цепляется за социализм, воспринимая его в качестве своего рода синицы в руках по сравнению с журавлем в небе»²². Вот это верно! «Вторая заря» русского капитализма действительно ничего не вызывает, кроме ужаса. Профессор Л. С. Васильев — еще сравнительно умеренный проповедник первоначального капиталистического накопления.

Вспомним, как легко и весело перебрал герой романа Марка Твена раннесредневековую Англию времен короля Артура в промышленный капитализм середины XIX в. И как «трудно быть богом» героям раннего романа братьев Стругацких. Я тоже был молод. Сердце тогда замирало от его бед. Мне, синологу, казалась особенно близка и печальна мелодия неосуществленных надежд. Теперь уж смотрю издали (и сердце не стучит!), как «трудно быть богом» стороннику такого чистенького и такого упорядоченного «еврокапитализма» профессору Л. С. Васильеву. Мало утешают разъяснения эмигранта-писателя Эдуарда Лимонова: «Противники установления капитализма в СССР могут успокоиться. Не будет у вас капитализма»²³.

Гораздо интереснее другое, более массовое социальное сновидение. Оно — менее теоретично, не получило столь великолепного литературного выражения как либеральная концепция. Здесь больше бытовых разговоров, чем теорий. Вот слышу: «А нам нужна одна стабильность. Одна на всех...» Это-то верно. Но что же дальше? «Постоим ли за цену»? Сколько стоит стабильность? Не продешевить бы!

Мечта о сиюминутной, немедленной стабильности такая же коллективная иллюзия, как либеральная утопия столь же сиюминутного спасительного рынка. Обе утопии отличаются друг от друга социальным происхождением. «Прогрессистская» порождена технократическим сознанием влиятельной социальной группы в среде современной (по формальным признакам) «интеллигенции». Идея порядка — продукт более архаического, не травмированного избытком информации массового сознания.

Пора уж продумывать закономерности политического поведения различных общественных сил в условиях длительного «смутного времени». Попробуем спуститься поближе к земле с высот политэкономического колдовства. Тогда можно (если захотеть) увидеть и другое. «Талоны», «карточки», «визитки», «приглашения» — вся уродливая, вонючая нечисть, ворвавшаяся в светлый храм либерального сознания и оставляющая на ослепительно чистом полу омерзительно грязные следы, — все может быть понято иначе. Призывы к социальному равенству в потреблении сегодня (я подчеркиваю!) вовсе не реализация лозунга «грабь награбленное», как кажется профессору Л. С. Васильеву (с. 33). Грабить нечего и некого! Сегодня старый добрый эгалитаризм вновь протягивает нам руку как путь самосохранения, как способ существования общества (если хотите, как «форма существования белковых тел»). Стратегически уравнительность — не цель, конечно, только тактическое, но неизбежное средство нормализации обстановки, впрямь до создания социально-экономических структур, способных компенсировать пороки прежней, командно-административной системы.

Заключение:

Опять о всемирной истории. А если отказаться от возвышающей аллегории «великого ледохода русской общественной мысли»? А если не зубоскалить над «великим ледоходом» и серьезно оглянуться на образы наших великих предков? Посмотрите внимательно (но не с той целью, с какой нас звали раньше). Там, вдали — богатство жизненных позиций, способов мышления, аргументов. Здесь — чудовищное снижение общего уровня цивилизации, уровня мышления, уровня спора, качества языка. Почти полностью исчезла культурная традиция. В том числе и в научных спорах. С огромным опозданием про-

читан моим поколением бердяевский «Смысл истории». Изумительная картина получилась: сверхосторожный, явно травмированный арестом и тюремной «шаражкой» академик Николай Иосифович Конрад, оказывается, не только вступил в парреписку с английским философом Арнольдом Тойнби на страницах «Нового мира». Он, оказываясь, позволил себе и бесшабашно храбрый, не объявленный открыто отклик на труд Н. А. Бердяева. Даже после великих людей осталось людям многое сказать о смысле истории. Но изображение «еврокапитализма» как высшего принципа истории — некоторое снижение темы. Конечно, смысл истории искать надо. Будем думать дальше...

Всемирная история долгое время не являлась целостной системой. Она стала лишь превращаться в нее с созданием мирового капиталистического хозяйства. Процесс создания современного общества, о котором говорил М. С. Горбачев в Нобелевской лекции, еще не завершился. Но возможен системный, комплексный подход к прошлому. И этой точки зрения общественная организация, сложившаяся в Западной Европе, — всего только элемент будущей глобальной социальной системы, элемент не тождественный целому. Термин «еврокапитализм» — неологизм, созданный творческой вспышкой профессора Л. С. Васильева, не отражает богатства содержания данного явления. Вряд ли этот нескладный «канцелярит» сохранится как часть понятийного аппарата социального познания.

¹ Гершензон М. О. История молодой России. — М., 1923. — С. 6.

² Тарусские страницы. — Калуга, 1961. — С. 137.

³ Васильев Л. С. Вторая революция // Новое время (далее — НВ). — 1990. — № 45. Далее сноски на эту работу в тексте статьи.

⁴ НВ. — 1990. — № 52. — С. 48.

⁵ Ковельман А. Б. Что впереди? // Народы Азии и Африки (далее НАА). — 1990. — № 4. — С. 72.

⁶ Никифоров В. Н. Место Карла Августа Витфогеля в истории «больших дискуссий» // НАА. — 1990. — № 5. — С. 84.

⁷ НВ. — 1991. — № 2. — С. 2.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 25. — Ч. II. — С. 354. Раз уж я печатаюсь в другом журнале, то можно напомнить еще одну цитату: «Каждый индивид обладает общественной мощью в виде вещи. Отнимите эту общественную мощь и вещи — вам придется дать ее одним лицам как власть над другими лицами» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 46. — Ч. I. — С. 100).

⁹ «Право собственности феодала на землю в период раннего средневековья было производным от его власти над населением» (Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. — М., 1970. — С. 184).

¹⁰ См.: Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. — М., 1975; 2-е изд. — М., 1977; Павлова-Сильванская М. П. Зарубежные критики о книге К. Витфогеля «Восточный деспотизм» // НАА. — 1971. — № 2. — С. 157—171; Гарушьянц Ю. М. Об «азиатском способе производства» // Вопросы истории. — 1966. — № 2. — С. 83—100.

¹¹ См.: Киселев Г. С. Доколониальная Африка. М., 1986.

¹² Данилова Л. В. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ // Проблемы истории докапиталистических обществ. — М., 1968. — С. 44—45.

¹³ Рейснер И. М. К вопросу об отставании стран зарубежного Востока к началу Нового времени // Вопросы истории. — 1951. — № 6. — С. 75—89.

¹⁴ Павлов В. И. К стадияльно-формационной характеристике восточных обществ в Новое время // Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979. С. 173—329.

¹⁵ Петров А. М. Восток и Запад: экономические контакты как отражение разномтемповости развития // Азия и Африка сегодня. — 1982. — № 12.

¹⁶ Литературная газета. — 1990. — 8 августа.

¹⁷ Нуные цинцизи ээнийн. — 1990. — № 6. — С. 3.

¹⁸ Меликсетов А. В. Победа китайской революции. 1945—1949. М., 1989.

¹⁹ Горизонт. — 1988. — № 5. — С. 27—28.

²⁰ Литературная газета. — 1990. — 12 декабря.

²¹ Карякин Ю., Плимак Е. Запретная мысль обретает свободу. — М., 1962. — С. 112.

²² НВ. — 1990. — № 49. — С. 9.

²³ Собеседник. — 1990. — № 45. — С. 2.

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Группа Зорге: штрихи к портретам руководителя и его соратников

Неординарная во многих отношениях личность, тонкий аналитик, талантливый журналист Рихард Зорге быстро завоевал авторитет в посольстве нацистской Германии в Токио, стал близким другом и советником германского посла, который не скрывал от него государственные тайны. Протоколы допросов Зорге свидетельствуют, что он в полной мере использовал свое положение в посольстве в интересах разведывательной деятельности.

Протокол № 37 от 4 марта 1942 г.
Обвиняемый Рихард Зорге

Вопрос первый: Какой характер носила разведывательная деятельность обвиняемого в германском посольстве?

Ответ: Моя разведывательная деятельность в германском посольстве была весьма широкой и продолжительной по времени. Сведения и материалы, полученные мною в германском посольстве, составляли более 60 % всех материалов, добытых разведывательной группой. Ценность этих сведений трудно недооценить, если учесть их достоверность. Для того чтобы подробно говорить о них, потребуется слишком много времени, поэтому я назову те, которые сейчас приходят на память. Я могу назвать следующие:

1. 1934 г.— о миссии фон Дирксена в качестве посла в Японии.
2. О так называемом инциденте 26 февраля 1936 г.
3. 1936 г.— заключение японо-германского соглашения об антикоммунистическом союзе.
4. С 1937 по 1938 г.— о переговорах о мирном посредничестве между Японией и Китаем через Германию.
5. С 1937 г. до последнего времени — информация о военном положении Японии.
6. 1938 г.— инцидент с Люшковым.
7. 1939 г.— выдвижение вопроса о японо-германском союзе и колебаниях кабинета Хирамура.
8. 1939 г.— о позиции Японии в связи с началом второй мировой войны в Европе.
9. С 1939 по 1940 г.— о японо-германских переговорах о пополнении запасов вспомогательных крейсеров Германии в Тихом океане.
10. 1940 г.— о заключении тройственного союза между Японией, Германией и Италией.
11. С 1940 по 1941 г.— об отношениях министра иностранных дел Мацуока с послом Германии Оттом.
12. 1941 г.— о планах и подготовке нападения Германии на Советский Союз.
13. 1941 г.— о стремлении Германии после июня 1941 г. втянуть Японию в войну против Советского Союза.
14. О поездке в Японию в начале 1941 г. Вальтата.

Вопрос второй: Какова была информация обвиняемого о миссии Дирксена в качестве посла Германии в Японии?

Ответ: Основной целью приезда в Японию в начале января 1934 г. Дирксена в качестве посла Германии было стремление добиться политического сближения Японии с Германией в противовес монотонной политике развития культурных связей между Германией и Японией, проводимой предыдущим послом Зорфом (японская транскрипция.— Прим. перев.). То, что Дирксен до приезда в Японию был послом Германии в Советском Союзе, не является случайным, скорее это было запланировано Германией. Германское руководство,

Окончание. Начало см.: «Проблемы Дальнего Востока». — 1991. — № 2 и 3.

Публикация подготовлена доктором исторических наук, профессором МГИМО МИД СССР Ф. Д. Волковым.

назначив послом в Японию Дирксена, хорошо знающего положение в СССР, стремилось добиться сближения с Японией на антисоветской основе. А именно: в марте 1933 г. Япония вышла из Лиги Наций, в этом же году, в октябре, ее примеру последовала Германия. Последняя ставила целью создать этим основу для сотрудничества двух стран, а укрепление сотрудничества помогло бы ей ликвидировать Версальский мирный договор. Словом, Германия, изыскивая пути к разгрому Советского Союза, одновременно вышла из Лиги Наций и вынашивала планы ликвидации Версальского мирного договора. Затем политический ход Германии был таков: создать с Японией антикоммунистический фронт, где бы она занимала руководящее место, а взамен этого добиться у Англии и Франции смягчения бремени Версальского договора или же вообще ликвидировать его. Во время пребывания в Москве в качестве посла Германии в СССР Дирксен был очень близок с послом Японии в СССР Хирота. Когда Дирксен приехал в Японию, Хирота был назначен министром иностранных дел, поэтому Дирксен рассчитывал на успех своей миссии, имея в виду помощь со стороны Хирота. В то время Дирксен говорил мне в здании посольства, что в беседах с видными деятелями Японии он использует все возможные случаи, чтобы подчеркнуть, что Германия в антисоветской политике и политике, противостоящей Лиге Наций, учитывает общие с Японией моменты в политике. И кроме этого, подчеркивал, что Германия согласна с такими заявлениями, как заявление начальника отдела информации МИД Японии Омава о необходимости нового порядка в Восточной Азии, и что намерение Германии создать в Европе новый порядок создает общую платформу между Германией и Японией. Однако, очевидно, эти усилия Дирксена не имели особого успеха в МИД Японии. В то время я встретился в МИД Японии с теперешним министром иностранных дел Того и высказал ему мнение посла для того, чтобы прозондировать почву по этому вопросу. На это Того, который отличается от нынешнего Того, реагировал довольно скептически и не проявил какого-либо энтузиазма. В это время военный атташе Отт пытался оказать влияние на круги Генерального штаба сухопутных войск и военного министерства и имел здесь некоторый успех. Усилия военно-морского атташе Веннекера в Главном штабе военно-морского флота были встречены чрезвычайно пассивно и практически успеха не имели. Все эти сообщения, полученные от Дирксена, Отта и Веннекера, одно за другим я поручил Бернхарту по радио сообщать руководству в Москве. Вместе с этим мною был подготовлен и направлен в Москву подробный доклад по этому вопросу.

Вопрос: Расскажите об информации, которую обвиняемый направил в связи с заключением соглашения об антикоммунистическом союзе Японии и Германии в 1936 г.

Ответ: В моей разведывательной деятельности по проблеме заключения соглашения об антикоммунистическом союзе между Японией и Германией основное внимание было привлечено к тому, как далеко пойдет Япония в качестве союзника Германии.

Как-то в марте-апреле 1936 г. военный атташе Отт пришел в посольство очень возбужденный и попросил меня зайти к нему. Когда я вошел в его кабинет, он сказал: «Сегодня я был в Генеральном штабе сухопутных сил Японии и слышал, что в настоящее время в Германии между Риббентропом и послом Осима через адмирала Канариса проходят какие-то переговоры. Об этом не знаю ни я, ни даже посол. Эти переговоры касаются какой-то очень важной проблемы или союза между странами, поэтому я хочу запросить информацию в германском штабе сухопутных сил. Мне пришлось самому написать телеграмму, зашифрованную шифром сухопутных сил, поэтому очень прошу тебя помочь мне. Обещай мне, что ты никому не скажешь об этом ни слова». Я обещал ему это и на квартире Отта помог ему в составлении зашифрованной телеграммы. Телеграмма составлялась на квартире, так как Отт хотел сохранить полную секретность направления телеграммы, а если бы она составлялась в посольстве, ему пришлось бы просить кого-либо из сотрудников оказать помощь в составлении.

Таким образом, телеграмма в штаб сухопутных сил была направлена, однако ответа из Берлина не последовало. Встревоженный Отт доложил послу Дирксену об этом. Дирксен сказал, обращаясь к Отту: «Лучше всего, наверное, еще раз запросить, используя шифр сухопутных сил. Только сделайте так, чтобы, кроме вас двоих, то есть тебя и Зорге, никто не видел этого запроса». Отт вновь просил меня помочь ему, и мы снова написали зашифрованную телеграмму с запросом. Вскоре пришел ответ. Смысл его состоял в том, что Отту самому трудно разъяснить все подробности и что Отту самому лучше запросить эти сведения в японском штабе сухопутных сил. Я слышал содержание этого запроса, который получил Отт в штабе сухопутных сил Японии, но сейчас не помню подробно

стей. Но главное состояло в том, что между Японией и Германией проходят указанные переговоры с целью заключения военно-политического союза. И для того чтобы эти переговоры не стали достоянием политических деятелей, делалось все, чтобы они держались в секрете, поэтому ни японский МИД не знал о них, ни МИД Германии. Между прочим, в то время Риббентроп еще не был министром иностранных дел, а всего лишь входил в руководство нацистской партии. Как раз в это время из Германии в Японию прибыл Гак. Он имел специальные полномочия от Риббентропа и Канариса и действовал как связной в деле создания японо-германского союза. Когда Гак прибыл в Токио, посол Дирксен находился в Германии, и поэтому с ним беседовал военный атташе Отт. В начале беседы Гак ничего не говорил, но после того, как Отт сообщил ему, что он получил сведения по этому вопросу из японского штаба сухопутных сил, Гак стал более разговорчивым.

Цель поездки Гака в Японию состояла в выяснении вопроса о том, как далеко пойдет японское правительство в сотрудничестве в военной области, если будет достигнута договоренность об указанном союзе, а также о том, насколько сильным союзником Германии в военной области может быть Япония. Гак, предварительно сообщив о том, что необходимо соблюдать строжайшую секретность с тем, чтобы информация не могла просочиться в Советский Союз, рассказал очень многое. По словам Гака, одним из трудных моментов для Германии в деле создания союза с Японией было то, что Риббентроп еще не министр иностранных дел и поэтому, возможно, в кругах министерства иностранных дел будут противники установления таких тесных отношений с Японией.

Летом этого года из Германии вернулся посол Дирксен. Посол сообщил военному атташе Отту, что в чиновничьих кругах Германии ничего не знают о ведущихся переговорах. Единственное, что узнал посол, было то, что слухи о таких переговорах ходят в японском посольстве в Германии.

Затем переговоры начали вестись на правительственном уровне, и был заключен не сильный военный союз, как предполагалось ранее, а слабое антикоминтерновское соглашение.

Как я уже говорил, зашифрованную телеграмму мы составляли вместе с Оттом. Вот с этого времени я регулярно до самого конца информировал Центр в Москве о ходе переговоров. Нужно сказать, что в то время лишь весьма ограниченный круг лиц знал об этих переговорах и поэтому, как я думаю, моя информация была для Центра сенсацией.

В это же время я был ознакомлен Оттом с чрезвычайно подробным докладом о том, какой военной силой располагает Япония на границах с Советским Союзом. Кроме этого, Дирксен ознакомил меня с докладом о взглядах влиятельных людей Японии на японо-германское соглашение. Эти доклады были мною сфотографированы и отправлены в Центр в Москве.

В вышеуказанном докладе Отта говорилось, во-первых, о вооруженных силах Японии в Маньчжурии. Сейчас я точно не помню данных этого доклада, однако там речь шла всего лишь о 8—9 дивизиях. И во-вторых, в докладе анализировалось положение на советско-маньчжурской границе. В этом разделе доклада давалась оценка степени подготовки японских войск на границе. Этот анализ был сделан самим Оттом после того, как он на самолете совершил обследование указанного пограничного района. В докладе, в частности, указывалось, что ввиду того, что японские войска в Маньчжурии еще не находятся в состоянии должной готовности для борьбы с СССР, необходимо предпринять меры к увеличению японских войск в этом районе. Кроме того, указывалось, что крепости и другие военные сооружения не подготовлены должным образом. Далее, если говорить о вооруженных силах Японии в целом, то, имея в стране 16 регулярных дивизий, Японии трудно будет участвовать в войне на большом фронте, поэтому необходимо приступить к созданию крупных вооруженных сил. Кроме этого, вооружение японской армии в настоящее время представляется совершенно недостаточным, и поэтому Япония не сможет выступить в войне как активный союзник Германии. Все это выдвигает необходимость проведения в течение ряда лет соответствующей подготовки. Вышеуказанное говорило о том, что по этим причинам преждевременно ставить вопрос о войне Японии и Германии с Советским Союзом после заключения военного соглашения.

Я не помню сейчас подробностей доклада Дирксена, однако основное его содержание сводилось к следующему. Во-первых, из-за разногласий внутри японского правительства невозможны объединенные активные действия со стороны Японии, поэтому и переговоры о заключении союза приняли форму заключения антикоммунистического пакта. Во-вторых, антикоминтерновский пакт по своей сущности является бессмысленным, поэтому

он породит недовольство в правительственных и политических кругах. Тем не менее это недовольство постепенно будет смягчаться.

Вопрос: Какова была информация обвиняемого с 1937 по 1938 г. о мирном посредничестве Германии между Японией и Китаем?

Ответ: Я думаю, это было в конце 1937 г. К военному атташе Отту пришел полковник японского штаба сухопутных сил Макото Наги и спросил: «Не намерена ли Германия выступить посредником между Японией и Китаем? Если такое намерение есть, то Япония хотела бы, чтобы участие в нем принял сам Гитлер». Отт сообщил об этом послу Дирксену, а также передал телеграфно германскому правительству. Вскоре из Германии пришел ответ, в котором говорилось, что сам Гитлер не сможет играть активной роли в посредничестве между Японией и Китаем, однако посол Германии в Китае может взять на себя роль некоего «передаточного почтового ящика». В ответе говорилось, что германское посольство хотело бы знать намерения обеих сторон, а затем информировать о них обе страны. Кроме этого, говорилось, что необходимо получить сведения об условиях мира, предлагаемых японцами. В заключение высказывалась просьба сообщить мнение японской стороны относительно этого плана правительства Германии.

Затем правительство Германии через своего посла в Китае Траутмана сообщило Чан Кайши о готовности японской стороны начать мирные переговоры, и вскоре от Траутмана пришло сообщение в германское посольство в Токио о том, что после передачи Чан Кайши обращения японского правительства он принял его. В сообщении говорилось, что переговоры должны быть без каких-либо предварительных условий, однако одновременно Траутман просил сообщить требования японской стороны.

Вслед за этим военный атташе Отт передал ответ Чан Кайши японскому штабу сухопутных сил. Ответ штаба сухопутных сил был таков: Япония не будет выдвигать особенно больших требований и ограничится всего лишь требованием о политическом переустройстве в Северном Китае и Шанхае. Когда ответ штаба сухопутных сил Японии был передан Чан Кайши, он заявил, что внешне ответ кажется очень хорошим, однако мы не можем полностью полагаться на него, так как он является ответом штаба сухопутных сил, и нам хотелось бы получить официальные, более веские гарантии. Когда посол Дирксен сообщил министру иностранных дел Хирота ответ Чан Кайши, внутри японского правительства еще не было определено единое мнение относительно «мирных условий» и предполагалось, что будет создано заседание для выработки позиции. Однако министр иностранных дел Хирота заверил Дирксена, что японские требования не будут чрезмерно большими. На это посол Дирксен ответил, что он хотел, чтобы его информировали о требованиях японской стороны более подробно. Однако к этому времени Япония одержала победу на шанхайском фронте и войска Японии продвинулись до Нанкина. В результате этого требования Японии расширились, и посол Дирксен жаловался на чрезмерный их рост. Создавалось положение, при котором Чан Кайши не мог принять требования Японии, и посол Траутман заявил, что теперь осуществлять посредничество невозможно. Когда я впервые услышал от Отта о мнении японского штаба сухопутных сил, я сказал, что этим дело не кончится и что в дальнейшем этот вопрос будет приобретать все более серьезный характер. Отт, однако, придерживался противоположной точки зрения. События же развивались именно в том направлении, о котором я говорил.

Подробные сведения, о которых я говорил выше, были получены послом Дирксеном от военного атташе Отта, затем мне удалось прочесть доклад по этому вопросу, который в январе-феврале 1938 г. был направлен посольством правительству Германии. Содержание этого доклада было передано мною по радио в Центр в Москве, а затем я сфотографировал вышеназванный доклад, а пленку переслал в Москву. В своих сообщениях я обращал внимание на положения, которые больше всего интересуют Советский Союз в этих переговорах, а именно: 1. Заключением мира с Чан Кайши Япония стремится выйти к Северу, то есть к Советскому Союзу; 2. По выдвигаемым требованиям как с японской, так и с китайской стороны можно сделать вывод о силе сторон; 3. В результате провала переговоров конфликт в Китае приобрел долговременный характер.

Протокол № 39 от 8 марта 1942 г.

Обвиняемый Рихард Зорге

Вопрос: Какова была разведывательная информация обвиняемого по проблемам заключения японо-германского соглашения в 1939 г. и о колебаниях в связи с этим кабинета Хиратанума?

Ответ: Вопрос о заключении японо-германского союза был поставлен в 1939 г. с германской стороны по двум каналам: через посла Японии в Германии Осима и через посла Германии в Японии Отта. Через Осима было сделано подробное предложение, а через Отта был представлен суммированный проект союза.

Однако переговоры проходили весьма сложно. Основной политической причиной этого было не только то, что в то время правительство Хиранума было занято внутренними делами, но и тот факт, что Япония не была готова в достаточной степени к войне с другими государствами. Выявившаяся на этих переговорах трудность состояла в том, что германский проект был чрезвычайно неясным. В проекте, в частности, содержались весьма туманные формулировки. Например, Япония и Германия заключают политический военный союз, а государством, которое должно быть объектом договора, становится любое государство, проводящее враждебную политику в отношении Японии или Германии.

При заключении антикоминтерновского пакта ясно указывалось, что его объектом является Советский Союз, в проекте же настоящего соглашения объект договора не указывался, а это значит, что таковым становилась Англия.

Постепенно в ходе переговоров стали ясны истинные цели Германии. Вражеским государством, которое должно быть объектом союза, был не Советский Союз, а Англия. В результате этого кабинет Хиранума попал в весьма сложное положение. В то время Гитлер уже разрешил проблему Австрии, а в решении вопросов, связанных с Чехословакией и Польшей, он не мог избежать военного столкновения с Англией и Францией. А именно то время было наиболее подходящим для войны с ними, так как оттяжка дала бы возможность Англии и Франции лучше подготовиться к войне и это, естественно, создало бы для Германии определенные трудности.

Таким образом, ставя перед японским правительством вопрос о заключении союза, Германия в действительности планировала войну с Англией. В ходе переговоров выявилась и другая деталь, которая скрывалась за антианглийской направленностью союза. Имеется в виду то, что Германия в это время начала секретные переговоры с Советским Союзом. Отт намекнул мне, что эти переговоры могут не ограничиться заключением договора о нейтралитете, а есть возможность, что они дойдут до заключения германо-советского военного союза. При этом кабинет Хиранума, находясь в затруднительном положении, под различными предлогами затягивал переговоры, что вызывало недовольство Германии. В это время в Японию прибыл Штаммер в качестве специального посланника Риббентропа, и, хотя ему после неоднократных бесед с министром иностранных дел Арита и удалось заручиться поддержкой для начала переговоров, практически его миссия была безуспешной. 8 августа 1939 г. Германия заключила с Советским Союзом не договор о ненападении и не военный союз, а договор о дружбе. Это, я думаю, было сильным ударом по кабинету Хиранума, который в некотором смысле занимал неопределенную позицию. Для Советского Союза переговоры между Германией и Японией о заключении военного союза имели чрезвычайно большое значение. Причина этого состояла в том, что уже в то время Советский Союз вел секретные переговоры с Германией и поэтому Советский Союз должен был знать о переговорах Германии, которая заключила с Японией антикоминтерновский пакт. Если бы это были переговоры о военном союзе, направленном против Советского Союза, то Германия потеряла бы доверие и Советский Союз прекратил бы ведущиеся между ними секретные переговоры. Однако Советский Союз, используя мои сообщения, пришел к выводу, что японо-германские переговоры имеют антианглийскую направленность, и в результате этого Советский Союз заключил договор с Германией. Я думаю, что нет необходимости говорить о том, что весь ход переговоров между Японией и Германией передавался мною по радио в Москву, при этом я использовал информацию, полученную от Отта и Штаммера.

Протокол № 39 от 8 марта 1942 г.
Обвиняемый Рихард Зорге

Вопрос пятый: Какой характер носила разведывательная деятельность обвиняемого в связи с заключением в 1940 г. между Японией, Германией и Италией тройственного союза?

Ответ: С образованием в июле 1940 г. кабинета Коноэ и назначением на пост министра иностранных дел Мацуока получило свое начало оформление тройственного союза между Японией, Германией и Италией. Министр иностранных дел Мацуока заявил послу Отту

о том, что было бы хорошо, если бы Япония смогла заключить с Германией союз. Этот разговор проходил после победы Германии во Франции. Япония рассчитывала заключить союз с Германией и на этой основе активизировать свою внешнюю политику.

Нужно сказать, что до этого заявления Мацуока Германия через посла Японии в Германии Осима и через посла Отта выступила с официальным предложением к Японии о заключении союза. Таким образом, ответ Мацуока представлял собой определенное согласие Японии на это предложение. После этого в Японию в качестве специального посланника прибыл Штаммер, который вместе с Оттом приступил к переговорам с Мацуока. И уже спустя 3—4 недели обе стороны согласились без особых изменений с представленным проектом союза, осталось провести всего лишь редакционную правку. Положения настоящего договора не применялись к Советскому Союзу, который имел договор о дружбе с Германией, и, таким образом, главным объектом договора была Англия, однако действие договора распространялось и на США, если последние выступили бы против Германии. Между премьер-министром Коноэ и министром иностранных дел Мацуока, с одной стороны, и послом Оттом — с другой, проходили совещания об активном применении положений союза в различных случаях. В противовес желаниям Германии заключить узкое соглашение Япония стремилась к заключению четкого и определенного соглашения. В конце концов стороны согласились и по главному положению — о ненападении на одну из сторон, то есть каждой договаривающейся стороне предоставлялось право определять, существует ли нападение на одну из договаривающихся держав со стороны любого государства. Кроме этого, Германия, признавая за Японией так называемую сферу процветания Восточной Азии, настаивала на признании ее определенных моральных прав в отношении Французского Индокитая и Голландской Индии. Это означало, что Германия имеет моральные права в отношении этих территорий, которые вытекают из объективно существующей обстановки, так как Германия заключила перемирие с Францией, которая владела одной из этих территорий, а Голландия оказалась оккупированной Германией. Однако это вовсе не означало, что Япония признает эти моральные права Германии и что между Японией и Германией по этому вопросу была достигнута договоренность. На Японию лишь возлагалось обязательство предварительного уведомления Германии перед началом каких-либо действий только в отношении Французского Индокитая. Я знал обо всех подробностях этих переговоров от посла Отта и Штаммера, я знакомился также со всеми телеграфными указаниями, которые приходили из Берлина от германского правительства Штаммеру, и регулярно информировал об этом Москву.

Мною был также подготовлен и направлен в Москву подробный доклад по этому вопросу. Советский Союз интересовал прежде всего вопрос о том, направлен ли этот союз против СССР или нет. И события развивались таким образом, как это было мною указано выше.

Протокол № 41 от 11 марта 1942 г.

Обвиняемый Рихард Зорге

Вопрос четвертый: Какова была разведывательная деятельность обвиняемого в связи с происходившими в 1941 г. японо-американскими переговорами?

Ответ: Японо-американские переговоры 1941 г. начались в период, когда министром иностранных дел был еще Мацуока, и продолжались при новом министре Тоёда, поэтому в своем показании я буду также придерживаться этого порядка.

Когда в последней декаде апреля 1941 г. министр иностранных дел Мацуока и посол Отт вернулись из поездки, обстановка, как я говорил ранее, значительно изменилась. Уже с середины апреля начались японо-американские переговоры. Германии интересовал прежде всего характер переговоров и их сущность с точки зрения страны — участницы тройственного союза. Министр иностранных дел Мацуока следующим образом разъяснил ведущиеся переговоры. А именно: переговоры не означали ликвидацию тройственного союза. Япония выдвигает по меньшей мере два требования. Если эти требования не будут выполнены, то переговоры провалятся. Эти положения были как бы предварительными условиями переговоров. Требования включали: первое — США не начнут войны против Германии, второе — США не будут осуществлять конвоирование торговых судов. Таково было разъяснение Мацуока. Однако посол Отт сомневался в искренности разъяснений Мацуока. Отт сказал Мацуока, что, насколько ему известно, Япония обратилась к США с просьбой о посредничестве в Китае, и спросил, верно ли это. Мацуока опроверг такие слухи.

В связи с японо-американскими переговорами я по поручению посла Отта в конце апреля выехал в Шанхай. Когда Отт вернулся в Японию, были опубликованы статьи о неожиданном начале японо-американских переговоров, наряду с этим распространились слухи о том, что Япония просила у США посредничества в мирном урегулировании в Китае. Кроме того, сообщалось, что посол Японии Хонда вернулся в Японию из-за того, что высказался против посредничества США в Китае. Посла Отта интересовало, откуда пошли такие слухи, а также каково отношение и настроение японцев, находящихся в Китае, к американскому посредничеству. Что касается источников этих слухов, то несомненно, что переговоры затрагивают вопрос о посредничестве между Японией и Китаем. Другими словами, именно переговоры являются источником этих слухов. Необходимо было также знать отношение прокитайски настроенных японцев, а этого нельзя было добиться, не поехав на место. Поэтому Отт и просил меня в качестве курьера выехать в Шанхай и изучить все эти вопросы.

Таким образом, я отправился в Шанхай. Прибыв в Шанхай, я прежде всего посетил генеральное консульство Германии, а затем связался с представителями различных кругов. Мне удалось встретиться и поговорить с генеральным консулом Японии, представителями МИД Японии, двумя-тремя представителями деловых кругов, с представителями командования местных сухопутных и военно-морских частей и особенно с моим старым знакомым, полковником Уцуномия. Они мне сказали, что 90 % японцев выступают резко против какого-либо посредничества и что если премьер-министр Коноэ и министр иностранных дел Мацуока будут настаивать на этом, то они встретят мощный отпор. После получения такой информации у меня сложилось впечатление, что японо-американские переговоры в конечном счете окончатся провалом. После возвращения из Шанхая я обо всем этом доложил Отту. Одновременно, учитывая важность информации, я немедленно передал сообщение в Москву.

Требования, которые министр иностранных дел Мацуока выдвинул перед США ради Германии, явились одной из причин провала Мацуока. Он сам стал препятствием для японо-американских переговоров. Как предполагал посол Отт, США считали, что министр иностранных дел Мацуока, который заключил тройственный союз, не может вести переговоры и не является подходящей для них личностью. Вместо Мацуока на пост министра иностранных дел был назначен Тоёда. Посол Отт не был в близких отношениях с Тоёда, и поэтому его назначение было для Отта нежелательным. Тем не менее министр иностранных дел Тоёда продолжал переговоры с США. Из бесед с Тоёда Отт сделал заключение, что министр со своей стороны не будет поднимать вопрос о требованиях, которые были выдвинуты Мацуока. Тоёда считал, что в зависимости от обстоятельств можно было бы подумать над отменой тройственного союза. Вот это и беспокоило Отта. Когда Отт обратился с таким вопросом к Тоёда, тот ответил чрезвычайно просто — тройственный союз будет продолжать действовать. Такой ответ оставлял для посла Отта много неясных моментов, и поэтому волнения не оставили его.

18 октября 1941 г., непосредственно перед моим арестом, посол Отт все думал, что если США сделают какую-либо уступку, то Япония пойдет им навстречу, а тройственный союз хотя и не будет ликвидирован, но практически потеряет силу.

Ход японо-китайских отношений имел большое значение для Советского Союза. Это объясняется следующими тремя положениями.

Во-первых, если в результате японо-американских переговоров произошло бы улучшение японо-американских отношений, это высвободило бы часть японских вооруженных сил и заставило бы Советский Союз предпринимать предупредительные меры.

Во-вторых, если бы японо-американские переговоры закончились успешно, то создавалась бы опасность того, что США и Япония, завязав дружеские отношения, осуществляли бы антисоветскую политику во взаимном сотрудничестве.

В-третьих, если бы японо-американские переговоры закончились успешно, то не ясно, какое это оказало бы влияние на советские силы в Китае, а именно — «красные районы» и силы, находящиеся под влиянием Советского Союза в Чунцине.

Именно поэтому содержание японо-американских переговоров, их ход был чрезвычайно важен для Советского Союза. Исходя из этого, я регулярно сообщал в Москву информацию, которую мне передавали Одзаки и Мияги, и информацию, которую мне удалось получить от сотрудников германского посольства или от самого Отта, а также сведения, которые я собрал от японцев в Шанхае.

С. БЕЛОУСОВ

Предисловие

Часто агенты секретных служб пишут мемуары. Еще реже публикуют их. И уж совсем редко воспоминания выходят в свет буквально через считанные месяцы после того, как автор отходит от дел, а все действующие лица, в том числе и его коллеги, отнюдь не заинтересованные в знакомстве с широкой публикой, еще на сцене. Мемуары Амлето Веспы — из немногих таких исключений.

Веспа выходит из игры в конце 1936 года, а уже через год встречается в Шанхае с корреспондентом «Манчестер гардиан» Г. Дж. Тимперлеем. В руках у Веспы портфель желтой кожи. Речь идет о публикации рукописи: «...Я уверен, что вы меня не подведете. Если японцам станет известно, что я написал такую книгу, они немедленно уберут меня. Теперь, когда рукопись закончена, хотелось бы приступить как можно скорее к публикации, чтобы я смог вывезти свою семью из Шанхая».

Тимперлей человек осторожный. Ему нужны гарантии, что материал действительно заслуживает внимания. Он отдает рукопись на рецензию нескольким знакомым — журналистам и дипломатам. Среди них — и Эдгар Сноу, автор «Красной звезды над Китаем». Отзывы превосходят все ожидания. Сноу возвращает портфель со словами: «Насколько я могу судить о действующих лицах и малоизвестных широкой публике обстоятельствах, описываемых автором... Позволю себе утверждать, что книга, помимо общей канвы событий, содержит множество интереснейших деталей и, что особенно

важно, — деталей исключительной достоверности. Эта «история, рассказанная изнутри», «человеком из-за кулис», обладает бесспорными и уникальными достоинствами. Пожалуй, это самое яркое обвинительное заключение, которое мне когда-либо доводилось читать».

Уже через полгода книга Веспы издана в Лондоне (правда, с грифом «Не для широкого распространения»).

Что мы знаем об авторе? Родился в Италии, в Акиле, в 1888 году. В 22 года, закончив образование и военную службу, отправляется в Мексику и присоединяется к революционной армии генерала Франциско Мадеры. Дважды ранен и получает звание лейтенанта. В 1912 году покидает Мексику и путешествует как независимый журналист по Соединенным Штатам, Южной Америке, Австралии. Потом — Французский Индокитай и, наконец, Дальний Восток, Китай и Корея. Веспа добирается до самых отдаленных и редко посещаемых европейцами мест — приграничный Тибет, Монголия, Восточная Сибирь.

Возможно, уже тогда (или еще раньше?) он начинает сотрудничать с разведкой. Как бы то ни было, во время первой мировой войны командование союзнических войск использует Веспу как эксперта по «китайским походам»: он официально направлен в разведслужбу и в качестве секретного агента сопровождает японскую армию в Приморскую и Амурскую губернии, доходит до Байкала и Николаевска.

Скорее всего, прихоти судьбы здесь все-таки ни при чем. Назначение Веспы в разведку не случайно: он обладает

Amleto Vespa. Secret Agent of Japan. A. Handbook of Japanese Imperialism. London: Victor Gollancz. Ltd., Left Book Club Edition / Not for Sale to the Public/, 1938.

Белоусов Сергей Романович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИДВ АН СССР.

Журнальный вариант

всеми необходимыми качествами. Наблюдательность и реакция, феноменальная память и умение держать язык за зубами. Его редко подводят нервы. Аналитик, он способен и быстро сорентироваться в любой обстановке — сказывается школа военной службы и путешествий, сопровождавшихся далеко неординарными ситуациями. Наконец, он полиглот. Английским, китайским, русским, французским, испанским — свободно. Немного знает и японский, немного — монгольский. И еще — Веспя прекрасно играет в покер; немаловажная деталь, если учесть, что умение блефовать — необходимое качество для человека, ведущего психологическую игру с противником.

Тем не менее Веспя не разведчик, сиречь шпион, не «резидент» в традиционном нашем понимании. У него несколько иное амплуа — гораздо ближе к Лоуренсу, чем к Зорге. Ему не надо отправлять шифровки, выкрадывать документы, бояться разоблачения. Он обладает неким официальным статусом разведчика. Игра идет по другим правилам. У него есть «крыша», но те, кто интересуется этим по роду службы, прекрасно осведомлены об истинной профессии Веспя. Хотя он действительно «секретный агент», действующий за кулисами, и ему даже подчас приходится самому участвовать в тех или иных «акциях» (и тогда его действия отнюдь не свободны от всех издержек, свойственных профессии). И все-таки Веспя скорее аналитик — организатор, наблюдатель, эксперт и информатор — в одном лице.

В ходе войны у Веспя, благодаря официальной должности и неофициальному статусу, появляются исключительные возможности для контактов с крупными военными и политическими фигурами, как китайцами, так и японцами. Среди них — и Чжан Цзолин, генерал-губернатор Северо-Восточных провинций Китая, глава одной из милитаристских сатрапий. Ему предстоит, хотя и невольно, сыграть решающую роль в жизни Веспя; в 1920 году тот переведен и переходит на службу к «Владыке Маньчжурии».

Новые знакомства приводят итальянца к открытому конфликту с собственными властями. Он принимает китайское гражданство. Этот вынужденный — и роковой — шаг предопределяет всю его

дальнейшую судьбу. После убийства Чжан Цзолина и японского вторжения в Маньчжурию японцы становятся хозяевами жизни каждого здешнего китайца. Веспя в том числе. Результат — пять лет принудительной службы на японскую контрразведку.

Правда, не случись все так, как случилось, Веспя вряд ли написал бы свою книгу. Отсутствовал бы столь сильный импульс. А ведь он знал, на что идет. Тем более, что, несмотря на строгую конспирацию, заинтересованная сторона очень скоро получила информацию о готовящемся издании. В Шанхае Веспю навещает некто Чарльз Бишоп Кеннеди — американец, женатый на японке, крупный чиновник на принадлежащей Японии Южно-Маньчжурской железной дороге. Начав издавать, он заканчивает откровенно: советует — пока только советует — отказаться от идеи опубликовать книгу. Ответ Веспя недвусмыслен:

— Японцы шантажом и угрозами заставляли меня работать на них почти даром (вот он, «синдром Макса Вебера», «протестантская этика и дух капитализма». — С. Б.) в течение четырех с половиной лет. В знак благодарности они конфисковали всю мою собственность на общую сумму по крайней мере в 50 тысяч долларов и полгода держали заложниками мою семью, три месяца моя жена провела за решеткой. Можете вы себе представить, чтобы нормальный человек, в жилах которого течет красная, как у всех, кровь, позволял бы грабить себя, унижать, оскорблять — и все это молча, никак не реагируя? Все обещания японцев для меня ничего больше не стоят, да и угрозы их не пугают. Я просто обязан исполнить свой долг, никто и ничто не в силах поколебать мою решимость. Действуя по принуждению японцев и в интересах Японии, я стал свидетелем и участником столько ужасных преступлений, что должен облегчить свою совесть. По крайней мере, это хоть в какой-то степени позволит мне искупить собственные, пусть невольные, но тяжкие грехи. Это единственное, что я могу пока сделать — сказать всему миру правду.

Насколько можно верить Веспе? Все имена, которые упоминаются в его книге — имена реальных людей, это сомнений не вызывает. Опушены только те, огласка которых могла бы повредить их обладателям, находящимся в пределах досягаемости японцев. «В этой книге я ничего не

выдумывал, а описывал реальные факты. Факты, которым сам был свидетелем. Только то, что видел своими глазами. События, в которых был невольным участником. Некоторым нарисованная мной картина может показаться каким-то чудовищным, невероятным кошмаром. Некоторым, но только не тем, кто хотя бы немного знаком с историей японской оккупации Маньчжурии. Остальным остается только поверить, что все, рассказанное мной — правда».

Действительно, перед нами хроника закулисной жизни Маньчжоу-Го, интересная прежде всего рассказом об обстоятельствах, недоступных академическому исследованию. Для того, чтобы описать это так, как Веспя, надо было через это пройти. И — маленькая деталь — надо было к тому же служить в японской контрразведке.

«Литература факта»? В основном и главным — да. Нельзя не согласиться с Эдгаром Сноу, Генри Тимперлеем и другими, читавшими книгу еще в рукописи. А они были далеко не дилетантами в китайских делах. Что касается «не основного и не главного»... Мемуаристика? Все-таки, наверное, нет. Скорее, перед нами «субъективный документ». Субъективно? Разумеется. Эмоционально? Да. Но это, как ни банально звучит, закон жанра. Это и недостаток, и преимущество. Объективен ли «Архипелаг ГУЛАГ»? Или «Большой террор»? (Сознавая всю, может быть, некорректность сравнения по многим параметрам, ответим, что в каждом случае, позиция автора, описывающего беспристрастные, казалось бы, факты, выражена более чем недвусмысленно).

Книга Веспы написана в 1936—1937 годах, по «горячим следам» событий в Маньчжурии. О многих обстоятельствах, известных нам сегодня, документально подтвержденных, Веспя, несмотря на всю его информированность, мог только догадываться, строить предположения на основе собственного анализа. Поэтому в ходе подготовки к печати исходный материал был значительно переработан и расширен. Акцент перенесен на принципиально важные сюжеты, введены многие новые факты и детали, малоизвестные, но значащие подробности тогдашних маньчжурских катаклизмов, характеристики и судьбы действующих лиц; сокращены длинноты и повторы, устранены некоторые неточности. Одной из главных задач стало придание картине

стереоскопичности — путем воспроизведения общего историко-политического контекста, в котором рождаются те закулисные перипетии, о которых пишет Веспя. При этом были критически использованы источники, ставшие раритетами еще до образования КНР — сразу после капитуляции Японии и исчезновения Маньчжоу-Го с политической карты Дальнего Востока — скажем, альбом «Великая Маньчжурская Империя. К десятилетнему юбилею» (Издание Государственной организации Кио-ва-кай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи. Харбин, январь 10 года Кан-Дэ [1942]).

Несмотря на существенную переработку, изменение тональности и манеры изложения, материал Веспы при новой аранжировке не утратил своих принципиальных черт и достоинств, главное из которых — документальность.

Остается только добавить, что взгляд «человека из-за кулис», натурализованного китайского гражданина итальянца Амлето Веспы, дважды перевербованного секретного агента, открывающего всю подноготную японской контрразведки на Дальнем Востоке, заставляет совсем в ином ракурсе взглянуть на историю проникновения Японии на китайский Северо-Восток.

Итак, «субъективный документ».

* * *

*Таракан попался в стакан.
Ф. Достоевский*

Глава I. Дебют в двойной игре

Чужой среди своих

За те годы, что Амлето Веспя провел на Дальнем Востоке как агент секретных служб разных разведок, ему приходилось сталкиваться со многими высокопоставленными китайскими чиновниками — как гражданскими, так и военными. Среди них — и такая колоритная фигура, как маньчжурский милитарист маршал Чжан Цзолинь — военный губернатор трех Северо-Восточных провинций Китая, известных под общим названием Маньчжурии.

Начало их сотрудничества выглядит вполне прозаично. Догадываясь о закулисной деятельности итальянца, Чжан Цзолинь просит держать его в курсе событий. Просьбы эти обычно с готовностью выполняются. Взаимопонимание заходит

так далеко, что маршал предлагает: если г-н Веспa вдруг (пути Господни неисповедимы) решит остаться на Востоке навсегда, «Владыка Маньчжурии» будет рад оказать ему в этом всяческое содействие и непременно примет на службу. В конце концов обстоятельства, о которых пойдет речь ниже, заставят Веспу принять это заманчивое (как ему тогда кажется) предложение, и с сентября 1920 г. он начнет работать на Чжан Цзолиня.

Первое и главное условие нового хозяина — никто не должен знать об их сотрудничестве, кроме генерала У Цзюньшэна — губернатора одной из маньчжурских провинций Хэйлуңцзян (и близкого друга Чжан Цзолиня); с ним Веспa должен поддерживать постоянный контакт для получения приказов и инструкций, делая вид, что по-прежнему подчиняется распоряжениям только своего итальянского начальства. Если ему приходится встречаться (довольно, впрочем, редко) с самим Чжан Цзолинем, то происходит это обычно глубокой ночью, на Веспe — маскарадный костюм: китайского покроя платье, темные очки, европейская шляпа надвинута на нос; сопровождает его один из преданных адъютантов маршала Чжана.

Все годы службы в Китае, России, Монголии и Корее Веспa действует под разными именами и всегда имеет несколько паспортов. Это необходимые условия игры. Задания его многочисленны и разнообразны: сбор и обработка секретной военной и политической информации, слежка и — если нужно — компрометация агентов других разведок, отслеживание банд вооруженных уголовников, «хунхузов», и аресты этих «краснобородых вольных бандитов», ликвидация контрабандистов оружия и наркотиков и — «last but not the least» — торговцев белым живым товаром, которые занимаются экспортом и перепродажей тысяч и тысяч молодых русских женщин, бежавших из России после Октябрьской революции 1917 года. Ему приходится вполне профессионально, хотя и понемногу, заниматься самыми разными ремеслами — разработкой угольных копей и добычей золота в Монголии, служить секретарем Китайской политической миссии за восстановление железнодорожного сообщения и торговли между Маньчжурией и Россией (результатом чего, кстати, становится его первая

официальная поездка в Россию в марте 1913 года); в 1922 году он редактирует русско-китайскую газету, выходящую в приграничном железнодорожном узле Маньчжоули (Маньчжурия), а позднее играет роль корреспондента нескольких газет в Урге (Улан-Баторе) во Внешней Монголии.

В феврале 1923 года Веспa получает приказ вернуться в тогдашнюю маньчжурскую столицу Мукден и провести здесь расследование по делам контрабанды оружием, которая к тому времени принимает опасные размеры. За два месяца каждодневной слежки и оперативной работы на железнодорожной линии Тяньцзинь — Мукден Веспe и его сотрудникам удается конфисковать при попытках переправки через Великую китайскую стену более 3,5 тысячи винтовок и около 200 автоматических пистолетов. Пикантность ситуации состоит в том, что все оружие — итальянского производства; предназначено оно для хунхузов и других партизанских формирований в Маньчжурии, которые весьма осложняют жизнь Чжан Цзолиня.

В конце концов результаты деятельности Веспы становятся широко известны — и не только обывателям, но и представителям «заинтересованных сторон», в том числе и итальянским властям. Следует недвусмысленное предупреждение генерального консула Габриэлли: «Если вы не перестанете нам досаждать, я безо всяких колебаний прикажу вас арестовать и выслать вон из страны».

Уверенный в поддержке Чжан Цзолиня, Веспa игнорирует угрозы. Конфискация оружия продолжается. Кроме того, этим же летом 1923 года ему удается перехватить 200 килограммов морфия и героина и около 1,5 тонны опиума. Итальянские власти решают, что настал их черед действовать. 18 ноября Веспa арестован и под конвоем отправлен в Шанхай. Здесь его поднимают на борт военного корабля «Колабрия». К счастью для Веспы, капитан отказывается «использовать судно Итальянского королевского флота в качестве филиала неаполитанской тюрьмы» (тем более безо всяких сопроводительных документов на арестованного) и через несколько часов Веспa вновь на свободе. За этим следует протест со стороны английских и китайских властей. Весь инцидент становится предметом оживленного обсуждения в местных газетах.

Веспу пытаются подкупить. Ему обещают пять тысяч долларов как плату за то, чтобы он убрался из Китая как можно скорее. Агент Чжан Цзолиня отвечает мягким, но решительным отказом. (Какое упорство! Что это — чувство ответственности перед подлинным хозяином? Может быть, хотя вряд ли, конечно. Неистребимая тяга к авантюрным жизненным сюжетам и боязнь прозябать в бездеятельности? Возможно. Надежда на получение гораздо больших дивидендов в нынешнем своем качестве? Скорее всего. В любом случае Веспа не мог не понимать, чем он рискует).

И вот наконец в ход пускается последний, самый веский аргумент. 9 апреля 1924 года на извилистой и слабо освещенной улице Дент Веспа получает удар ножом в грудь. Рана, правда, не смертельная. Нападавшему удается скрыться. По мнению китайской полиции, это какой-то бывший итальянский матрос. Веспе еще не раз предстоит пройти через подобное. Другой итальянец, дважды организовывавший покушения на его жизнь, продолжает жить в Шанхае, когда Веспа уже заканчивает свою книгу. Правда, его сообщники, непосредственные исполнители — трое русских и индус — сурово наказаны по закону: русские осуждены китайским судом в Харбине, индус — там же, но британским судом.

Подробности очередного покушения (уже в Харбине) передают строки газетного репортажа:

«Неудавшееся покушение на секретного агента в Харбине

Индус задержан и передан властям после покушения на жизнь А. Веспы.

Харбин, 12 января. Совершенная месяц назад попытка покушения на А. Веспу, генерального менеджера и совладельца Атлантического театра — местного театра живых картин — закончилась быстрым арестом соучастника, индуса Барра Синха, и его передачей британским властям в Шанхае. Итальянец по имени Г. Кандоверас, который, как полагают, является главным организатором готовившегося убийства, все еще на свободе, что вызывает недоумение местной общественности...

Как подчеркивает шанхайская пресса, Веспа провел в Китае много лет и, насколько известно, тесно связан с разведслужбами в Мукдене, которые весьма ценят его за результативную работу, в

первую очередь за успешную борьбу с коммунистами и контрабандистами оружия. Здесь преобладает мнение, что заговором с целью убийства Веспы двигали мотивы личной вражды, вызванной его сотрудничеством с мукденскими властями».

По возвращении в Харбин Веспа пытается возобновить свою деятельность. Но итальянские власти и их агентура делают все, чтобы помешать этому, лишить его возможности зарабатывать на жизнь официальным путем, поймать на чем-нибудь и арестовать уже вполне законно. Но Веспа достаточно осторожен и изворотлив, а в конце концов находит и кардинальный выход из положения. Он принимает решение о перемене гражданства и становится китайским подданным. Поручители его — генерал-губернатор Северной Маньчжурии Чжу Цинлань и генерал Вэнь Инсин. Теперь он может «вести свою войну с любыми нарушителями закона безо всяких препятствий». (Правда, впоследствии Веспа признается, что шаг был вынужденным, и он бы никогда не пошел на это, если бы не обстоятельства).

Торговля белыми невольницами

Массовая, поставленная на широкую ногу торговля белым живым товаром. Хорошо отлаженный механизм на всех звеньях «цепочки». Сюжет, в общем-то, не столь частый в истории. В ассортименте — женщины, выброшенные из России революцией. Судьба многих эмигрантов-мужчин — шофер таксомотора, официант, жиголо, вышибала, швейцар. Адреса: Париж, Берлин, Прага, Харбин, Нью-Йорк. Судьба многих женщин — публичные дома. Маршруты: Прага — Вена — Берлин — Париж, Харбин — Тяньцзинь — Шанхай — Константинополь — Марсель, «далее везде».

90 % беженцев из России, оказавшихся на Дальнем Востоке, спасаясь от большевиков, оседают в Маньчжурии, и девять десятых из них не имеют никаких средств к существованию. Очень быстро возникает невольничий рынок. В Харбине, Мукдене и других центрах торговцы живым товаром отбирают привлекательных молодых женщин и, «спасая от ужасов голодной смерти», отправляют в «более цивилизованные места».

Веспа признается потом, что из всех преступных группировок, с которыми ему

как офицеру полиции и агенту секретной службы приходилось сталкиваться, самой организованной, самой безжалостной, самой богатой и могущественной, была армия торговцев белыми невольниками. Все произведенные Веспой и его сотрудниками аресты неизменно заканчиваются подкупом (варианты — шантаж, угрозы) следствия и суда и освобождением преступников. Веспа свидетельствует, что в 1937 г., когда он писал свои мемуары, подлинным королем торговцев человеческим товаром по-прежнему, как и десятилетие назад, оставался один русский, некий Казаринов, монархист по убеждениям. Его арестовывали 23 раза, улики были неопровержимы, и все-таки всякий раз он оказывался на свободе, выпущенный под залог, сумма которого достигала 20 или даже 25 тысяч долларов.

А в 20-е годы ситуация складывается настолько критическая, что в конце концов маньчжурские власти оказываются перед выбором: либо смотреть на преступления сквозь пальцы, либо прибегнуть к каким-то чрезвычайным мерам в борьбе с этим видом преступности. Дело в том, что принцип экстерриториальности становится той «Великой стеной», за которой укрываются многие и многие иностранцы, занимающиеся этим жестоким бизнесом.

Впрочем, маньчжурские власти и их агентов никак нельзя заподозрить в нерешительности или мягкотелости. Их понимание «чрезвычайных мер», в свою очередь, поражает произволом и беззаконием. Вот типичный случай. Сотрудники Веспы после долгих недель слежки и сбора компрометирующего материала задерживают на железнодорожной платформе двух шведов, торговцев женщинами, «успевших стать кошмаром Маньчжурии за год или полтора своего пребывания здесь». Арестованы они в компании шести девушек, которых обычно продают под видом «горничных» в Тяньцзине. «В соответствии с инструкциями», агенты Веспы, «сознавая всю бесполезность каких-либо законных действий», доставляют шведов к границе железнодорожной зоны и вешают «на первом же телеграфном столбе».

В середине 1926 года какой-то с иголочки одетый француз снимает две лучшие комнаты в первоклассном харбинском отеле «Модерн» и помещает в газетах объявление, что для девушек 18—22 лет, образованных и приятной наруж-

ности, будут подысканы выгодные места машинисток. Веспа отряжает нескольких своих агентов для слежки и уже к вечеру следующего дня выясняется, что за сутки поступило более 20 заявлений и каждой кандидатке выдано по 20 долларов в качестве аванса. Методы Веспы опять незатейливы, но эффективны, хотя на этот раз дело обходится без насилия. Веспа сам навещает француза и застает того уже выходящим из номера. Представившись русским эмигрантом, Веспа говорит, что ищет для двух своих дочерей приличную работу, но прежде хотел бы убедиться, что служба будет действительно престижная и хорошо оплачиваемая. Француз бросает на «отца двух дочерей» любопытный взгляд: «Я секретарь французской концессии в Шанхае и намерен нанять на работу в нашем муниципалитете нескольких стенографисток».

— Но мои дочери не говорят по-французски.

— Это не столь важно. На территории нашей концессии живет уже более 20 тысяч русских, и администрация вынуждена прибегать к услугам людей, говорящих по-русски, даже в большей степени, чем говорящих по-французски.

— Прекрасно, — следует ответ. — Именно это я и хотел выяснить. Вот моя карточка. Если вы не уедете из Харбина сегодня же вечером девятичасовым поездом, то сожалею, но не могу поручиться за вашу жизнь. Вряд ли стоит напоминать вам, что торговцы белым товаром не раз исчезали, не оставив никаких следов...

Француз уезжает в тот же вечер и, разумеется, без машинисток и стенографисток

И еще. Уже после начала японской оккупации агенты Веспы, inspectируя поезда в Цицикаре, слышат истошные крики и стоны, которые раздаются из товарного вагона, стоящего на дальней ветке. Открыв двери, они обнаруживают внутри известную им по словесным портретам Иду Розенберг. Она тщетно пытается заставить замолчать девять русских девушек, почти девочек, каждой из которых нет и шестнадцати. Еще две уже мертвы от холода и недоедания. Как выясняется, они куплены за несколько долларов в крестьянских семьях и теперь должны быть вывезены в Тяньцзинь — а там уже по отработанной схеме. Дальнейшая судьба Иды Розенберг в изложении самого Веспы:

«Она была задушена в ту же ночь в камере охранниками тюрьмы. Душа восставала при виде того, как эта женщина цинично пользовалась нищетой и отчаянным положением родителей; и не кто иной, как те китайцы, которые должны были ее охранять, в силу своего разума заставили ее заплатить за содеянное зло. По крайней мере я так объяснял себе случившееся. Никаких вопросов на следующий день никто не задавал... и меньше всех я».

Правда, с приходом японцев в Маньчжурию Веспе приходится прекратить борьбу с торговцами невольниками. Став уже японским агентом, он вынужден молча наблюдать, как его новому начальству платят астрономические суммы за разрешение содержать публичный дом или за открытие «центров сбора», откуда осуществляется вся торговля человеческим товаром.

Убийство «Владыки Маньчжурии»

Итак, Веспа начинает работать на Чжан Цзолиня с сентября 1920 года. Итальянец служит «хозяину Маньчжурии» в течение восьми лет и называет «одним из лучших своих шефов». По его словам, Чжан Цзолинь «всегда оставался человеком отменной честности и мужества. Неизменно верный данному слову, он был милостив и снисходителен к тем, кто служил ему верой и правдой, но неизменно суров и жесток с теми, кто злоупотреблял его доверием; жалости к предателям он не знал». Оценки Веспы, разумеется, весьма субъективны, но в любом случае ясно, что он прекрасно представлял, с кем имеет дело.

Начинал Чжан Цзолинь как атаман хунхузов. Тогда, на рубеже веков, вооруженные банды «независимых храбрецов» становятся реальными хозяевами в сопках Маньчжурии; всего их насчитывается до 300 тысяч. Набегн на деревни, железнодорожные станции и даже города, захват заложников и похищения состоятельных людей с требованиями внушительного выкупа («людокрадство» на хунхузском сленге), грабежи, поджоги и убийства — все это тогдашние маньчжурские будни. Шайка печально известного «Корявого» бродит вокруг самого Харбина, жертвами ее становятся многие и многие из горожан.

Хунхузы, как и другие «лесные братья», везде и нигде. Хунхуз работает с артелью, убирает улицы, торгует. Вы

его встречаете на улице, на базаре, в чайной, и никто не поручится, что это мирный обыватель, а не временно занявшийся работой член многочисленной желтолицей гверильи. Он в доме европейца в роли слуги, конюха, прачки. Хунхуз служит в полиции, едет конвойным, сторожит банк, зажигает уличные фонари, извозничает, коммиссионерствует. В определенные часы они встречаются в условленном месте, договариваются о ближайшей «операции», и ваш слуга или садовник на некоторое время исчезает. Приходят известия о нападениях на угольные копи или караван, на китайского помещика-самодура или обсчитавшего рабочих русского подрядчика. Минует неделя-две, и ваш повар опять, как ни в чем не бывало, общипывает на кухне утку.

— Где ты был?

— Домой мало-мало ходи...

В русско-японскую войну 1904—1905 годов японское командование использует хунхузов для рейдов по русским тылам. Чжан Цзолинь становится одним из первых наемных партизан у японцев. После войны он со своими молодцами поступает на службу в регулярную китайскую армию, принимает командование дивизией, потом — всеми войсками провинции Фэнтянь. В 1912 году он — генерал-лейтенант, в 1918 — генерал-губернатор всех трех Северо-Восточных провинций, в январе 1920 — полный генерал, в октябре того же года — уже маршал.

Штрихи к портрету Чжан Цзолиня. Интерпретация Веспы:

«Будущий маршал родился в 1876 году в уезде Хайчэн провинции Фэнтянь в семье контрабандиста. Рассказы о Чжан Цзолине-юноше — это почти легенды. Рассказывают, например, что как-то он вошел в ямзнь одного высокопоставленного уездного чиновника и, обвинив того «в угнетении бедных и обездоленных», «своей властью» приговорил к смерти. После чего привел приговор в исполнение на глазах остолбеневших мелких чиновников и солдат и спокойно удалился, оставив всех в полной растерянности и смятении».

Во время русско-японской войны Чжан Цзолинь поступает на службу к японцам и выводит из строя русские линии коммуникаций. Японцы оценивают его услуги по достоинству, о чем говорит хотя бы тот факт, что в конце войны они не только добиваются от пекин-

ского суда полного помилования вожака хунхузов, но и назначения Чжана губернатором его родной провинции Фэнтянь. С этого времени и начинается бурное развитие Маньчжурии, равно как и быстрое продвижение по служебной лестнице самого Чжан Цзолиня.

«Владыка Маньчжурии»
маршал Чжан Цзолинь

В 1922 году Чжан Цзолинь впервые покидает Северо-Восток и принимает участие в боевых действиях в районе Пекина. Армия его, однако, разгромлена войсками другого милитариста — У Пэйфу, и с остатками своих сил он отступает назад, в Маньчжурию, где провозглашает независимость трех ее восточных провинций, которые в 30-е годы становятся известны под названием Маньчжоу-Го.

Превосходный администратор, он был безжалостным деспотом. За кукольным лицом и общей subtilностью скрывается волевая и упрямая натура. Недостаток образования и общей культуры компенсируется незаурядным природным умом и феноменальной памятью. Именно Чжан Цзолинь делает жизнь крестьянина в своей сатрапии настолько благополучной по сравнению с соседними районами Китая, Кореи и даже России, что в конце концов регион, в котором едва насчитывалось десять миллионов населения, из которых полмиллиона были инородцами, к моменту гибели

своего губернатора превращается в «лакомый кусок» с населением в 30 миллионов человек. Каждый год тысячи и тысячи китайцев и даже жители соседних стран отправляются в Маньчжурию на уборку урожая и оседают здесь, заводя собственное хозяйство.

Для характеристики его взрывчатой и безжалостной натуры можно привести случай с директорами местных банков, пойманных с поличным на разного рода махинациях с бумажными деньгами. Девять банкиров вызваны в Мукден «для беседы» и по их прибытии свершен суд, рекордный по скорости вынесения приговора. Вершит суд сам маршал Чжан:

— Мне, как, думаю, и всем присутствующим, совершенно ясно, что вами нажиты громадные состояния путем махинаций с маньчжурской валютой, что сопровождалось разорением крестьян и торговцев. Я не раз предупреждал вас, что призову к ответу, но вы к моим словам не прислушались. Если покончить со спекуляцией не в ваших силах, то вы люди некомпетентные и не отвечаете занимаемым должностям; если вы можете это сделать, но не делаете, то тем более виновны. В любом случае вы заслуживаете смерти.

Несколько минут спустя головы девяти банкиров лежат в пыли на дворе Чжан Цзолиня.

Многие годы маршал Чжан вел с японцами двойную игру и нередко использовал их в своих интересах. Вот один пример. 22 ноября 1925 года генерал Го Сунлин, в прошлом протеже Чжан Цзолиня, рассылает одну из тех циркулярных телеграмм, к которым всегда испытывали слабость китайские «политиканы». В ней генерал требует немедленной отставки маршала Чжан Цзолиня «по государственному соображению». В тот же день Го Сунлин направляет свои войска через Великую стену на Мукден. В его распоряжении — наиболее боеспособные мукденские части, вполне подготовленные к походу, а силы Чжан Цзолиня, напротив, не готовы в данный момент оказать достойное сопротивление. 27 ноября «Северо-Восточная национальная армия» Го Сунлина занимает Шанхайгуань и продолжает быстрое продвижение к Мукдену. К началу декабря генерал Го уже находится на таком расстоянии от столицы Чжан Цзолиня, которое позволяет нанести по городу решаю-

щий удар. Казалось бы, все кончено. Чжан Цзолинь покидает Мукден и бежит в Дайрен.

Но Чжан Цзолинь, как выясняется, не теряет времени даром. Путем сложных переговоров, посулов, унижений и даже принятия кабальных условий — продления срока аренды Квантунской области до 99 лет — ему удается убедить японцев усилить гарнизон, расквартированный в железнодорожной зоне и предупредить Го Сунлина, что ему не будет позволено приблизиться ближе чем на 20 ли к Южно-Маньчжурской дороге. Необходимая передышка получена. Мукден спасен. В город введены японские охранные части, возвратившийся Чжан Цзолинь организует оборону из трех армий — Чжан Сюеляня, Чжан Цзосяна и У Цзюньшэна. 23 декабря Чжан Цзолинь, вооружив и перестроив свои войска и обрядив в китайскую форму целую дивизию японцев, сам атакует позиции Го Сунлина у Синьминьгуня. После бомбардировки с воздуха генерал Го теряет присутствие духа, а его соединения — боеспособность. Го Сунлин капитулирует, ищет убежища в японском консульстве, получает отказ, вскоре схвачен мукденской кавалерией и сразу же казнен вместе с женой.

Мятеж Го Сунлина сопровождается охлаждением отношений Чжан Цзолиня с советской администрацией КВЖД. Эра их «совместного управления» Дорогой заканчивается, компаньоны окончательно перестают доверять друг другу. Дело в том, что в самый разгар боевых действий, 15 января 1926 года, советский управляющий Дорогой Иванов неожиданно для Чжана закрывает движение по южной линии, лишив тем самым мукденского сатрапа возможности перебрасывать войска и подвозить снаряжение из северных провинций. Крупный скандал, ярость Чжан Цзолиня. Иванов арестован военными властями. И хотя Дорога бездействует всего несколько дней, Го Сунлин вскоре разбит, а на пост управляющего назначен другой советский чиновник — Емшанов (оказавшийся, правда, алкоголиком), «Владыка Маньчжурии» уже никогда не забудет этой подножки большевиков.

В 1926 году Чжан Цзолинь, поощряемый японцами, захватывает Пекин, который удерживает в течение двух лет. Тем временем, однако, гоминьдановские части под командованием Чан Кайши

доходят до Цзинани и в апреле 1928 года берут город штурмом. Возникает непосредственная угроза интересам Японии на Шаньдунском полуострове, и японцы, заблаговременно высадившие свои войска в порту Циндао, воспользовавшись как предлогом тем, что во время штурма Цзинани среди пострадавших оказываются и японские граждане, 2—4 мая атакуют китайские части и обстреливают город. Потери китайцев — более четырех тысяч человек, убытки — 26 миллионов долларов. Выхавший на мирные переговоры с японским командованием начальник Иностранного отдела гоминьдановского правительства зверски убит вместе со всей свитой. В конце концов становится ясно, что добыча не по зубам, и Чан Кайши принимает продиктованные японцами условия: войска его покидают Цзинань и зону принадлежавшей Японии Шаньдунской железной дороги.

18 мая Чжан Цзолиню передан официальный японский меморандум, который предупреждает: если войска маршала не отойдут в Маньчжурию, путь ему туда вообще будет закрыт — Япония сама возьмет на себя заботу об этой области. Приставленные к Чжан Цзолиню японские советники настойчиво убеждают его отойти на Северо-Восток. На этом же, но по другим причинам, настаивает Военный Совет в Пекине и генерал У Цзюньшэн, которому поручено временное управление тремя Северо-Восточными провинциями. Как и его духовный наставник, «китайский Кромвель» Юань Шикай, Чжан Цзолинь знает, что прямая линия — всегда самая длинная. Какое-то время он еще медлит, чтобы «сохранить лицо», но 26 мая все-таки принимает решение оставить Пекин и отправиться поездом в Мукден.

Возникает еще одно обстоятельство. 31 мая агент Чжан Цзолиня в Токио американец Свайнхарт со всей серьезностью предостерегает своего шефа от поездки в Маньчжурию поездом, так как располагает проверенной информацией: готовится покушение и по дороге маршал будет убит. (Через три недели после взрыва поезда Чжан Цзолиня Свайнхарта найдут убитым в Японии, в Камакуре. Его обезображенный труп полиция выловит в море. По официальным японским каналам будет объявлено, что он случайно, купаясь, утонул). Как это нередко бывает, Чжан Цзолинь игнорирует это так дорого стоившее Свайнхарту предупреждение,

но все-таки упоминает о нем в разговоре с майором японского генерального штаба Гига. Тот улыбается и отвечает, что в качестве гарантии беспощенности любых опасений он лично будет сопровождать маршала до Мукдена в его купе.

В полночь 2 июня специальный поезд Чжан Цзолия отправляется от Пекинского вокзала. Салон-вагон маршала легко узнать — это единственный в составе вагон не третьего класса. На перроне Чжан Цзолия провожают его японские друзья — советник маршала генерал Нанао и полковник Кэндзи Доихара — адъютант советника. Состав трогается. Красные сигнальные огни хвостового вагона скрываются за поворотом, и тогда японцы не спеша направляются к выходу и садятся в машину. Прибыв в штаб, полковник Доихара отправляет в Мукден телеграмму. Всего несколько слов: «В Пекине теперь измеряют температуру по Реомюру». Текст условный и расшифровывается: «Объект едет в третьем вагоне» («по Цельсию» означало бы второй вагон, «по Фаренгейту» — четвертый).

4 июня японские военные власти просят генерала У Цзюньшэна встретить маршала на одной из станций в 20 километрах от Мукдена. Генерал У со штабной свитой присоединяется к Чжан Цзолию и они продолжают путь в одном вагоне. Когда до Мукдена остается минут десять, майор Гига, выполнивший обещание и сопровождавший маршала от Пекина, вдруг поднимается и, извинившись, говорит, что ему надо выйти в соседнее купе «за саблей и фуражкой». Вместо этого, как выяснится впоследствии, он сразу направляется в хвостовой вагон и оказывается в сравнительно безопасном месте как раз в тот момент, в 5.30 утра, когда состав проходит под виадуком Южно-Маньчжурской железной дороги и раздается обещанный Свайнхартом взрыв. Поврежденным оказывается именно тот вагон, в котором едет Чжан Цзолия — шифрованная телеграмма Доихары дошла по назначению. Четыре купе — от четвертого до седьмого — превращены динамитом в дымящиеся обломки. Генерал У Цзюньшэн и 17 сопровождающих его высших офицеров погибают сразу же, маршал Чжан Цзолия тяжело ранен в грудь и умирает через несколько часов в Мукденском госпитале.

Пышные похороны. Гроб установлен на артиллерийском лафете, конная упряж-

ка шагом провозит его через весь Мукден. Рядом с сыном старого маршала Чжан Сюеляном идут барон Хаяси, генералы Нанао и Хондзэ, полковники штаба японской армии в Маньчжурии Кавамото и Доихара.

Но это театральное действо рассчитано скорее на простаков. У Веспы нет никаких сомнений: истинными инициаторами и организаторами гибели маршала Чжана стали японцы. Взрывчатка была установлена под стальными опорами моста на Пекин-Мукденской железной дороге при пересечении с Южно-Маньчжурской линией поблизости от Мукдена. И хотя китайцы усилили охрану на расстоянии трех миль от города, в зоне пересечения железнодорожных веток китайские часовые, которые всегда стояли здесь на посту, за несколько дней до диверсии были заменены японскими солдатами. Позднее на месте взрыва иностранными консулами будет проведено расследование и американский генконсул в Мукдене заявит, что обнаружена наблюдательная площадка, от которой тянулись провода. Станет известно и имя непосредственного руководителя диверсионной группы — полковника штаба Квантунской армии Кавамото — одного из тех, кто со скорбными лицами провожает гроб Чжан Цзолия на кладбище (вскоре после покушения он будет назначен одним из директоров Южно-Маньчжурской железной дороги). В покушении участвовали офицеры и рядовой состав 20-го саперного полка, специально прибывшего в Мукден из Кореи.

Преемником старого маршала Чжана становится его сын Чжан Сюелян. Он, однако, проявляет куда больше симпатии к революционному Китаю и склонен проводить более жесткую линию в отношении японцев. Игнорируя советы начальника генштаба Маньчжурской армии Ян Юйтина и выказывая все возрастающее неповиновение японским властям, «маршаленок» Чжан Сюелян сам приближает тот день, когда японцы пойдут на решительные меры, чтобы подчинить себе этого «enfant terrible». Ведь убийство Чжан Цзолия — лишь первый шаг заговора. За ним должна последовать оккупация Маньчжурии Квантунской армией. Уже тогда японцы готовятся создать здесь «буферную зону» — марионеточное государство. Быший и будущий император «Генри» Пу И заблаговременно доставлен из японской концессии в Тяньцзинь в порт Дайрен, чтобы быть «под

рукой» в случае успешного осуществления японских стратегических планов. (Русский журналист и путешественник Вас. Ив. Немирович-Данченко еще в 1908 году напишет: «...положение настолько серьезно, что даже местному населению улыбается идея государства-буфера, брошенная и между нами, и Японией, и Америкой». Японцы отнесутся к этому серьезнее, чем конкуренты).

...Со смертью Чжан Цзолиня Амлето Веспна лишается могущественного покровителя и щедрого работодателя. Ситуация резко меняется. Около года он служит у генерала Ян Юйтина, испытывая постоянный недостаток в деньгах и восполняя его участием в различных, в том числе и сомнительных, коммерческих сделках. Жизнь его в постоянной опасности. Но худшее еще впереди.

Глава 2. Японцы идут

Ночной взрыв и заступничество Аматаэрасу

«Чтобы завоевать Китай, надо завоевать Маньчжурию и Монголию; чтобы завоевать весь мир, надо завоевать Китай». Меморандум Танака составлен в 1927 году. Через четыре года политика «крови и железа» начинает претворяться в жизнь.

В 8.20 утра 19 сентября 1931 года, действуя быстро и уверенно, что говорит о тщательной предварительной подготовке операции, две роты японских солдат, якобы проводя тактические учения, выходят на полотно железной дороги в районе Мукдена. Их встречают выстрелы китайской полицейской охраны, которая, правда, через полчаса разбегается под натиском японцев. В 9.00 батарея японских тяжелых орудий открывает прицельный огонь по казармам китайского полицейского полка и бригады регулярных войск к северу от железнодорожного вокзала — около Бэйдаина. Китайский гарнизон, общей численностью более десяти тысяч человек, захвачен врасплох, сонным и безоружным. Часть его уничтожена, часть спасается бегством. Японцы, числом около 500, а именно батальон подполковника Симамото, без потерь занимают казармы, забрасывая их ручными гранатами. Казармы сразу же сожжены вместе с телами убитых и раненых. Артиллерия продолжает вести огонь по аэродрому, поджигает ангары и несколько военных самолетов. Полковник Итагава звонит со

станции Мукден в Рёдзюн* и докладывает генералу Хондзэ о ходе операции. Генерал удовлетворен: «Да, наступление — это лучший вид обороны... В конце концов случилось то, что так или иначе должно было случиться».

К вечеру того же дня и Мукден, и все крупные города к северу от него и до южного берега реки Сунгари оказываются в руках японцев; бригада полковника Хасэбэ вступает в Чанчунь. Китайцы в беспорядке отступают на северный берег Сунгари. Потери их велики, японцы же недосчитываются только двоих.

Японская версия инцидента, послужившего предлогом для вторжения, приводится в заявлении лейтенанта Суэмори Кавамото:

«Вечером 18 сентября 1931 года, примерно в 10.30, я с шестью солдатами совершал обход своего участка и одновременно проводил учения у железной дороги несколько севернее Мукдена. Постепенно мы подошли к западной стороне Бэйдаина к отряду Лю Чжэго. Внезапно с расстояния около 700 метров с запада от китайских казарм раздался взрыв, и мы поняли, что железнодорожное полотно разрушено. Когда начали выяснять, как это случилось, около сотни китайских солдат, прятавшихся где-то поблизости, открыли по нам стрельбу... Мы залегли в гаюлане в 300—400 метрах к северу от взрыва. В этот момент послышался перестук колес приближавшегося Чанчуньского экспресса. Чтобы предотвратить катастрофу, я приказал своим солдатам произвести несколько предупредительных выстрелов и таким образом сигнализировать машинисту, но, видимо, он не понял, в чем дело. Экспресс продолжал свой путь и, достигнув того места, где произошел взрыв, каким-то непостижимым образом проскочил поврежденный участок полотна, не сойдя с рельсов, и в конечном итоге прибыл вовремя в Мукден».

Показания, данные Кавамото комиссией Лиги Наций во главе с лордом Литтоном, на месте расследовавшей все подробности «Маньчжурского инцидента», также достойны барона Мюнхгаузена: «Поскольку был взорван один рельс, поезд на быстром ходу проскочил, удерживаясь на другом, неповрежденном рельсе, покачнулся было, но устоял и помчался дальше».

Такова версия для общественности и

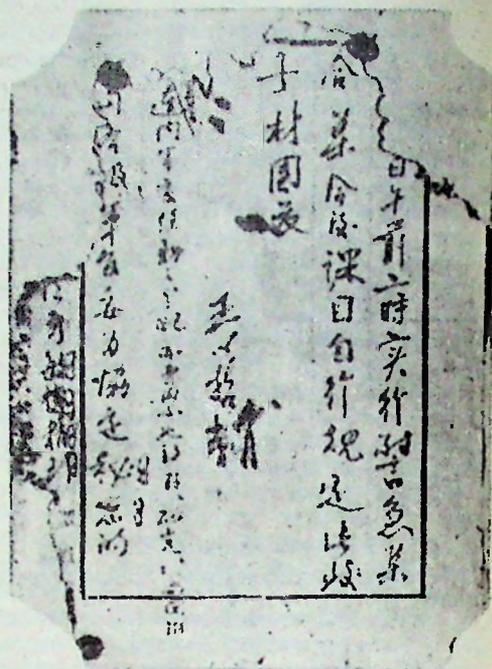
*** Китайский Люйшунь, когда-то русский Порт-Артур.

комиссии Лиги Наций. Взрыв объявлен диверсией китайской военной охраны и персонала обслуживания дороги. Японские власти заявляют: «В целях пресечения враждебных действий китайских бандитов, императорская армия вынуждена принять меры для обеспечения безопасности своих граждан и их собственности».

Предлагаются и художественные варианты случившегося. Например, в брошюре, распространенной среди японских солдат и офицеров:

«Поздно вечером 18 сентября 1931 года в пригороде Мукдена группа китайских солдат, находящихся в подчинении генерала Чжан Сюеляна — бандита и сына бандита, генерала Чжан Цзолия, долгие годы терроризировавшего Маньчжурию и державшего этот край в рабском ярме, подорвала мину на японской железной дороге, поблизости от Мукдена, чтобы вызвать крушение японского поезда, который как раз в это время должен был проследовать здесь из Чанчуна в Мукден. К счастью, поблизости от места разрыва полотна оказался с шестью солдатами лейтенант Кавамото, прямой потомок непрерывной линии самураев в 48 поколений. Видя, что поезд приближается, и уже никакая земная сила не сможет предотвратить катастрофу, поскольку несколько ярдов пути уничтожено, он обратился к силам божественным. Повернувшись в сторону Японии и склонившись в смиренном поклоне, он призвал к заступничеству прародительницу императорского дома, великую богиню Аматэрасу-омиками, «Озаряющую небо». И его смиренная, но страстная молитва была услышана. Поезд, достигнув того места, где железнодорожное полотно было разрушено взрывом, поднялся в воздух и, преодолев опасный участок, плавно опустился вновь на рельсы и продолжил свой путь. Свидетельств машиниста и кочегара поезда, равно как и самого лейтенанта Кавамото и его шести солдат, вполне достаточно, чтобы доказать истинность подобного сверхъестественного явления — явления, которое вновь продемонстрировало всему миру божественное происхождение японского народа».

Впоследствии комиссией Литтона будет доказано, что взрыв железнодорожного полотна был осуществлен уже после того, как поезд прошел через этот участок. Устроено это было с целью проведения фотосъемок, которые могли

Японская фальшивка: «Секретный приказ о разрушении линии ЮМЖД, отданный командованием Чжан Сюеляна»

бы подтвердить официальную японскую версию развития событий.

И на этот раз не обошлось без услуг собственного «японского Лоуренса» — Доихары. Надо покончить с властью Чжан Сюеляна в Маньчжурии? Что ж... Можно, конечно, устранить строптивого наследника, как и его отца в свое время. Ведь вариантов здесь в избытке. Но Доихара не любит повторения ходов. Именно поэтому на сугубо секретном совещании в Токио 15 сентября 1931 года рождается план инсценировки со взрывом полотна, план, вошедший в историю афер военной разведки XX века. (Доихара предусмотрительно запасется и письменной фальшивкой — «Секретным приказом о разрушении линии Южно-Маньчжурской железной дороги, отданным командованием Чжан Сюеляна»).

Наиболее убедительное доказательство того, что именно японцы — организаторы инцидента: японские части, расквартированные в Ляояне, Инкоу и Фэньчэне, еще за день до взрыва, в три часа пополудни 18 сентября, получают приказ выступить на Мукден. За семь часов до взрыва

они уже начинают движение к месту будущей дислокации. К четырем часам утра 19 сентября, только шесть часов спустя после взрыва, тысячи отпечатанных типографским способом листовок уже расклеены по Мукдену. Желаящий может узнать из них, что Маньчжурское правительство себя дискредитировало, отдав приказ об организации диверсии на японской железной дороге; население призывается к спокойствию. Ясно, что, помимо всего прочего, просто физически невозможно проверить достоверность всех фактов, а потом составить, отпечатать и распространить такое количество официальных оповещений всего за шесть часов.

20 сентября, на третий день после начала маньчжурских событий, во временное исполнение обязанностей мэра Мукдена вступает полковник Доихара.

Марк Гейн, американский журналист, долго живший в Китае и Японии, запишет в дневнике:

«И вот в одну теплую осеннюю ночь 1931 года, после месяцев тщательной подготовки, японцы взорвали участок Маньчжурской железной дороги, назвав это «неспровоцированным нападением на Японию», и отрезали огромный кусок китайской территории. Предлог не имел никакого значения... Когда понадобился предлог, достаточно было поврежденного рельса, чтобы толкнуть Японию на путь агрессии и... поражения».

Русские кричат «Банзай!»

В первые дни февраля 1932 года, четыре месяца спустя после событий в Мукдене, японские части, захватившие уже Цицикар и все города севернее Сунгари, подходят к Харбину — центру Северной Маньчжурии, крупному транспортному узлу, где пересекаются линии железных дорог, идущие из России, Кореи, Китая и Маньчжурии. Построенная русскими, эта «Маньчжурская Пальмира» имеет вполне европейские черты. На 200 тысяч китайцев в Харбине к началу 30-х годов все еще насчитывается около 100 тысяч русских. Православная храмовая архитектура преобладает, но в этом фантастическом городе с куполами русских церквей соседствуют силуэты католических и протестантских храмов, шестиконечные звезды синагог, дальше от центра — глухие стены и резные крыши буддистских и даосских монастырей.

...Теперь в городе скопилось более 100 тысяч беженцев из районов, захваченных японцами. Они сеют страхи и нагнетают и без того напряженную обстановку своими рассказами об ужасах и страданиях, которые им пришлось пережить. В самом Харбине военная власть в руках «старо-гиринской группировки», демонстрирующей свою преданность старым маньчжурским властям. Последние дни перед приходом японцев отмечены кровавыми инцидентами; один из них — в самом центре города, на Китайской улице у магазина Хэ Шинли, когда вооруженные части «серых» открывают ружейный огонь по мирному населению. Вот уже две недели, как вся деловая активность в городе замерла, торговля идет вяло даже у «харбинского Елисеева» — Ивана Чурина — и алкогольных королей Лазариди и Сенжина; улицы опустели, жители предпочитают отсиживаться дома. Харбинская вечерняя газета «Рупор» пишет:

«Разразившись над Харбином события наложили свой отпечаток на общий облик города. Жизнь города нарушена. День проходит беспокойно — в слухах и тревоге, ночи пугают своей темнотой и тишиной на улицах».

4 февраля передовые части бригады генерала Хасэбе подходят к Интендантскому разъезду. К десяти часам утра 5 февраля все отчетливее слышна артиллерийская канонада и частые пулеметные очереди. Японская авиация кружит над бараками и с бреющего полета расстреливает невооруженных китайских солдат-инвалидов, пытающихся укрыться от пуль за ветхими постройками. Корпусной и Госпитальной городки заняты японцами. Первым врывается в город танк под № 106.

К полудню стрельба стихает. В половине третьего слепящего зимнего харбинского дня, необычайно теплого для этого времени года, две колонны японских мотоциклетчиков с колясками и установленными на них пулеметами въезжают в город с двух направлений. Мотоциклетные команды подходят к Соборной площади и отсюда растекаются по улицам Нового города и Пристани. За ними движется кавалерия, броневые автомобили, пехота и, наконец, танки. По мере продвижения мотоциклетчиков по улицам, те немногие китайские полицейские, которые не покинули своих постов, разоряются, и их места занимают японские

солдаты. Улицы заполняются толпами русских, которые, размахивая японскими флагами, приветствуют военные колонны, пестро раскрашенные японские танки и броневики криками «Банзай!» Русские девушки, специально назначенные для встречи японских пехотинцев, забрасывают офицеров букетами цветов. К вечеру многотысячная процессия из русских беженцев и эмигрантов проходит по городу, приветствуя японцев и осыпая оскорблениями и проклятиями китайцев. Несколько человек жестоко избиты.

Такова благодарность за гостеприимство. Ведь после Октябрьского переворота 1917 года и вплоть до начала 1932 года не проходит и дня без появления в Маньчжурии все новых и новых партий беженцев из России. Тысячи и тысячи русских неизменно находят здесь пристанище, почти безо всякого исключения их принимают как друзей. Всем этим людям — с паспортом и без оно, подлинным жертвам нового большевистского режима и сомнительным личностям, даже явным авантюристам — всем оказана посильная помощь со стороны маньчжурских властей. Большинство получает вполне приличные места на государственной службе, в армии, полиции, на шахтах и железных дорогах. Нередко им оказывается предпочтение перед китайцами. Многим эмигрантам предоставляется право представительства в муниципальных советах, многие становятся полноправными членами торговой палаты. Им оказана поддержка, в том числе и финансовая, при создании собственных организаций, обществ и союзов.

И вот теперь они кричат «Банзай!» Каков же мотив всех этих демонстраций, которые иначе как коленопреклоненными не назовешь? Всего-навсего снисходительное разрешение создать в Маньчжурии белое Русское правительство. Такова давнишняя мечта местной русской эмиграции и теперь она — правда, с большим опозданием — кажется, близка к осуществлению. Японцы щедры на обещания, так как на первых порах еще заинтересованы в поддержке местного населения.

Но возгласы «Банзай!» с русским акцентом звучат недолго. В течение нескольких дней японские войска все прибывают, и по городу начинают расползаться странные и пугающие слухи. Шепотом рассказывают о жестокостях и произволе, смертных казнях не только китайцев, но и — все чаще — русских.

10 февраля около казарм японской кавалерийской части находят тела двух китайцев, изнасилованных, а потом задушенных. Свидетель-китаец, имевший мужество заявить в полицию, бесследно исчезает. Вечером того же дня четыре японских солдата раздевают на улице донага молодую русскую женщину. Дни идут, и подобные случаи становятся рутиной.

Полное и жестокое отрезвление наступает очень скоро. Уже через несколько недель после прихода японцев в Харбин тысячи русских вынуждены бежать из Маньчжурии. Тысячи брошены в тюрьмы, сотни расстреляны или убиты. Насилие японских солдат над русскими женщинами, сплошные конфискации, почти всегда сопровождающиеся арестами, тюремным заключением или смертной казнью, становятся повседневным делом. Офицеры японской армии богатеют. По всей Маньчжурии каждый японец, занимающий хоть мало-мальски заметный пост, обладает одной или даже двумя русскими наложницами. Молодых русских девушек заставляют прислуживать в японских домах. Плата — пять китайских долларов в месяц. При случае некоторых отправляют в Японию в качестве «подарка». Начинается массовый исход русских из Маньчжурии.

Что касается Веспы, то он считает, что ему нечего опасаться. Разве не был он представлен генералу графу Д. Тераучи, тогда начальнику штаба Квантунской армии, потом военному министру, и командующему японской экспедиционной армией в Северном Китае? Или генералу Судзуки, тогдашнему начальнику японской разведки в Маньчжурии? Разве он не остается приятелем майора Танака, шефа японской разведки в Тяньцзине, а потом в Шанхае, который снабдил его рекомендательными письмами к самым высоким японским должностным лицам? Наконец, разве не носит он всегда при себе рекомендательное письмо от японского посла в Риме с весьма лестными отзывами?..

Короче говоря, за долгие годы работы Веспы в качестве агента секретной службы японские военные власти, с которыми ему часто приходилось вступать в контакт, всегда относились к нему серьезно и с должным уважением. Почему же он должен беспокоиться теперь?

Но ближайшее будущее покажет, что и Веспа на сей раз ошибается. Вскоре и ему предстоит неприятное пробуждение.

Глава 3. «Потомки богов» и перевербовка

Новая игрушка бывшего императора

1 марта 1932 года японский кабинет единогласно принимает решение о создании на оккупированной маньчжурской территории нового государства — Маньчжоу-Го. Во главе государства-марионетки японцы ставят последнего императора Цинской династии Пу И, свергнутого с престола пятилетним ребенком еще во время Синьхайской революции 1911 года. (До 1 марта 1934 года он будет править как регент, а потом уже будет возведен на престол). Резиденция Пу И — в Синьцзине, «Новой столице» (Чанчуне). Меняется и административное деление: вместо трех крупных провинций — Хэйлуцзян, Гирин, Фэнтянь — образовано 12 карликовых.

28 апреля начавшая выходить в Синьцзине на японском языке «Ежедневная маньчжурская газета» («Мансю нитинити») пишет в передовой статье:

«1312 тысяч кв. км территории, простирающейся с севера на юг на 1700 км и с востока на запад на 1400 км, представляют собой широчайшее поле деятельности для освобожденного 30-миллионного маньчжурского населения. Согретое восходящим солнцем империи Ямато, оно начинает перелистывать страницы истории своего свободного развития, и ему более не угрожает ни колониальная экспансия Запада, ни коммунистическая агрессия со стороны СССР или агентов Коминтерна из Пекина или Нанкина».

15 сентября 1932 года японское правительство признает Маньчжоу-Го *де-юре*.

Японские власти, вскользь намекая на возможные неприятности, рекомендуют китайцам, служившим прежде маньчжурскому правительству, не оставлять постов и продолжать исполнять свои обязанности. Это часть общего плана: весь мир и, в частности, Лига Наций должны убедиться, что образование Маньчжоу-Го — результат «революции, осуществленной самим народом Маньчжурии»; Япония имеет к этому лишь косвенное отношение. Правда, еще в сентябре генерал-лейтенант Хондзё получает приказ из «нейтрального» Токио: «Выселить 25 тысяч китайских семей и подготовить условия для переселения на их место японских семей». Результаты сказываются очень быстро: если до оккупации в Маньчжурии было около 250 тысяч

японцев (из них 115 тысяч в Квантунской области), то уже к концу 1932 года их число достигает 390 тысяч (при этом 220 тысяч — за пределами этой области).

На территории Маньчжурии в спешном порядке размещается 150 тысяч солдат и офицеров Квантунской армии. С марта 1932 года начинают формироваться и «национальные вооруженные силы» Маньчжоу-Го, которые уже к концу года насчитывают более 75 тысяч человек. Оснащены они старым, снятым с вооружения в японской армии снаряжением. У нижних чинов встречаются и такие музейные экспонаты, как ружья Маузера образца 1888 года, пехота, саперы и кавалерия вооружены малокалиберными пятизарядными японскими винтовками и карабинами. Все унтер-офицеры, правда, снабжены очками от пыли, по два унтера на дуй (эскадрон) — биноклями. У каждого офицера и очки, и бинокль. Главнокомандующий — Пу И, Император Великой Маньчжурской Империи, которому формально принадлежит и вся полнота гражданской власти. Его величество чаще всего видит в парадном военном мундире, с которым не очень сочетаются сугубо гражданские роговые очки. Изредка он меняет его на фрак или визитку; на худой впалой груди — винегрет из старых китайских, новых маньчжурских и японских орденов. Император принимает синтоистскую веру. Бутафорская, но и трагическая фигура. Ведь в действительности реальная власть — в руках чрезвычайного и полномочного посла Японии в Маньчжоу-Го, который по совместительству — и главнокомандующий Квантунской армией. Во все воинские соединения — от взвода и до дивизии — назначаются японские военные советники и инструкторы, определяющие программы военного обучения и отвечающие за моральный дух солдат. При штабах частей создаются японские жандармские подразделения общей численностью около 18 тысяч человек. Еще четыре тысячи агентов секретных служб занимаются контрразведкой. Все они призваны «защитить народ Маньчжурии от китайских большевиков, гоминьдановцев и прочих бандитов».

Кроме того, около трех тысяч японских «советников» и «консультантов» правительственной администрации насчитывается к концу 1932 года и в государственном аппарате Маньчжоу-Го. (К 1935 году их число достигнет

5 тысяч человек, к 1945-му — 100 тысяч). Не только департамент или контора, но и рядовой служащий работает под прищотом одного или даже двух «советников»; они контролируют все и вся, требуя неукоснительного выполнения своих распоряжений.

Кто же выступает в роли советников? Ответ на этот вопрос, говорит Амурт Веспя, просто ошеломляет.

Первый контингент японских советников при правительстве Маньчжоу-Го составляют самые случайные люди: любой японец, который с грехом пополам объясняется по-китайски или по-русски, вполне может рассчитывать на эту должность. Более того, в 1932 году 95 % всех японцев в Маньчжурии — это люди, так или иначе находящиеся в натянутых отношениях с законом: содержатели публичных домов и притонов, торгующих наркотиками, контрабандисты и авантюристы всех профилей — короче говоря, представители самых разных видов подпольного бизнеса. До оккупации все эти люди с сомнительным прошлым и не менее сомнительным настоящим, находясь под защитой своего флага и пользуясь правами экстерриториальности, были недосягаемы для китайских законов. Теперь большинство из них — и многие неожиданно для самих себя — оказываются в креслах начальников административных учреждений, становятся обладателями почти неограниченной власти, наказывая или милуя «по настроению». Нельзя сделать и шага без того, чтобы не заплать им. Всего несколько дней проводят они в Харбине, и уже советник полиции отдает приказ об аресте состоятельных горожан — русских и китайцев; цель ареста и условие освобождения — солидный выкуп. Если бы японцы могли, они, наверное, обложили бы всех неапонцев налогом за саму возможность дышать маньчжурским воздухом. (Это вообще тенденция оккупационной политики Японии: ведь еще после русско-японской войны 1904—1905 годов китайцы в завоеванном японцами у России Квантуне съели всех своих собак потому, что новые хозяева и это животное обложили непомерным налогом). Биографии их вполне позволяют утверждать это. Вот типичный случай.

**Парикмахер — консультант
жандармерии**

Константин Иванович Накамура был японцем, который, как нетрудно догадать-

ся, принял русскую православную веру. Это, однако, ничуть не помешало ему оставаться японцем еще в большей степени, чем прежде. К 1932 году он живет в Маньчжурии уже больше двадцати лет. Может, хотя и плохо, говорить по-китайски; чуть лучше дается ему русская речь, на которой он изъясняется вежливо, даже высокопарно. Парикмахер по профессии, Константин Иванович — владелец небольшой мастерской в пригороде Харбина, правда, в районе, пользующемся самой дурной славой у местной полиции. Но ему вообще не нравится работать бритвой и ножницами: цирюльня его — всего лишь ширма для занятий основным и настоящим делом — подпольной торговлей морфием и опиумом, немного героином и содержанием публичного дома в двух шагах от парикмахерской.

На протяжении всей своей харбинской жизни скромный парикмахер постоянно нарушает закон, но, в отличие от многих других, иногда заходит слишком далеко. Вот почему фамилия «Накамура» трижды фигурирует в протоколах харбинской полиции.

В первый раз это случается, когда Накамура вступает в фиктивный брак с русской женщиной, вдовой с одиннадцатилетней дочерью. Проходит несколько месяцев, и дочь изнасилована приемным отцом. Мать подает жалобу в китайскую полицию. Накамура арестован, но дело передано в японский суд. Теперь православный христианин Накамура не может быть обвинен в совершении чего-то противоправного, так как по японским законам девочка — его собственность: он «купил» ее, когда «купил» ее мать... В 1926 году Накамуре приходится вновь пережить неприятные минуты при общении с полицией. На этот раз один русский заходит к Константину Ивановичу побриться, усыплен наркотиком и ограблен на 500 китайских долларов. Очнувшись, он обнаруживает пропажу и заявляет в полицию. Вмешивается японский консул: он заявляет, что по его сведениям клиенту наркотика не давали — просто он сам, по русскому обыкновению, сильно напился. Дело опять закрыто. Еще через два года Накамура в третий раз передан в японское консульство: становится известно, что он насильно удерживает в своем пользующемся дурной славой доме двенадцатилетнюю девочку. И вновь Накамура оправдан.

...В конце 30-х годов Константин Иванович Накамура — главный советник японской жандармерии; главный советник Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурской империи; инспектор русской школы; наконец, почетный вице-президент Университета Св. Владимира — правда, фиктивного учебного заведения без факультетов.

Но Накамура и его коллеги могут считаться вполне цивилизованными людьми на фоне тех японцев, кто, получив свободу по императорской амнистии, переселяется в Маньчжурию в 30-е годы. На улицах главных городов становится небезопасно не только ночью. Среди бела дня на глазах перепуганных прохожих китайских торговцев и предпринимателей избивают и грабят банды японских бродяг и головорезов, так называемых *ронин* — при полном попустительстве японской полиции. Женщины вообще, и белые женщины в особенности, тем более нигде не могут чувствовать себя в безопасности. Десятки и сотни их раздеты, ограблены, изнасилованы японскими «сыновьями Богов».

...27 февраля 1932 года жена служащего КВЖД госпожа С. К. вместе с 16-летней дочерью прогуливаются по Торговой. Навстречу им попадает компания молодых японцев, которые, ничуть не смущаясь многолюдьем, затаскивают обеих в соседний дом, хозяин которого — тоже японец. После того, как С. К. изнасилована, четыре молодца принимаются за дочь, заставляя мать наблюдать за этой сценой. Когда их отпускают, женщины бросаются в ближайший полицейский участок — японского консульства, и рассказывают о случившемся младшему офицеру; присутствуют еще двое жандармов и переводчик.

— Какими вы располагаете доказательствами, что ваша дочь была изнасилована? — спрашивает офицер, улыбаясь.

— Я могу показать дом, где это произошло, а врач проведет необходимое обследование.

— Прекрасно! Мы обследуем вашу дочь немедленно. Будьте любезны, придите в соседнюю комнату.

Женщины оказываются чересчур наивны; они повинуются. Кошмар повторяется. Двое жандармов занимаются матерью, сам офицер и переводчик насилуют потерявшую сознание дочь. Потом обеих отправляют в городскую тюрьму на Коммерческой по обвинению «в занятии

проституцией без необходимой лицензии». Только через месяц отец при помощи китайских агентов узнает о судьбе своей жены и дочери. Ко всему прочему он вынужден заплатить 500 долларов за их освобождение «на поруки». Через пять дней, 28 марта, его вызывают в японскую военную миссию, где предупреждают: если от него когда-нибудь услышат «что-то порочащее японцев», он будет расстрелян.

Как только русские газеты в Харбине начинают публиковать репортажи о такого рода инцидентах, военные власти, под угрозой немедленного закрытия издания, отдают приказ: никогда слова «японский» и «японцы» не должны употребляться при сообщениях о лицах, совершивших те или иные проступки и преступления; в таких случаях можно употреблять только слово «иностранцы»... Отныне и впредь большинство преступлений в Маньчжоу-Го совершают «иностранцы».

Для владельцев кафе, ресторанов и закусных японские коллеги хунхузов — *ронин* становятся настоящим бедствием. В любое время они врываются в заведения, принадлежащие русским или китайцам, заказывают и бесплатно поглощают еду и выпивку, самые изысканные блюда и дорогие вина. «Единственное на Дальнем Востоке фешенебельное кабаре» И. П. Гусева «Фантазия», бар «Момент» и закусовая «Иверия», кафе при Магазине готового платья, мехов и мануфактуры И. А. Витензона, рестораны отелей «Нью Харбин» и «Ориант», «Новый Мир» и «Арс», чайные при магазинах «Женева» и «Прима», при фирме И. Ф. Чистякова-Преемники, не говоря уже о бесчисленных мелких заведениях и кафе-шантанах — все это постоянные жертвы японских любителей бесплатного угощения. Подобный бесхитростный, но весьма приятный и вскоре превратившийся в совершенно безнаказанный вид грабежа становится самым обычным и даже несколько будничным и скучноватым делом не только для *ронин*, но и для японской жандармерии, позволяющей себе гораздо более острые развлечения. Визиты жандармов считаются даже худшим злом — ведь они не только бесплатно угощаются, но имеют привычку прихватывать с собой все, что им понравится и может, как им кажется, украсить их казарму — скатерти и граммофоны, спиртное и подсвечники, легкие стулья и

радиоприемники. Особой популярностью пользуются позолоченные и серебряные предметы, но главная их слабость — часы, напольные и настенные, каминные и наручные. Между японскими жандармами начинается даже нечто вроде спортивного соперничества: каждый стремится перешеголять соседа по части «сувениров». Погрузка японских жандармов, да и солдат на суда перед отправкой домой всякий раз напоминает переезд на новое место «блошиного рынка».

«Маньчжурский Лоуренс»

14 февраля 1932 года в дом к Амлето Веспе на Диагональной входит японский лейтенант в сопровождении сержанта. Разговор идет по-английски. Лейтенант сообщает, что шеф японской военной миссии полковник Кёндзи Доихара хочет побеседовать с ним. Веспа хорошо знает, о ком идет речь.

Простой солдат, сделавший фантастическую карьеру в период японского проникновения на китайский Северо-Восток. Один из членов, а потом и вождей «Общества Черного Дракона», тайной организации японских *ронин*, занимавшейся шпионажем еще со времен франко-китайской войны 1883—1885 годов и русско-японской войны 1904—1905 годов. В Китае впервые появляется в 1913 году и ко времени маньчжурских событий проводит здесь уже 18 лет. Этому удачливому, но и весьма способному, бесспорно, человеку предстоит стать одной из главных, хотя и закулисных, фигур в деле претворения в жизнь японской доктрины *кодо** и *хакко итцу***. Его специализация — подрывная деятельность против Китая и СССР.

Ближайший советник Чжан Цзолиня, именно Доихара благословляет старого маршала на его последнюю поездку в Мукден, а через два дня после покушения, когда факт смерти Чжан Цзолиня еще скрывается японцами, не кто иной как Доихара заявит в интервью, что 6 июня в четыре часа пополудни собственными глазами видел маршала Чжана, раны которого «заживают, как на черте». После покушения и интервью Доихара становится полковником. Помимо «военных заслуг перед Японией», исключительной хитрости, упорства и безжалост-

ности, карьере Доихары далеко не в последнюю очередь способствует то обстоятельство, что его сестра — любовница наследника японского престола. Еще в чине полковника Доихара беседует и с Веспой. Но очень скоро полковник станет генерал-майором, командующим бригадой, а потом начальником спецслужбы и контрразведки Квантунской армии, ему будет неофициально присвоен титул «главного разведчика».

[После начала японо-китайской войны в 1937 году Доихара перейдет в действующую армию, будет командовать дивизией, потом армией, примет участие в боевых действиях на Халхин-Голе. К 1945 году Доихара примет командование японской армией в Китае и Юго-Восточной Азии; его широкие плечи украсят золотые эполеты полного генерала, а грудь — самые высокие награды Японской империи — орден «Священное сокровище» (всех пяти степеней), ордена «Тигра», «Золотого коршуна», «Двойных лучей восходящего солнца». После капитуляции Японии Доихара окажется среди подсудимых на Токийском процессе. Процесс продлится два с половиной года, и только однажды за все это время в зале суда услышат колос Кёндзи Доихары — когда он глухо произнесет несколько слов, отрицая свою вину. Международный военный трибунал для Дальнего Востока, расследовавший дела 25 наиболее крупных японских военных преступников, назовет имя Доихары вторым (после «подсудимого № 1», премьер-министра Хидэки Тодзио) в числе тех семи, кто совершил «наиболее тяжкие преступления против мира, человечности, законов и обычаев ведения войны». Ровно в полночь 22 декабря 1948 года во дворе токийской тюрьмы Сугамо Кёндзи Доихара будет повешен вместе с шестью другими преступниками. Приговор приведет в исполнение американский сержант Джон Вуд — тот самый, что выполнял аналогичную миссию в Нюрнберге].

А в 1932 году Доихаре 48 лет, он небольшого роста, круглолицый, полноватый человек с большой головой на массивной шее. Короткая стрижка под машинку, что еще больше подчеркивает квадратный лоб и крупные, слегка оттопыренные уши. Мясистый нос с круто вырезанными ноздрями придает лицу хищ-

* Кодо — «Императорский путь» яп.

** Хакко итцу — «Весь мир — под один кров» яп.

«Главный разведчик Кёндзи Доихара»

ное выражение. Из-под приподнятых, как будто удивляющихся бровей смотрят умные внимательные глаза, в глубине которых вспыхивают хитрые злые огоньки. Под глазами мешки, верхняя губа чуть прикрыта маленькими квадратными усиками, на лицо надета холодная несмысливаемая улыбка. Улыбается он одними губами, обнажая неровные зубы.

Его считают одной из самых таинственных фигур на всем Дальнем Востоке. Рассказывают, что он то носит китайское платье и свободно говорит на нескольких диалектах Китая, то переодевается в европейский костюм и пользуется услугами переводчика. На самом деле Доихара, помимо китайского и монгольского, свободно владеет еще одиннадцатью языками, в том числе почти всеми европейскими. Доихару называют «Дальневосточным Лоуренсом», но сравнение, при всей своей артистичности, несколько хромает: англичанин был образованным человеком, в действиях которого всегда присутствовал элемент азартной и жестокой, но изысканной игры; в данном же случае более подходит аналогия с приснопамятным шефом гестапо Мюллером. Фигура Доихары не только таинственна, но и зловеща: он руководит огромной разветвленной сетью шпионов, агентов и добровольных осведомителей, действующих во всех странах общества, на каждой улице, в каждом доме. Поми-

мо мелких повседневных дел — поджогов и похищений, арестов и допросов, он организует и куда более серьезные операции — взрывы и убийства, провокации и диверсии Японии против Китая, сталкивает лбами китайских милитаристов. Прекрасно зная китайский политический мир и обладая неким особым чутьем на коллаборационистов, он приложит руку к организации всех местных марионеточных правительств — от Маньчжурии и Внутренней Монголии до автономистских режимов Северного Китая. Именно Доихара задумывает и разрабатывает план убийства Чжан Цзолия, именно он — непосредственный организатор «Маньчжурского инцидента» в сентябре 1931 года; именно Доихара выполняет деликатную миссию и посулами, шантажом и угрозами заставляет Пу И принять малопочетную роль марионеточного правителя одной из областей его бывшей обширной империи; наконец, не кто иной, как Доихара, станет одним из главных действующих лиц в инсценировании инцидента у моста Лугоуцяо 7 июля 1937 года, послужившего предлогом для начала японо-китайской войны. Американский журналист Марк Гейн назовет Доихару «одним из величайших политикованов и тайных агентов нашего века, шпионы которого кишели по всей Азии».

Пока же господин Кёндзи Доихара приглашает к себе господина Амлето Веспу.

Та характерная манера, с которой лейтенант отвечает три своих поклона, говорит Веспе, что приглашение равносильно приказу. Но он хочет быть уверенным до конца:

— Не будет ли господин лейтенант столь любезен, чтобы передать полковнику Доихаре: я навещу его, как только покончу со своим обедом.

Снова три поклона, шипящий звук, издаваемый, когда воздух пропускается через сомкнутые зубы — традиционный японский жест, выражающий уважение:

— Полковник хотел бы, чтобы вы пришли немедленно. Автомобиль ждет на улице, и я не могу отказать себе в удовольствии сопровождать вас.

Итак, Веспа не ошибся — это приказ.

В штаб-квартире военной миссии после пятиминутного ожидания итальянца впускают в личный кабинет Доихары.

Со времени их последней встречи (в Монголии, Корее, Тяньцзине?) полков-

ник почти не изменился, разве что еще чуть располнел. Прежде при их встречах он всегда прилагал максимум усилий, чтобы продемонстрировать весь свой набор вежливых манер. Он и теперь встречает Веспу улыбкой. Трудно, однако, понять, что она выражает — сарказм или просто насмешку. Они пожимают друг другу руки и беседа начинается. Доихара выбирает русский язык:

— Я предпочитаю говорить по-русски. К английскому я прибегаю только в случае крайней необходимости. Я ненавижу этот проклятый язык, поскольку не вижу никакой пользы ни в английском, ни в американском народах.

Следует короткая пауза. Взгляд узких глаз неотрывно следит за выражением лица собеседника.

— Мы хорошо знаем друг друга, господин Веспа, не правда ли? Вы помните, где мы встречались в последний раз?

— Если не ошибаюсь, это было в Тяньцзине.

— Отлично. У вас превосходная память. Мне говорили, что вы отличаетесь острым умом, и нет никакой нужды объяснять вам что-либо дважды. Перейдем к делу... В прошлом японские военные власти не раз предлагали вам оставить китайскую секретную службу и перейти к нам. Вы неизменно отвечали отказом. Но сейчас многое изменилось. Сегодня я не предлагаю, я просто говорю, что отныне вы будете работать на нас. Я знаю, что стоит вам захотеть, и вы многое сможете сделать, и сделать хорошо. С другой стороны, если вы будете делать мало и плохо, это будет означать, что вы работаете против своей воли, намеренно медленно и неохотно. Но у меня есть привычка расстреливать тех, кто не хочет проявить добрую волю.

В последних словах, произнесенных медленно и с расстановкой, чувствуется недвусмысленная угроза. Вспышка проходит, «главный разведчик» продолжает в прежнем тоне:

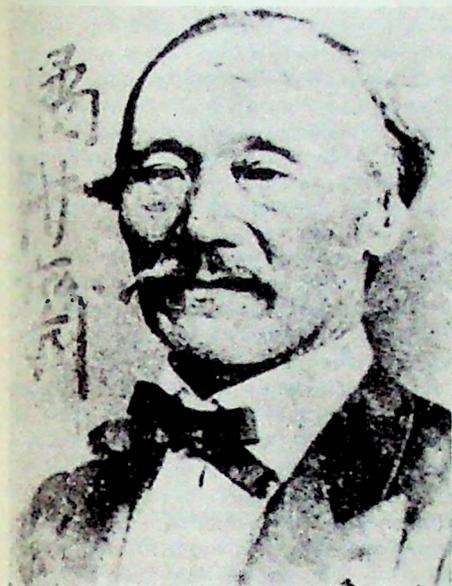
— Сейчас военное время, господин Веспа. Какая разница, была объявлена

война или нет. Любая ваша попытка к бегству будет расцениваться как дезертирство, а мы караем дезертиров смертью. Если бы вы были холостяком, то, учитывая всех ваших друзей в Маньчжурии и Монголии, я охотно допускаю, что для вас было бы пустячным делом, просто детской забавой добраться до континентального Китая. Но у вас есть семья. А для семьи из пяти человек очень непросто пересечь обширные степи Маньчжурии и Монголии. Вы понимаете, что я имею в виду. Посему я советую вам выглядеть веселее, сделать для нас все, что в ваших силах, и, уверен, у вас не будет причин для сожалений.

Веспа выражает удивление по поводу той манеры, в которой с ним разговаривают. Хотя у него и нет особого желания работать на японскую разведку, так как накоплена некоторая сумма и приобретены акции в двух-трех театрах, тем не менее, если ему будут предложены приличные условия и даны гарантии от угроз, подобных только что прозвучавшим, он согласен подумать о сделанном ему предложении.

«Главный разведчик» нахмуривается. — Я не делаю вам никаких предложений, господин Веспа. Я отдаю вам приказ, как я уже сказал. Не будем больше распространяться об этом. Завтра вы должны быть в моей конторе к одиннадцати утра. Я представлю вас шефу японской разведывательной службы в Маньчжурии. Уверен, вы прекрасно сработаетесь, а когда вы лучше узнаете японцев, то убедитесь, что они во сто крат лучше китайцев, намного выше американцев и вообще любой другой нации мира. Любой европеец должен гордиться самой возможностью работать на нас. Не будьте опрометчивы и не забывайте, что произошло с вашим покойным другом Свайнхартом. Надеюсь, вы помните? Ведь он утонул, господин Веспа, не так ли?..

(Продолжение следует)

В. ГУЗАНОВ

Чиновник
Азиатского департамента
Яматов В. И.

5. В сыром Петербурге

С отъездом Иосифа Антоновича Гошкевича в жизни Владимира Яматова многое изменилось. Не стало опоры и поддержки в бытовых мелочах. Но как человек, прошедший суровую школу самурая, Владимир Яматов понимал, что нужно набраться терпения. Ведь недаром кодекс бусидо провозглашает: терпеть, несмотря на боль, гнев, страх... Надо жить в полной гармонии с тем местом, куда бы ни занесла нелегкая. Привлекательность Петербурга заключалась в том, что Яматов видел всюду картины широты русской природы, люди пользовались жизнью гораздо легче, веселее, чем японцы. Одно плохо — нет рядом крестного. Всем и всегда доступный, благожелательный, никому зла не делавший, Гошкевич оставил своего младшего коллегу на попечение сослуживцев Азиатского департамента: на Петра Лопова, который их приютил после возвращения из английского плена; на «Ильича» — так Гошкевич называл Ивана Ильича Захарова, своего товарища по Духовной академии и духовной миссии в Пекине; особо просил Лопова и Захарова, исходя из самых благих намерений, по возможности благоволить японцу.

Жизнь Яматова потекла размеренно. Гостеприимством друзей Гошкевича он не злоупотреблял и ходил в гости к Лопову и Захарову лишь по большим православным праздникам: на рождество, масленицу, пасху, святки... Рано утром пешком он отправлялся в департамент, по дороге ему встречались молочницы, разносчики, курьеры и другая пестрая публика. Миновал Николаевский мост, сворачивал на набережную с тем же названием к парадному подъезду Министерства иностранных дел.

В этом здании, по рассказам сослуживцев, построенном в конце XVIII столетия Дж. Кваренги, в разные годы выполняли чиновничий долг знаменитые люди России.

Гузанов Виталий Григорьевич, писатель-маринист.
(Окончание, начало в № 3 — за 1991 г.).

По окончании Царскосельского лицея сюда в коллегию был зачислен А. С. Пушкин. Любопытно, что почти в одно время, в июне 1817 года, поступил на службу в Азиатский департамент А. С. Грибоедов. Служба в коллегии, а с 1832 года вновь в образованном министерстве, для родовитых и благородных отнюдь не являлась обременительной. Молодые чиновники, так называемые «причисленные», появлялись здесь изредка, посвящая службе лишь время, свободное от развлечений. Петр Лопов, изучавший персидский язык еще при Ф. П. Аделунге, застал таких «вольнопrixодящих» юношей. После А. С. Пушкина, оставившего коллегию в 1820 году вследствие высылки из Петербурга, в те же 20-е годы здесь начали служить поэты Д. В. Веневитинов и Ф. И. Тютчев. Даже в более позднее время, уже при Яматове, мало что изменилось. Зачислялись, как правило, в министерство выпускники двух привилегированных учебных заведений — Александровского лицея (бывшего Царскосельского) и Училища правоведения. Первое время вчерашние выпускники служили безвозмездно. Прежний министр К. В. Нессельроде считал, что их родители — люди состоятельные — прокормят. Однако при А. М. Горчакове молодые чиновники стали получать жалованье 18 рублей в месяц. Не так много, но достаточно для кандидата на должность. Для сравнения — дипломат И. А. Гошкевич получал 50 рублей в месяц.

Я специально затронул эту бытовую сторону чиновников МИД, чтобы показать: наш чужестранец не был обижен жалованьем — 500 рублей серебром в год — деньги не малые. Конечно, при Гошкевиче Владимир Яматов жил, как у Христа за пазухой, был по-сыновьи защищен, сыт и одет, о карманных расходах не помышлял. Были и кое-какие сбережения. Например, премия за «Русско-японский словарь».

Прожить в Петербурге на жалованье в 500 рублей, какое было у Яматова, к тому же не семейного, одинокого, можно. Вот небольшой расклад бюджета, изученный мною по газетам той далекой давности. Гошкевич с семьей платил за трехкомнатную квартиру с водопроводом и клозетом плюс прислуга — 70 рублей в год. Яматову он оставил обстановку, но квартира стала великовата для одного. Договорившись с хозяйкой дома, он переселился здесь же, но в меньшую — двухкомнатную, за полцены. Приходящей прислуге платил 5 рублей. Всего — 40 рублей. Фунт говядины стоил полторы копейки, 10 лимонов — 3 копейки, за обед в хорошем трактире — 30 копеек, гастрономический обед с десертом и вином в ресторане на Невском проспекте — 2 рубля. Там же, на Невском, были два магазина, где продавали китайский чай. Яматов покупал фунт за 1 рубль 80 копеек, и ему хватало фунта почти на месяц.

Имея месячное жалованье 41 рубль серебром с копейками, мог Яматов безбедно прожить? Думаю, что мог и даже мог позволить раз в неделю сходить в ресторан на Невском.

Если следовать за мыслью великого русского писателя Гоголя, который ярко описал тип петербургского чиновника в своих повестях, то можно, видимо, найти какие-то схожие черты и у чиновников МИД. Спорить с классиком трудно. И надо полагать, выходя из присутствия, каждый мидовец наверняка становился скучным обывателем. Не исключено, что Яматов, затянутый в вицмундир, тоже со временем приобрел определенные отрицательные черты.

В полдень Яматов покидал со всеми канцелярию, заходил в ближайший трактир перекусить, прочитать газету «Северная Почта», затем следовало продолжение прогулки до Сенатской площади или до Английской набережной, где была пристань. Иногда возвращался обратно в присутствие, чтобы закончить перевод документов, присланных из Иркутска. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев заключил Айгунский договор с Китаем. Знакомясь с протоколами бесед с китайскими представителями, Яматов видел, что генерал-адъютант вел переговоры умело и тонко. Русская дипломатия на Дальнем Востоке в 1858 году делала успешные шаги. Скоро должны были прийти документы Тяньцзинского договора, подписанного графом Е. В. Путятиным — и снова хлопотливая работа. Переводческое занятие скучное, но такая уж его трудовая доля. Опытные переводчики — «зубры», такие, как Лопов, Захаров, Татаринов, имели особое мнение о своей профессии. Им по душе было высказывание русского поэта Афанасия Фета: «Переводчика можно уподобить дерзновенному водолазу, ищущему на дне морском сокрытые драгоценности. Он приносит то, что нашел: редкостные украшения, перемешанные со всякой дрянью».

Нельзя сказать, что Яматов жил как забитый, замордованный работой чиновник. Нет, он находил время для посещения музеев, выставок, театров. Русский писатель

И. Д. Боборыкин, проживавший в это время в столице, писал: «Тогда в Петербурге процветали маскарады. На них ездил весь город, не исключая и двора. Всего бойчее считались те, которые бывали в Большом театре и в Купеческом клубе, где теперь «Учетно-ссудный банк». В те годы на сцене Александринского театра шли спектакли драматические и комедийные «Испорченная жизнь», «Жена, каких много», «Хорош Петербург, да друзья одолели»...

Яматов наблюдал Россию, которая жила своей шумливой бурной жизнью. Подавляющее большинство событий, которые были на слуху в Петербурге 60-х годов, Яматов изучал и анализировал. В центре внимания того времени было проведение ряда сложнейших реформ, имевших для России огромное значение. В Японии дело также шло к перестройке всего общественного и государственного уклада империи.

Уже говорилось, что Яматов с Васильевского острова ходил на службу пешком. Выходил из дома рано, чтобы постоять и поглядеть несколько минут на то, как рабочие прокладывали конную железную дорогу, ветка которой шла от 17-й линии до Васильевской стрелки, к внушительному зданию биржи. Потом, как только закончилось строительство, по этой «конке», — так стали называть петербуржцы дорогу, — из порта перевозили грузы. Взрослые пока что с любопытством приглядывались к «конке», тогда как ребятишки всюду катались на подножках вагончиков.

Весна 1860 года была сырой и ветреной. Нева штормила, волны били в гранитные берега. Серая мгла окутала Васильевский остров, набережные, площади. Начались повальные простудные заболевания, то что сегодня мы называем эпидемией. В департаменте всполошились, когда обнаружили, что Яматов уже два дня не появлялся в присутствии. На квартиру к нему поехали Лопов, Захаров и Татаринов. По дороге накупили фруктов, заморских сладостей, в доме графини Строгановой, где находился магазин китайского чая, купили самого лучшего, Татаринов, кроме того, заглянул в аптеку. Александр Алексеевич прежде чем стать дипломатом, начинал карьеру врачом духовной миссии в Пекине, вместе с Захаровым и Гошкевичем. Он не причислял себя к профессоналам, но в таких болезнях, как инфлюэнца, разбирался. И на первых порах мог помочь больному, пока не подыскали хорошего лечащего врача.

Болезнь оказалась затяжной. Владимир Иосифович Яматов смог приступить к работе только в середине июня. По совету сослуживцев он подал прошение самому высокому начальству. Великодушный, входящий в разные дела и заботы подчиненных, директор Азиатского департамента Егор Петрович Ковалевский написал рапорт:

«...Имею честь ходатайствовать пред Его Высочеством Г. товарищем Министра Иностранных Дел о денежном пособии служащему департамента Коллежскому Регистратору Яматову, находящемуся уже в протяжении 3-х месяцев в болезненном состоянии.

Генерал-Майор Ковалевский.

1 июня 14 дня 1860 г.»

Сохранился еще один документ. Цитирую: «На подлинном написано рукою Г. товарища Министра выдать сто рублей из суммы назначенной на вспомоществование. И. Толстой».

Вообще петербургская погода достаточно круго обходилась с Яматовым, впоследствии он еще заболел не раз. Продолжая службу в департаменте, он многому научился, в том числе и терпению. Как-то само собой, на деле же усилиями бескорыстных коллег, его не загружали работой, хотя она все прибавлялась и прибавлялась с появлением нового директора Азиатского департамента. Собственно, он был сослуживцем, но, как говорили, крепко дружен с петербургской знатью. Речь идет о Николае Павловиче Игнатьеве, человеке, безусловно, умном, но любившем «казарменную службу», чтобы в департаменте все было, как на вахтпарадах. Его взлет связан с удачно заключенным договором с Китаем 2 ноября 1860 года.

Семь лет живя в Петербурге, Яматов никому не жаловался на свою подневольную судьбу, и даже сам не знал, когда переполнится чаша и ему захочется вернуться в Японию. Семь лет он следил издали за событиями на родине, которая была на грани разложения феодализма. Вызывающе себя вели иностранцы, особенно американцы, соблабивая при торговых сделках японских купцов, резко падали доходы у чиновников и самураев, не говоря уже о ремесленниках и крестьянах. Яматов понимал, что самурай-

ский дух, загнанный в нутро, вот-вот вырвется наружу. И тогда быть гражданской войне. Такое неустройство в государстве не сулило ничего хорошего.

Россия могла помочь Японии. Но как? У консула И. А. Гошкевича была инструкция — держать нейтралитет. Учитывая накал страстей, рост грабежей и убийств со стороны иностранцев, вице-канцлер князь А. М. Горчаков послал через Гошкевича письмо правительству сёгуна. Яматов об этом знал, так как переводил с русского на японский. Русское правительство соглашалось на отсрочку открытия японских портов Эдо, Осака, Хёго и одного из портов на западном побережье Хонсю, если на это согласятся другие договорные страны — США, Франция, Англия, Голландия, Германия. А. М. Горчаков выражал надежду, что Япония оценит это новое доказательство дружественного расположения России к Японии. Это письмо подтолкнуло японское правительство послать свое посольство в Европу, в том числе и в Россию. Вскоре от консула И. А. Гошкевича был получен список членов японского посольства, возглавляемого Такэноути Симоцукэ-ноками, которого Яматов хорошо знал. Это был князь Симодский, один из участников переговоров с адмиралом Е. В. Путятиним в 1854—1855 годах.

Пребывание японцев в Европе вызвало интерес и, откликаясь на него, столичные газеты опубликовали несколько информаций. Официальная правительственная газета «Северная Почта» (учредитель Министерство внутренних дел) напечатала 18 апреля 1862 года присланную из Парижа пространную статью, в которой было все, чтобы привлечь внимание читателей: какие из себя японцы, что они исповедуют и чему поклоняются, во что одеваются и что едят... Приведу несколько выдержек из публикации:

«К несчастью, японцы далеко не равнодушны к спиртным напиткам...»

«Другой порок, чисто нравственный, это возведение доноса на степень добродетели. Когда японец доносит на брата, или друга своего, то полагает, что исполняет долг совести...»

И заканчивается статья такими словами:

«Япония — образцовый политический монастырь».

Листая газеты полуторавековой давности, я обратил внимание на традиционный подход журналистов к подобным дипломатическим визитам. Освещали события так, как освещают сегодня. Ничего не изменилось, кроме, может быть, стиля.

В 1862 году российские газеты подготавливали читателей, заранее публикуя статьи о Японии. В канун прибытия японских посланников в Санкт-Петербург «Северная Почта» в двух номерах познакомила своих подписчиков с очерком «Промышленность и торговля Японии». Когда начинаешь внимательно вчитываться в них, то невольно приходишь к мысли, что материал готовился в недрах Азиатского департамента и, быть может, при непосредственном участии Яматова, ибо авторство как таковое отсутствует. Кстати, забегая вперед, надо сказать, что в «Северной Почте» имя Яматова я встретил дважды. Это, как я полагаю, факт неординарный.

Яматов, думается, испытывал глубокое волнение, готовясь к встрече с соотечественниками. Во-первых, он не видел и не разговаривал ни с одним японцем целых семь лет; во-вторых, он вновь вернулся к чтению древних японских книг, философских трактатов, чтобы посольские чиновники прочувствовали его любовь к родному языку и проявление такой же любви к японскому быту, культуре и традициям; в-третьих, он решил появляться всюду в парадном мундире государственного чиновника, продемонстрировав тем самым уважение к державе, принявшей его, бывшего самурая и бонзу, а император которой к тому же семь лет назад пожаловал ему чин коллежского регистратора. Сегодня Яматов поднялся на две ступеньки выше, он стал чиновником XII класса — губернским секретарем.

Директор департамента Н. П. Игнатьев понимал состояние переводчика. По сути, для Яматова это был своеобразный экзамен. И, пожалуй, больше всего нравственный. Поймут или не поймут его соотечественники? Николай Павлович Игнатьев для себя уже решил, что на переговорах с японскими посланниками Яматов будет рядом с ним и заведомо постарался согреть его душу и влить в нее уверенность перед скорым испытанием. Для начала он положил на стол вице-канцлера А. М. Горчакова рапорт.

«Состоящий в Азиатском департаменте японским переводчиком, Губернский Секретарь В. Яматов, нуждаясь в деньгах для приготовления партикулярного платья, необходимого для него по случаю прихода в Петербург Японского посольства, имею честь покорнейше просить Ваше

Превосходительство об оказании ему пособий или в счет получаемого жалованья, или из особых сумм...»

Прощение, отнесенное к повседневным мелочам жизни, не заглажалось в бумагах Александра II. Судя по резолюции, на следующий день документ можно было нести казначею: «*На подлинном собственной рукою Его императорского Величества написано «Согласен». 7-го мая 1862 г.»*

Время сохранило и расписку Владимира Яматова о том, что он получил «...из Азиатского департамента Пятьсот рублей серебром Всемилостивейше пожалованные им на обмундирование».

В середине мая, почти за три месяца до приезда японских посланников, в Петербурге начались грандиозные пожары, продолжавшиеся более двух недель. Сначала огонь забушевал в Апраксином дворе, затем перекинулся на Шуккин двор, несколько часов спустя языки пламени уже лизали крыши домов других кварталов столицы. Городские власти разместили погорельцев, оставшихся без жилья и домашнего скрба, в лагерных палатках, разбитых на Семеновском плацу. Ходили слухи, что зачинщиками пожаров были студенты и поляки. Правда, официальные лица из штаб-квартиры обер-полицмейстера об этом молчали. Яматов каждый день просматривал «Северную Почту», и в этой газете не появилось никаких сообщений о злоумышленниках.

6 июня в лагерь к погорельцам в сопровождении свиты приехала императрица Мария Александровна и раздала деньги временным жителям палаточного городка. Вскоре стали поступать со всех концов России пожертвования «на пользу пострадавших на пожаре», газеты печатали имена граждан всех сословий, оказавших благотворительную помощь петербуржцам. Откликнулись на чужую беду и в Азиатском департаменте, пустив шапку по кругу, собрали что могли для сослуживцев Министерства иностранных дел, лишившихся крова.

По высочайшему повелению готовиться к встрече японских посланников начали заранее. Вице-канцлер А. М. Горчаков назначил ответственных лиц во главе с директором Азиатского департамента Н. П. Игнатьевым, были распределены обязанности между чиновниками, кто и чем должен был заниматься, отводилась роль и Яматову. Сначала он должен был сопровождать Ф. Р. Остен-Сакена в Берлин, но кто-то решил, что лучше послать офицера с погибшего фрегата «Диана». Из Кронштадта сообщили, что возвратился из плавания капитан-лейтенант А. Ф. Можайский. Тотчас же поступил приказ откомандировать его в распоряжение Остен-Сакена. Александр Федорович Можайский хорошо помнил Такэноути Симоцукэ-но-ками, участвовавшего на переговорах с адмиралом Е. В. Путятиным и даже рисовал его. Этот рисунок до сих пор хранится в альбоме со всеми остальными акварелями, привезенными Можайским из Японии.

Как видим, визиту японцев в императорском дворе придавалось весьма важное значение. В большей части, думается, потому, что визит был первым и, пожалуй, самым представительным. И по количеству людей, и по багажу. Лет тридцать назад так встречали только персидского принца Хозрев-Мирзу, но и он, прихватив с собой гарем, ограничился двумя десятками мирза, беков и дворцовых слуг. Японцев же, по поступившим сведениям, насчитывалось около сорока человек, и везли они с собой более трехсот ящиков.

Великий князь Константин Николаевич — шеф флота, распорядился послать за японскими посланниками пароходо-фрегат «Смелый» под командованием капитана 22-го ранга Павла Павловича Левицкого, впоследствии известного русского гидрографа.

«Смелый» ждал японцев в Свинимюнде — в гавани Восточной Пруссии. Такэноути Симоцукэ-но-ками со своей свитой прибыл 24 июля и в тот же день пароход-фрегат снялся с якоря и взял курс на Кронштадт. Во время плавания выяснилось, что гости привыкли к морским вояжам. В начале января 1862 года они покинули Эдо на английском пароходе «Оден», который с заходом в Гонконг, Сингапур, на Цейлон и в Аден, доставил их в египетский порт Суэц. Здесь японцы пересели на поезд. Первое знакомство с паровозом и железными рельсами. Из Александрии вновь морской путь по Средиземному морю. В середине марта посланников встретил Париж, затем весь май они прогостили в Лондоне. И снова морское путешествие. На этот раз по Северному морю — в Гаагу. Три недели провели в Берлине. И вот теперь — Балтийское море.

О русском хлебосольстве знают или слышаны многие иностранцы. Японцы же

познакомились с ним еще в бытность посещения фрегатом «Паллада» Нагасаки. Моряки «Смелого», можно сказать, угощали гостей с большим радушием. В паузах между застольем хозяева дарили подарки японцам. Живому и любознательному князю Симодскому нравилось зрелище идущего под парусами мощного корабля, а при малом ветре паруса убирала, начинала работать паровая машина. Произвело на него впечатление и внутреннее устройство судна — адмиральский салон, офицерская кают-компания и каюты. Такэноути Симоцука-но-ками попросил технические чертежи — пожалуйста. Разве откажешь высокому гостю?

Барон Ф. Р. Остен-Сакен разложил перед японцами карту империи на двенадцати листах, каждый полутораметрового размера, чтобы показать, как велика и бескрайняя Россия — от Прибалтики до Курильских островов. И сказал: «Это вам». И вдобавок еще преподнес большого масштаба план Санкт-Петербурга. Весь путь до Кронштадтского рейда капитан П. П. Левницкий, барон Ф. Р. Остен-Сакен и капитан-лейтенант А. Ф. Можайский уделяли столько внимания японцам, сколько они того заслуживали. Обиженных среди посланников не было.

В море у острова Даго «Смелого» встретил парусно-винтовой фрегат «Император Николай I» и пятнадцать выстрелами приветствовал японских посланников, как почетных представителей государства, с которым Россия связана договором. Пароходо-фрегат «Смелый» отсалютовал равным количеством из носового орудия.

В Кронштадте «Смелый» встал на якорь на малом рейде. Вот что сообщала газета «Кронштадтский вестник»:

«28 июля, в 12 часов дня, японское посольство пересело с пароходо-фрегата «Смелый» на придворный пароход «Светлана». Вещи посольства отправили на пароходах «Славянка» и «Петербург».

...На столичной пристани, что на Английской набережной, Такэноути Симоцукэ-но-ками была подана прямо к трапу золоченая карета, запряженная шестериком. Кавалерийский эскадрон и рота пехоты со знаменем отдали честь высокому гостю. Грнула музыка и кортеж тронулся. В богато убранной карете глава посольства ехал не один, напротив сидел церемониймейстер Высочайшего двора, предводитель — граф Шереметьев.

Но впереди кортежа оказалась другая карета, запряженная четвериком, в которой находились церемониймейстерские помощники г. г. Абаза и Голубцов, чиновник Азиатского департамента г. Яматов и доктор японского посольства Кавасаки Домин (Томин).

В свите Такэноути Симоцукэ-но-ками были: сановные лица, приближенные к сёгуну, самураи, секретари, доктора, инженеры, переводчики, знающие английский, голландский и французский языки, смотрители (шпионы), дворецкие, слуги. Всего 38 человек. Все они разместились в шести придворных каретах.

На пути движения кортежа народ не толпился, ибо вдоль тротуаров стояли жандармы, частные приставы и квартальные надзиратели.

Погода была хорошая, середина лета, река Нева играла под лучами полуденного солнца. Кортеж, миновав Зимний дворец, остановился у парадного подъезда запасного дворца, отведенного для японцев на все дни пребывания в Санкт-Петербурге.

С этого момента на берегах Невы стал развеиваться японский флаг».

Посланникам дали немного отдохнуть перед аудиенцией. Первым нанес визит санктпетербургский военный генерал-губернатор А. А. Суворов, спустя полчаса вице-канцлер и министр иностранных дел князь А. М. Горчаков, сопровождаемый Н. П. Игнатьевым и переводчиком В. И. Яматовым.

Для Яматова с появлением соотечественников начались самые беспокойные дни. Он недосыпал и недоедал. Правда, он был не один с гостями, неотлучно с японцами находились Федор Романович Остен-Сакен, Александр Алексеевич Татаринов, Иван Ильич Захаров и другие чиновники департамента.

Я перечитал многое из того, о чем писала пресса в те дни. И пришел в выводу, что надо выборочно дать хронике событий, чтобы в будущем не ввязываться в полемику с японскими историками.

«31-го июля, вторник. Прием японского посольства.

Сегодня, во вторник, в час полудни, японское посольство было принято его сиятельством вице-канцлером, министром иностранных дел, князем Горчаковым. На этой аудиенции присутствовали чиновники МИД, в полной парадной форме».

«Вчера, 2-го августа, происходил торжественный прием японского посольства в Зимнем дворце. Многочисленная публика толпилась около дворца и с любопытством смотрела на приехавших в нашу столицу из дальних стран посетителей, которые были привезены во дворец и отвезены отсюда в парадных придворных каретах».

«Санкт-Петербург, 3 августа.

Речь Его Величества Государя Императора Японским посланникам, а также русский перевод приветственной их речи».

(Прошу заметить: «русский перевод» — не голландский, не английский, не французский, на котором говорили японские переводчики. Полагаю, что перевод осуществил Владимир Иосифович Яматов. Больше было некому из чиновников Азиатского департамента).

«Ваше Императорское Величество!

Исполняя повеление его величества Тайкуна, мы удостоились сегодня чести представиться Вашему Императорскому Величеству. Со времени заключения трактата, сношения обеих империй более и более развиваются. Вследствии сего, Тайкун повелел нам доказать его чистосердечные чувства через поднесение его собственного письма, и возобновить уверения, содержащиеся в трактате.

По сему случаю мы желаем благоденствия Вашему Величеству и счастья, и преуспеяния Вашему народу».

Александр II ответил следующее:

«С особенным удовольствием приветствую представителей его величества Тайкуна. Сношения России с Японией всегда были дружелюбны. Соседство обеих империй и протекающие от того общие интересы представляют ручательство в продолжении и упрочения существующих отношений. Ценю дружелюбие Тайкуна, доказанное Мне отправлением посольства, и приятные чувства его величества, выраженное Мне через ваше посредство. Надеюсь, что пребывание ваше в Моей столице удостоверит и вас в искреннем расположении России к Японии».

Выступления русского монарха и полномочного Тайкуна не давали повода думать, что обе соседние державы точили друг против друга ножи. В такой же дружественной атмосфере, как и на приеме у государя императора, начались переговоры на следующий день, 4 августа. Директор Азиатского департамента граф Н. И. Игнатьев не занимался интригами, он был строг и последователен по всем затронутыми японцами вопросам. Открытый диалог Игнатьева об острове Сахалин задел старших посланников глубоко и всерьез. Особенно в тот момент, когда русский дипломат зачитал служебное донесение И. А. Гошкевича, в котором консул в Хакодате сообщал, что хакодатский губернатор Мурагами Авадзи-но-ками считал: японцы не являются старожилками в южной части Сахалина и не могут приспособиться к суровому климату острова.

Такэноути Симоцукэ-но-ками готов был согласиться с точкой зрения соотечественника, занимавшего пост губернатора, но этого ему не позволяла инструкция Тайкуна. Переговоры зашли в тупик. Обменявшись церемониальными поклонами, граф Игнатьев и Такэноути Симоцукэ-но-ками расстались, чтобы встретиться вновь в ближайшие дни.

Японских гостей Петербург поразил широтой проспектов, великолепием дворцов, простором реки Невы, на которую они любовались из широких окон запасного дворца. Несмотря на то, что незадолго до их приезда в российской столице полыхал пожар, улицы города были чисты. По Невскому ходила «конка», не удержавшись от соблазна покатасть земляков, Яматов попросил выйти из карет и сделаться простыми пассажирами. После знакомства с «конкой», интересно было узнать, что русские называют «чугункой».

Группу японцев во главе с инженером Масидзо Сун-Дзиро охотно принял управляющий министерства путей сообщения Павел Петрович Мельников, талантливый инженер и будущий министр. Ничего не скрывая конкретно от восточных соседей, рассказывая обо всем, что интересовало их в связи с предполагаемым строительством железных дорог в Японии, Мельников предупредил, что если государственная казна не возьмет подряд в свои руки, то на строительстве «чугунки» наживут миллионы аферисты. От управляющего японцы узнали, что в России сначала был открыт Институт путей сообщения, а потом уже начали прокладывать железнодорожные линии. «Не подготовив людей,— заключил Мельников,— нельзя начинать дело».

Если представить себе петербургскую жизнь японцев лишь в свете деловых встреч и светских званных вечеров, то картина будет, мягко говоря, односторонней. Японцы охотно посещали магазины, рестораны, театры, музеи, выставки, любовались сокровищами Эрмитажа. 9 августа, когда белые ночи лишь слегка затуманились, генерал-губернатор А. А. Суворов (кстати, внук великого русского полководца А. В. Суворова), пригласил японских посланников в загородный сад «Минеральные воды» на бенефис

И. И. Излера, популярного в те годы артиста. Из Москвы по этому случаю приехали цыганские хоры Ивана Васильева и Федора Соколова. Среди посланников нашлись страстные поклонники музыки, может быть, поэтому они были очарованы народными песнями. Есть от чего потерять голову, когда цыганки Рада, Груша, Маша по очереди исполняли романсы. Их пение утоляло душу и уносило ее куда-то в поднебесье... Это не выдумка. Так писал сотрудник газеты «Северная Почта», побывавший на ночном гулянье-концерте. Он свидетельствовал: «Японцы одарили их (полагаю — цыган) подарками, в основном деньгами».

31 августа между русскими и японскими дипломатами был подписан протокол, статьи которого никого не могли ни удивить, ни восхитить. Как были вопросы, так и остались.

В ту пору Россия не ощущала грозы со стороны Японии, которая еще не могла разобратся в своих внутренних феодальных распрях, но видела, что союз мог оказаться непрочным. Какая будет власть завтра? Никто сказать не мог. И все-таки. «Россия, — писал вице-канцлер А. М. Горчаков, — вправе рассчитывать на взаимность».

Да, вправе. Но одного не учел глава дипломатического ведомства, что Страна восходящего солнца не собиралась долго носить короткие штанишки.

«Японское посольство, — как бы подводя итог, резюмировала парижская газета, — оканчивающее, в настоящую минуту, период пребывания своего в Европе, деятельно занимается собиранием всех научных и политических сведений, которые могут оказаться полезными для японского правительства. По приобретении в Англии, Голландии и России значительных коллекций лучших литературных произведений этих стран, японские ученые, состоящие при посольстве, покупают здесь французские ученые книги...»

После того как японские посланники покинули на придворном пароходе «Светлана» Петербург, чтобы отплыть из Кронштадта в Европу, Владимир Иосифович Яматов почувствовал облегчение в душе, словно с плеч его сняли тяжелую ношу. Пора было подумать об отдыхе, конечно, не в ущерб службе. Шесть часов по-прежнему были заполнены переводами официальных бумаг, скопившихся после отъезда посольства. От Гошкевича изредка приходили письма, они поддерживали бодрость духа. Яматов, хотя и находился за тысячи верст от Хакодате, был уверен, что крестный в беде не оставит. Было прожито еще три года в Петербурге. Дни, месяцы тихо отпадали, как осенние листья, не сгладились его одиночество. Все та же уличная суета на линиях Васильевского острова, все те же тусклые огни в окнах обывателей. Все тот же постовой городской, по тогдашней терминологии — будочник, с которым Яматов раскланивался, уходя в присутствии и возвращаясь. Для него, губернского секретаря, было естественным желанием произвести приятное впечатление на полицейского. Видимо, здесь сказалось знакомство с повестями Пушкина, в одной из них Яматов натолкнулся на фразу, которая его насторожила: «Суший мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда...»

Правда, Яматов уже давно не ютился на последней ступеньке чиновничьей лестницы. Двенадцатая все-таки не четырнадцатая. Но ему хотелось получить и следующий чин. К несчастью, все зависело от столоначальников, которые менялись часто. А новому как-то не с руки написать в аттестации «за усердную и похвальную службу».

6. Вновь вместе

В летние дни 1865 года в Петербург вернулся И. А. Гошкевич. Вернулся один, похоронив в Хакодате свою жену Елизавету Степановну. Пасынок Владимир, достигнув совершеннолетия, сразу же по возвращении в Россию стал жить самостоятельно. И снова, как прежде, они остались вдвоем — Гошкевич и Яматов. Годы испытаний не ослабили их узы. Казалось бы, люди взрослые — всякое бывает. Гошкевич заметил, что крестник сильно изменился, он уже не был тихоней, робкой овечкой, за внешней оболочкой все еще скрывался самурайский характер. Может быть, тогда в первые дни приезда Гошкевича, поняв из его рассказов, какие перемены происходят в Японии, Яматову запала в голову мысль о возвращении на родину. Гошкевич рассказал, что он убедил японское правительство отправить в Петербург юношей, которым нужны знания. И не только изучение русского языка их цель — нет! Думающие о своем будущем, они хотят стать горными инженерами и путейцами, докторами и морскими артиллеристами...

«Я отобрал шестерых молодых людей. В том, что они приедут учиться, есть и ваша заслуга, Владимир. Посольство князя Симодского прорвалось в неведомое, проверило

разумом и убедилось, что в России наука не на последнем месте, а кое в чем шагает впереди Европы. Я слышал, вы были с посольскими у господина Мельникова, сейчас он — министр. И, думаю, не откажет нам в протекции. Не нам лично, а ученикам нашим».

Гошкевич и Яматов ждали японских юношей не позднее наступления зимы. Но из Хакодате сообщили, что отъезд задерживается. В Николаевск-на-Амуре из-за сплошного льда не смогло пробиться судно, на борту которого находились японцы. Пришлось вернуться. Секретарь консульства Михаил Цивильков обратился к начальнику эскадры Тихого океана контр-адмиралу И. А. Ендогурову с просьбой отправить юношей на военном корабле, уходящем в Кронштадт. Готовились покинуть хакодатскую гавань парусно-винтовые корветы «Богатырь» и «Варяг». Адмирал не чинил препятствия, хотя не любил присутствия гражданских лиц на военном судне. Велел командиру «Богатыря» разместить поудобнее японцев — дорога дальняя и не из легких. В Кронштадт юноши прибыли ранней весной 1866 года, оглушенные увиденным в Гонконге, Сингапуре. Кейптауне, на острове Мадейра, Плимуте, Амстердаме — сильно растерялись, но невероятным усилием воли и, конечно, при поддержке Гошкевича и Яматова, от которых те не отступали ни на шаг, смогли сладить с пережитым, психологически перебороть себя, забыть о морской болезни.

Командир корвета «Богатырь» капитан-лейтенант барон Бухольц привез письмо от хакодатского вице-губернатора Койдя Ямато-но-ками, в котором говорилось:

«Имею честь покорнейше просить Ваше высокоблагородие, отослать этот конверт Г. Гошкевичу. Если яко его в то время не будет в Петербурге, то в таком случае, чтобы вручили тому, который будет заведовать над учениками и передать ему, что я покорнейше прошу его принять участие в учениках равно и ходательство об них пред Русским правительством...»

Гошкевич и Яматов стали первыми учителями и наставниками японских юношей. Вв письмо одной петербургской особе Иосиф Антонович признавался:

«Каждое утро аккуратно занимаюсь со своими питомцами с 9 до 12 час., или по крайней мере до 11.5. И они занимаются усердно и, за исключением одного, все малые способные. Хочется приготовить, чтобы к зиме они могли понимать по-русски и потом сдать на руки другим учителям».

В конце мая месяца, не успев толком познакомиться со своими юными земляками, Яматов заболел. Уже упоминалось, что ветренная и сырая петербургская весна отрицательно сказывалась на его здоровье. Гошкевич приложил много усилий, чтобы поставить крестника на ноги. Когда у провизоров не было нужных капель или микстур, Иосиф Антонович обращался к судовым врачам, с которыми вел дружбу с хакодатской поры, они-то и помогли выйти из затруднений.

Снова, как бывало в прошлом, Яматов жил на иждивении своего покровителя, хотя деньги были, только за ними надо было сходить к казначею в департамент. Яматов поправлялся медленно, поэтому все поручения выполнял Гошкевич.

Приведу для убедительности еще документ:

«Азиатского департамента служащему коллежскому секретарю Яматову за текущий месяц при состоянии болезни сего чиновника, выданы два жалования ему под расписку статского советника Гошкевича. Июня 28 дня, 1866 г.»

Невозможно представить себе как разрывался уже немолодой Гошкевич между домом и работой, работой и домом, где ждал его больной Яматов. Но что было, то было.

В этом же, 1866 году, летом, вице-канцлером А. М. Горчаковым был объявлен по министерству приказ: Гошкевич Иосиф Антонович назначался драгоманом V класса при Азиатском департаменте.

Владимир Иосифович Яматов тоже не был забыт, ему дали новый чин — коллежский секретарь.

В январе 1867 года Петербург принимал второе по счету японское посольство. На этот раз его возглавил в ранге полномочного министра Койдя Ямато-но-ками, старый знакомый Гошкевича. Японский посланник начинал свою карьеру мелким чиновником при хакодатском губернаторе Мурагами Авадзи-но-ками. В состав делегации входил инспектор Исикава Сургено-ками, а доверенным лицом и переводчиком у них был Сига Урратароо, которого Гошкевич привез из Нагасаки в Хакодате для обучения русскому языку. Оговоримся сразу: Иосиф Антонович и его помощник Яматов были включены в «команду» Петра Николаевича Стремухова, директора Азиатского департамента, представлявшего на переговорах русскую сторону. Не хочу преувеличивать, но прошлые дружеские связи консула Гошкевича с Койдя Ямато-но-ками помогли без зигзагов.

* Орфография японских имен и фамилий здесь и далее по архивным документам.

спокойно обсудить Сахалинский вопрос. 18 марта было подписано временное соглашение о совместном владении Сахалином. Японцы уже не могли препятствовать освоению острова русскими землепроходцами, брались под защиту и айны — коренные жители, которых прежде беззастенчиво грабили хакодатские чиновники и промысловики.

После окончания визита японских чрезвычайных посланников Гошкевич и Яматов некоторое время занимались переводами документов, связанных с переговорами. Это занимало у них побольше девяти часов в день, так что домой они возвращались вечером, усталые и голодные. Садились за стол и по-холостячки чаевничали. Вроде бы ничего в их жизни не изменилось. Казалось, так будет продолжаться вечно. Но увы! Самое трудное — понять начальство. Сегодня оно в тебе нуждается, а завтра — от ворот поворот.

«Высочайшим приказом по МИД от 10 июля 1867 г. по случаю упразднения должности уволен от службы с мундиром этой должности присвоенным с 5 июля 1867 г. причем всемилоостивейше того же 5 июля пожалована ему пенсия по тысяче руб. в год, независимо от пенсии 500 руб. в год, назначенной ему за службу в Китае».

Как сложилась в дальнейшем судьба Иосифа Антоновича Гошкевича — мало кому известно. И если мне удалось найти кое-какие документы и письма, проливающие свет на последние годы жизни дипломата и синолога Гошкевича, то они скупы до крайности и связаны в основном с Петербургом и Хакодате. Известно, что Гошкевич женился второй раз и уехал в уездный городок Островец в купленное им имение Мали (Долгие годы Островец входил в Вильненскую губернию, а сегодня в Гродненскую область БССР). Известно также, что там Гошкевич написал книгу «О корнях японского языка». Но свет она увидела только после его смерти. В этой книге автор тепло отозвался о жителях древней страны Ямато:

«Японский народ, недавно почти насильно втолкнувший в семью цивилизованного европейского мира, давно имел право на это место по внутреннему родству; не потому ли и проявляет он ту удивляющую всех энергию, то стремление к цивилизации...»

Владимир Иосифович Яматов — был тенью Гошкевича. Во всяком случае, крестный отец был для него примером. За годы, проведенные вместе, Яматов получил немало. Его страна искала пути сближения с Россией, и от него требовалось участие. Он участвовал и не подкачал. Об этом свидетельствуют те документы, которые я приводил, стараясь дать их целиком, чтобы читатель мог сам разобраться и сделать определенные выводы.

Однако о петербургской жизни Яматова, после того, как он проводил своего покровителя в Вильно (Вильнюс), совсем мало сведений. Можно только догадываться, вернее, опираться на косвенные данные и на кое-какие разысканные документы. Как проходили поиски материала — это, можно сказать, особое повествование.

Например, известно, что Яматов не остался жить на старой квартире. Видно, в ней все напоминало о прошлом, о болезнях гнетущих и затяжных, о Гошкевиче... В феврале 1868 года он получает «Свидетельство», дающее ему право «нанять квартиру в частном доме, состоящем в Коломенской части, за установленную плату».

Итак, Яматов поселился в Коломне, воспетой Пушкиным в поэме «Домик в Коломне» да и сам поэт когда-то здесь проживал. Снимал квартиру здесь и Ф. М. Достоевский. Вообще, Коломна привлекала людей умеренной платой. В ней находили приют чиновники, выслужившие небольшой пенсией, генералы в безнадежной отставке, небогатые вдовы с дочками на выданье... Ну и, конечно, гоголевские Акакии Акакиевичи Башмачкины, без которых Петербург не был бы Петербургом.

Старый друг Гошкевича — Иван Ильич Захаров, получив в одно и то же время отставку, устроился на приват-доцентскую должность в Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков, которым руководил профессор Василий Павлович Васильев, давний сослуживец по духовной миссии в Пекине. Спустя год, Захаров привел на факультет Яматова, заранее договорившись с Васильевым. Причем, П. Н. Стремухов, как директор Азиатского департамента, не возражал, что Яматов будет по совместительству заниматься со студентами, ибо считал: «...чтобы японский язык, хотя бы и необязательно, преподавался на факультете восточных языков». Слово «необязательно» — надо понимать, как факультативно. Занятия Яматов начал вести в октябре 1870 года, отказавшись от преподавательского

жалования, хотя, как и многие чиновники его положения, нуждался в дополнительных деньгах. Яматову было определено факультетом читать по две лекции в неделю для студентов III и IV курсов китайско-маньчжурско-монгольского разряда.

Хорошим ли преподавателем был Яматов? Думаю, что да. Сегодня, я могу назвать имена студентов, которые слушали его лекции. Это — В. Я. Костылев, будущий генеральный консул в Нагасаки и ученый; А. М. Позднеев, будущий исследователь, собравший уникальную коллекцию древних рукописей в Монголии и Тибете, автор многих научных трудов...

В конце концов имя Яматова занесено в «Библиографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета». — СПб, 1898 г., в «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона». — СПб, 1904 г. Это ли не оценка праведных трудов Яматова? И потом он был первым преподавателем японского языка в Санкт-Петербургском университете — и с этим нельзя не считаться.

Во время службы в департаменте и университете его не оставляла мечта побывать в Москве и Киеве — древних русских городах, без которых немислимо существование России, но надо хлопотать у его сиятельства А. М. Горчакова отпускни документы на проезд в ямской кибитке, но министр редко отпускал чиновников в другие города.

Из Японии все больше и больше приходило разноречивых вестей. Император Муцухито вроде бы отменил нелепые обычаи старых времен, теперь японцы, принявшие христианскую веру, не наказываются. Но гонения продолжались. Известный проповедник Павел Савабе, в прошлом бонза, как и Яматов, посажен в подземелье, но это только подлило масло в огонь. Приняли православие Матфей Кинчети, Павел Цуди, Иоанн Сокай, Иаков Урано... Вспомнили и о Яматове. После рождества 1873 года Высокопросвященный Исидор, митрополит Санкт-Петербурга, выдал сборную книгу священнику Благовещенской церкви, что на Васильевском острове, со. Иоанну Дёмкину для записи добровольных пожертвований от столичных церквей и духовенства, от известных своей благотворительностью лиц на устройство церквей и школ в Японии и на призрение бедных крещенных и готовящихся к принятию святого крещения японцев.

Выбор церкви Благовещения Пресвятой Богородицы был не случаен. 15 лет назад здесь принял святое крещение Масда Кумедзаймон, с наречением имени Владимир и фамилии Яматов. Священник о. Иоанн Дёмкин попросил Яматова прийти на торжественную церковную службу. Владимир Иосифович был настроен благожелательно и принял участие в этом благотворительном деле. Видимо, это соответствовало его взглядам.

7. Возвращение

Мне всегда казалось, что нет более утомительного и нудного времяпрепровождения, когда ждешь в читальном зале старые газеты, которые заказал сорок — пятьдесят минут назад. И вот они перед тобой. Медленно перелистываешь пожелтевшие страницы и начинаешь чувствовать себя так, словно ведешь тихую беседу с предками, оставившими тебе в наследство эпоху, с ее тайнами и катаклизмами. И вдруг неожиданно для себя находишь то, что искал и, не веря глазам, по нескольку раз перечитываешь одну и ту же строчку. Со мной такое бывало не раз, когда я натыкался на нужную информацию. Вот и эта, с которой сейчас познакомится читатель, для меня была как награда.

В газете «Правительственный вестник» я нашел приказ по Министерству иностранных дел от 29 мая 1874 года.

«УВОЛЕНЫ ОТ СЛУЖБЫ ПО ПРОШЕНИЯМ: переводчик VIII класса в Азиатском департаменте надворный советник Яматов; чиновники сверх штата при Азиатском департаменте, дворяне: Петр Стремухов и Дмитрий Эйхлер, для поступления на военную службу вольноопределяющимися...»

Житейский опыт подсказывает, что все так называемые людские поступки не случайны. — наоборот, логичны и подготовлены. Кому-то вдруг может показаться, что человек принял якобы странное решение — подал ПРОШЕНИЕ об отставке. Причем, никто его

не неволил, он мог служить в департаменте до полной выслуги — 25 лет. Но за его плечами лишь — 19. К тому же, приличный чин надворного советника, что на военном языке означает — подполковник. Загадочно, не правда ли? И непонятно. И все-таки, как мне кажется, Яматов вынашивал свое решение и, вероятно, готовился к нему.

Написал я это и задумался. А ведь сильны корни, если они за 19 лет не засохли? В них оказалась живительная сила — сила сознания, которое, видимо, питало Яматова, напоминая бывшему самураю и бонзе о преданности и любви к местам, где погребены кости предков... У него — человека исключительной судьбы, был свой мир, никто не мог позже оценить глубину его мышления, как это сделали на ранней стадии Иосиф Антонович Гошкевич со своими соратниками, моряками «Дианы», дипломатами и учеными синологами. К сожалению, никто из них не оставил после себя воспоминаний о последних годах жизни Яматова в Петербурге, как не оставил ни записей, ни дневников сам Яматов, почему он вдруг... Да-да, неожиданно вдруг поднялся на крыло и возвратился к бывшему гнезду, как отбившийся от стаи журавль...

Не все знакомые поверили в скорый отъезд Яматова, полагали, что гостит в имении крестного Гошкевича. В департаменте тоже заволновались, так как он уже в Коломенской части не проживал. Поступил запрос в Санкт-Петербургскую Управу Благодетельства министерства внутренних дел, откуда 12 августа 1874 года Азиатскому департаменту был дан ответ: *«...уволенный Владимир Яматов из подданства России [...] по донесению полиции значитъ выбывшим за границу в Японию и с последующем уведомили...»*

В конце документа — неразборчивые подписи: «За председателя, советник, столоначальник». Все как полагалось в бюрократических российских учреждениях. Три подписи, по нынешнему «треугольник», чтобы не сомневались. Есть и резолюция, наложенная неизвестно кем: *«В Департамент Л. С.»* (надо полагать — Личного Состава).

Владимир Иосифович Яматов вернулся на родину осенью 1874 года. Как свидетельствуют японские историки, жизнь его протекала в буддийском храме Сиба-Дзодзэдзи одиноко и замкнуто. Он принял прежнюю веру и имя Масуда Косай. За десять лет отшельнического служения своему Богу, он никому не рассказывал ни о себе, ни о друзьях, ни о Петербурге, ни о России. В буддийской вере есть секты, которые не рекомендуют монахам разглагольствовать по-пустому. Молчание у них входило в число других строгих обетов. Может, поэтому мы не имеем ни его воспоминаний, ни дневников, ни книг, привезенных им в Японию из России.

Скончался Масуда Косай 30 мая 1885 года, спустя десять лет после смерти И. А. Гошкевича (3 мая 1875 года). Не знаю, чем это объяснить, но май месяц в его жизни играл определенную роль. В мае 1855 года он удрал из-под стражи и спрятался в казарме русских моряков; в мае 1856 года ему был дан чин коллежского регистратора и должность в Азиатском департаменте; в мае 1874 — подал прошение и уволился из МИД...

На его памятнике имеется эпитафия, которую сочинил, как полагают японские историки, некто Нагасэ Ёсимоно, господин из Нагасаки. В верхней части надгробного камня выбит родовой герб — это означает, что бонза Масда Кумедзаймон, он же Владимир Прибылов, он же Татибана-но-Коосай, он же Владимир Иосифович Яматов, он же Масуда Косай — был дворянин и принадлежал, как говорят в России, к привилегированному классу.

Я был на его могиле. Иногда мне кажется, что он умирал несколько раз, очень много у него было имен.

В. УСОВ

Приближался день 1 октября 1949 г. В Пекине вели подготовку к провозглашению Китайской Народной Республики. Большая часть страны была освобождена от гоминьдановцев.

Победа народной революции восстановила национальную независимость китайского народа, открыла перспективу его продвижения по пути социального прогресса. Вместе с тем она отнюдь не означала завершения борьбы за национальное возрождение и социальное обновление страны. В будущем ждали своего решения огромные созидательные задачи по преодолению нищеты и отсталости, строительству новой жизни.

В конце сентября 1949 г. Первая сессия Народной политической конференции Китая (НПКК) — широкий народно-демократический единый фронт, объединяющий рабочий класс, трудовое крестьянство, городскую мелкую и национальную буржуазию и другие патриотические силы — приняла решение об образовании КНР и создании Центрального народного правительства во главе с Мао Цзэдуном. На сессии была принята «Общая программа», которая до 1954 г. служила временной Конституцией. В ней говорилось, что новое государство будет государством народно-демократической диктатуры во главе с рабочим классом и основанным на союзе рабочего класса и крестьянства. Общая программа предусматривала ликвидацию особых прав и привилегий империалистических держав в Китае.

Первоочередной задачей нового правительства было завершение разгрома гоминьдановских войск, установление народной власти на всей территории страны, борьба с контрреволюцией и создание нового государственного органа власти взамен ликвидированных гоминьдановских структур управления.

Уже к концу декабря 1949 г. был освобожден весь континентальный Китай, кроме Тибета, куда на основе соглашения Народно-освободительная армия Китая (НОАК) вступила в 1951 г.

А что же делал в это время наш «герой»? Кан Шэн ушел в тень. В то время, как Лю Шаоци, Дэн Сяопин, Чжоу Эньлай, Чэнь Юнь и другие руководители были заняты подготовкой к образованию КНР, по предложению Линь Боцюя и Жэнь Биши, Кан Шэн, учитывая опыт его прежней работы, было поручено заняться сбором и хранением материалов и документов, которые поступали в центр после освобождения от гоминьдановских войск различных районов страны. Во время успешного отступления Чан Кайши было обнаружено множество архивных материалов и документов, встречались и списки гоминьдановских агентов и провокаторов, отчеты о положении в так называемых бывших «белых районах», списки работников партии, нелегально работавших в них. Таким образом в руках у Кан Шэна сосредоточилось обширное собрание документов, которое, как мы увидим, пригодилось ему в дальнейшем.

«Все самые худшие преступления уже совершаются к 55 годам», — сказал Троцкий в 1934 г.¹ Кан Шэн опроверг это афористическое утверждение одного из лидеров русской революции — ему уже шел шестой десяток, а «самые худшие преступления» его были еще впереди.

Во время «чжэнфэна» в Яньнани он подвергался критике со стороны многих членов ЦК КПК за «ведение жесткой борьбы против большого числа коммунистов», «безжалостного нанесения ударов», фабрикацию массы «дел». Были к нему претензии и со стороны советской разведки. «Анализ провалов дал неопровержимые доказательства причастности к этому определенной части руководства ЦК КПК, в частности, Кан Шэна. Он (П. П. Владимиров. — В. У.) неоднократно перепроверял данные — сомнения быть

Продолжение. Начало см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1991, № 3.

не могло. Больше того, валюта, которой обеспечивалась деятельность сети, при провалах заблаговременно присваивалась лично Кан Шэном», — вспоминал сын Владимирова Ю. Власов².

В Яньани его критиковали и Чжоу Эньлай, и Лю Шаоци, некоторые предлагали провести расследование, он был понижен в должности. Многие в центральном руководстве хорошо помнили эти факты, поэтому после образования КНР Кан Шэна направили на партийную работу в родную провинцию Шаньдун, не желая оставлять его в центре. Там он стал вторым секретарем Бюро ЦК КПК Восточного Китая, секретарем Шаньдунского подбюро ЦК и секретарем Шаньдунского комитета КПК, а также председателем Народного правительства провинции Шаньдун. Как говорится во многих китайских материалах о Кан Шэне, в то время он заболел «политической болезнью». Местом своего пребывания и «лечения» наш «герой» избрал Циндао. Здесь на берегу моря он наслаждался чистым воздухом, стройными соснами, необычной для Китая архитектурой города. Чтобы скоротать время, он целыми днями занимался живописью, каллиграфией, много читал. Кстати, в каллиграфии, рисовании и резьбе по камню Кан Шэн изрядно преуспел и считался знатоком. Поэтому все те, кто хотел ему угодить, при встрече никогда не начинали сразу говорить о политике, а заводили разговор о каллиграфии, живописи, искусстве, и лишь потом постепенно переходили к делу. Кстати, Кан Шэн любил и хорошо поест. В Яньани он нашел себе повара, который раньше готовил при императорском дворе.

В начале лета 1950 г. Кан Шэн решил поехать «лечиться» в Ханчжоу — этот «рай на земле», как говорили китайцы, имея в виду климат и природу в окрестностях этого города. Видимо здесь скрывался и определенный умысел. Хотя Ханчжоу и находится от Пекина на расстоянии 1651 км, однако, и Кан Шэн хорошо об этом знал, здесь было любимое место отдыха Мао Цзэдуна и некоторых других членов Политбюро ЦК. Скорее всего Кан Шэн надеялся на встречу с председателем КПК и изменение своей дальнейшей судьбы. В сопровождении охранника, секретаря и домашних он почти ежедневно прогуливался по берегу озера Сиху, катался на лодке, наслаждался живописной природой, любовался горами, памятниками старины.

«Ивы купают зеленые ветви
в озерной влаге прозрачной
цапли и чайки взмыли в испуге —
челн расписной проплывает...», —

приходили на ум слова из стихотворения Гао Ци «Гуляю вдоль озера Сиху», написанные еще в XIV в.

Желанная встреча не состоялась, и Кан Шэн решил уехать. 23 июля 1950 г. он из Ханчжоу выехал на «лечение» в столичную больницу. Наш «герой» понимал, что в Пекине, находясь рядом с властью предержавшими, он будет в курсе многих дел и событий, которые иногда и не доходят до Шаньдуна. Здесь его скорее могут заметить и вернуть в центральное руководство страны. Однако такого случая ему пришлось ждать почти пять лет...

Недовольство Кан Шэна своим положением еще более усугубилось, когда после реорганизации в октябре 1949 г. регионального бюро ЦК КПК Восточного Китая он стал всего лишь вторым заместителем секретаря бюро, в то время как Жао Шуши, Чэнь И и Тань Чжэньлинь были назначены секретарями.

Особое раздражение Кан Шэна вызвало назначение Ло Жуйцина министром общественной безопасности. Ло был на восемь лет моложе, и в составе ЦК КПК 7-го созыва был лишь кандидатом в члены, в то время как Кан Шэн был членом Политбюро ЦК КПК, имел большой опыт конспиративной работы, во время подготовки VII съезда отвечал за размещение пунктов связи и координацию работы по охране прибывавших на открытие съезда делегатов. И если некоторые члены ЦК КПК и делегаты, пробиравшиеся в Яньань, и были преданы и схвачены врагами по пути на съезд, то надо было доказать, что здесь есть доля его вины.

Болезненно он воспринял и назначение Жао Шуши в конце 1952 г. заведующим организационным отделом ЦК КПК. Кан Шэн считал, что с его опытом работы, наличием у него материалов и документов он мог бы успешнее проводить кадровую политику как в аппарате ЦК КПК, так и в провинциальных и региональных структурах партии.

Как явствует из одного выступления Ху Яобана, в это время Кан Шэн затеял переписку с Берия. Их роднило многое. Как и Берия в Москве, Кан Шэн за время пребывания в Шань-

дуне, по китайским данным, совершил несколько изнасилований и эту «практику» продолжал и впоследствии.

Весной 1955 г. Кан Шэн стал всем внушать, что он «выздоровел» и вновь может активно включиться в руководящую работу.

В это время Мао Цзэдун на одном из совещаний Политбюро ЦК КПК предложил создать научно-исследовательский кабинет политических исследований, который бы занимался теоретическими изысканиями. Причем Мао Цзэдун намеревался собрать секретарей ряда парткомов и провести с ними лично учебу. Руководителем кабинета был назначен Чэнь Бода. Кан Шэн также оказался в этом кабинете, однако пока официальной должности ему не было предложено. Тем не менее он решил, что предоставился: хороший случай быть поближе к Мао Цзэдуну, тем более, что Канцелярия ЦК КПК, находившаяся по соседству с кабинетом, выделила Мао Цзэдуну еще одно служебное помещение для его занятий со слушателями. Всеми правдами и неправдами Кан Шэн сделал так, чтобы его кабинет соседствовал с кабинетом Мао Цзэдуна.

Приближалось лето 1956 г. Шла подготовка к созыву VIII съезда партии. Кан Шэн также готовился к нему, но по-своему. Он считал, что как член Политбюро 7-го созыва должен весомо выступить на съезде, чтобы сохранить за собой место в новом составе Политбюро ЦК. Однако последние шесть лет он был не у дел, оторвался от «большой политики», а на старом капитале, на «яньаньском опыте» войти в Политбюро было бы трудно, тем более, что многие из делегатов были в Яньани и о его деятельности там хорошо знали.

После длительных раздумий Кан Шэн сел в машину и направился в западную часть Пекина. Недалеко от Ихэюаня — летней императорской резиденции маньчжурских правителей — машина остановилась. Кан Шэн вышел и через несколько минут оказался в Центральной партийной школе. Вскоре в сопровождении директора школы он прошел в зал заседаний. Сказав несколько слов участникам заседания, гость подчеркнул, что «длительный период времени болел, оторвался от реальных дел и сегодня пришел к ним учиться».

В партшколе Кан Шэн провел два дня, затем пригласил к себе домой члена парткома школы и одновременно заместителя заведующего кафедрой философии Сунь Динго. Дома хозяин заявил, что уже давно хотел пригласить Суня к себе поговорить, так как оба они земляки-шаньдунцы. Они поговорили о древней литературе и искусстве, затем хозяин пригласил гостя к столу. Стол ломился от яств, было и спиртное: крепкий маотай в фаянсовой белой бутылке, виноградное вино. После обильного ужина Кан Шэн попросил гостя подготовить ему тезисы выступления на VIII съезде, подчеркнув, что это должно оставаться в тайне. Гость согласился. Сунь серьезно отнесся к просьбе Кан Шэна и несколько суток усердно готовил тезисы. Ему и в голову не могло прийти, что через 11 лет, весной 1967 г., Кан Шэн, выступая перед хунвэйбинами Пекинского авиационного института, неожиданно заявит буквально следующее: «Некоторые из Центральной высшей партийной школы умышленно клеветуют на меня, говоря, что тезисы, с которыми я выступил на VIII съезде, написаны мне большим тухлым яйцом (китайское ругательство.— В. У.), крупным бандитом и большим обманщиком Сунь Динго. Это чистой воды ложные слухи и грязная клевета... Разве я неграмотный и не знаю иероглифов, что и тезисов не могу написать, буду кого-то просить брать ручку? Этих вредных людей, злостно компрометирующих нас, необходимо до конца подвергнуть проверке, и рука при этом не должна дрогнуть»³. Это был смертный приговор Сунь Динго.

15 сентября 1956 г. VIII съезд КПК начал работу. На съезд прибыло 1026 делегатов со всего Китая, более 50 иностранных делегаций.

Открывая съезд, Мао Цзэдун сказал: «Задача нашего съезда состоит в том, чтобы обобщить опыт, накопленный за время после VII съезда, сплотить все силы внутри и вне страны, которые можно сплотить, для борьбы за построение великого социалистического Китая».

Кан Шэн выступил на заседании одной из секций, но широкого отклика его выступление в отличие от выступлений Лю Шаоци, Чжоу Эньлая, Чэнь Юня, Дун Биу, Дэн Сяопина, Чжу Дэ и Бо Ибо не получило. 27 сентября в последний день работы съезда были проведены выборы в ЦК КПК. Кан Шэн был выбран в Центральный Комитет. Но в этом он и не сомневался, его более волновало то, пройдет ли он в состав Политбюро ЦК партии. Как оказалось, его волнения не были напрасны, он был избран только кандидатом в члены Политбюро, то есть опустился на несколько ступеней ниже своей прежней партийной

должности. Причем по списку он оказался даже после Чэнь Бода, которого недолюбливал считая недалеким политиком. В яньаньский период, когда Кан Шэн был директором Центральной партийной школы, Чэнь Бода был только одним из ее слушателей. Справедливости ради следует отметить, что и Чэнь Бода недолюбливал Кан Шэна. Как-то он сказал: «Такой человек как Кан Шэн не достоин даже взгляда».

Неудовлетворенность своим положением, стремление подняться выше по иерархической лестнице после VIII съезда КПК все чаще заставляло Кан Шэна задумываться, на чем же он может составить себе «политический капитал», восстановить подмоченную репутацию. Он знал, что на съезде Генеральный секретарь ЦК КПК Дэн Сяопин в своем докладе практически осудил культ личности Сталина. Причем вопрос о культе личности Сталина после проведения XX съезда КПСС рассматривался специально еще и на расширенном заседании Политбюро ЦК в конце марта — начале апреля 1956 г.

Наблюдая за реакцией ряда высших партийных руководителей на этот раздел доклада Дэн Сяопина, Кан Шэн заметил, что они явно не разделяют изложенную точку зрения. И он решил, что будет играть на этом, укрепляя культ личности Мао Цзэдуна. Хорошо зная последнего, Кан Шэн рассчитал правильно — внешне Мао может не реагировать, а в душе будет доволен. При этом дело он решил вести так, чтобы способствовать и повышению международного престижа председателя Мао.

Уже 13 марта 1957 г., когда заканчивалось совещание ЦК КПК по работе в области пропаганды, Кан Шэн, подводя итоги, заявил: «Товарищи! Начиная с 1956 г. вслед за большими социальными переменами председатель Мао сделал четыре новых разъяснения марксизма-ленинизма, дал этому учению новое развитие и поднял его роль.., стоящая в настоящее время перед нами задача — изучать вклад Мао, его анализировать и разъяснять».

Буквально через 5 дней, 18 марта, на совместном совещании организационного отдела, отдела пропаганды ЦК КПК и партийных школ страны он выступил с большим докладом, в котором, в частности, сказал: «Главное содержание того, что я сегодня скажу, заключается в изложении бурного развития в Китае марксизма-ленинизма... Начиная с 1956 г., председатель Мао выдвинул целый ряд новых теоретических обоснований, об этих новых теоретических обоснованиях не говорили ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин, ни Сталин, хотя последний и затрагивал эти вопросы, но сказал о них не до конца»⁴.

Весной 1958 г., выступая перед столичными преподавателями политических наук, Кан Шэн вновь сел на своего конька: «Сегодня я заострю свое выступление на вопросе развития председателем Мао марксизма-ленинизма», а в конце выступления прямо заявил, что «идеи Мао Цзэдуна являются вершиной марксизма-ленинизма, и в мире нет человека, который мог бы превзойти их уровень».

Кан Шэн, как руководитель группы по образованию, стал больше уделять внимания работе министерства просвещения КНР. В июле 1957 г. он провел в министерстве ряд совещаний с преподавателями политических наук, осуществил проверку учебных материалов. В докладе на совещании преподавателей политических наук высших и средних учебных заведений Пекина, подводя итоги работы в этой области, он потребовал «вновь водрузить великое красное знамя идей Мао Цзэдуна в области преподавания политических наук». В ноябре 1957 г. по его инициативе ЦК КПК принял решение о прекращении преподавания четырех политических дисциплин в учебных заведениях страны и о введении «курса социалистического воспитания», главным учебным материалом которого являлись произведения Мао Цзэдуна.

В качестве потенциального препятствия на пути реализации своих целей Кан Шэн видел члена ЦК КПК, директора Центральной партийной школы, философа Ян Сяньчжэня. Последний в своих лекциях и беседах призывал к серьезному и всестороннему изучению трудов Маркса, Энгельса, Ленина, не признавая идеи Мао Цзэдуна новым этапом в развитии марксистско-ленинской теории. По мнению советского философа В. Г. Булова, «на рубеже 50—60-х годов Ян Сяньчжэнь являлся фактически лидером ученых-марксистов» в Китае⁵. Подобное положение, естественно, было не выгодно Кан Шэну. Он поручил своей жене, работавшей в Центральной партийной школе, вести наблюдения за Яном и о результатах докладывать. Она-то и сообщила супругу, что «Ян Сяньчжэнь в своих выступлениях и материалах делает упор только на работы Маркса и Ленина, а работы Мао Цзэдуна не ставит ни во что». Кан Шэн посоветовал ей как члену парткома школы заняться чисткой таких людей как Ян и продолжал активно собирать компрометирующие материалы на него.

А в это время по инициативе Мао Цзэдуна в Китае начался «большой скачок».

Под лозунгом «несколько лет упорного труда — десять тысяч лет счастья» китайское руководство призывало население страны «упорно потрудиться три года» и совершить «скачок» в коммунизм. Насаждавшиеся по всей стране «народные коммуны» должны были стать основной ячейкой не только социалистического, но и коммунистического общества.

Кан Шэн активно включился в пропаганду и реализацию лозунгов этого курса. Он постоянно ездил по стране с выступлениями. За 100 с лишним дней своих поездок в 1958 г. он 71 раз выступил с докладами и сообщениями⁶. Среди руководства страны и партии, пожалуй, он был одним из самых активных и мобильных в это время. Если подсчитать количество иероглифов в текстах его выступлений, то оно перевалит за цифру 1,5 млн. В выступлениях Кан Шэн говорил о «большом скачке», «реформе образования», «уничтожении домашних очагов» ради «светлого будущего», «скорого вступления в коммунизм» и т. д.

В 1958 г. в философских кругах Китая началась дискуссия о единстве бытия и сознания⁷. В центре обсуждения было два вопроса — возможно ли использование марксистами самого термина «единство» для обозначения связи между бытием и сознанием, и если возможно, то как следует понимать этот термин, причем наибольшая полемика развернулась вокруг второго вопроса. На первый взгляд казалось, что дискуссия носит чисто научный характер, у некоторых могло создаться впечатление, что речь идет лишь о словесных, о правомерности употребления в конкретном случае определенного философского понятия. Однако в действительности за научной полемикой, развернувшейся в философских кругах, скрывались вопросы, связанные с выяснением причин переживаемых в тот период КНР серьезных социально-экономических трудностей, в том числе — с оценкой политики «большого скачка» и народных коммун. Именно поэтому эта дискуссия вызвала такую бурю на политической сцене Китая.

Ян Сяньчжэнь тоже написал статью на эту тему и перед публикацией одну копию передал Кан Шэну, другую — Чэнь Бода. В статье резко критиковался субъективный идеализм (Ян Сяньчжэнь последовательно выступал в защиту диалектико-материалистической теории познания, против всевозможных попыток подменить ее идеализмом. Об этом говорит прочитанная им еще в 1955 г. лекция на тему «Что такое материализм?», где он выступил против тезиса субъективного идеализма и нерасторжимости связи субъекта и объекта.⁸) Кан Шэн понял, что настал момент открыто выступить в против философа, но для этого следовало заручиться поддержкой Мао Цзэдуна.

Взяв статью Ян Сяньчжэня, Кан Шэн направился в Чжуннаньхай.

— Мао Цзэдун сейчас плавает, — сказал секретарь.

Все знали о любви Мао Цзэдуна к плаванию. Он умудрялся даже зарубежных политических деятелей иногда принимать в бассейне. Известен факт, когда Мао Цзэдун принял Н. С. Хрущева в бассейне и они вели переговоры, плавая в бассейне, с проводником посередине.

— Очень хорошо, — подумал Кан Шэн, — небо мне помогает. Это счастливый случай. После плавания председатель не будет внимательно смотреть статью.

Сам он плавать не собирался, подождал, когда председатель выйдет из бассейна. Затем он подошел поближе к Мао Цзэдуну:

— Председатель, недавно в прессе возникла дискуссия по одной теоретической проблеме. Но у меня нет уверенности, и я обращаюсь к председателю за указаниями.

— Дискуссия по какому вопросу? — спросил Мао.

— Относительно сознания и бытия. Вопрос в том — есть ли тождество или его нет. Ян Сяньчжэнь говорит, что нет тождества в сознании и бытие. Другие товарищи говорят, что тождество есть. Обе стороны не уступают друг другу.

— А разве в работе «Относительно противоречия» (имеется в виду работа Мао Цзэдуна. — В. У.). Это ясно не разъяснено? Сознание и бытие — тождественны, — отрезал Мао и ушел из бассейна.

Кан Шэну это и надо было. Он стал раскручивать маховик борьбы с одним из виднейших философов страны, и когда однажды Кан Шэну прислали материалы с выступлениями Ян Сяньчжэня в Центральной партийной школе, он внимательно их прочел, подчеркнул самые «красочные» места, попросил секретаря их аккуратно выписать и отослал лично Мао Цзэдуну.

Экономические результаты 1958 г., по существу, продемонстрировали провал политики «большого скачка». Однако, вопреки недовольству масс, эта политика по настоянию его инициаторов продолжала проводиться. Крушение иллюзий, связанных

с идеей «большого скачка», и апатия, охватившая массы и руководство после спада «горячки», порождали недоверие к директивам партийного руководства, вызвали недовольство и пассивное сопротивление народа.

На совещании и последовавшем за ним 8-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва в горном курортном местечке Лушань в июле-августе 1959 г. с резкой критикой политики «большого скачка» активно выступили наиболее здравомыслящие делегаты, среди них — член Политбюро ЦК КПК, заместитель премьера Государственного совета и министр обороны КНР Пэн Дэхуай, кандидат в члены Политбюро, заместитель министра иностранных дел Чжан Вэньтянь, член ЦК КПК и Секретариата ЦК, начальник Генштаба НОАК Хуан Кэчэн, первый секретарь комитета КПК провинции Хунань Чжоу Сяочжоу и др. Они предложили, по существу, отказаться от курса «трех красных знамен» и возвратиться к линии VIII съезда партии. «Большой скачок» и «поветрие коммунизации» были охарактеризованы ими как «мелкобуржуазный фанатизм» и «мелкобуржуазная горячность». Пэн Дэхуай, поддержанный сторонниками, поставил вопрос о недопустимости подмены экономической работы игрой в политические лозунги, обратил внимание участников на нарушение принципа коллегиальности, на удушающую атмосферу культа личности в КПК.

В своем письме Мао Цзэдуну от 14 июля 1959 г. Пэн Дэхуай подверг справедливой критике установку «политика — командная сила», заявив, что она «не может отменить экономических законов и тем более не может заменить конкретные мероприятия в хозяйственной работе». По мнению Пэн Дэхуая, просчеты и ошибки «большого скачка» были вызваны «чванством и головокружением от успехов, субъективизмом, забеганием вперед, мелкобуржуазным фанатизмом, администрированием, очковтирательством, авангардизмом»⁹. В целом письмо выдержанное в корректных тонах, большее внимание уделило недостаткам, а не «преимуществам» «большого скачка».

С резкой критикой Пэн Дэхуая на совещании выступил Мао Цзэдун, заявив, что письмо является «атакой на партию», «антипартийной программой правого оппортунизма». После его выступления совещание резко изменило повестку дня и начало критиковать и «разоблачать» Пэн Дэхуая, Хуан Кэчэна, Чжан Вэньтяня и Чжоу Сяочжоу и их сторонников за так называемый правый уклон.

По заявлению участника совещания, автора книги «Ранняя революционная деятельность товарища Мао Цзэдуна» Ли Жуя, Кан Шэн на совещании был одним из самых активных. 3 августа он передал Мао Цзэдуну два экземпляра материала «Сталин о правой опасности в ВКП(б)» — выступления от октября 1928 и апреля 1929 г., подчеркнув, что они «могут пригодиться для анализа борьбы с правым уклоном у нас». Он также предложил Мао Цзэдуну переименовать КНР в «Китайскую народную коммуно»¹⁰.

Он вел себя очень агрессивно во время выступлений других товарищей, перебивал чужие выступления своими репликами, пытаясь сбить выступающего с толку. К примеру, когда некоторые, защищая Пэн Дэхуая, говорили, что у последнего есть великие заслуги в прошлом, он вставил: «Действительно из-за того, что имеет заслуги, не может упокоиться и идет на большой риск». А когда Ван Чжэнь заявил, что он признает Пэн Дэхуая национальным героем, Кан Шэн вставил: «Без руководства со стороны товарища Мао Цзэдуна и КПК, без марксистского руководства он не смог бы стать национальным героем», назвав тут же Мао «великим марксистом и пролетарским вождем».

3 августа 1959 г. после обеда Кан Шэн выступил с докладом в четвертой секции Лушаньского совещания, которой руководил член Политбюро ЦК КПК, первый секретарь Сычуаньского комитета КПК Ли Цзинцюань. Он держал себя как «авторитет в области теории». В своем выступлении он говорил об экономике, об истории ВКП(б), но всем наиболее запомнившимся эпизодом был тот, в котором он поставил на одну доску Пэн Дэхуая и Чжан Вэньтяня с Бухариным. Докладчик заявил: «В СССР через 10 лет после победы революции появилась группировка Бухарина, у нас через 10 лет после победы появилась правая линия Пэна и Чжана. Обстановка, условия и обстоятельства сейчас у нас отличаются от советских 1928 г., однако по затрагиваемому вопросу также имеются некоторые проблемы: о темпах развития промышленности и проведения коллективизации».

Далее он сказал, что выступления Пэн Дэхуая и Чжан Вэньтяня следует читать между строк — есть ли у них желание сменить руководство ЦК КПК и председателя либо нет? Докладчик заявил, что из их выступлений и письма вытекает стремление все провалы в стране свалить на одного человека — Мао Цзэдуна и «сейчас это хорошо видно»¹¹.

Кан Шэн пытался максимально использовать Лушаньское совещание в своих целях. Он бежал с заседания одной секции на другое, собирал материалы, активно выступал. «Пэн Дэхуай человек, которому с нами вовсе не по пути,— говорил Кан Шэн на заседании секции,— то, что он идет с нами по одной дороге, это временное, он пройдет определенный отрезок и кинется в свою деревню». «Ты давно все един душой с партией и председателем Мао,— обвинял он министра обороны на одном из заседаний.— Ты открыл огонь по партии и председателю Мао,... ты стопроцентный карьерист»¹².

Совершенно очевидно, что он приложил руку к выработке «Решения об антипартийной группировке, возглавляемой тов. Пэн Дэхуаем», принятого пленумом, и решения о снятии участников «антипартийной группировки» со своих постов, в том числе Пэн Дэхуая с поста министра обороны, а также «Указания относительно борьбы с правой идеологией», требовавшего немедленно начать в партии борьбу против «правого уклона», ставшего «главной опасностью в КПК» и, наконец, еще одного решения «Бороться в защиту генеральной линии партии, против правого оппортунизма».

После пленума, опираясь на принятые решения, он решил продолжить борьбу с Ян Сяньчжэнем. Однажды ноябрьским вечером 1959 г. Кан Шэн позвонил Ян Сяньчжэню и пригласил его приехать к нему. Как вспоминал Ян, когда он приехал к Кан Шэну, тот был с Чэнь Бода и ждали Ань Цзывэня.

— Говорят, что товарищи из Фушуньской и Хэнаньской партийных школ осуществляют осмотр Центральной партийной школы и ты выступил перед ними, было ли такое дело? — спросил хозяин гостя.

— Да, было,— ответил тот.

Больше Кан Шэн ничего не сказал по данному делу. Однако на следующий день в отсутствие Ян Сяньчжэня он собрал членов парткома Центральной партийной школы и начал критиковать Яна: «Пэн Дэхуай на Лушаньском совещании открыто выступил против «трех красных знамен»,— говорил он,— и Ян Сяньчжэнь в Лушани выступил против «трех красных знамен»¹³.

По данным Ян Сяньчжэня, он подвергался массовой критике с ноября 1959 г. по июль 1960 г. и в конце концов был вынужден написать материал с «самокритикой» — «Принишу повинную перед партией», лишь после чего Кан Шэн дал указание прекратить критику Яна¹⁴.

В этот период Кан Шэн в своих выступлениях стал все больше акцентировать внимание на обострении классово-борьбы в стране. Характерно в этом отношении его выступление конца 1959 г. перед китайскими учащимися, вернувшимися после учебы в Советском Союзе. Выступив перед ними с кратким обзором десятилетней истории КНР, он доказывал, что классовая борьба в Китае существует, что она не затухает, как думают некоторые, хотя и развивается циклически. В качестве примеров он приводил начало периода первой пятилетки, когда возникло дело «антипартийной группы Гао Гана — Жао Шуши», и начала второй, когда появившийся правый оппортунизм предпринял контратаку на КПК¹⁵.

С этого времени Кан Шэн стал почти постоянно входить в состав делегаций, направлявшихся в СССР и страны Восточной Европы. Видимо, Мао Цзэдун рассчитывал таким образом получать дополнительную информацию о процедуре ведения переговоров и точках зрения участников китайской делегации, при этом Кан Шэн присматривал и за главами делегаций — обычно это были Дэн Сяопин, Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Чэнь И, Пэн Чжэнь.

Так, в январе 1959 г. он был в составе делегаций КПК, возглавляемой Чжоу Эньлаем, на XXI съезде КПСС и участвовал в церемонии возложения венков к мавзолею Ленина и Сталина.

В сентябре того же года он в составе делегации выехал в Москву для подписания китайско-советского соглашения об экономическом сотрудничестве. В начале февраля 1960 г. он выехал в составе наблюдателей вместе с У Сюйцюанем на

совещание Политического консультативного совета стран Варшавского Договора в Москву. На совещании 4 февраля он выступил с докладом о современном международном положении. В середине июня он в составе делегации КПК, возглавляемой Пэн Чжэнем, вылетел для участия в III съезде РРП в Бухарест. 5 ноября 1960 г. в составе делегации, возглавляемой Лю Шаоци, он вылетел в СССР на празднование 43-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Участвовал в церемонии праздника, а затем принял участие в Совещании представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшемся в Москве в ноябре 1960 г. В составе делегации были также Дэн Сяопин, Пэн Чжэнь, Ху Цяому, Ляо Чэнчжи. В мае 1961 г. он в составе делегации КПК, возглавляемой Уланьфу, выехал в Париж для участия в XVI съезде ФКП. В сентябре 1961 г. в составе делегации КПК, возглавляемой Дэн Сяопином, он участвовал в IV съезде Трудовой партии Кореи, а также принимал участие в обмене ратификационными документами к Китайско-корейскому договору о дружбе и взаимопомощи. В октябре 1961 г. в составе делегации, возглавляемой Чжоу Эньлаем, участвовал в работе XXII съезда КПСС, вместе с ним были Пэн Чжэнь и Тао Чжу.

(Окончание следует)

-
- ¹ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990.— С. 3.
² Власов Ю. Повесть об отце // Проблемы Дальнего Востока.— 1990.— № 6.— С. 127.
³ Линь Циншань. Неофициальная биография Кан Шэна.— Чанчунь, 1988.— С. 135—136 (на кит. яз.).
⁴ Линь Циншань. Указ. соч.— С. 139.
⁵ Буров В. Г. Современная китайская философия.— М., 1980.— С. 249.
⁶ Линь Циншань. Указ. соч.— С. 148.
⁷ Подробнее о дискуссии см.: Буров В. Указ. соч.— С. 215—219.
⁸ Там же.— С. 217—218.
⁹ Пэн Дэхуай. Мемуары маршала.— М., 1988.— С. 375—381.
¹⁰ Ли Жуй. Правдивые записки Лушаньского совещания.— Хунань, 1989.— С. 276. (на кит. яз.).
¹¹ Там же.— С. 294.
¹² Там же.— С. 326.
¹³ Ян Сяньчжэнь. Записки 1959 года // Синьхуа вэньчжай.— 1984.— № 12.— С. 160.
¹⁴ Там же.
¹⁵ Справочные материалы для преподавания по истории КПК.— Пекин, 1987.— Т. 23.— С. 229 (на кит. яз.)

И. А. Ладухин: судьба таланта в старой России

А. ХОХЛОВ

Издание в 1977 г. фундаментального труда П. Е. Скачкова «Очерки истории отечественного китаеведения» явилось не только завершающей вехой в подвижнической деятельности этого замечательного ученого, но и важным этапом в истории советского востоковедения. Собранные и изложенные им разнообразные сведения о китаеведах и китаеведении в старой России вместе с перечнем сохранившихся рукописей по истории и культуре Китая позволили приступить к углубленному их изучению на основе новых материалов, особенно архивных, прежде не освоенных исследователями. Данная работа представляет собой попытку осветить на материале архивных данных основные этапы жизни и научно-педагогической деятельности одного из замечательных воспитанников Казанского университета, которому П. Е. Скачков смог уделить лишь несколько строк в работе грандиозного масштаба, охватывавшей более чем 250-летний период¹.

Иван Алексеевич Ладухин (1823—1857) — уроженец города Пензы. Точную дату его рождения и имена родителей установить практически невозможно. Как свидетельствует справка Пензенской духовной консистории от 10 сентября 1842 г., вскоре после появления на свет его подбросили к дому губернского секретаря дворянина Николая Ивановича Друселя, которым он был зарегистрирован в метрических книгах Введенской церкви Пензы как подкидыш, при этом было записано, что он «подкинут десятого, а крещен 11-го числа ноября 1823 г.». А воспитывался мальчик, нареченный при регистрации Иваном, с раннего возраста в доме пензенского купца 3-й гильдии Алексея Васильевича Ладухина, который, «имея его, Ивана, вместо родного сына, дозволил ему именоваться его фамилиею». Приемный отличался любознательностью и учился с большой охотой. Когда же приемные родители решили определить его в гимназию, мальчика сразу зачислили во 2-й класс. И хотя он порой озоровал и был непоседа, особенно в первые годы обучения в гимназии, экзамены сдавал успешно².

Переходя из класса в класс, Ваня Ладухин все чаще задумывался о своем «сиротском» состоянии. Лишь душевная доброта приемных родителей и его ответная привязанность к ним отвлекали от грустных размышлений. Жажда знаний явилась одной из главных причин, побудивших Ваню Ладухина, ученика 7-го класса, отправиться в сентябре 1834 г. в Казань, где благодаря университету имелись более широкие возможности для получения разностороннего образования. Когда он при встрече с попечителем Казанского учебного округа М. Н. Мусиным-Пушкиным заявил о своем намерении продолжить учебу, последний отправил его в 1-ю Казанскую гимназию, где преподавался китайский язык.

Ладухин учился довольно успешно, особенно же результативно — в изучении языков (китайского, монгольского, французского и латинского). Когда же закончился срок обучения, встал вопрос о выдаче аттестата. Не имея документов о его рождении и происхождении, дирекция гимназии решила выдать Ладухину не аттестат, а свидетельство об окончании гимназического курса. В этом документе, как в обычном аттестате, указывался срок обучения (с 11 декабря 1840 по 10 июня 1841 г.), а также оценки по изучаемым предметам (среди которых преобладала оценка «хорошо»). Однако в заключительной части документа имелось следующее добавление: «Дано ему, Ладухину, сие свидетельство с надлежащим подписанием и с приложением печати 1-й Казанской гимназии, но с тем, что Ладухину, как неизвестного происхождения, не предоставляется тем никаких прав для вступления в гражданскую службу».

Хохлов Александр Николаевич, ведущий научный сотрудник ИВ АН СССР, кандидат исторических наук.

М. Н. Мусин-Пушкин, ознакомившись с проектами аттестатов, 5 июля 1841 г. сообщил свое мнение директору гимназии: «Что же касается до свидетельства, следующего к выдаче Ладухину, то я его утвердить не могу, потому что Ладухин показан неизвестного происхождения, чего быть не может». На это сообщение директор ответил почти через месяц. В письме от 2 августа он отмечал: «Из актов Ладухина видно, что он во младенчестве подкинут неизвестно кем к Пензенскому 3-й гильдии купцу Ладухину, а это составляет гимназию в невозможности сделать розыскание о происхождении Ладухина (...). Покорнейше прошу разрешить, к какому сословию должен быть причислен Ладухин». После длительной переписки и согласования текста свидетельство было наконец подписано и отправлено в Казанский университет, где И. Ладухин надеялся продолжить учебу. В том документе указывалось: «Иван Алексеев сын Ладухин, из подкидышей, воспитанник пензенского 3-й гильдии купца Ладухина».

При поступлении в университет возникли новые трудности: недворянское происхождение И. А. Ладухина явилось серьезным препятствием к зачислению его студентом, даже своекоштным. Лишь сочувственное отношение ректора Н. И. Лобачевского к талантливой молодежи, в том числе выходцам из незнатных семей, позволило ему стать студентом первого отделения философского факультета, где изучались восточные языки⁴.

Это было время настойчивого и напряженного труда. Как и в гимназии, китайский язык здесь преподавал архимандрит Даниил Сивиллов⁵. После его отъезда в Забайкалье для ведения миссионерской деятельности среди бурят в 1844 г. кафедру китайского языка возглавил востоковед, врач по образованию и профессии О. П. Войцеховский. При новом руководителе кафедры было введено преподавание и маньчжурского языка, которое продолжалось до смерти Войцеховского в октябре 1850 г. Практическими занятиями по китайскому языку с 1841 г. руководил А. И. Сосницкий, одновременно преподававший (с 1838 г.) в гимназии (умер от чахотки в июне 1843 г.). Все три преподавателя с 1820 по 1831 г. находились при Российской духовной миссии в Пекине, где занимались изучением восточных языков.

После успешного завершения учебы и сдачи экзаменов своекоштный студент И. Ладухин получил диплом кандидата китайской словесности. Благодаря содействию Н. И. Лобачевского его назначили на должность старшего учителя китайского языка в 1-й Казанской гимназии, которая оставалась вакантной со времени ухода С. М. Рушко⁶. Это позволило И. А. Ладухину довольно уверенно вступить в новую жизнь.

Приступив к обязанностям в январе 1846 г., И. А. Ладухин с головой ушел в преподавательскую работу. Ему удалось убедить дирекцию гимназии в необходимости увеличения учебных часов для изучения китайского языка и вместо двух занятий в неделю стали проводиться три (без дополнительного вознаграждения).

25 октября 1850 г. И. А. Ладухин представил в педсовет гимназии новую программу преподавания китайского языка с просьбой впредь руководствоваться ею на языковых занятиях⁷.

Довольно скоро он подготовил несколько учебных пособий, облегчавших усвоение китайского языка. В 1851—1852 гг. составил краткий китайско-русский словарь (форматом в четверть листа)⁸. В предисловии отмечалось: «Избравши руководством для первоначальных переводов с китайского языка на русский небольшую брошюрку, заключающую в себе 52 наставления для учащихся, я нашел необходимым составить к ней предлагаемый лексикончик. Недоступность для учащихся по причине дороговизны подобных пособий, трудность печатания у нас китайских книг и, наконец, недостаток на русском языке основательного произведения в этом роде побудили меня составить такой словарь, который учащиеся могли бы без труда списать и впоследствии, вставляя в промежутки между знаками другие, которые им будут встречаться, образовать мало-помалу словарь знаков, взятых из самих книг, а не наудачу выбранных из других словарей. Вместе с тем, упражняясь в приискывании, они приобретут навык в этом деле, сопряженном для непривычных — по причине большого числа и разнообразия в употреблении ключевых знаков — с значительными трудностями»⁹. Хотя в заключительной части введения содержалась просьба о снисхождении к данному творению, несовершенство которого понимал и сам создатель, словарь И. А. Ладухина открывал обучаемым возможности самостоятельной работы.

Помимо подготовки словаря, И. А. Ладухин активно занимался разработкой китайской грамматики, особенно синтаксиса. Для этого потребовалась специальная литература,

которой не оказалось в библиотеке гимназии. Чтобы получить доступ к книгам фундаментальной библиотеки университета, которой имели право пользоваться только преподаватели и профессора этого учебного заведения, Ладухин еще 16 октября 1850 г. обратился за содействием к директору гимназии Н. А. Галкину.

После длительной бумажной волокиты этот вопрос был наконец решен, но драгоценное время упущено. Задержка отчасти произошла от того, что правила выдачи книг из фундаментальной (или Главной) библиотеки были утверждены попечителем лишь 5 июня 1851 г., а директор гимназии на просьбу главного библиотекаря Казанского университета Н. Ф. Готвальда прислать список преподавателей, имеющих доступ к книгам этой библиотеки, прореагировал только 18 августа 1851 г.¹⁰ Обратив внимание на китайскую книгу, содержащую рекомендации начинающим изучать китайский язык, И. А. Ладухин занялся ее переводом, одновременно работая над статьей об особенностях построения предложения в китайском языке.¹¹

И. А. Ладухин был не только трудолюбивым и добросовестным педагогом, но и инициативным. Он первый из китаистов предложил ввести в 1-й Казанской гимназии преподавание маньчжурского языка. В докладной записке от 10 января 1849 г. на имя директора гимназии, в частности, говорилось: «Преподавая китайский язык в вверенной Вашему высочородию гимназии и постоянно изучая его сам, я убедился в пользе знания маньчжурского языка для занимающихся китайским. Маньчжурский язык хотя по происхождению своему и грамматическому устройству далек от китайского, но, будучи легче для изучения, полезен при переводе и истолковании труднейших мест китайских сочинений, которые на маньчжурский переведены. Кроме того, теперь, когда царствует в Китае маньчжурская династия, этот язык употребителен наравне с китайским, и все деловые и дипломатические бумаги пишутся на обоих языках вместе. Следовательно, знание их обоих необходимо и в ученом, и в административном отношении. (...) Правительство наше положило уже основание изучению маньчжурского языка, вменив в обязанность лицам, отправляемым в Пекинскую миссию, заниматься языками и китайским, и маньчжурским; а положением об ученых степенях, Высочайше утвержденным 1844 г. апреля месяца 6-го дня, определено с ищущих ученой степени по китайской словесности требовать знания маньчжурского языка и литературы маньчжуров, поэтому, вероятно, в Казанском университете поручено профессору китайского языка читать подобные предметы».

«Находя полезным ввести маньчжурский язык и в 1-ю Казанскую гимназию, — писал далее Ладухин, — и имея в виду для преподавания его находящегося при 1-й же гимназии надзирателя ламу Гомбоева, изъявившего готовность принять на себя оное безвозмездно и имеющего в этом языке достаточные для преподавания познания, я покорнейше прошу исходатайствовать разрешение ввести маньчжурский язык в 1-ю гимназию и преподавание его поручить ламе Гомбоеву. Составление же программы преподавания и назначение руководств я с удовольствием готов принять на себя».

Предложение И. А. Ладухина было доведено до сведения Н. И. Лобачевского, который поддержал его инициативу. В ответном письме от 2 мая 1851 г. на имя директора гимназии он предложил «доставить программу, по которой может быть преподаваем маньчжурский язык при китайском»¹².

И. А. Ладухин не заставил долго ждать: быстро и квалифицированно (насколько позволяли тогдашний уровень знаний и собственный педагогический опыт) составил краткий проспект преподавания маньчжурского языка.

«Маньчжурский язык, — указывалось в проспекте, — должен преподаваться вместе с китайским как пособие к изучению последнего и начинаться вместе с ним с 4-го класса, с назначением 8 уроков в неделю (по 2 в каждом классе). (...) Руководительных книг для изучения маньчжурского языка в настоящее время нет еще на русском языке, но преподаватель для этой цели может перевести «Elements de la grammaire Mandju» par Habelentz. Преподавание должно производиться в следующем порядке:

Класс IV. В продолжение первых 2 или 3 месяцев преподаватель знакомит учеников с маньчжурской азбукой и произношением букв, упражняя их в чтении и письме, как с книг, так и под диктовку; когда же ученики будут уже хорошо читать, тогда [он] начинает проходить этимологию, которую оканчивает в этом классе местоимением (...) и дает им заучивать употребительные слова, преимущественно коренные, и небольшие предложения, разбирая их грамматически соответственно пройденному.

Класс V. Здесь заканчивается этимология и приступают к синтаксису, из которого

проходят до значения и употребления различных форм глаголов, и переводят в первое полугодие с маньчжурского легкие отрывки, преимущественно из сочинений исторических, а во второе присоединяют к этому переводы с русского отдельных предложений и небольших анекдотов, причем полезно переводить на маньчжурский те же самые статьи, которые будут переводиться и на китайский. Это должно соблюдать и в остальных классах. Ученики, переводя одно и то же на оба языка, скорее заметят оттенки в их конструкции; при переводах же с маньчжурского для той же цели необходимо, чтобы ученики имели в руках переводимые отрывки и на китайском языке; одним словом, полезно, чтобы языки китайский и маньчжурский шли в тесной связи между собой.

Класс VI. В этом классе оканчивается грамматика и независимо от нее один урок посвящается переводам с маньчжурского отрывков из религиозных и философских сочинений и кратких эпизодов из повестей и романов, а другой — переводам с русского, не забывая в обоих случаях, как в этом, так и в следующем классе, сказанного об этом предмете выше.

Класс VII. Повторение грамматики и знакомство по отрывкам с сочинениями лучших авторов во всех родах, сколько возможно, составляет предмет занятий в этом классе; продолжают также здесь и переводы на маньчжурский, которые представляются от преподавателя 3 раза в год Совету гимназии.

При всех родах упражнений и во всех классах строгий грамматический анализ должен занимать важное место».

Программа преподавания маньчжурского языка, предложенная И. А. Ладухиным, была передана на отзыв В. П. Васильеву, вернувшемуся в Казань в сентябре 1850 г. из Пекина, где он провел 10 лет¹³. Последний «нашел ее на первый раз вполне удовлетворительной», и новый попечитель Казанского учебного округа В. П. Молоствов 19 июня 1851 г. разрешил вести по ней занятия, начиная с нового, 1851/52 академического года.

Преподавание маньчжурского языка возлагалось на бурята Гомбоева, который должен был руководствоваться методическими указаниями И. А. Ладухина. Поскольку маньчжурский язык вводился в программу обучения впервые и в порядке эксперимента, срок действия разрешения определялся годом. Последующие занятия в 1-й Казанской гимназии рассеяли сомнения некоторых лиц в возможности одновременного изучения гимназистами двух восточных языков.

Немало усилий приложил ранее И. А. Ладухин к пополнению библиотеки гимназии. Ощутимая нехватка книг на восточных языках, а также пособий для их преподавания побудила его ходатайствовать перед начальством Казанского учебного округа о приобретении необходимых книг и пособий в Пекине посредством установления контакта с находившимся там выпускником Казанского университета В. П. Васильевым. С этой целью он в марте 1849 г. составил список наиболее необходимых книг на китайском языке (14 названий). Помимо пособий, в него вошли сочинения самых различных жанров, исторических и филологических, включая фольклор¹⁴. Каталог этих сочинений, свидетельствовавший о разносторонних знаниях и безупречном вкусе составителя, был отправлен в Пекин В. П. Васильеву вместе с перечнем китайских письменных принадлежностей, необходимых для упражнений гимназистов в каллиграфии.

Относительно устойчивое служебное положение И. А. Ладухина, не обремененного семейством, в первые годы педагогической деятельности позволяло ему совмещать ее с выполнением других обязанностей, в том числе общественных. Однако с такой нагрузкой не всегда справлялся его слабый организм, особенно если учесть особо усиленные занятия китайским языком. Почувствовав недомогание, он вынужден был в 1848 г. отказаться от должности комнатного надзирателя в гимназии.

Довольно размеренный ритм будничной педагогической работы иногда нарушался неблагоприятными известиями из дома. «Получив верное известие из Пензы, что родитель мой отчаянно болен, я,— писал Ладухин на имя директора гимназии,— должен поспешить туда; почему и прошу уволить меня в отпуск на 28 дней». 3 июня 1850 г. он писал снова: «Имея надобность по домашним обстоятельствам быть в Саратове и Пензе и желая воспользоваться для этого предстоящей вакацией (...) прошу исходатайствовать мне отпуск».

Поездки в родные места молодого педагога помогали не только поддержанию здоровья, но и решению личных вопросов. В формулярном списке И. А. Ладухина, представленном в июле 1850 г., в графе «есть ли имение» появилась запись «каменный дом в городе Пензе».

После вступления в брак, особенно во второй раз, потребность в дополнительном заработке, которая всегда была ощутимой, значительно возросла. Предстоящее рождение ребенка от первого брака побудило И. А. Ладухина вновь просить о предоставлении ему должности комнатного надзирателя. Напомнив, что уже однажды он занимал эту должность, которую вынужден был оставить для поправления здоровья, И. А. Ладухин в прошении, полученном директором гимназии 29 апреля 1852 г., подчеркивал не без известного расчета: «Теперь же чувствую, что здоровье мое вполне укрепилось. А в течение более 6-летнего преподавания китайского языка настолько освоился с ним, что оно меня уже не затрудняет»¹⁵. 27 июля 1852 г. министр народного просвещения дал согласие на назначение Ладухина на эту должность.

Занимаясь преподаванием, помимо китайского языка, географии, он в ноябре — декабре 1850 г. выполнял обязанности инспектора гимназии, с августа 1851 г. — секретаря педсовета, а с января 1854 г. принял на себя обязанности по обеспечению гимназии учебными пособиями и по их сохранению. Столь многообразные служебные и общественные обязанности, на которые уходила львиная доля времени, не могли не сказаться на научной активности И. А. Ладухина: повседневные мелочные заботы все более затягивали его в трасину ординарного провинциального существования.

После перевода в 1855 г. преподавания восточных языков в Петербургский университет И. А. Ладухин переехал в столицу, где некоторое время занимал скромную должность помощника библиотекаря в университете.

Когда заговорили об отправке нового состава духовной миссии в Пекин, он выразил желание поехать туда в качестве сопровождающего лица — по примеру О. М. Ковалевского, ездившего в Пекин в 1830—1831 гг. письмоводителем при М. В. Ладыженском. Идею И. А. Ладухина о поездке в Китай с научной целью поддержал В. П. Васильев, возглавлявший тогда кафедру китайского языка в Петербургском университете. В своем представлении Восточному факультету он охарактеризовал намерение физически слабого молодого ученого как «редкое самоотвержение в пользу науки», при этом добавил, что «г. Ладухин известен ему по своим познаниям» в китайском и маньчжурском языках» и «может по окончании своего путешествия сделаться полезным преподавателем при университете, в котором кафедра маньчжурского языка остается незанятою до сих пор отдельным преподавателем»¹⁶.

В конце 1856 г. Министерство народного просвещения, ознакомившись с ходатайством Восточного факультета, решило направить И. А. Ладухина в Пекин на короткий срок для усовершенствования в китайском и маньчжурском языках с тем, чтобы по возвращении из командировки он мог занять место преподавателя маньчжурского языка в Петербургском университете¹⁷. Согласно предписанию, полученному при отправлении в Пекин через Кяхту, он должен был, кроме того, «обратить внимание на ход местной (кяхтинской. — А. Х.) торговли»¹⁸. После утверждения плана командировки царем 11 февраля 1857 г. Ладухину было выдано 500 руб. серебром на приобретение в Пекине книг. 8 марта он получил подорожную до Кяхты. Приехав в Кяхту в июле 1857 г. и желая использовать свободное время, оставшееся до отъезда миссии за границу, И. А. Ладухин для ознакомления с краем и проверки собственных знаний в восточных языках обратился к В. Федоровичу, исполнявшему обязанности кяхтинского градоначальника, с просьбой «отправить его на Амур для практики в маньчжурском языке», если «в нынешнем году не пойдет миссия в Пекин». Поездка по Амуру предусматривалась данной ему инструкцией, но на обратном пути, по возвращении из Пекина в Кяхту. О намерении Ладухина отправиться на Амур было донесено генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву, и тот согласился отправить его из Шилкинского завода до Усть-Зейского поста «на казенный счет, без платежа прогонов», при условии, если он прибудет в первый из названных пунктов к 15 сентября¹⁹. Разменяв ранее часть серебра в слитках, полученного для поездки в Пекин, на русские деньги и получив 6 сентября в Троицко-Савске подорожную, И. А. Ладухин отправился в Шилкинский завод, где его должна была ожидать лодка с людьми. Отсюда он отправился вниз по Амуру. 29 октября 1857 г. в 35 верстах ниже станицы Нарасунской он неожиданно упал с кормы в воду из-за сильного попутного ветра — на глазах своих спутников, не успевших прийти к нему на помощь²⁰.

В связи с гибелью И. А. Ладухина П. Н. Перовский, пристав нового состава Пекинской духовной миссии, 10 января 1858 г. из Иркутска сообщал директору Азиатского департа-

мента Е. П. Ковалевскому: «Из официального моего донесения от сего числа Вы изволите усмотреть все подробности относительно отъезда бедного Ладухина и случившегося с ним несчастья. Я узнал о его гибели от начальника штаба, который на днях был у меня и в разговоре о разных обыкновенных предметах вдруг говорит: «Ах, Боже мой, я забываю Вам сказать, что Ваш Ладухин утонул». В тот же день подтвердил мне это известие генерал Венцель. Жаль, очень жаль бедного Ладухина, тем более что он был весьма дельный малый, успел расположить к себе и архимандрита (Палладия.— А. Х.) и всех товарищей, а кроме того, оставляет жену и детей без всяких средств к пропитанию»²¹.

О смерти И. А. Ладухина местная сибирская администрация решила сообщить в город Краснослободск Пензенской губернии Н. Д. Манухину для передачи горестного известия жене ученого Надежде Андреевне, которая проживала тогда в Савинском железодельном заводе. Одновременно местная полиция попыталась разыскать в Кяхте вещи, принадлежавшие Ладухину. Лишь в кяхтинской таможне удалось найти «один пуд серебра в слитках 92-й пробы», оставленный им при отъезде из Кяхты на Амур²².

Со смертью Ладухина положение его семьи оказалось более чем критическим. Уже после его отъезда в Сибирь жена обратилась в университет с просьбой об оказании материальной помощи. В ее прошении, полученном 27 сентября 1857 г., отмечалось: «Мой муж получил на путешествие столь ограниченную сумму, что решительно не в состоянии был оставить из нее что-либо мне». Когда известие о гибели Ладухина пришло в университет, его коллеги и друзья, потрясенные столь неожиданным поворотом дела, стали хлопотать о назначении пенсии семье погибшего. В ходе оформления документов выяснилось, что у И. А. Ладухина 4 июля 1857 г. умер сын Владимир (от первого брака) в возрасте 5 лет, а 20 июля того же года скончалась дочь Варвара восьми месяцев²³. Видимо, эти невозполнимые утраты и побудили Надежду Андреевну обратиться к университетскому начальству с просьбой о помощи.

После длительной переписки и проволочек вопрос о пенсии был все же решен. 24 марта 1859 г. (!) Пензенская казенная палата, сославшись на решение Комитета министров от 17 февраля, предписала Краснослободскому уездному казначейству выдавать пенсию «вдове погибшего в реке Амур во время путешествия, предпринятого по распоряжению начальства, надворного советника Ладухина» в размере 197 руб. 57 коп. и малолетнему его сыну Вячеславу в размере 65 руб. 57 коп. серебром в год, начиная с 29 октября 1857 по 1860 г.²⁴ Разумеется, столь мизерная сумма, назначенная правительством семье И. А. Ладухина, ни в коей мере не соответствовала тому, что было сделано этим молодым ученым для подготовки кадров востоковедов, потребность в которых все более чувствовалась в России по мере растущих, прежде всего торговых, связей с соседним Китаем. В памяти же своих коллег и товарищей он остался человеком с глубокими познаниями в китайском языке, инициативным и творчески мыслящим педагогом с нелегкой судьбой. Жизнь молодого таланта трагически оборвалась в самый ответственный момент его жизни, когда перед ним открывались новые горизонты педагогической и научной деятельности*.

* Судьба И. А. Ладухина примечательна не только ее трагизмом. Она характерна для многих российских китаистов. Китаеведение в старой России не было «модным» аристократическим занятием, и «без вины виноватый» в нем был не он один. Это была демократическая наука, которую представляли чаще всего «разных чинов люди», самоотверженные труженики, посвятившие себя избранной профессии на всю жизнь. Она была действительно судьбой.

¹ См.: Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.— С. 198, 204, 207, 335.

² ЦГА ТатАССР.— Ф. 977.— Д/д.— Д. 437.— Л. 12, 6.

³ Согласно правилам приема, утвержденным 6 декабря 1828 г., поступающие в 1-й класс гимназии должны были «уметь читать и писать и знать первые правила арифметики», при этом делалась оговорка, что желающие учиться в гимназии «могут поступать прямо во второй, третий и даже в четвертый класс, если на испытании пред инспектором и старшим учителем докажут, что уже имеют достаточные сведения в тех частях наук, которые преподаются в нижних классах». Согласно этим правилам, директор гимназии должен был наблюдать за тем, чтобы в «в первый и второй классы принимались дети не моложе 10 лет, а в третий и четвертый — не моложе 12» (ГАПО.— Ф. 520.— Оп. 478 (1824.—1828).— Д. 141.— Л. 9). Из ведомости об успехах в законе божьем учеников 2-го класса Пензенской гимназии за январь 1836 г. видно, что у Ивана Ладухина была «четверка» по поведению и прилежанию, при этом его способности оценивались «тройкой». В последнем дают основание сомневаться оценки Ладухина по изучаемым в это время предметам: 4 — по закону божьему, математике и латинскому языку, 3 — по риторике, географии и статистике, немецкому языку (там же.— Оп. 1.— Д. 9.— Л. 2; Ф. 81.— Оп. 1.— Д. 86.— Л. 143, 156). В ведомости о сдаче экзаменов учениками 6-го класса Пензенской гимназии в августе 1839 г. успехи Ладухина Ивана уже оценены «четверкой» (там же.— Ф. 58.— Оп. 1.— Д. 13.— Л. 9.—10).

⁴ ЦГА ТатАССР.— Ф. 87.— Оп. 1.— Д. 4243 (1840).— Л. 1—2; Д. 4386 (1841).— Л. 35, 38, 73; Ф. 977.— Л/д.— Д. 437.— Л. 13.

⁵ Д. П. Сивиллов (архимандрит Даниил) был первым руководителем первой в России кафедры китайского языка, учрежденной 11 апреля 1837 г. по предложению М. Н. Мусина-Пушкина (там же.— Оп. Совет.— Д. 2145.— Л. 135—136; ЦГИА.— Ф. 1341.— Оп. 38.— Д. 2339.— Л. 1).

⁶ Сергей Михайлович Рушко — первый преподаватель китайского языка из воспитанников Казанского университета. Он родился 1 июля 1821 г. в Симбирске в семье мелкого чиновника. После окончания местной гимназии С. Рушко в 1838 г. поступил в Казанский университет. Своими способностями он привлек внимание Д. П. Сивиллова. К окончанию университетского курса им был составлен двухтомный «китайско-русский словарь, расположенный по ключам с означением черт и присокуплением кратких правил китайской грамматики» (в настоящее время он находится в библиотеке Восточного факультета ЛГУ). По окончании учебы (со знанием действительного студента) С. Рушко по рекомендации Д. П. Сивиллова в июне 1841 г. был назначен временным учителем китайского языка в гимназию. Неустойчивое положение в качестве «исполняющего должность» и недостаточное жалование побудили его принять должность комнатного надзирателя. Лишь в феврале 1844 г. Министерство народного просвещения согласилось предоставить ему права старшего учителя (после того, как им были сданы в университете экзамены на степень кандидата). Последующая преподавательская работа в ранге «старшего учителя» не внесла серьезных изменений в его материальное положение. Более того, когда С. М. Рушко по состоянию здоровья решил оставить гимназию, в адрес его начальника посыпались жалобы с требованием уплаты им различных долгов. Это окончательно заставило подававшего надежды молодого ученого оставить педагогическое поприще и в начале 1845 г. он покинул Казань (ЦГА ТатАССР.— Ф. 977.— Оп. Совет.— Д. 8591.— Л. 1; ЦГИА.— Ф. 733.— Оп. 42.— Д. 320 (1841).— Л. 4—5, 8; ЦГА ТатАССР.— Ф. 87.— Оп. 1.— Д. 5485.— Л. 1; Д. 4821.— Л. 18 и др.). Судьба С. М. Рушко, таланта, загубленного нуждой, весьма характерна для многих китаистов той поры, которые в силу разных социальных причин не могли приложить свои силы и знания там, где они могли быть наиболее полезны обществу и куда влекло их призвание.

⁷ См. там же.— Д. 5524; Д. 6882.— Л. 2.

⁸ Сведения о времени составления Ладухиным китайско-русского словаря довольно разноречивы. В отчете гимназии за 1851 г. указано, что Ладухиным составлен китайско-русский словарь (там же.— Д. 7187.— Л. 11). В то же время в сообщении о работе 1-й Казанской гимназии сказано, что «Ладухин оканчивает краткий китайско-русский словарь» (Начальственные распоряжения по Казанскому учебному округу, издаваемые при канцелярии, попечителя.— Т. XV.— Казань, 1852.— кн. I (январь — февраль).— Отд. IV.— С. 40).

⁹ Краткий китайско-русский словарь, составленный И. А. Ладухиным, находится в настоящее время в библиотеке Восточного факультета ЛГУ (под шифром XYL 1912).

¹⁰ ЦГА ТатАССР.— Ф. 87.— Оп. 1.— Д. 6881.— Л. 6, 7.

¹¹ О занятиях И. А. Ладухина китайским языком в эти годы можно судить по официальным публикациям Казанского учебного округа. В отчете за 1852 г. отмечалось, что «Ладухин составлял записки, относящиеся к синтаксису китайского языка» (Отчеты по управлению попечителя Казанского учебного округа за 1852 г.— Казань, 1853.— С. 39; Начальственные распоряжения... — 1853.— Кн. I.— Отд. IV.— С. 39). В другом отчете за 1853 г. отмечалось, что Ладухин «занимался переводом китайской брошюры, заключающей в себе наставление учащимся, и обработкой статьи о китайском предложении» (см.: Начальственные распоряжения... — 1854.— Кн. II.— Отд. IV.— С. 40). В отчете за 1854 г. сообщалось, что Ладухин «продолжает статью свою об определении законов построения предложений в китайском языке» (Начальственные распоряжения... — 1855.— Кн. I (январь — февраль).— Отд. IV.— С. 41).

¹² ЦГА ТатАССР. — Ф. 87. — Оп. 1. — Д. 6341. — Л. 1, 2, 4.

¹³ См.: История и культура Китая (сборник памяти академика В. П. Васильева). — М., 1974. — С. 44—53.

¹⁴ Из книг по языкознанию заслуживает упоминания трехязычный разговорник «Сань-хэ юй-лу» с материалами на китайском, маньчжурском и монгольском языках, из исторических сочинений — «Юань-чао мин-чэн ши-люэ» («Биографии известных чиновников, служивших во времена династии Юань»), «Си-чао синь-юй» («Новое слово о правящей династии Цин»). «Си-чао дин-ань» («Акты о взаимоотношениях с католическими миссионерами при династии Цин»). См.: ЦГА ТатАССР. — Ф. 87. — Оп. 1. — Д. 6333. — Л. 44.

¹⁵ Там же. — Д. 5187. — Л. 7; Д. 6709. — Л. 20; Д. 6815. — Л. 45—46; Д. 7222 (1852). — Л. 4.

¹⁶ ЦГИА. — Ф. 733. — Оп. 26. — Д. 254. — Л. 1, 3.

¹⁷ См.: АВПр. — Ф. Главный архив. — 1—5. — 1823. — Д. 1. — П. 99. — Л. 1—2.

¹⁸ ГАИО. — Ф. 24. — Оп. 1. — Д. 98 (св. 1026).

¹⁹ ЦГА БурАССР. — Ф. 92. — Оп. 2. — Д. 271. — Л. 258, 260.

²⁰ См.: ГАИО. — Ф. 46. — Оп. 1. — Д. 72. — Л. 5; ЦГИА. — Ф. 733. — Оп. 26. — Д. 254. — Л. 87.

²¹ АВПр. — Ф. Главный архив. — 1—5. — 1823. — Д. 1. — П. 99. — Л. 8.

²² ЦГА БурАССР. — Ф. 92. — Оп. 3. — Д. 232. — Л. 2, 5, 6.

²³ См.: ЦГИА. — Ф. 733. — Оп. 26. — Д. 254. — Л. 57;

²⁴ ГАПО. — Ф. 60. — Оп. 1. — Д. 1636. — Л. 536. Обнаруженные нами архивные материалы позволяют не только установить дату и обстоятельства гибели Н. А. Ладухина (что не удалось сделать П. Е. Скачкову), но и прояснить вопрос о назначении пенсии его жене (а это также важно, поскольку П. Е. Скачков считал, что вдова Ладухина «с тремя детьми никакой пенсии не получила» (см.: Скачков П. Е. Очерки... — С. 207, 335).

СИС: СОЦИУМ, ИНФОРМАЦИЯ, СТАТИСТИКА

Как спасти бамбукового медведя

Китайская фауна необычайно богата дикими животными, такими, например, как известный всем панда — бамбуковый медведь. В лесистых горах провинции Гуйчжоу обитают около 700 редких золотистых обезьян, которые находятся на грани вымирания, а также черные тонкотелые и тибетские обезьяны. Все они находятся под охраной государства. С марта 1989 г. в КНР действует Закон об охране диких животных. В соответствии с ним решено создать ряд заповедников. В их числе заповедник диких животных на Цяньтанском нагорье Северного Тибета общей площадью 200 тыс. кв. км, находящийся на высоте более 4500 м над уровнем моря. Здесь все еще сохраняется самобытная экологическая система и обитают такие редкие животные как дикий як, тибетский дикий олень, тибетская антилопа, а также барс, нахур, улар и другие уникальные млекопитающие и птицы.

Вместе с тем, по свидетельству зам. министра лесного хозяйства Лю Гуанъюня, поголовье диких животных в Китае быстро уменьшается. За последние 20 лет количество диких бамбуковых медведей сократилось наполовину. Большую вину за это несут браконьеры. В этой связи Госсовет КНР издал срочное Уведомление «Об охране диких животных и решительном пресечении браконьерства». Отныне незаконный охотничий промысел, контрабанда, скупка и перепродажа продуктов браконьеров будут строго наказываться властями.

Л. ПЕРЕЛОМОВ

布衣孔子三十而立像 孔子

Тридцатилетний Конфуций

В поисках службы

Многочисленная литература о Конфуции свидетельствует, что первой его должностью была — «хранитель амбаров». Думается, что такое толкование не совсем точно передает характер деятельности молодого главы семьи. Вот что сообщает об этом периоде его жизни Сыма Цянь: «Когда (он) возмужал, то поступил на службу историкографом в дом Ци, занимался измерениями и взвешиваниями»¹.

Дом Ци относился к числу наиболее знатных и влиятельных аристократических родов царства Лу. Весьма вероятно, что Ци взимали огромные налоги и зернохранилища были полны. Следует отметить, что в древнем Китае даже у самых богатых замки не ржавели

на дверях зерновых складов. Зерно постоянно находилось в движении: после того как засыпали амбары, начиналась традиционная борьба за расширение сферы влияния на общинников, борьба за увеличение числа зависимых земледельцев. И когда Сыма Цянь говорил, что Конфуцию приходилось «измерять и взвешивать», он как раз и хотел передать, что деятельность молодого человека была весьма активна: приходилось постоянно общаться с земледельцами и много считать. Видимо, именно благодаря своему умению считать, вести деловые бумаги и получил Конфуций эту хлопотливую должность.

Вторая должность Конфуция также связана со службой у влиятельного луского аристократа. Сыма Цянь сообщает об этом весьма кратко: «...был мелким чиновником и следил за тем как плодился скот»². Сколь долго длилась эта служба также неизвестно. Хотя молодой человек и выполнял ее добросовестно, но вряд ли она доставляла ему удовлетворение. Если же учесть, что вся его служба семье Ци протекала под неусыпным надзором всевластного Ян Ху, то станут ясны побудительные мотивы, заставившие Конфуция усиленно заниматься самообразованием, и прежде всего — совершенствованием в области «шести видов искусств». Уже в то время, а Конфуцию было около 25—27 лет, зримо проявлялась одна характерная черта — он не только не стеснялся спрашивать о том чего не знал, но и домогался всегда исчерпывающего ответа.

Продолжение. Начало см.: «Проблемы Дальнего Востока». — 1991. — № 3.

На семнадцатом году правления луского царя Чжао-гуна (525 г. до н. э.) осенью царство Лу посетил Чжэн-цзы — правитель небольшого зависимого от Чжао-гуна царства Чжэн, расположенного к юго-востоку от Лу. Один из луских дай фу Чжао-цзы на первом же банкете попросил Чжэн-цзы рассказать, почему во времена правления его далекого предка Шао Хао в их краю все чиновники носили птичьи имена. Чжэн-цзы подробно рассказал о том, как Шао Хао разделил все сферы управления государством и закрепил их за носителями различных птичьих имен: орел, павлин и т. п.³ Как только Конфуций прослышал об этой беседе, он тут же отправился на поиски Чжэн-цзы и попросил его подробно рассказать о системе правления чжэнцев при Шао Хао. Впоследствии, делясь почерпнутыми знаниями с собеседниками, он скажет: «Я слышал, что у сына Неба там не было чиновников; но поскольку там жили варвары четырех сторон света, то надо изучать их порядки. Сведения эти заслуживают доверия»⁴. Уже тогда Конфуция интересовали принципы государственного устройства различных народов и спустя много лет он делился со своими учениками сведениями, почерпнутыми в беседе с потомком Шао Хао.

Примерно в тот же период в жизни Конфуция произошло знаменательное событие — он впервые был допущен на торжественное жертвоприношение в главную кумирню царства Лу. Повел он себя несколько странно для окружающих, спрашивая о значении почти каждой процедуры. Впоследствии одним из методов обучения в его школе стало прививание учащимся навыков, не стесняясь расспрашивать о сути каждого постулата или изречения. Куан Ямин полагает, что случаи аналогичные инциденту в главной кумирне, получили отражение в известном изречении Конфуция: «Если знаешь, то говори что знаешь; а если не знаешь, то говори что не знаешь»⁵.

Духовной Меккой Китая периода Чуньюя являлся Лои (нынешний Лоян провинции Хэнань) — столица чжоуского правителя. И хотя политическая власть сына Неба скатилась почти к нулю, в духовной сфере чжоуский двор все еще продолжал играть значительную роль. Ведь именно в Лои были сосредоточены все императорские архивы; именно чжоуский двор являлся признанным хранителем и толкователем традиций, главным образом ритуальных, а также обычаев аристократии и не только ее одной. Побывать в Лои, познакомиться с тамошними знатоками «шести искусств» было давней мечтой молодого Конфуция. Но Лои отстоял на многие сотни километров от Цюйфу, а денег на транспортные расходы у него, естественно, не было. Единственное, на что мог рассчитывать Конфуций, это на содействие аристократа Цзиншу, обучавшегося у него некоторое время, или на родителей богатых учеников. И он использовал эту возможность. До нас дошло следующее описание этого знаменательного события в изложении Сыма Цяня: «Луский Наньгун Цзиншу (Почтенный дядя из Южного дворца) обратился к лускому правителю: «Прошу позволить нам с Кун-цзы съездить к Чжоускому двору». Луский правитель дал им повозку, пару лошадей и юного прислужника в придачу. Они отправились к чжоускому двору порасспросить (о правилах ритуала, и как говорят, встретились там с Лао-цзы. А когда стали прощаться, Лао-цзы, провожая их, сказал: «Я слышал, что богатые и знатные провожают дарами, а человеколюбивые провожают напутствием. Я не могу считать себя богатым и знатным, а посему, присвоив себе наименование человеколюбивого, провожаю вас напутствием: «Светлый и глубоко вникающий во все ум приближается к гибели, поскольку он любит обсуждать других. Тот, кто много знает и широко рассуждает, угрожает своему брэнному существованию, поскольку он вскрывает зло в других людях. В делах не помышляй лишь о себе, ибо не пригодно это ни дома, ни на службе». Кун-цзы из Чжоу возвратился в Лу и число его учеников несколько возросло»⁶.

В своем напутствии Лао-цзы как бы передает эстафету молодому Конфуцию, предостерегая его от себялюбия и непродуманной критики управляющих («других людей»), ибо это может для него плохо кончиться. Главная задача — воспитывать в людях скромность.

Сам факт поездки Конфуция в Лои особых сомнений у исследователей не вызывает. Нет лишь единства в определении даты пребывания Конфуция в чжоуском царстве. К настоящему времени выявлены пять различных мнений: одни считают, что поездка в Лои состоялась на седьмом году правления луского Чжао-гуна, то есть в 535 г. до н. э., когда Конфуцию было 17 лет; другие — на семнадцатом году правления луского Чжао-гуна, то есть в 525 г. до н. э., когда Конфуцию исполнилось 27 лет; третьи

полагают, что Конфуцию тогда было 30 лет; четвертые — 34 года и, наконец, сторонники пятой точки зрения, основывающиеся на сведениях из «Чжуан цзы», утверждают, что встреча Лао-цзы с Конфуцием произошла, когда последнему исполнился 51 год. Куан Ямин полагает, что Конфуций скорее всего посетил чжоуское царство где-то между 518—508 гг. до н. э., то есть в возрасте от 34 до 44 лет⁷.

К числу последних достоверных событий, завершающих этот период жизни Конфуция, относятся сведения об обучении музыке. По-видимому, материальное положение было таково, что лишь в 29 лет он мог позволить себе учебу у профессионала. Он начал брать уроки у известного знатока и преподавателя классической музыки Ши Сяна. Сыма Цянь сумел образно передать процесс обучения, поэтому слово историографу:

«Конфуций учился у Ши Сяна игре на цитре. Прошло десять дней, а он все еще разучивал лишь начальные аккорды. Ши Сян-цзы сказал: «Можно разучивать другую песню, этой Вы уже овладели». Конфуций ответил: «Я лишь усвоил мелодию, но еще не овладел искусством исполнения». Через некоторое время Ши Сян-цзы произнес: «Искусством исполнения Вы уже овладели, можно приступать к изучению новой песни». Конфуций ответил: «Я еще не понял, в чем выразительность ее устремленности». Прошло еще некоторое время и Ши Сян-цзы произнес: «Вы уже овладели ее устремленностью, приступайте к разучиванию следующей песни». Конфуций погрузился в глубокое размышление. Затем очнувшись и, взглянув вдаль, радостно сказал: «Я представляю себе этого человека. У него смуглый лик, он высок ростом, взор его устремлен вдаль. Он подобен вану, взирающему на четыре стороны света. Кто кроме чжоуского Вэнь-вана мог создать такую песню?» Услышав такое, Ши Сян-цзы поднялся с циньки и дважды поклонился Конфуцию: «Мой учитель говорил, что песня эта первоначально называлась “Вэнь-ван цао”»⁸. Куан Ямин резонно указывает на приукрашенность отдельных моментов, но считает, что Сыма Цяню удалось передать главное — он показал, с каким усердием предавался Конфуций изучению музыки. Знания, полученные у Ши Сяна, сыграют положительную роль в дальнейшей судьбе Конфуция, особенно при налаживании контактов с придворной аристократией.

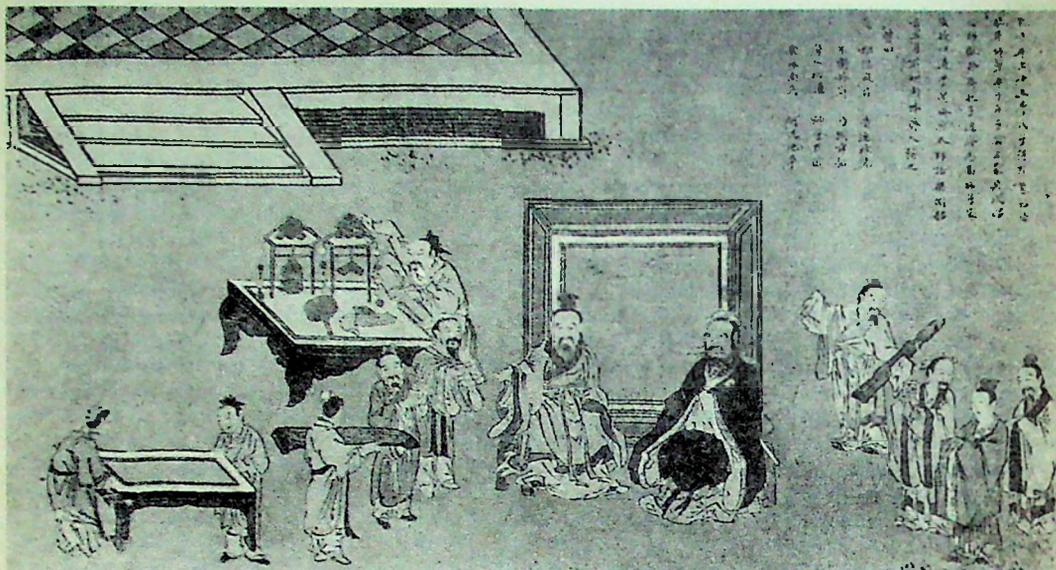
Конфуций не только умел хорошо играть на «цине», но еще любил и петь. Его увлек процесс музыкального творчества, и он мог с наслаждением беседовать о тонкостях такого вида деятельности. Истинная музыка доставляла ему огромное наслаждение. Известно впечатление Конфуция о музыке «шао», впервые услышанной им в царстве Ци:

«Учитель в царстве Ци услышал музыку «шао» и настолько был покорен ею, что в течение трех месяцев не чувствовал потом вкуса мяса. Он произнес: “Никогда не представлял, что красоты музыки могут достигать таких пределов”»⁹.

Приведенные сведения дают достаточное представление о том, с каким усердием Конфуций овладевал двумя из «шести видов искусств» — «ли» (ритуалом) и музыкой. Что касается остальных четырех видов «искусств», то история не сохранила достоверных сведений о том, как и у кого он учился. Однако ряд косвенных данных свидетельствует, что и на этом поприще Конфуций добился значительных успехов. В «Ли цзи» описывается одна из тренировок юноши в стрельбе из лука: «Кун-цзы упражнялся в стрельбе из лука в местечке Цзюэянпу, любопытствующих было столь много, что возникла целая стена»¹⁰. Надо думать, что если люди стояли плотно как стена, то вероятно они наслаждались мастерством стрелявшего.

В «Лунь юэ» сохранилась оценка самого Конфуция степени владения им одним из «шести искусств»: «Некто из патронимии Даган сказал: «Подумаешь этот Кун-цзы! Действительно он прославился своей ученостью, но не достиг совершенства в искусствах». Услышав такое, Кун-цзы разъяснил ученикам: «В каких же искусствах я действительно достиг совершенства? В управлении колесницей? В стрельбе из лука? Все-таки в управлении колесницей»¹¹.

Конфуций не случайно из шести искусств упомянул лишь самый легкий по степени овладения, проявив присущую ему скромность (вспомним напутствие Лао-цзы) в самооценке своих достижений. Можно с достаточным основанием заключить, что к концу двадцатилетнего периода Конфуций в совершенстве овладел «шестью искусствами», что позволяло надеяться на успешную чиновничью карьеру, к которой он себя тогда готовил, и одновременно давало возможность и для педагогической деятельности.

Зрелость

Размышляя на склоне лет о пройденном пути как бы подводя итог прожитому, Конфуций разделил свою жизнь на несколько периодов:

«В 15 лет я обратил свои помыслы к учебе. В 30 лет я обрел самостоятельность. В 40 я освободился от сомнений. В 50 лет я познал волю неба. В 60 лет научился отличать правду от неправды. В 70 лет я стал следовать желаниям моего сердца и не нарушал ритуала»¹².

Все периоды, кроме первых двух, десятиричны и это вряд ли случайно. До так называемой «самостоятельности» Конфуцию пришлось прошагать целых 30 лет. Тридцатилетие — это качественный рубеж в жизни мыслителя.

Куан Ямин придает особое значение этой дате, справедливо резюмируя, что именно к 30 годам был создан фундамент всех будущих начинаний Конфуция. «Этот фундамент, — отмечает он, — сыграл ключевую, определяющую роль во всей дальнейшей жизни Конфуция — его общении с людьми, педагогической и политической деятельности»¹³. По его мнению, к 30 годам Конфуций освоил достижения древнекитайской письменной культуры, что позволило в будущем приступить к составлению «Книги истории» («Шуцзин»), «Книги стихов» («Шицзин»), «Книги перемен» («Ицзин»), «Весны и осени» («Чуньцю»), «Книги о нормах поведения» или «Книги о ритуалах» («Лицзи»), «Книги о музыке» («Юэ цзи»)»¹⁴. Начиная с ханьского периода, эти памятники обрели статус канонической литературы, став в дальнейшем несущей конструкцией всей китайской культуры. Именно прекрасное владение «шестью искусствами» сыграло немалую роль в том, что произведения к сотворению которых был причастен Конфуций стали именоваться, начиная с Хань — «шестью канонами».

Куан Ямин полагает, что именно к тридцати годам созрели основные этико-философские концепции будущего учения Конфуция. Он выделяет шесть таких концепций:

1. Концепция о «жэнь» (гуманности, человеколюбии) и «ли» (правилах, этикете). «Ли» являлось высшим проявлением «жэнь». Эти два компонента отражали воззрения Конфуция о государственном устройстве и социальной организации общества.

2. Суть второй концепции была сформулирована в четырех иероглифах: «быть преданным (честным) сановником, почитать правителя». Она охватывала целый комплекс проблем, связанных с системой управления и прежде всего нормами взаимоотношения главы государства и чиновничества.

3. Третья концепция известна как «следование среднему пути» («чжун юн»), или «учение о середине», где Конфуций предостерегает от увлечения крайностями.

4. Рассуждая о проблеме власти, Конфуций считал, что все дела должны решаться на основе принципа справедливости, то есть по существу он соединил воедино такие казалось бы отдаленные понятия, как «власть» и «справедливость».

5. Пятая концепция касается отношения человека к той вере, которую он исповедует. Она зафиксирована суждением из восьми иероглифов, сохранившемся в главе «Тай бо» «Лунь юя»: «Будь непреклонно верен нашему учению, старательно овладевай им; рискуя жизнью оберегай его». Куан Ямин отмечает, что вся дальнейшая жизнь Конфуция явилась наглядным примером непреклонной приверженности этой доктрине.

6. К этому времени сформировались его начальные представления о «Воле Неба». Здесь Конфуций пока еще непосредственно выразил свое критическое отношение к повсеместно распространенной тогда вере в духов¹⁵.

Даже из краткого перечня концепций нетрудно заметить, что большинство их было связано с проблемой управления государством и обществом. Тому были вполне объективные причины. В V в. до н. э. Китай представлял конгломерат постоянно враждующих царств: одни претендовали на гегемонию, другие — отстаивали право на выживание. Нестабильным было и положение самих правителей царств — внутри каждого из них шла постоянная борьба в среде высшей аристократии, отдельные представители которой претендовали на царский престол.

Круг проблем, стоявших перед каждым главой государства, был стереотипен: как усилить собственную власть и подольше удержаться на престоле? Что предпринять для ограничения могущества наследственной аристократии, передававшей по наследству высшие административные посты? Как заставить чиновничество преданно служить лишь одному правителю, а не двум или трем «господам» одновременно? Как подчинить себе все вооруженные формирования в пределах своего царства? Что предпринять для успокоения и послушания народа? И, наконец, каков кратчайший путь превращения царства в могущественное государство, способное не только успешно отражать натиски соседей, но и захватывать чужие земли, дабы со временем превратиться в гегемона?¹⁶ Сходные проблемы, но уже исходя из их собственных интересов, волновали и высшую аристократию каждого царства.

Спрос породил предложение. Именно в этот период появились люди, которых нарекли термином «ши». Переводят его по-разному — книжники, странствующие ученые и т. п. Со временем возник целый социальный слой этих «ши». Дело не в точности перевода, а в осознании сути явления. А оно поистине было эпохальным: впервые в истории Китая человеку могли, а главное — хотели заплатить и весьма ощутимо за знания. На рынке ценностей возник интеллект. Но заказчик исходил из своих интересов, определив и тему: политика и человеческие взаимоотношения. VI—III вв. до н. э. традиционно именуют золотой эпохой китайской философии, но редко кто из исследователей докапывается до корней причины, почему древнекитайских мыслителей гораздо больше интересовало этические, точнее этико-политические, проблемы нежели сугубо онтологические. Основной интеллектуальный потенциал устремился разрабатывать новое направление. Возникло много самых различных, порой абсолютно полярных этико-политических школ. Проблема, волновавшая заказчиков, была не из легких. Продавцу «товара» необходимо было решить задачу со многими неизвестными — надлежало создать стройную модель, где бы взаимно увязывались узловые, порой взаимоисключающие ответы.

Конфуций ощущал веление времени и знал, что требовалось. И когда он на склоне лет, подводя итоги жизненного пути, сказал: «В 30 лет встал на ноги», это значит, что модель управления государством и обществом, модель человеческих взаимоотношений была в основном им уже создана.

Теперь надлежало пробиться к правителю и изложить ее так, чтобы она понравилась потенциальному заказчику — задача тоже не из легких. Ведь при этом надо было и не прогневать высшую аристократию.

Конфуций понимал, что не так-то легко заполучить вожеленный высокий пост. Поэтому он пытается умерить свое нетерпение и начинает с малого — открывает частную школу, где и проповедует свою модель управления. Среди учеников тридцатилетнего Конфуция уже на начальном этапе выделялись своими знаниями такие,

как Янь Лу, Цзэн Дянь, Цзы Лу и др. Наиболее преданным оказался Цзы Лу, прошагавший с ним весь жизненный путь и торжественно похоронивший Учителя с соблюдением всех этических норм.

Освещая этот период жизни Конфуция, Сыма Цянь повествует:

«На 20-м году правления луского Чжао-гуна, когда Кун-цзы исполнилось 30 лет, в Лу прибыли цинский Цзин-гун и Янь Ин. Цзин-гун обратился к Кун-цзы с вопросом: «Прежде у циньского Му-гуна государство было маленьким и находилось на далекой окраине. Как же удалось ему стать гегемоном? Ответ гласил: «Хотя государство Цинь и было небольшим, но воля у него (Му-гуна) была огромной, хотя (оно) и находилось на далекой окраине, но в поступках (он) придерживался середины и справедливости. Каждому, кто подносил пять шкур черных баранов, (он) жаловал звание дафу; стоило ему (Му-гуну) три дня поговорить с еще недавно связанным по рукам и ногам (преступником), как последнему (он) вручал бразды правления. Того, кто брался (за дело), так, можно считать и ваном, удел гегемона (ба) для него мал». Цзин-гун возрадовался»¹⁷.

Большинство биографов Конфуция считают этот текст не аутентичным. И все же, взвесив все «за» и «против» я счел возможным с известной осторожностью вставить данный эпизод в биографию, ибо он хотя бы косвенно, но помогает высветить уровень мышления Конфуция на рубеже тридцатилетия.

Следующие пять лет также не обеспечены какими-либо достоверными сведениями. Наиболее аутентичными исследователи единодушно называют события, происшедшие в 517 г. до н. э., когда Конфуцию исполнилось уже 35 лет. В истории царства Лу этот год запечатлен под девизом: «Переворот, вызванный петушиными боями».

В те времена китайские аристократы, да и не только они одни, увлекались петушиными боями. Хороший бойцовый петух был в высокой цене, ибо на пари выставлялись не только деньги, но и земля. Стремясь любой ценой выиграть престижный бой, аристократы зачастую шли на всяческие ухищрения, нарушая предусмотренные правила схватки. Нечто подобное случилось и в 517 г. до н. э. в столице царства Лу, когда на арену были выпущены бойцовые петухи двух могущественных луских домов — Цзи Пинцзы и Хоу Чжаобо. Цзи Пинцзы распорядился скрытно пропитать перья своего петуха горчицей, дабы повредить глаза соперника. Однако Хоу Чжаобо, также готовясь загодя к бою, повелел изготовить для шпор своего петуха искусные металлические наконечники. В ходе ожесточенной схватки обман раскрылся, и Цзи Пинцзы счел себя вправе силой присоединить выставленную на пари территорию. Оскорбленный Хоу Чжаобо кинулся за поддержкой к царю. Луский Чжао-гун, давно уже обеспокоенный растущим могуществом дома Цзи, решил воспользоваться благоприятным предлогом и поддержал Хоу Чжаобо, одновременно заключив тайный союз с еще одним аристократом — Цзан Чжаобо. Осенью посланные им войска окружили владение Цзи Пинцзы. Между главой государства и главой могущественной патрионимии завязались ожесточенные сражения. Силы оказались примерно равными и, наконец, выяснилось, что исход открытой войны зависел от реакции двух могущественных родов — Шу Суньши и Мэн Суньши. Но последние не спешили, ожидая когда соперники исчерпают свои силы. В «Цзочжуани» говорится: «(Шу Суньши советовался со своими домашними (дословно «семейными чиновниками») как ему поступить? Все ответили в один голос: «Если погибнет род Цзи, то исчезнет и род Шу Суньши»)). И тогда Шу Суньши посылает войска на помощь Цзи Пинцзы, исход сражений был решен. Наблюдая за таким разворотом событий, Мэн Суньши также решил внести свою лепту — он убивает союзника луского царя Хоу Чжаобо. Терпя одно поражение за другим, луский царь понял, что он уже не в силах унять разбушевавшихся аристократов и спешно бежит в соседнее царство Ци. Конфуций не пожелал оставаться в охваченном беспорядком Лу и, следуя в свите Чжао-гуна, прибывает в царство Ци.

По мнению Ли Чанчжи, Конфуций не случайно оказался в свите луского правителя. Его давно влекло царство Ци, где еще в годы правления Сюань-гуна (658—643 гг. до н. э.) были проведены политические и экономические преобразования одним из основоположников легизма — Гуань Чжуном. С тех пор циское государство непрерывно усиливало свою мощь, став одним из самых влиятельных царств Китая. Он был уже знаком с циским царем Цзин-гуном и помнил о беседе в 522 г. до н. э.,

когда сумел понравиться Цзин-гуну. Правда, Конфуций не знал как отнесется к его появлению крупнейший политический деятель Ци — Янь Ин, но он надеялся показать себя достойным соратником или оппонентом.

Действительно, на политическом небосклоне эпохи Чуньцю Янь Ин являл собой фигуру яркую и необычную. Прежде всего внушало уважение умение столь долго удерживать за собой второй по значимости пост в государстве. Став первым советником при циском царе Мин-гуне (581—554 гг. до н. э.), он сохранил эту должность при его сыне Чжуан-гуне (553—548 гг. до н. э.) и ныне, когда царем стал внук Мин-гуна — Цзин-гун (547—480 гг. до н. э.) Янь Ин по-прежнему возглавлял цискую администрацию.

Еще при деде нынешнего царя он ввел следующее правило принятия решения: каждому решению проблемы должно предшествовать обсуждение, в ходе которого обязаны были высказаться все участники. Янь Ин буквально заставлял каждого чиновника поделиться собственным мнением, заранее зная, что уровень мышления и потенции мужества у них самые различные. Настойчиво внедряя на протяжении многих лет именно такое правило, Янь Ин требовал от чиновников альтернативных предложений при обсуждении какой-либо проблемы. Он выступал против бездумного соглашательства и угодливого поддакивания правителю. Придерживаясь на протяжении многих лет именно такой процедуры принятия решений, Янь Ин возвращал умелых администраторов, создав собственный работоспособный кабинет, состоявший из профессионалов.

Он буквально охотился за «мозгами», высоко ценя интеллект и оригинальность мышления.

По-видимому у Янь Ина все же были стычки с царем, но он неизменно отстаивал свое право на самостоятельность. «Когда при дворе, — пишет Сыма Цянь, — речи правителя доходили до крайности, то он выступил с увещеваниями. Когда речи не доходили до крайности, то он действовал осмотрительно»¹⁸. То есть даже уже после принятия решений, с которыми был согласен и правитель («речи не доходили до крайности»), первый советник, приступая к их воплощению, не спешил и поступал судя по обстоятельствам.

Тридцатипятилетнего пришельца из Лу, наделенного обостренным чувством справедливости и уже немало повидавшего в жизни, не могло не поразить наличие у первого советника таких особо ценных им качеств, как самостоятельность, простота, скромность, добропорядочность, отсутствие какого-либо намека на стяжательство и самое главное — подлинное уважение к уму, независимо от родословной и социального положения человека.

В биографии Конфуция и Янь Ина, помещенных в «Исторических записках», не сохранилось прямых записей об их встречах и беседах. Но есть текст суждения Янь Ина о Конфуции, на происхождении которого следует остановиться специально. Здесь же отмечу, что Янь Ин произвел большое впечатление на лусца и, работая впоследствии над образом «цзюнь цзы», Конфуций многое заимствовал у первого советника царства Ци.

В царстве Ци Конфуций прожил около двух лет, с зимы 25 по 27 год правления луского Чжао-гуна (517—515 гг. до н. э.), когда он вынужден был вновь вернуться в Лу. Из циского периода жизни Конфуция исследователи обычно выделяют три более или менее достоверных эпизода.

Не надеясь на протекцию луского царя, Конфуций вынужден был сам искать пути к аудиенции у Цзин-гуна. Складывалась на первый взгляд парадоксальная ситуация: несколько лет назад Цзин-гун сам приехал в Лу побеседовать с умным книжником, теперь, уже книжник сам изыскивает возможности для встречи. Он поступает «домашним чиновником» к Гао Чжаоцзы. Сам Гао не принадлежал к высшей аристократии, но все же был вхож во дворец. Сыма Цянь отмечает, что именно с помощью Гао Чжаоцзы надеялся Конфуций получить долгожданную аудиенцию, поэтому и поступил к нему на службу¹⁹. Впоследствии некоторые из наиболее ревностных конфуцианцев, рассматривая это свидетельство Сыма Цяня, указывали будто Конфуций допустил ошибку — поступил «домашним чиновником» к Гао Чжаоцзы. Цянь Му, один из авторитетных исследователей биографии Конфуция, возражая им, пишет, что среди учеников Конфуция было много «домашних чиновников» («домашних прислужни-

ков») и Учитель не только не возражал против их поступления в школу, но и не считал такого рода деятельность позорной. Однако надежды Конфуция на Гао Чжаоцзы не оправдались, его циский патрон не смог организовать встречу с царем. Приходилось искать более именитого покровителя.

Второй эпизод как раз и описывает следующий план Конфуция пробиться к Цзин-гуну: «Прекрасно разбираясь в древней музыке, особенно ритуальной, он задумал продемонстрировать свое умение местной аристократии, надеясь на помощь придворных музыковедов, близких к правителю. Познакомившись с одним из ведущих циских музыковедов, он начинает длительные беседы о древней, преимущественно ритуальной музыке. В ответ признательный собеседник знакомит Конфуция с мелодией, исполняемой при легендарном правителе Яо. Вот как выглядит эта беседа в изложении Сыма Цяня: «Конфуций беседовал с циским тайши²⁰ о музыке. Когда же он прослушал музыку Шао и стал разучивать ее мелодию, то в течение трех месяцев не чувствовал вкуса мяса, что было с одобрением встречено цисцами»²¹. Имеется и более ранняя запись в «Лунь юе» в главе «Шуэр»: «Учитель, находясь в Ци, услышал мелодию Шао, в течение трех месяцев не ощущал вкуса мяса, сказав: «Никогда не представлял себе, что можно восхищаться музыкой до такой степени!» Итак, путь к Цзин-гуну был наконец открыт. Последний из аутентичных эпизодов повествует о двух встречах Конфуция с циским царем. В обоих случаях тему беседы задавал Цзин-гун. Так же, как и во время встречи в царстве Лу, его интересовало мнение собеседника об искусстве управления. В те времена оно передавалось понятием «чжэн» — дословно «искусство управления», «суть управления», «суть политики». Современный исследователь не удержался бы назвать «чжэн» — «политической культурой» высшей элиты, ибо интересы их сводились прежде всего к постижению и овладению механизмом результативного управления.

Если о первом ответе Конфуция широкому читателю известно, ибо он неизменно присутствует во всех китайских и зарубежных публикациях о Конфуции, то на вторую беседу почему-то обращают гораздо меньше внимания. Может быть, это объясняется лапидарностью ответа, но для постижения эволюции творческой мысли он весьма важен, ибо именно здесь Конфуция в краткой форме изложил свое видение сущности управления государством и народом.

Приведем тексты двух бесед в изложении Сыма Цяня:

1. «Цзин-гун спросил Кун-цзы о сути истинного правления (чжэн). Конфуций ответил: «Государь должен быть государем, подданный — подданным, отец — отцом, сын — сыном». Цзин-гун воскликнул: «Превосходно! Верю, что если государь не будет государем, подданный — подданным, отец — отцом и сын — сыном, то даже если и найдется просо, мне не удастся добыть его для своего пропитания»²².

2. «На другой день он вновь спросил Кун-цзы о сути истинного правления. Кун-цзы ответил: «Правление заключается в бережном отношении к (государственным) ценностям»²³. Сыма Цянь при изложении второго ответа использует сочетание «цзе цай», в дословном переводе «Экономить ценности». Но ценности («цай», «цай у») отнюдь не означают драгоценности. Конфуций под этим понятием имеет в виду все богатство государства — прежде всего материальные и людские ресурсы. Политик, в чьих руках оказывается верховное право распоряжения этим богатством («ценностями»), должен быть предельно внимателен и расчетлив; он ни в коем случае не должен допускать перерасхода государственных средств. В этом кратком ответе заключено кредо всей экономической политики, экономических воззрений претендента на высокую чиновничью должность в царстве Ци. В дальнейшем в беседе с учениками он разовьет эту идею: «Учитель сказал: «При управлении государством в 1000 колесниц уделяй очень серьезное внимание политическим делам; слова, которые произносишь должны честно исполняться; проводи экономные расходования основных средств, люби людей; используй народ сообразно времени»²⁴.

Естественна реакция циского правителя на столь мудрые рекомендации 35—36-летнего лусца. Цзин-гун был столь обрадован умным советом, что решил выделить ему в кормление удел в Ниси, сделав таким образом луского книжника циским аристократом. Перед Конфуцием впервые открывались радужные перспективы осуществления своей мечты — наконец-то он мог поступить на государственную службу.

Однако один из ближайших советников Цзин-гуна — могущественный Янь Ин — выступил против намерений царя. И это было вполне естественно. Сам факт не-

однократного обращения Цзин-гуна и именно в поисках более совершенных методов управления к умному лусцу может свидетельствовать о том, что царя стесняла слишком сильная опека Янь Ина и навязанный им метод принятия решений. Престарелому государю хотелось большей свободы действий. Не имея реальной возможности самостоятельно назначать на высокие посты кого-либо из своих любимцев, ибо все они предварительно проходили через «чистилице» первого советника, он вознамерился возвысить чужестранца.

Мудрому Янь Ину не потребовалось много времени, дабы уразуметь сколь светлая голова прибыла в Ци. Но намерение Цзин-гуна вызывало недовольство циской знати и сановников, тем более что речь шла о довольно высокой должности — нечто средним между должностями, занимаемыми в Лу представителями аристократических родов Ци и Мэн. По-видимому, и Янь Ин также счет неразумным назначать чужака, да еще из окружения беглого царя на столь высокий пост. В данном случае соображения государственной безопасности и негативная реакция циских сановников, оказались выше личных симпатий. Поэтому Ян Ин вынудил Цзин-гуна пересмотреть свое первоначальное намерение и Конфуцию ничего не оставалось, как вновь вернуться в Лу.

Сам Конфуций, вероятно, понимал внутренние мотивы поступка Янь Ина — в сложившейся обстановке первый советник не мог поступить иначе. Покинув Ци, Конфуций до последних дней своей жизни сохранил добрые чувства к мудрому лусцу.

Возвращение Конфуция в Лу не было спокойным, оно скорее походило на поспешное бегство. И причины для столь поспешного бегства были весьма весомы. Циский царь сам вынужден был признаться в своем отказе: «Цзин-гун сказал: «Я уже стар и не смогу использовать Вас»»²⁶. И, во-вторых, до Конфуция дошли сведения о готовившейся некоторыми «цискими дайфу» расправе над навязчивым лусцем.

(Продолжение следует)

¹ Исторические записки с собранием... Гл. 47.— С. 13.

² Там же.

³ См.: «Чунью цзожуань чжэн и» («Весны и Осени с комментариями Цзо Цюмина; истинный смысл») в издании «Шисань цзин чжу шу» («Тринадцать классических книг с комментариями и послесловиями»).— Шанхай, 1957.— Т. 31.— С. 1944—1947. По-видимому, птицы были-то темами различных родов.

⁴ Там же.— С. 1950. Куан Ямин предлагает иное толкование данного отрывка: «Я слышал, что сын неба не обладал у них всеобъемлющей властью; подобное представление об управлении сохранилось лишь у варваров четырех сторон света. Сведения эти заслуживают доверия». См.: Куан Ямин. Указ. соч.— С. 45.

⁵ Куан Ямин. Указ. соч.— С. 46.

⁶ Исторические записки с собранием... Гл. 47.— С. 14—15.

⁷ См.: Куан Ямин. Указ. соч.— С. 47.

⁸ Исторические записки с собранием... Гл. 47.— С. 16. «Вэнь-ван цао» — наименование песни, сочиненной чжоуским Вэнь-ваном.

⁹ Там же.— Гл. 47.— С. 17.

¹⁰ Цит. по: Куан Ямин. Указ. соч.— С. 48.

¹¹ Ян Боцзюнь. Указ. соч.— С. 87.

¹² Цит. по: Древнекитайская философия.— М., 1972.— Т. 1.— С. 143.

¹³ Куан Ямин. Указ. соч.— С. 49.

¹⁴ Там же.— С. 50.

¹⁵ Куан Ямин. Указ. соч.— С. 51—55.

¹⁶ К тому времени в политической лексике появился специальный термин — «баван» — «гегемон», сохранившийся и до наших дней.

¹⁷ Исторические записки с собранием...—Гл. 47.— С. 15—16 (перевод Э. В. Никогосова).

¹⁸ Там же.— Гл. 62.— С. 7.

¹⁹ Там же.— Гл. 47.— С. 17.

²⁰ В древности этот термин использовался для характеристики официальных лиц, ведавших музыкой.

²¹ Исторические записки с собранием... Гл. 47, С. 17.

²² Там же.— С. 17—18.

²³ Там же.— С. 18.

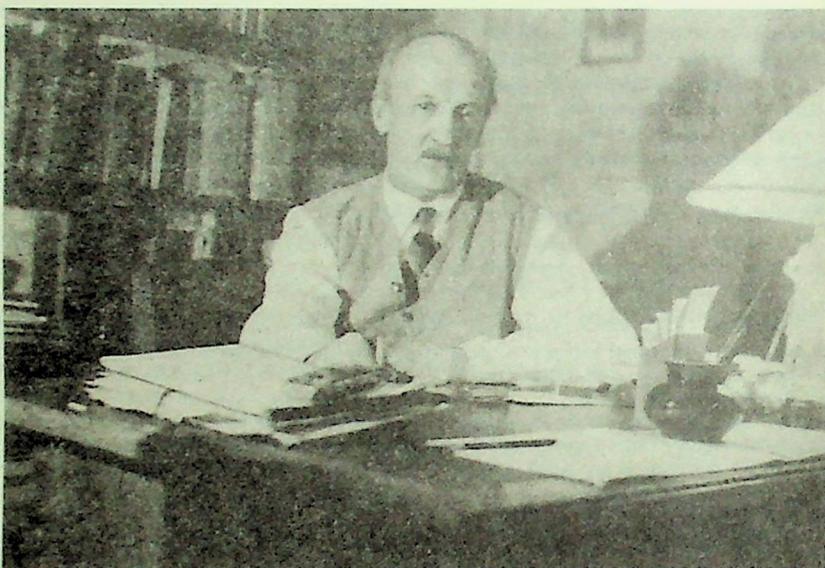
²⁴ Ян Боцзюнь. Указ. соч.— С. 1, 4, 5.

²⁵ Там же.

²⁶ Исторические записки с собранием... Гл. 47.— С. 20.

П. СКАЧКОВ

14 февраля 1992 года советская научная общественность отметит 100-летие со дня рождения П. Е. Скачкова. Надеемся, что вклад ученого найдет в связи с этим юбилеем достойную оценку и продолжение.

Скачков Петр Емельянович

II

«Аннушка»

1941 г.

Поселок на ответвлении центральной Колымской трассы, около 100 км этой дороги ведут к реке Колыме. Поселок маленький. Три деревянных дома для вольнонаемных, баня для них и для нас, «зеков», скотный двор, небольшой огород. Позади небольшая речка. Через дорогу два барака: один жилой, другой — кухня и столовая. За бараками небольшой стационар на десять коек. Перед бараками маленькое строение — амбулатория, рядом, ближе к вахте, домик для УРБ, КВЧ, кабинет начальника лагпункта. Все эти строения окружены высоким забором с проволокой, на углах обычные вышки. У единственных ворот — вахта. С некоторых пор на «Аннушке»

Окончание. Начало в № 3.

слабосилка, сюда с ближайших лагпунктов пришли истощенные, голодные зеки, неспособные работать даже на трассе.

После объявления войны — распоряжение Пикишева (царя и бога колымских лагерей) об уменьшении пайки хлеба и продуктов нашего рациона. Это быстро сказалось на здоровье заключенных, люди стали падать и умирать в забоях, на дорогах...

Прибрел сюда и я, проделав двадцатикилометровый путь за день, отдохнув с часок еще в попутной командировке. Работа была в общем-то легкой: на трассе нужно было засыпать ямки, очищать дорогу от мусора, приводить в порядок кюветы, на скотном дворе пасти свиней, убирать навоз и др. Посылали не всех, сначала давали несколько оправиться от тяжелого истощения. И те, кто оставался в зоне, приводили в порядок территорию лагеря, бараки, столовую.

Десятки пройденных дорожных командировок и лагпунктов, однообразных по внешнему виду, по режиму, в них царившему, в то же время, сильно отличались друг от друга. В первую очередь это зависело от того тона, который задавал начальник лагпункта, от распоряжений, которые шли к нему сверху, от положения на фронтах Отечественной войны, от вохровцев, нас охраняющих, и... от времени года.

Здесь, на «Аннушке», как и везде на Колыме, нас регулярно обыскивали. Шмон в бараках никого не удивлял, только заставлял искать потаенные уголки в стенах и постелях, где можно было спрятать ножик, сделанный из обрезка железа, карандаш и другие недозволенные предметы. В этот уголок прятались и уцелевшие от нескончаемых шмонов письма и фотографии, полученные еще во время свиданий на пересылке в Ленинграде.

Иногда меня вызывал к себе по вечерам начальник КВЧ и заставлял писать разные лозунги и показатели работы на трассе. Я с удовольствием сидел в тишине и старательно выводил буквы и цифры, отдыхая за знакомым мне трудом. Работу по возможности растягивал, чтобы продлить удовольствие. Внешность начальника в моей памяти не сохранилась. Вызвав меня и дав мне задание, он быстро исчезал, сделанную работу я оставлял на столе и уходил поздно ночью. Вспоминаю начальника УРС — небольшого роста, плотного татарина, иногда заходившего в комнату, где я работал. Он расспрашивал о моей работе до ареста, о семье. В его расспросах проскальзывало какое-то недоумение, у него ведь были личные дела более сотни зеков, многие из них до ареста были инженерами, крупными партийными работниками, артистами. И, может быть, перебирая эти личные дела, он задумывался о судьбах этих людей и допытывался о причинах перелома в их жизни. Мне пришлось с ним встречаться на другой командировке и слышать о неизменно хорошем отношении его к нам, зекам. В 1944 г. он уехал на фронт и там погиб смертью храбрых, как я узнал позже. Вообще, если оставались один на один с начальниками, разговор принимал иной характер, чем на людях.

Из больных в стационаре при мне умерли двое: Арон, часовщик из Москвы, высокий, исхудавший донельзя еврей, лежавший с поносом, остановить который мешал он сам, менявший пайку хлеба или супа на табак, который он прятал у себя под подушкой. Он не верил ни врачу, ни мне, с каждым днем слабел и умер незаметно для всех.

Смерть второго больного — Михаила Михайловича Скворцова — была для меня большой потерей. Мы с ним два-три месяца вместе работали на дороге в предыдущем лагере, сдружились и до назначения меня санитаром всегда спали рядышком. Михаил Михайлович Скворцов до ареста был инспектором школ Валдайской (?) района, родился он в Крестцах Новгородской обл., до революции был земским инспектором школ. Человек моих лет (около 50), начитанный, с мягким характером, отзывчивый на несчастья всякого рода, часто с нами случавшиеся, он был любим большинством зеков. Однажды, назначенный пасти свиней, он забыл надеть пояс и, гоняясь за свиньями, ущемил грыжу. Сделать операцию в наших условиях было нельзя, врач боялся ответственности, попытки вправить ее даже под наркозом и усилиями врача не удавались. Начальник санчасти запросил санитарную машину. Помню, когда страдания М. М. стали особенно мучительны, лагерь посетило какое-то начальство. Во время обхода врач стационара доложил о необходимости срочной отправки Михаила Михайловича на операцию. Начальство записало, но машины не прислало, забыло. Мы с врачом делали новые попытки вправить грыжу, но безуспешно. Однажды ночью я был разбужен чьим-то криком, это он упал с кровати. Так скончался один из тысяч и тысяч

невинно пострадавших людей, не увидевших свободы и свидания с родными. Сколько погибло таких, как Михаил Михайлович, из-за пренебрежения к нам, зекам, из-за неоказания своевременной помощи! Вещички и несколько рублей М. М. я поделил между больными, оставив себе его старенький бумажник, который до сих пор хранится у меня — память о прекрасном человеке, загубленном ни за что.

Хоронили его на кладбище для зеков. Хоронить заключенных полагалось голыми, и я, за то, что не снял с него нижнего белья, был отруган на вахте начальником лагпункта с обещанием вычестить стоимость белья из моей зарплаты, которую я, к слову сказать, никогда не получал. Умерших заключенных захивали в мешок, привязывали двумя концами к палке, два зека несли мешок, положив палку на плечи. У могилы, выкопанной неглубоко, в особенности зимой, когда почва промерзала почти на метр, развязывали мешок, сбрасывали в яму труп, засыпали как попало землей. В холмик вколачивали дощечку с лагерным номером. И все.

Мое бригадирство

1942 г.

То был лагпункт, заключенные которого строили узкоколейную железную дорогу от Магадана до Палатки. Попал я на него из Магаданской больницы, еще не совсем оправившись от состояния доходяги и не вылечившись от обморожения пальцев на ногах.

Однажды я очутился в первом ряду справа. Начальник лагпункта, осматривающий нас у вахты, подошел ко мне, показывая на меня пальцем, сказал: «Будешь бригадиром, но чтобы ни одного не потерял. Как будешь работать, мне все равно, но чтобы обратно пришли все, только тогда пушу обратно в лагерь». «Выходи, первая, вторая, третья!..» — и мы очутились вне зоны. Конвойного нам не дали.

Благодаря более легкому режиму работы, ребята мои несколько окрепли, только трое из них ушли в больницу и не вернулись. В конце сентября бригады стали возить на автомашинах километров за 10—15 от лагпункта. Возили и нас, но за нами посылали машину позже всех, и мы приезжали, когда лагерь уже спал, и на ужин нам доставались весьма скромные остатки. Днем обед привозили нам также самым последним.

В октябре начался снегопад. Ожидая машины, мы сидели вокруг костра, часто вспоминали картину Верещагина о 1812 г., где снег так же засыпал французов, сидящих у костра. Хотя от моей бригады многого не требовали, но все же нам было тяжелее, чем другим. Недоедание, работа большую часть времени на морозе — все это делало свое дело. Народ был слабый, и мне приходилось подольше держать их у костра, поставив на стреме дежурных, по знаку которых при приближении начальства заставлял приниматься за работу. За такие поблажки мне иногда доставалось от десятника. Немного выручали мои знакомства на кухне. Как-то приехав поздно вечером с работы и придя в столовую, я начал скандалить с раздатчиком, который наливал работягам всего по полмиски. На шум из кухни вышел мой знакомый, ярко-рыжий парень, с которым мы недели две работали вместе в бригаде. Он оказался совсем недавно назначенным поваром. Узнав меня, он приволок большой бидон с кашей и отдал его в мое распоряжение. Работяги наелись «от пуза». Теперь каждый день мы получали такой бидон с кашей или с супом. Блат и в лагере решает все!

Бригадирство мое кончилось так же внезапно, как и началось. Однажды к нам на участок неожиданно для дежурных явился десятник в сопровождении начальника лагпункта, который, увидев зеков, отскакивающих от костра, набросился на меня. Когда я стал доказывать, что надо жалеть людей, добиваться от них выполнения задания нормальным отношением, и стал говорить, в каких условиях находится моя бригада, начальник лагеря закричал: «Ты что контрреволюцию у меня разводишь!» Я, конечно, стал возражать, доказывая обратное. Тогда начальник велел десятнику немедленно снять меня с бригадирства и, пригрозив расправой, ушел. Десятник тут же назначил одного из моих помощников — бытовика. Вскоре меня перекинули в другую бригаду, которая была в свою очередь через несколько дней переброшена в другой барак в 10 км от нашего. Пришлось снова знакомиться с соседями по нарам, опять воевать с бытовиками за существование. За 2—3 дня до отъезда я подрался с новым бригадиром бывшей моей бригады. Мы спали с ним рядом, и он начал мне внушать, что я сваял дурака, что начальник лагпункта мне не простит. Слово за слово, мы разругались и

тут же на нарах здорово подрались, и если бы нас не разнял дежурный криком «на поверку», мы изрядно избили бы друг друга.

На новом участке попали в ужасные условия. Барак, в котором нам предстояло жить, был построен буквально дня два тому назад и в самом спешном порядке. Стены из сырых бревен, даже не ошкуренных, нары двойные из жердей, крыша плоская, на жерди набросаны словые ветки, на них дерн. Сырость увеличивалась, когда после работы мы затапливали железные бочки, приспособленные под печки, и тогда с потолка начинала капать черный грязный дождик — это таял снег на дерне. Хлев у бедняка-крестьянина лучше, чем этот барак. Он берег свою скотину. На работу выходили измученные. Выспаться на жердях без всякой подстилки, когда в распоряжении бушлат, доходивший только до колен, было невозможно. Телогрейку и ватные брюки не снимали, хотя печка накалялась докрасна. В палате стояла пронизывающая сырость. Шум и смех слышались редко. Все ходили угрюмые, только ругань висела в воздухе.

Зато было радостно встретить здесь Израиля Рейхвангера, обрадовавшегося не меньше, чем я. Постарались разместиться вместе. У него было одеяло, у меня простыня. Расстелили простыню на бушлаты, закрылись одеялом и, прижимаясь к друг другу и долго проговорив, заснули, довольные неожиданным свиданием.

Работали так же рядом, главным образом на расчистке дороги от снега. К вечеру на трассе оставались одни слабые, в том числе и мы с Израилем. Возвращались усталые поздно, когда котел с жидкой кашей или баландой уже остывал, еле почти ежедневно холодную пищу. Получали иногда добавки, за это надо было отчищать котлы. Каждый вечер после ужина (обедать ходили в лагерь) завернутую вокруг шеи вместо шарфа простыню я стряхивал над печкой, при этом был ясно слышен треск лопавшихся от жара вшей. Израиль обматывал одеяло вокруг пояса. Это был единственный способ сохранения нашего единственного укрытия.

...Анкило левого голеностопного сустава давал себя знать, к вечеру нога болела, а тут и правая нога распухла, открылась рана на голени, и я не мог снять кожаные сапоги. Да старые обморожения не заживали. Пришлось идти к врачу. Вольнонаемная врачиха («ленила»), жена одного из начальников, едва ли могла называться врачом. Кричала на больного, орала, что ей жалко на меня тратить перевязочный материал. Было обидно и горько. Меня утешал ожидавший в очереди научный работник Института этнографии, с дочерью которого мне пришлось как-то ездить по череповецким колхозам с лекциями. От такого «врачевания», от непосильной работы на морозе и других «прелестей» жизни на этом лагпункте я быстро дошел, скоро поднимать распухшие ноги был уже не в силах.

Израиль каким-то чудом получил посылку, но нам не пришлось ею воспользоваться. Получал он ее за зоной после работы, принес раскрытой с уже изъятым, подаренным на вахте мешочком конфет. Сели мы рядышком, предвкушая давно забытые наслаждения, но только съели по черносливке, как посылку выхватили из рук два здоровенных верзилы, неожиданно соскочивших с верхних нар. Посылка исчезла моментально. Нагло усмехаясь, урки предложили залезть наверх и поискать, заверяя, что они ничего не видели и ничего не знают. Мы были уже ученые и на эти розыски не пошли. Бедный Израиль долго не мог заснуть, ворочался, вздыхал и, кажется, плакал с досады.

Снова больница

1943 г.

Скоро нам пришлось расстаться. Меня назначили в этап в Магаданскую больницу. Хотя я уже был в том индифферентном состоянии, когда питание мозга серьезно нарушено, овладевала физическая слабость, апатия, мне было очень грустно. Прощались, как всегда на Колыме, без всякой надежды увидеться.

В больницу отправлялось всего 5 или 6 человек, стояли морозные, до 40°. нас погрузили на машину, накрыли одеялом. Скорчившись и прижавшись друг к другу, в пути мы все равно стали постепенно замерзать. Ехали 1,5—2 часа. Сняли нас с машины полузамерзших около котельной больницы. В котельной, у кипящих емкостей, мы постепенно пришли в себя. Стрельнули у кочегара махорки и курили по очереди, наслаждаясь теплом.

Часа через три пришел какой-то врач, тут же в котельной начал нас осматривать. Ругался, что присылают здоровых людей, долго думал, что делать со мной, отправил обратно двоих из нас, кто поздоровее. Остальных четверых проводил в приемный

барак. Пожилая сестра повела меня в ванну и вымыла, как ребенка. Я так исхудал, что с неприятным чувством прикасался к своим острым ребрам, почти отсутствующим ягодицам, пятнам от укусов вшей. До сих пор помню, как осторожно помогла мне сестра влезть в ванну, помогла заносить ноги, мыла меня и вытирала чистым полотенцем. Ощущение теплой воды, чистоты от мытья я давно не испытывал. До сих пор вспоминаю эту женщину, вероятно, сидевшую в лагере за мужа или другого родственника, благодарен ей за человеческое отношение, которое, несмотря на мое равнодушие ко всему, что со мной происходило, оставило во мне незабываемое ощущение людской доброты. Лица ее я теперь не помню, но тогда мог узнать из многих женщин, которых видел в больнице. Она же привела меня в палату, дежурная сестра указала койку, и я уснул крепким сном в тепле, чистоте, испытывая тихую радость и покой.

Проснулся с ощущением чего-то нового, необычного. Увидел чистую комнату с двумя десятками кроватей, спящими больными. На тумбочке около меня стояла миска с кашей, кружка с компотом и пайка хлеба. Быстро расправившись со всем этим, я опять крепко заснул и проснулся, когда медсестра разбудила меня, протягивая градусник. Начался обычный день, знакомый по четырехмесячному лежанию в стационаре на Н. Атурехе. Но здешние условия сильно отличались от жизни в том стационаре-палатке. Исключительный порядок, женский медперсонал создавали необычный для лагерной больницы уют. Пайка хлеба 800 гр. Питание и по количеству и по качеству отличалось от лагерного и прежнего стационарного. Видно, здесь почти не крали.

Большинство больных в этой палате были из лагеря на берегу моря. Там был временный лагерь для постройки дороги к будущему прииску по добыче не то олова, не то другого какого-то металла. Продукты и оборудование были завезены еще летом, их было очень много. Начались холода, снегопад, задул какой-то необычной силы ветер, который не только валил людей с ног, но опрокидывал трактора, срывал палатки. Нельзя было испечь хлеб, сварить пищу, вместо хлеба давали муку, и зеки пекли лепешки на железной печи. Начались обморожения, переохлаждения, простудные заболевания, травмы, упадок сил. Сорванные палатки приходилось помногу раз закреплять. В уборную можно было добираться только по канату. Все силы уходили на борьбу со стихией. Зеки, несомненно, погибли бы здесь все до одного, если бы не капитан парохода, прибывшего с новой партией з/к и продовольствием. Узнав о положении дел в лагере, капитан неоднократно телеграммами в Магадан и в Москву добился вывоза з/к из этого лагеря. К тому времени большинство из них уже были больны и обморожены. Еле-еле с большими трудностями команде удалось забрать их на пароход. В лагере осталось десятка два человек, для охраны огромного запаса продовольствия. Товарищи с благодарностью вспоминали капитана, который не убоялся возможной кары за защиту з/к и спас жизнь многим людям.

Как-то вечером, уже после ужина, ко мне наклонилась незнакомая медсестра, внимательно посмотрела на меня и разочарованная подняла голову. Она искала своего мужа — Скокова и, не разобрав хорошо мою фамилию в записях, предположила, что это он. Муж ее, советский гражданин, работал на КВЖД и после продажи дороги японцам выехал в числе нескольких тысяч советских граждан из Маньчжурии. Работал не то в Хабаровске, не то во Владивостоке. В 1937 г. всех КВЖДевцев забрали. Забрали и ее мужа, и ее. Посадили в лагерь, а двоих детей, мальчиков лет 10—12, отправили в детский дом. И вот теперь мать не знала, где ее дети, что с ними, не знала ничего и о своем муже и расспрашивала у кого только возможно, не встречали ли з/к по фамилии Скоков.

Отмороженные пальцы скоро начали заживать, благодаря врачам и медсестрам, добавочным порциям супа и хлеба. Я стал быстро физически крепнуть и, пролежав около трех недель, был выписан в распределительный пункт больницы. Это было около 1 января. По всем лагерям Колымы проводилась перепись з/к, поэтому всякие перемещения из лагеря в лагерь были прекращены. Мне пришлось пробыть в распределительном пункте еще около трех недель. То был барак человек на 50—60. Он постепенно заполнялся, и скоро население его превысило 60 человек. Стало очень шумно. Играли в карты, ругались, что-то делили. Урки получали от своих «марух», «швабр», работающих в больнице, посылки, к ним примазывались разные подонки из бытовиков, чаще всего мальчишки лет 16—18. Обедать ходили в столовую, после обеда медперсонала. Урки из столовой куда-то уходили и иногда возвращались с до-

бычей. Однажды влипли, пришли вохровцы, с большим шумом забрали, вернее поволокли, несколько человек. Главарь — среднего роста, лет 30—35, ходивший всегда в меховом жилете, остался. Но скоро пришли и за ним. Он отчаянно сопротивлялся, кричал, визжал, когда его, связанного, с кляпом во рту, выносили из барака. Жизнь стало поспокойнее. Я по приглашению заведующего почти с самого начала стал работать в столовой.

Работа была легкой, интересно было прислушиваться к разговорам женщин, у которых шла незнакомая мне жизнь. Как-то раз, убирая со стола миски, я услышал разговор о Томске. Стал расспрашивать женщин о моей жене, и одна из них сказала, что сидела с ней в Томске, знает ее хорошо, она была раздатчицей. Рассказала, в каких условиях они там жили, но все наспех. Встречал я ее еще несколько раз, но она всегда спешила, да и знала немного. К этому времени я уже сам знал, что жена моя, пробыв два года в спецлагере Томской тюрьмы, вместе с несколькими тысячами женщин, была увезена в Яя, где работала на швейной фабрике в невероятно тяжелых условиях.

Холодно

1944 г.

Небольшой лагпункт в 9 км от Колымы. Два барака. Один для бытовиков, другой для нас, контриков. Наш за проволочным забором. Около бытовиков кухня. На берегу Колымы поселок. Идя на работу, проходили мимо него. После проверки нас запирают, параша в тамбуре. Барак обычный, нары двойные, сплошные, одно окно, нас человек 25. Народ все слабый. С началом войны сильно уменьшили паек, хлеба дают 400 г, люди больше слабеют. 9 км идем медленно. Долбим скалу, расширяем дорогу, спускающуюся к Колыме. Зимой здесь будут ходить машины на ту сторону, укорачивая путь. Небольшие причалы, к которым и ведет этот спуск.

Холодно, разжигаем костры из собранных на берегу разных кусков дерева. Вохровцы здесь демократичны, не мучают придирками, особенно не следят ни за работой, ни за тем, что ходим по берегу собирать дрова. Убежать никто не думает. С нашими силами, когда еле-еле передвигаем ноги, обутые в лапти. Да и куда? Одежка старая, занушенная, в заплатах, короткая.

Работа тяжелая, в скале надо пробить хоть и небольшой участок, но в вечной мерзлоте, в каком-то особом твердом грунте. Хорошо, если за день выбьешь вглубь сантиметров 5—6 на площади 10—15 см! И то каждый час по 10 мин. отдыхаем у костра. Обедать «домой» не ходим, у костра съедаем частичку хлеба, оставляя из 400 г на обед и ужин. Как трудно удержаться от того, чтобы не съесть весь остаток хлеба сразу тут же у костра!

Обратно идем, шаркая от усталости лаптями по плотно утопанной дороге.

Однажды один из партий упал, мы столпились вокруг и не можем ничем ему помочь. Он гас у нас на глазах, полумертвого мы его еле дотащили до амбулатории, что около лагеря. Но врач уже ничем не мог помочь бедолаге.

Скудный обед, а вместе с ним и ужин немного подкрепили нас, но не избавили от тяжелого настроения, хотя никто с умершим товарищем близок не был, он был прокурором, а к ним в лагере симпатий никто не питал, наоборот...

Вспоминается, как на Шпалерке, в общей камере, куда после окончания суда меня перевели, один прокурор имел глупость наново рассказать, как «напрасно попал в тюрьму». Он был в отставке и часто с женой ходил в гости к своему товарищу, также прокурору, но еще работающему. Как-то после одного возвращения бывший прокурор, уже лежа в постели, обращается к жене, прибивавшей в комнате: «Я вспоминаю наш сегодняшний разговор и думаю, чтоб было глупо вести беседу на эти темы». Жена поддакнула, напомнила мужу о какой-то его чересчур «вольной» фразе, и они, убоясь возможных последствий, решили написать об этой вольной фразе в ГБ. Прокурор, опытный в этих делах, лежа, продиктовал жене заявление. На просьбу подписать его, так как утром она намеревалась заявление отправить, он ответил: «Какое имеет это значение, подпиши сама». Через несколько дней прокурор был арестован, ему было предъявлено обвинение в контрреволюционных разговорах. Он пытался объяснить, что сам диктовал заявление и что подписала за него жена. Его водворили в нашу камеру. Очевидно, он не понимал, что был доносчиком, если рассказывал о своих «подвигах». Заслужил наше общее презрение, и исподтишка молодежь даже да-

вала ему знать это физически.

Подружился с молодым человеком, бывшим студентом библиотечного института, арестованным за шпионаж. Его сестра, проживающая в Англии, прислала ему костюм. В 1937 г. ему пришили ПШ (побуждение в шпионаже) и дали 5 лет. Но 5 лет заключения кончились во время войны, и его оставили в этом же положении до особого распоряжения!

Из жизни на этом лагпункте вспоминаются два случая. Однажды после работы и принятия пищи, когда нас уже заперли, кто-то из наших полез под нары и вытащил оттуда двух дохлых поросят. Поднялся шум. Выяснилось, что они подобраны на помойке, около поселка. «Винновником» был молодой парень, очень исхудавший и вечно голодный. Все мы были голодны, но примириться с тем, что человек собирается съесть эту падаль, мы не могли. Поросята немедленно были брошены в парашу. Парню стали внушать, что голодные имеют еще некоторые шансы выжить, но искать пищу на помойках и есть всякие отбросы значит обречь себя на верную смерть: отравление и понос, который ничем нельзя излечить.

Случай другого порядка всколыхнул в нас уже зависть и злобу.

Утром начальник лагпункта велел одному зеку-поляку остаться в бараке. Придя с работы, мы увидели его в новеньком обмундировании, и он нам заявил, что его отправляют в Магадан. Слухом земля полнится, и мы уже слышали о формировании Войска Польского, откровенно завидовали этому поляку, досадуя на то, что заявления многих молодых зеков с просьбой отправить их на фронт, оставались без ответа.

Поляк этот, крестьянин, лет около 35, лежал около меня, и мы с ним потихоньку иногда обменивались воспоминаниями о прежней жизни. Сидел он за переход через границу. Бежал он в Советский Союз от тягот жизни крестьянина-батрака. На границе его поймали наши пограничники, а затем он попал в лагерь, на какой срок, не помню. Подобный же беглец, но из Чехословакии, юноша 16—17 лет, тоже был у нас в лагере, в бараке бытовиков. ВОХР приспособил его для услуг. Он носил им воду, дрова, топил печь и т. д. Заходил и к нам. Приятный в обращении, он относился к своему положению даже юмористически. Всегда рассказывал из своей жизни что-нибудь забавное, и его приход улучшал настроение. Все мы искренне жалели его за потерянную им надежду на светлую жизнь в Советском Союзе, где он хотел получить образование.

Через две недели мое здоровье сильно ухудшилось, врач, бывший эмигрант из Америки, сидящий также за приезд в СССР, где он мечтал найти свое счастье, стал освобождать меня от работы и через несколько дней мне было велено собираться и вместе с татаринном-бытовиком, спекулянтом, продававшим махорку, мы пошли на другой лагпункт, на прииск, в барак дорожников. Бытовики были опять освобождены от конвоя...

В лагере было два больших бревенчатых барака, столовая и кухня, амбулатория с двумя койками. В бараке нары вдоль стен были одинарными, но из толстых жердей, спать без подстилок на них было дополнительным мучением, а подстелить было нечего. Рядом со мною около самой стенки спал красивый, средних лет, с лицом Христа зек, осужденный за отказ получать советский паспорт. Каждый вечер он долго молился. На работу в воскресенье не ходил и за это вскоре после нашего знакомства попал в РУР (БУР). Он в лагере не один год: окончится срок, его выпустят, пристроится работать где-нибудь в поселке, но без прописки, паспорт брать отказывался — и снова получал год-два.

Каждую ночь нас ошупывали урки, надеясь что-либо найти, но мы не оставляли даже кусочка хлеба. По утрам в бараке, как всегда, стоял страшный шум. Чтобы не идти на работу, урки забирались под нары, конвойные приходили с собаками — лай, ругань, истеричные крики выволакиваемых из барака. И так почти ежедневно. Некоторых «отказников» тащили неодетыми к воротам, сажали, вернее клали на сани и вывозили за вахту, а там сдавали десятнику. Полураздетым оставалось сдать «на милость победителя», согласиться идти работать при условии получения одежды и пайки хлеба.

Через несколько дней, почувствовал себя плохо, я пришел было в амбулаторию, но упал без сознания, не дождавись осмотра. После двух дней отдыха меня вместе с небольшой партией имеющих ЛФТ отправили на инвалидку.

ЛЮ ШАОБИНЬ

В № 3 журнала «Цигун и спорт» продолжена начатая в № 2 серия публикаций о тяньчжуской системе цигун — комплексе самобытных методик психофизиологического тренинга. Создатель этой системы, известный мастер Лю Шаобинь, рассказывает об истории ее формирования, особенностях и теоретических основаниях, дает подробные описания упражнений. Представленная здесь статья — краткий очерк тяньчжуской системы и ее важнейших категорий. Статья дана в сокращении. С полным текстом вы можете ознакомиться в № 3 журнала «Цигун и спорт».

Корни тяньчжуской системы цигун ведут к древнему «искусству внутренней пилюли». История китайской культуры знала и другой термин — «внешняя пилюля», противоположный по значению понятию «внутренняя пилюля», но и теснейшим образом связанный с ним.

«Внешней» называлась некая «золотая пилюля», которую предписывалось изготавливать из свинцовой ртути и других ингредиентов. Они оплавливались в особых алхимических тиглях на треножнике. Результат этой плавки именовали «пилюлей бессмертия». Средневековые даосы верили, что, приняв ее, можно продлевать жизнь и даже жить вечно, не старея. В эпоху Тан (VI—IX века) целых шесть императоров, рассчитывавших достичь этой цели, скончались после приема алхимического снадобья. С тех времен «искусство внешней пилюли» («внешняя» алхимия) начало приходить в упадок. Однако оно успело внести весомый вклад в традиционную китайскую фармакологию: ему обязаны своим созданием многие лекарства, полученные в результате алхимических опытов. А терминология «внешней» алхимии была унаследована «внутренней» алхимией, получив иное содержание.

«Искусство внутренней пилюли» — это даосская система совершенствования и закалки, тот самый «чудесный росток» китайского цигун, корни которого уходят далеко в глубину веков. Еще в трактате даосского врачевателя I—II веков Вэй Бояна «Чжоу и цань тун ци» («Единение триады согласно «Чжоу и») упоминалось о неких пилюлях, обеспечивающих почти бесконечную жизнь, но названия «внутренняя пилюля» еще не существовало. Но уже в эпоху Восточная Цзинь (IV — начало V века) даос Сюй Сюнь в разделе «Фу ци цзюэ» («Ключи к [искусству] поглощения ци») трактата «Лин цзянь цзы» («Меч духа») писал о «регулировании поглощения ци» с целью «применения внутренней пилюли».

В эпоху Тан начался подъем «искусства внутренней пилюли». Один за другим создавались трактаты о нем. В эпохи Сун и Юань (X—XIV века) «искусство внутренней пилюли» достигло наивысшего расцвета. В эпоху Южная Сун (XI — начало XIII века) Чжан Бодуань создал свой знаменитый трактат «У чжэнь пянь» («Главы о прозрении истины»). В X—XII веках эта практика уже широко использовалась даосской школой Цюаньчжэньдао («Путь абсолютной истины»). В эпохи Мин (XIV—XVII века) и Цин (1644—1911 годы) школ и направлений «внутренней пилюли» было множество, но теоретические основы большинства из них восходили к трактатам Вэй Бояна и Чжан Бодуаня¹.

«Внутренняя пилюля» приготавливается внутри организма из таких ингредиентов, как «семя», ци и «дух». В качестве алхимического треножника здесь фигурирует сам организм, как мехи для нагнетания воздуха — «дух», а «ветром» (воздухом, раздувающим огонь) служит ци, получаемая при дыхании. «Огненной средой», в которой про-

изводится «плавка», выступают «дух» и «мысль». Процесс «выплавления пилюли» принято делить на четыре этапа:

1. «Закладывание основы». В первую очередь предписывалось избавиться от болезней, восстановить нарушенные функции, пополнить запасы «семени», ци и «духа». 2. «Сплавление семени, ци и духа». Этот этап назывался «начальной заставой». «Семя», ци и «дух» «завязывались» в некое «малое снадобье», которое направлялось в циркуляцию по «малому небесному кругу» — задне- и переднесрединному меридианам. 3. «Выплавление духа из ци». Этот этап именовался «средней заставой». Его главное содержание — устранение субстанции инь в ходе «плавки», с тем чтобы «великое снадобье», то есть субстанции собственно «пилюли» состояло исключительно из «чистой ян». Циркуляция по «большому небесному кругу»² превращает «великое снадобье» в «золотую пилюлю». 4. «Плавка духа с возвращением к пустотности»³. Данный этап рассматривался как «высшая заставка».

Базовый этап в тяньчжуской системе цигун завершается уже в ходе освоения динамических упражнений, когда в результате «сбора ци инь и ян для выплавления пилюли» и «перемещения ци пилюли» накоплен достаточный запас «снадобья», достигнута полная «проходимость» меридианов и коллатералей. «Завязывание пилюли» и закалка ци посредством вовлечения ее в «небесный круг» закладывают хорошую базу для второго этапа — «начальной заставы». Этот этап завершается 36-дневной отработкой сосредоточения на нижней области даньтянь с перемещением ци по «малому небесному кругу» и обеспечивает вхождение в следующий этап — «среднюю заставку». Здесь с помощью упражнения «приведение ци пилюли к изначальности» устанавливается циркуляция ци между средней и нижней областями даньтянь. Через определенный срок при условии правильного выполнения упражнений «ци пилюли» будет свободно перемещаться по этому пути или даже по «большому небесному кругу».

Что касается «плавки духа с возвращением к пустотности», то этот процесс считался у даосов тайным, многие его методы не фиксировались письменно. Исходя из своего опыта, могу сказать, что данный этап представляет собой такой период, когда осуществляется постепенный переход к состоянию «забытия себя и вещей», то есть исчезновения границы между своим восприятием и окружающим миром. В этот период во время занятий иногда возникают галлюцинации. Когда они будут полностью устранены, может появиться «внутреннее видение» — способность видеть собственные меридианы, артерии, циркуляцию по ним ци и т. п. На разных этапах занятий появляются разные психические реакции. В дальнейшем наступает «внезапное просветление» — «прояснение сердца и прозрение собственной природы».

Применительно к тяньчжуской системе цигун главными понятиями, пришедшими из «внутренней алхимии», являются такие, как «снадобье» (или «лекарственные ингредиенты»), «огненная среда», три области даньтянь и «три заставки».

«Снадобье», или «лекарственные ингредиенты» — это «семя», ци и «дух». Они именуются также «тремя драгоценностями», «тремя родами высшего снадобья» и представляют собой движущие жизненные силы и материальные основания организма, воплощение его жизнедеятельности. Задачи «набора семени», «накопления ци» и «достижения полноты духа» красной нитью проходят через весь процесс «выплавления внутренней пилюли», который фактически представляет собой процесс «закалки» этих субстанций.

«Семя»-цзин — базовая материальная субстанция⁴, образующая человеческий организм, материальная основа деятельности всех его функциональных систем. «Семя» подразделяется на «прежде небесное», полученное организмом от родителей, и «после небесное», извлекаемое из пищи и питья и накапливаемое почками. Оба вида «семени» поддерживают жизнедеятельность организма и содействуют его росту и развитию. Во «внутренней» алхимии «семя» считалось объемлющим все жизненные функции, при этом выделялись такие его виды, как «изначальное», «прежде небесное», «после небесное»⁵ и другие. Всего насчитывалось более 80 обозначений «семени». Оно считалось главным компонентом «внутренней пилюли». Предполагалось, что «расцвет осеменной ци»⁶ способствует продлению жизни, а ее недостаточность — преждевременному одряхлению.

Ци — это, по традиционным представлениям, исконная материальная субстанция, образующая мир. Все вещи, процессы и явления во Вселенной возникают вследствие

движения и трансформации ци. В обеспечении жизнедеятельности ей принадлежит чрезвычайно важная роль. Во-первых, ци — движущая сила рождения, роста, развития человека и его функциональных возможностей. Во-вторых, благодаря ци поддерживается тепловой баланс в организме. В-третьих, ци играет и иммунную роль: «здоровая» ци в организме препятствует воздействию на него патогенных факторов. В-четвертых, благодаря ци организм структурирован — органы имеют определенную локализацию, выполняют определенные функции, так же как кровь и секреторные жидкости. В-пятых, трансформации ци обеспечивают превращение веществ в организме. В-шестых, ци выполняет функции питания организма.

Ци подразделяется на «изначальную», «главную», «питающую», «охранительную» и т. д. «Изначальная» ци называется также «истинной». Исконная, присутствующая в организме от рождения «изначальная» ци относится к «прежде небесной» ци и является самой важной субстанцией в практике цигун. Так называемые «главная», «питающая» и «охранительная» ци — виды «после небесной» ци. Они обеспечивают работу сердца, системы дыхания, питание и иммунные функции организма. «Внутренняя» алхимия считала «матерью пилюли (бессмертия)» «прежде небесную» ци, а «после небесную» ци — тем, что «согревает и питает» «прежде небесную» ци, одним из функциональных компонентов процесса «приготовления пилюли».

«Дух»-шэнь представляет собой высшее проявление жизнедеятельности, активность сознания и мышления. В организме он занимает «управленческие» позиции. В искусстве внутренней пилюли высшей стадией считается «возвращение духа в пустотность». «Дух и мысль» рассматриваются как один из компонентов процесса приготовления «пилюли». Как и «семя», «дух» в традиции «внутренней» алхимии имел более 80 наименований.

Считается, что «семя», ци и «дух» могут превращаться друг в друга. Все операции с «тремя драгоценностями» преследовали три цели: первая — «сохранить их, не растеряв» («три драгоценности ушей, глаз и рта плотно запереть, чтобы они не распространились [вовне]»); вторая — «стимулировать изначальное семя, изначальную ци и изначальный дух»; третья — «сбор [семени, ци и духа] извне для их] укрепления [внутри тела]».

Даньтянь — «киноварные поля», или «поля пилюли» — три специфические области. Нижняя из них расположена на уровне точки цихай (в 1,5 цуня книзу от пупка), но на 3 цуня от нее вглубь тела, напротив точки цихай и точки минмэнь на спине⁷. Это место сосредоточения «подвижной ци» — как раз между почками — является «центром центров» человеческого организма, местом хранения «прежде небесной» и «после небесной» ци. Считается, что сосредоточение на этой области побуждает «семя», ци и «дух» возвратиться в нее (свое «жилище»), чтобы в ходе «плавки» «семя превратилось в ци».

Средняя область даньтянь размещается в месте горизонтальной проекции точки шаньжун (расположенной на грудной кости) в глубь туловища, на расстояние 3 цуней от поверхности тела. Шаньжун — это «море ци четырех морей»⁸ человеческого организма, то есть некой интегральной ци человеческого тела, «место сосредоточения главной ци». Эта область обуславливает и сердечный пульс, и дыхание. Здесь осуществляется «плавка для превращения ци в дух», отсюда возможно воздействие на циркуляцию ци в организме — на так называемые «сто пульсов»⁹, с тем чтобы они способствовали созданию пилюли.

Верхняя область даньтянь локализована в 3 цунях от точки иньтан (эта точка расположена между бровями), в глубине черепной коробки. Ее называли «воротами в девять полостей»¹⁰, «жилищем изначального духа». Сосредоточение на этой области может способствовать вскрытию резервных возможностей человека, «просветлению сердца и видению собственной природы», погружению в более глубокие уровни «плавки [пилюли] с возвращением духа к пустотности».

Так называемые «три заставы» — это своего рода «узкие места» заднесрединного меридиана думай, «труднопроходимые» для «ци пилюли» (не путать с «заставами» — этапами «плавки». — Пер.). Первая снизу — «застава» вэйлюй расположена в нижней части спины, в области точки чанцян (на середине расстояния между копчиком и задним проходом). «Застава» цзяцзи, или лулу¹¹ размещается на середине двадцать четвертого позвонка, а «застава» юйчжэнь — на затылочной части головы между точками фэнчи, расположенными в костных ямках сзади по сторонам головы на уровне

наружного слухового прохода. Наиболее «труднопреодолимой», особенно для начинающих, считается «застава» юйчжэнь, которая именуется иногда «железной стеной». Для успешного «преодоления застав» необходимы определенные навыки.

«Треножник с печью» — понятие, по-разному трактуемое различными школами. В тяньчжуской системе на первом этапе («начальная застава») принято считать «треножником» верхнюю область даньтянь, «печью» — нижнюю, а система их взаимодействия именуется «большим треножником с печью». На этапе «[преодоления] средней заставы» в роли «треножника» выступает средняя область даньтянь, «печи» — нижняя, вместе же они называются «малым треножником с печью». На этапе «[преодоления] начальной заставы» сосредоточение на нижней области даньтянь, ассоциируемой с «печью», приводит в движение «ци пилюли», которая начинает циркулировать по меридианам жэньмай и думай.

На этапе «[преодоления] средней заставы» акцент делается на сосредоточении на средней области даньтянь — «треножнике». Тем самым подразумевается, что в тигле треножника уже образовалось «снадобье», которое должно подвергнуться дальнейшей плавке, циркулируя между средней и нижней областями даньтянь. Причем сосредоточение не должно быть чрезмерно упорным, можно сосредоточиваться и на идее «треножника с печью» в целом.

«Огненная среда» — это ключевое понятие «искусства внутренней пилюли». «Утонченность огненной среды» считалась условием «одоухотворения» и превращения в «бессмертного». В теории тяньчжуской системы цигун «огненную среду» составляют «дух и мысль», а также вдыхаемая и выдыхаемая ци, причем «дух» является «огнем», «дыхание», как уже отмечалось, выполняет роль «ветра» — воздуха, раздувающего огонь.

Тяньчжуская система цигун, объединившая технику «внутренней» алхимии, даоинь¹² и «сбора [семени, ци и духа] извне для их] укрепления [внутри организма]», открыла перед «внутренней» алхимией новые перспективы.

Тяньчжуское «искусство динамического выплавления внутренней пилюли» (дунлянь нэйданьшу) включает разнообразные методики. Но базовые принципы последовательности действий остаются неизменными: «сбор осеменной ци», «девять циркуляций [для] превращения [ци в] пилюлю», «проведение [пилюли] по небесному кругу». Статические упражнения представляют собой следующий, более высокий этап совершенствования в тяньчжуской системе цигун.

«Искусство внутренней пилюли» — сердцевина даосского гунфу¹³, тайны которого бережно сохранялись в течение веков. Это искусство заслуживает бережного отношения и дальнейших углубленных исследований.

Примечания переводчика

¹ История «внутреннеалхимической» традиции здесь изложена несколько упрощенно, в расчете на широкого читателя и с позиций, отражающих официально принятую в КНР точку зрения на роль феноменов традиционной культуры в современной жизни. В частности, не указано, что система «внутреннеалхимических» установок изначально была связана с даосской литургикой — богослужением (подробнее об этом см.: Торчинов Е. А. Этика и ритуал в религиозном даосизме [«Главы о прозрении истины» Чжан Бодуаня]. — Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988). Представляется важным отметить и то обстоятельство, что в многочисленных школах и направлениях цигун, так или иначе связанных с традицией «внутренней» алхимии, часто приняты неодинаковые трактовки одних и тех же понятий. Отсюда могут вытекать существенные различия в системах установок и технических приемах. Огромное большинство таких систем возникли в народной среде, по-своему перерабатывавшей учения различных философских школ и религиозных течений, адаптировавшей их к определенному уровню восприятия, к ситуациям и представлениям, присущим конкретной эпохе и социальной среде. Образец типичной народной школы цигун дает тяньчжуская система, сформированная в 70—80-е гг. нашего столетия. Для нее характерны представления о традициях цигун, сложившиеся уже в годы народной власти.

Как и другим народным системам цигун, тяньчжуской присуще несколько пря-

..молинейное толкование философских понятий, которые обретают уже не столько философский и духовный смысл, сколько конкретный физиологический и психологический.

² «Малый» и «большой» «небесные круги» — определенные «маршруты» в сети парафизиологических структур организма — меридианов и коллатералей. «Малый небесный круг» образуют переднесрединный и заднесрединный меридианы, проходящие соответственно спереди и сзади вдоль средней линии туловища. «Большой небесный круг» определяется по-разному — как сеть 12 главных меридианов, как часть этой сети с добавленным «чудесных» меридианов (принадлежащих «резервной энергетической системе») и т.п. «Небесными» эти цепи циркуляции духовно-материальной и энергетической субстанции ци именуется главным образом потому, что перемещение и трансформации ци в организме согласованы (или требуют согласования) с суточными и календарными природными циклами, имеющими астрономо-астрологические («небесные») соответствия.

³ «Пустотность» (сюй) — категория китайской философии и культуры, в данном контексте подразумевающая способность дао (саморазвертывающейся вечной и безграничной первосущности, мирозакон) вмещать в себя любое многообразие и обилие вещей и явлений, оставаясь бесконечно малым и сверхпредельно простым. «Возвращение к пустотности» — субстанциональное слияние с дао, в средневековом даосизме трактовавшееся как превращение в «святого-бессмертного», а в практике цигун — как достижение абсолютно «гармонизированного» психосоматического состояния постоянной «просветленности».

⁴ Характеристика «семени»-цзин как «базовой материальной субстанции» организма (а ци — как «материи») отражает принятую в КНР официальную точку зрения на теорию китайской медицины. В древнейших текстах понятие «семя» фигурирует прежде всего как одухотворяюще-порождающее начало, обеспечивающее «порождающую» функцию мироздания и отдельных вещей.

⁵ «Изначальное» (юань) — относится к некоей извечной субстанции, существовавшей до начала космогенеза. «Изначальные» «три цветка» — «семя», ци и «дух» слиты в нерасчленном единстве «изначальной ци» и проявляются как самостоятельные субстанции только тогда, когда начинается процесс развертывания дао в пространстве и времени — развитие космоса. «Прежде небесное» — существовавшее «прежде неба и земли», то есть до той стадии космогенеза, когда появляются «небо и земля». Соответственно, «посленебесное» — то, что возникло после. Процессы «прежде небесного» космоса и «посленебесного» выражались в традиционной китайской науке одноименными графическими схемами. Согласно им, «прежде небесный» мир математически правилен, «посленебесный» — подчиняется неясным до сих пор закономерностям.

Понятие «посленебесное» выступает иногда синонимом «изначального», но шире его: «изначальное» — то, что было «до космоса», «прежде небесное» — это «докосмическое» плюс «существовавшее до рождения неба и земли». Поскольку в традиционной китайской науке организм считался абсолютным аналогом космоса, для описания психосоматических и космических процессов применялись общие в своей основе схемы и терминология.

⁶ «Осеменная ци» (цзин ци, иначе — «семенная ци») — трансмутация ци, воплощающая «семя»-цзин.

⁷ «Напротив точки цихай и точки минмэнь на спине» (о локализации нижней области даньтянь). Это уточнение в данном случае существенно, поскольку точка минмэнь по горизонтали проецируется не на точку цихай, а скорее на пупок. Следует учитывать, что в рамках конкретной системы цигун нюансы сосредоточения фокуса внимания могут иногда играть существенную роль.

«Море ци четырех морей». «Четыре моря» ассоциируются с четырьмя сторонами света, а «слияние» их ци подразумевает соединение субстанций всего тела и их переход в новое качество — «изначальной», или «истинной», ци.

⁹ «Сто пульсов». Традиционное обозначение ритмической организации всех потоков ци и крови в организме.

¹⁰ «Врата в девять полостей». «Полость» (цзяо) — специфическая категория даосской практики, обычно — обобщающее название областей даньтянь и «застав», неких ключевых пунктов механизма информационно-энергетического обмена внутри организма и самого организма с внешней средой. Выделение именно девяти «полостей», видимо,

связано с сакрализацией числа 9 как выражения круга — символа неба и некой пространственно-временной целостности мироздания, цикличности всех процессов. Определение «врата» означает, что регуляция деятельности данного парафизиологического органа является «ключом» к управлению функциями всей системы «девяти полостей». В определении местонахождения и функций «полостей» представители различных школ и направлений цигун нередко значительно расходятся.

¹¹ «Застава» цзяцзи, или лулу. Цзяцзи — букв. «теснина на спине», лулу — «водоподъемное колесо». Названия отражают сосуществование по крайней мере двух систем установок в практике цигун, восходящей к «внутренней» алхимии. Первая система связана с образами плавки и обработки (сю) «пилюли», ее многократного расплавления и застывания (концентрации), изменения свойств, «возгонки» в алхимических приборах. Вторая система образов сопряжена с гидродинамической метафорой ци — предполагается, что ее перемещение в организме подчиняется тем же закономерностям, что и перемещение воды в гидродинамической системе.

¹² «Даоинь». Букв. «ведение и привлечение (ци)». В современной практике цигун означает физические и психические действия по управлению ци в организме и его обменом с внешней средой. Здесь термин «даоинь» применен в том значении, в каком он применялся в средние века — даосская гимнастика, комбинирующая физические и дыхательные упражнения с медитативными.

¹³ «Гунфу». Искаженному прочтению французской транскрипции этого слова, перешедшей в другие западные языки, мы обязаны терминами-уродцами типа «кунфу», «конфу» и т. п. Образованными людьми в старом Китае гунфу понималось как «подвижничество», достижение «предела» в любом высокостойном виде деятельности. Это подразумевало также постижение тайн мироздания, существование в гармонии с его законами. Входящий в слово «гунфу» иероглиф «гун» толковался прежде всего как «подвиг», «высокое деяние». Но он означает также «действие», «работу». Со временем в народной среде и потому в китайской культуре в целом слово «гун» стало пониматься и как обозначение способов приобщения к могуществу природных и божественных сил, и как просто «упражнение», специфическое действие. В результате взаимодействия «книжной» и народной культуры термин «гунфу» стал названием тех видов практики, в которых такого рода способы играли особую роль, а также наименованием высшего мастерства в этих сферах деятельности. Под определение «гунфу» попадали прежде всего такие явления, которые сейчас обозначаются двумя обобщающими терминами: ушу и цигун. Гунфу стало иногда пониматься и как вообще любое мастерство. Ныне это понятие толкуется как обозначение усилий и времени, затраченных на овладение техническим мастерством, то есть близко понятию «подвижничество», но уже в самом обыденном смысле. За рубежами КНР термин «гунфу» по-прежнему применяется для обозначения практики ушу, которая, как и в КНР, обрела современные спортивные, оздоровительные и прикладные формы, а ее «философско»-мистический флёр носит декоративный и рекламно-коммерческий характер.

Перевод и примечания подготовил А. Юркевич

Герои и мудрецы Древнего Китая

Л. ВАСИЛЬЕВ

王文周
(會圖才三)

Вэнь-ван

2. Иньский Чэн Тан и чжоуский Вэнь-ван

Китайская историографическая традиция активно оперирует кратким термином «сань дай» (три эпохи, три династии). Имеются в виду три династии древности Ся, Шан (Инь) и Чжоу. Основателем династии Ся считается великий Юй — тот самый, с которого, если верить преданиям, был совершен переход от практики наследования по принципу меритократии к практике наследования по принципу родства в рамках одного правящего дома. Основателем династии Инь был Чэн Тан. А основателем Чжоу — хотя и с некоторой натяжкой (он умер до решающей победы, которой добился его сын, победоносный У-ван) — считается великий Вэнь-ван. О Юе уже шла речь в прошлой статье. Теперь очередь Чэн Тана и Вэнь-вана.

Реальное существование династии Ся и самого Юя, как и государства Ся, пока что доказать невозможно, можно лишь декларировать, ссылаясь на традицию и данные некоторых археологических раскопок последних лет. Зато династии и государства Инь (Шан) и Чжоу представляют собой именно то, что именуется Древним Китаем. Оба просуществовали вместе свыше тысячи лет, с XIII по III вв. до н. э. Правда, первая из этих дат не вполне точна, ибо основана на данных археологии (раскопки иньского городища в местечке Сяотунь и соседних местонахождений в районе Аньяна, провинция Хэнань) и не учитывает традиции. Традиция же, включая и многочисленные иньские так называемые гадательные надписи, обнаруженные при аньянских раскопках, подтверждает факт существования Чэн Тана задолго до основания аньянского поселения иньцев (XIII в.). До этого и сами иньцы были полуседлым этносом и весьма часто меняли свои «столицы», как принято говорить. Где они жили до прихода в район Аньяна, неясно. Были ли единым этносом или только еще формировались как этнос в ходе упомянутых перемещений, тоже невозможно определить. Одно бесспорно: в памяти тех, кто осел в районе Аньяна, было прочно зафиксировано имя Чэн Тана (он же Да И), которому иньцы регулярно, как, впрочем, и другим своим умершим правителям-ди (при жизни они носили титул «ван»), приносили жертвы. Следует также оговориться, что Чэн Тан, судя по иньским надписям, не был первым из этих правителей-ди. Другие, более поздние источники, будь то ханьские «Исторические записки» Сыма Цяня или предханьская хроника неизвестного происхождения «Чжушу цзинянь» («Бамбуковые анналы»), утверждают то же самое: первым из иньских правителей считается легендарный Се, один из помощников Юя. Именно Юй и пожа-

Яо

Чэн Тан

ловал Се нечто вроде удела и родовое имя Цзы¹. От Се до Чэн Тана иньцами, согласно Сыма Цяню, управляли 14 поколений правителей, на чью долю пришлось восемь перемещений. И только при четырнадцатом вожде дома Цзы — Чэн Тане иньцы, согласно традиции, одолели Ся. Одолели потому, что последний их правитель отличался безнравственностью и тем самым окончательно утратил *дэ*, а вместе с ним и право на власть в Поднебесной. Было это ориентировочно в XVIII—XVI вв. до н. э.

Небольшое этнополитическое образование Инь (Шан) при вожде Чэн Тане победило в битве с неким противником, который в источниках начиная с раннего слоя «Шуцзина» был обозначен термином «Ся». Чуть позже, во втором слое «Шуцзина» стало упоминаться имя последнего правителя Ся — Цзе. Собственно, именно этот сохранившийся в преданиях факт стал причиной того, что много позже, при чжоусцах, в то время, когда оформлялась историографическая традиция (VIII—VI вв. до н. э., второй слой «Шуцзина») имя Чэн Тана было выделено, возвеличено и стало нарицательным, стало символом правителя, обладающего всей полнотой *дэ* и потому приобретшего небесный мандат на власть в Поднебесной.

Дело в том, что в аутентичных иньских документах, включая гадательные надписи, нет даже знака Ся (не говоря уж об имени Цзе), как нет и упоминаний о столкновениях иньцев с Ся, а о Чэн Тане (Да И) говорится только в связи с жертвами предкам-*ди*. Зато в раннечжоуских текстах Ся уделяется немало внимания, хотя и не говорится о том, что это за государство Ся, где оно располагалось, чем интересно, кто именно им управлял и чем прославился. Ничего этого нет. Вместо этого главы первого слоя «Шуцзина» насыщены обвинениями в адрес некоего дурного государства Ся и его еще более дурного правителя: «Ван (имеется в виду Чэн Тан иньский.— Л. В.) сказал: "Не по недоразумению намерен я выступить (...) У правителя Ся много преступлений, и Небо повелело мне уничтожить его (...)"

Вы поможете мне, Единственному, осуществить волю Неба (<...> Если вы не подчинитесь, я жестоко покараю всех"» (глава «Тан-ши»). Примерно в том же плане сказано о Ся в ряде других глав раннего слоя «Шуцзина».

Создается впечатление, что в начале Чжоу составители текстов почти ничего не знали о Ся и очень мало знали о Чэн Тане, упоминая о нем лишь как об иньском правителе, уничтожившем Ся и покаравшем недобродетельного правителя Ся, еще не имевшего даже имени. Иными словами, перед нами некая назидательная схема, дидактический смысл которой в свете тех принципов и постулатов этического детерминизма и небесного мандата, о которых шла речь в первой статье, совершенно очевиден: потерявший *дэ* лишается мандата, одна династия закономерно и по воле Неба сменяет другую. Для небольшого коллектива чжоусцев после победы над Инь легитимация такого рода была необходима, но для утверждения идеи как таковой одного витка перемен воли Неба было мало, нужен был по меньшей мере еще один. Так и возникла идея о Ся, которое будто бы предшествовало Инь, но рухнуло под тяжестью собственных грехов и преступлений, после чего Небо вручило мандат на управление Поднебесной достойнейшему обладателю *дэ*, каким и был Чэн Тан. Позже идея была разработана более тщательно: династия Ся была увязана с великим Юем, что позволило более рельефно очертить весь виток цикла (от полноты *дэ* к его утрате), тесно сплетенный с идеей мандата Неба. Был персонализирован и последний правитель Ся, чье имя стало нарицательным знаком порока. Соответственно был еще более возвеличен Чэн Тан, превратившийся в высший символ *дэ*.

В чжоуских текстах, особенно в сочинениях философов, о Чэн Тане упоминается часто, но в большинстве случаев в виде знака, без дополнительной конкретной информации. Впрочем, подчас такая информация была. В «Мэн-цзы» помещена назидательная притча о некоем Гэ-бо, который отказывался совершать жертвоприношения и чинил разбой, за что Чэн Тан покарал его. В «Луй-ши чунью» рассказано о том, как Чэн Тан послал своего помощника И Иня с полушпионской миссией в Ся*. Откуда бралась такого рода информация — неясно. Очень похоже, что она просто выдумывалась, хотя и не исключено, что известные из прошлого сюжеты приспосабливались к Чэн Тану, дабы оттенить главное: высшую добродетель этого выдающегося, мудрого и во всем совершенного правителя.

Практически все, что было написано о Чэн Тане до него, собрал в своем капитальном труде Сыма Цянь. Этот материал изложен в третьей главе его труда. Кратко он сводится к следующему.

Став правителем иньцев, Чэн Тан в очередной раз перенес столицу, на сей раз в Бо. Он был строг и суров, в частности наказал недобродетельного Гэ-бо. Требовал от своего народа полного повиновения под страхом наказаний. Заботился об упорядочении административного управления, для чего приблизил к себе И Иня, который со времен Чжоу почитается как преданный и способный чиновник. И Инь, управлявший делами государства, был послан в Ся, после чего, возненавидев Ся, вернулся в Бо. Влияние Чэн Тана возрастало. Он покарал, как сказано у Сыма Цяня, мятежного князя Кунь-у. И затем выступил против сясского Цзе.

Объявив своим воинам, что правитель Ся преступен и что божественные предки на их стороне, Чэн Тан принес клятву («Тан-ши» — та самая глава «Шуцзина», откуда уже приводилась цитата). Войска Тана одолели Ся, после чего все соседние князья признали его верховенство. Вся Поднебесная подчинилась ему. Были проведены некоторые реформы в сфере календаря, в цвете одежд (господствующим стал белый).

Чэн Тан процарствовал недолго, по некоторым данным всего 13 лет, после его смерти страной фактически управлял И Инь, назначавший и сменявший правителей из дома иньских ванов по своему усмотрению. Сыма Цянь полагает, что критерием при этом была степень добродетели. Интересен эпизод с внуком

* Этот же рассказ есть и в одной из так называемых неаутентичных глав «Шуцзина» («Ся-шу»), датируемых обычно ханским временем, т. е. более поздним, чем время составления «Луй-ши чунью».

Чэн Тана Тай Цзя, которого И Инь возвел на престол после смерти его дяди. Тай Цзя оказался неумным и жестоким. Тогда И Инь сверг и сослал его, три года управлял сам. За эти три года Тай Цзя поумнел и раскаялся. И Инь вернул ему трон и стал его восхвалять. После смерти И Иня некоторые из последующих иньских ванов использовали в качестве преданных чиновников его потомков, в частности И Чжи.

Вот, собственно, и все, что известно о Чэн Тана. Можно смело утверждать, что если бы не заданная этико-дидактическая формула начала Чжоу, если бы не потребность в идеале этот правитель никак не мог рассчитывать на бессмертие, на вечную славу великого мудреца и совершенного правителя. Даже если принять всю историографическую традицию за чистую монету и поверить в то, что Чэн Тан одолел некоего правителя, господствовавшего до него в Поднебесной (а это явная выдумка, ибо таких всевластных правителей в то время, о котором идет речь, в бассейне Хуанхэ не могло быть — тогдашний уровень развития явно не соответствовал столь серьезной степени сложности политических структур, что подтверждается и археологией), то и в этом случае нет особых причин для восхищения им. Напротив, если внимательно прочесть сообщенное Сыма Цянем, легко заключить, что перед нами властный и жестокий правитель, выше всего ставивший задачу расширения своих владений и не брезговавший при этом ничем — некто вроде Ивана Калиты и его преемников. Но в том-то и заключается великая сила китайской чжоуской традиции, что она умела во имя утилитарной дидактики создавать искусственно возвеличенные образцы мудрых древних правителей. Трудно удержаться от того, чтобы не обратить внимание на искусственность фигуры Чэн Тана как великого мудреца и легендарного героя. Однако, отметив это, необходимо все же вернуться к тому, что в реально существующей китайской традиции вот уже несколько тысячелетий имя Чэн Тана прославлено и он почитается именно в качестве мудреца и героя. Не считаться с этим невозможно. И хотя еще в средневековом Китае шли споры по поводу того, благородно ли поступил Чэн Тан, свергнув законного государя (а этим был создан, как легко понять, прецедент, возвеличенный или сконструированный затем чжоусцами в своих интересах после их победы над Инь), о чем пишут в комментариях специалисты (см., в частности комментарий переводчика Сыма Цяня Р. В. Вяткина²), эти споры уже не могли поколебать веками устоявшегося стереотипа: Чэн Тан — символ мудрого и добродетельного правителя*.

Таким же, даже еще более ярким символом является в историографической традиции и в истории культуры Китая великий правитель чжоусцев *Вэнь-ван*. Согласно историографической традиции, история этнической общности Чжоу восходит ко временам легендарного Яо. Легенда повествует, что родоначальник чжоусцев Хоу-цзи родился после того, как его мать случайно наступила на след ноги великана. Ребенок родился необыкновенным, и вскоре Яо назначил его главой земледельческих работ (титул «хоу-цзи» использовался в этом смысле при династии Чжоу). После Хоу-цзи чжоусцами управляли другие вожди, из которых прославились своими деяниями Гун Лю и Гу-гун Дань Фу. Но наивысшего расцвета племя чжоусцев достигло при Чане, внуке Гу-гуна. Матерью Чана была Тай Жэнь, девушка из знатного иньского рода. Этот брак сблизил чжоуских вождей с Инь и с иньской культурой. Чан, будущий Вэнь-ван, немало почерпнул из этого источника — недаром ведь сам почетный титул его (*вэнь* — литература, культура) стал со временем символом китайской цивилизованности.

В те годы, когда жил Чан, — а это была середина XI в. до н. э., — чжоусцы были одним из наиболее крепких и набравших силы племен к западу от Шан-Инь, а иньцы, напротив, постепенно теряли свою былую мощь. И далеко не случайно, что именно Чану, после смерти его отца Цзи Ли возглавившему чжоусцев, был дарован иньским ваном почетный титул Си-бо («Правитель западных земель»). На плечи усиливавшихся чжоусцев была возложена задача защиты Инь от возможных вторжений с запада, откуда чаще всего совершались воинственные набеги. Си-бо, энергично

* Нам представляется, что дело не просто в выдумке и интересах, но и в социальной потребности в социальных нормах, которые возникали на этой стадии развития любого общества. — Ред.

взявшись за дело, достаточно быстро проявил свою власть. Один за другим соседи чжоусцев покорялись ему. Когда Чан уничтожил владение Ли, то, судя по одной из глав «Шуцзина» («Си-бо гань Ли»), советник иньского вана предупредил своего патрона, что усиление Чана чжоуского — это знак Неба, ибо Небо недовольно безнравственностью иньского Чжоу Синя, против которого настроен и иньский народ.

Разумеется, эту информацию никак не следует воспринимать с полным доверием. Весь пафос значительной части глав «Шуцзина» был достаточно искусственно направлен на то, чтобы продемонстрировать недобродетельность последнего иньского правителя Чжоу Синя и возвысить отобравших у него власть чжоуских вождей. И вся концепция небесного мандата была разработана именно для этого, как для этого же была сконструирована аналогичная ситуация с последним правителем Ся недобродетельным Цзе и добродетельным иньским Чэн Таном, о чем уже шла речь. Но к информации стоит и прислушаться, ибо в ней прорывается на свет истина. Истина же в том, что Чан был примерно таким же энергичным и воинственным правителем, что и в свое время Чэн Тан. Целью его было воспользоваться ослаблением Инь и округлить владения и сферу влияния Чжоу, что он и выполнял достаточно успешно. Поход на владение Ли, о котором упомянуто в главе «Шуцзина», — доказательство именно этого, а не гнева Неба по адресу Чжоу Синя.

О Вэнь-ване в чжоуских сочинениях написано много, даже очень много. Его имя упоминается там буквально на каждом шагу. Но, как и в случае с Чэн Таном, и даже в еще большей степени — только как знак, как символ благородства, добродетели, ума, способностей, мудрости и т. д. Что же касается конкретной информации, которая помогла бы раскрыть реальный облик этого правителя, то она, как и в случае с Чэн Таном, наиболее полно собрана в труде Сыма Цяня. Из главы четвертой мы узнаем, что Вэнь-ван в качестве правителя следовал мудрым деяниям и установлениям Хоу-цзи, Гун Лю, Гу-гуна. Его мудрость широко прославил его, так что к нему со всех сторон стекались выдающиеся люди того времени, такие, как знаменитые Бо И и Шу Ци, которые известны в чжоуской конфуцианской традиции тем, что предпочитали умереть, но не поступиться благородными принципами жизни.

Из сообщений Сыма Цяня явствует также, что деятельность Чана не прошла мимо внимания иньского Чжоу Синя. Чун-хоу Ху оклеветал Си-бо перед иньским Чжоу, сказав: «Си-бо творит добрые дела, множит добродетели, и владетельные князья все устремляются к нему, что сулит вам, государь, беду»¹.

Результатом было заточение Вэнь-вана в иньскую тюрьму, из которой он был освобожден после того, как его приближенные подарили сластолюбивому Чжоу Синю красавицу и несколько великолепных лошадей. Чжоу Синь, как гласит предание, с удовольствием принял подношение и отпустил Чана, снова возвратив ему титул и полномочия Си-бо. Вернувшись, Чан продолжал свои благодеяния, в результате чего все стремились к нему. Более того, увидев воочию результаты его мудрого правления («землепашцы все уступают друг другу межи, а в народе царит обычай во всем уступать старшим») быстро перевоспитывались. Между тем Вэнь-ван не терял времени. Одно за другим покорял он соседние владения и округлял собственные. В конце концов дело дошло до того, что на 42 году своего правления он открыто присвоил себе титул «ван», что на деле означало политический вызов иньскому вану — «Единственному» (кроме него никто не имел права на этот титул).

Картина, в общем, вполне ясна и аналогична ситуации с иньским Чэн Таном. Но отмечая это и даже склоняясь к мысли, что ситуация с Чэн Таном была сконструирована искусственно по модели Вэнь-вана самими чжоусцами задним числом, я все же должен заметить, что фигура Вэнь-вана значительнее. Если Чэн Тан во многом представляется искусственной конструкцией, то Вэнь-ван — живой человек. Умный, способный, дальновидный, он десятилетиями медленно, но неуклонно выполнял задуманное, пользуясь выпавшим ему историческим шансом — слабостью Инь. Предание повествует, что даже годы, проведенные в заточении, он не терял зря. Считается, что именно в это время он основательно разработал теорию и практику гаданий по тысячелистнику, с помощью триграмм и гексаграмм (Фуси изобрел триграммы, а Вэнь-ван — гексаграммы). И хотя нет реальных доказательств существования сколько-нибудь развитой системы гексаграмм применительно к той древней эпохе (книга гаданий «Ицзин», где все это разработано, дати-

руется более поздним временем), вполне допустимо, что Вэнь-ван действительно имел отношение к системе гаданий и вообще к интеллектуальной деятельности.

Вэнь-ван — посмертное имя, с которым он после полувекового управления чжоусцами вошел в историю, под которым известен и оказался прославленным в веках. Есть немало оснований считать, что имя это было избрано не случайно, что в него был заложен некий глубокий символ — ван Просвещенный, правитель Цивилизованный, человек Культурный. Иными словами, наследники и преемники чжоуского Вэнь-вана, всей своей деятельностью подготовившего триумф чжоусцев и свержение Инь, хотели подчеркнуть в этом действительно великом человеке не только его политическую мудрость и военные успехи (хотя то и другое сыграли свою роль и высоко почитаются), сколько его причастность к высокой культуре. Видимо, Вэнь-ван действительно был к ней причастен и по воспитанию, и по характеру личности, по способностям и склонностям, по проявленным возможностям. Я имею в виду эпизод с гексаграммами. Независимо от того, сколь реальным следует считать сам этот факт, важна сама направленность деяния, склонность к интеллектуальным упражнениям. Но главное даже не в этом, а в той роли, которую сыграл Вэнь-ван в процессе заимствования чжоусцами иньской культуры, в приобщении их к цивилизации Шан-Инь. На протяжении полувека он, сам приобщенный матерью к иньским стандартам, делал, насколько можно судить, все, что в его силах, дабы энергично заимствовать достижения цивилизации Шан-Инь, благодаря которым иньцы реально господствовали в бассейне Хуанхэ.

Чжоусцы, как и многие другие окружавшие Шан-Инь племена были на рубеже II—I тыс. до н. э. в основном варварской периферией по отношению к иньцам. Распространение иньской цивилизации шло определенными анклавами, к ней приобщались то те, то другие, одни раньше, другие позже. Чжоусцы были из тех, чья очередь наступила сравнительно поздно, едва ли намного раньше времени правления Вэнь-вана. Археологические раскопки в районе чжоуской столицы, которая была основана в конце правления Вэнь-вана, засвидетельствовали существование гам гадательных костей с иероглифами иньского типа и с упоминанием в надписях имени Ди И, отца иньского вана Чжоу Синя. Из этого явствует, что письменность, важнейший признак цивилизованности, пришла к чжоусцам из Инь. Это следует считать вполне естественным, как не менее естественно предположить, что внедрял иньскую письменность (и цивилизацию в целом) среди чжоусцев прежде всего Вэнь-ван, сам наполовину принадлежавший к этносу иньцев и в силу этого причастный к иньской культуре. Это касается и иньского оружия, боевых колесниц и т. д., без активного овладения которыми чжоусцы не смогли бы бросить вызов Шан-Инь и одолеть иньцев.

Похоже на то, что дело не ограничилось только грамотой как таковой и предметами материальной культуры. Есть немало оснований полагать, что чжоусцами еще при Вэнь-ване было немало взято и из культуры духовной, из иньских институтов и установлений. Среди песен «Шицзин» можно обнаружить несколько гимнов, посвященных воспеванию подвигов и заслуг Вэнь-вана. По меньшей мере частично эти заслуги воспринимаются как введение великим Вэнь-ваном новых мудрых дэнь (законов, установлений), что в свете изложенной политической ситуации могло означать лишь одно: Вэнь-ван, подобно Петру Великому, энергично внедрял в первобытную общность Чжоу цивилизованные нормы Шан-Инь. Других в его распоряжении явно не было, неоткуда им было взяться. Да и знакомство с ранне-чжоуским обществом после победы над Инь свидетельствует о том же: чжоусцы много охотно заимствовали у побежденных ими иньцев, нередко брали иньских грамотеев-чиновников себе на службу.

Принимая во внимание все вышесказанное, мы можем в некотором смысле сопоставить и даже противопоставить друг другу Чэн Тана иньского и энь-вана чжоуского. Если Чэн Тан возвеличен явно искусственно, в силу своего положения в ряду других правителей (с него, по традиции, иньцы одолели противников и укрепились), тогда как видимых крупных заслуг у него почти не было (их не упоминают и иньские гимны «Шицзина», где много сказано о Чэн Тане), то с Вэнь-ваном дело обстоит иначе. Конечно, многое в его возвеличении тоже было связано с его позицией в ряду иных чжоуских правителей (хотя справедливо-

сти ради стоит напомнить, что решающую победу над Шан-Инь одержал все же не он, а его сын У-ван, о котором речь пойдет в следующем очерке). Но гораздо большая доля почтения к этой великой фигуре имела, видимо, своим истоком именно преклонение потомков перед высокой культурой Вэнь-вана, перед его неопределимыми заслугами в деле приобщения чжоусцев к цивилизации. Как знать, могли бы чжоусцы без такого рода длительной (полувековой, как минимум) предварительной подготовки, без овладения авуарами культуры иньцев победить? И еще важнее: сумели бы они без этого, даже одержав случайную победу (чего не бывает, битва — как игра, как лотерея), удержаться у власти, особенно имея в виду их сравнительную малочисленность? А ведь именно цивилизованность, именно интеллектуальный потенциал первых чжоуских правителей, и прежде всего знаменитого Чжоу-гуна, сына Вэнь-вана и брата У-вана, сыграли едва ли не решающую роль в идеологическом обосновании и легитимации этой победы (имеется в виду концепция небесного мандата и этического обоснования права на власть).

Недаром посмертным именем Чана стало Вэнь-ван. Потомки зафиксировали в этом имени — как то всегда бывало в истории Китая — самое главное, самую суть заслуг покойного. И хотя из всего сделанного им наружу вышло и четко запечатлелось лишь одно конкретное — изобретение гексаграмм, важно, что в этой акции потомкам виделись именно мощный интеллектуальный потенциал и выдающиеся способности Чана, правителя, заложившего фундамент победы чжоусцев и тем самым обусловившего почти восьмисотлетнее правление династии чжоуских ванов в Китае.

¹ Сыма Цянь. Исторические записки.— М., 1972.— Т. 1.— С. 151, 166.

² Там же.— С. 287—288.

³ Там же.— С. 182.

В праздник буддистов Лаоса

В. КУЗНЕЦОВ

Вьентьян. Последний день октября на исходе. В вечерних сумерках непрерывный поток людей, транспорта. И напряженной он становится по мере приближения к зыбкому средоточию света, что проступает среди деревьев и вечерней темноты. Оно не только разрушает ее кажущуюся монолитность, но и словно норовит еще усилить свое воздействие нестройным звучанием разноголосицы, которую излучает скопление людей. Что за столпотворение там, на Земле? — Неуверенно взирает вниз с небесной выси неяркая Луна. Она округлой стала лишь недавно и зрелости желтизны еще не набрала.

То, что излучает свет в ночи, — ват¹ Симьонг. В его сима², гласит поверье, обитель духа-хранителя Вьентьяна.

Согласно легенде, в 1563 г. лаотянский король Сеттхатхират выбрал Вьентьян своей столицей. И первоочередной задачей стало — построить ват. Где быть ему, решил собрание мудрых. На том месте, где вату быть должно, выкопали яму. Над нею подвесили каменную глыбу, которую держали веревки. Барабаны и гонги созвали обитателей города, и было оглашено: «Кто будет хранителем города?» И, поддавшись внутреннему зову, молодая женщина Си, которая готовилась стать матерью, бросилась в яму. Мгновенно были перерублены веревки, и глыба придавила женщину. Построен был на этом месте ват и наречен Симьонг — «город Си».

Среди постоянных обитателей сима — Будд — поныне особо почитаем сидящий Будда. Он был найден в руинах, которые еще остаются за симом. Выделяют этого Будду среди остальных, окруживших колонну, не только и не столько из-за его возраста. Согласно поверью, он обладает огромной защитной мощью. И многие люди приходят посоветоваться с ним при помощи небольших бамбуковых палочек в сосуде. Задав вопрос, трясут сосуд до тех пор, пока палочка не выпадет. На

ней номер, который соответствует ответу, написанному монахами и хранящемуся рядом на столе. Потом вы говорите самому себе: «Мое желание сбудется, если я смогу поднять изваяние» или: «Мое желание сбудется, если я не смогу поднять изваяние». Говорят, если вы действительно хотите чего-нибудь, что было бы успешным, вы можете поклясться вернуться с подношением в виде пары бананов или двух зеленых кокосовых орехов, когда ваша молитва будет исполнена. Необходимо выполнить свое обещание, поэтому так часто встречаются бананы и кокосы среди подношений в сима. Сюда приходит много людей, особенно женщин. И это не случайно: ведь здешним духом-покровителем считается Си, готовившаяся стать матерью...

Сегодня же во дворе монастыря люди разного пола и возраста. Все нарядны, по праздничному одеты. Белыми пятнами выделяются рубашки и кофточки, зыбкий свет огней высвечивает узор ручного шитья на юбке. С треском взлетают огни фейерверков, с темной глыбы руин (некогда это была постройка) сыплет искрами огонь. Слышится негромкое пение.

Плывут в ночи огоньки свеч, которые держат в руках люди. Несут замысловатые сооружения — пасат. Это нечто вроде хоругвей, сделанных из коры баньянового дерева. Они украшены свечами причудливой формы, свисают длинные ленты из скрепленных между собой кипов.

Процессия неспешно обходит залитый светом иллюминации сима. Идет мимо людей, которые наблюдают, стоя и сидя. Тут же, ничем не выдавая себя, и постоянные обитатели монастырского двора: человек с тяткой на плече, недвигным пальцем показывает на нее; хут³, диковинное пернатое существо, горделиво выпячивает грудь; змеи из туловищ своих составили ограду цветника и держат на себе еще каких-то существ с человеческой головой, но вместо носа у них

клювы.

Возвышаясь на каменном троне, Будда безучастно куда-то вкось глядит от ворот, в которых беспрестанно мельтешат люди.

Троекратно обойдена со свечами пагода монастыря Симьонг. На этом кончается первый день праздника Тхат Луанг («Золотого святилища»). А само оно на известном расстоянии от Симьонга напоминает о себе величественной громадой, окуртуренной в ночи огнями иллюминации.

Тот величественный комплекс Тхат Луанг, который предстает взору сегодня, приобрел свой настоящий вид сравнительно недавно — в 1986 г. Работы производились на добровольные пожертвования. Тхат Луанг — это громадная ступа, обнесенная оградой. Согласно традиции, ступа была впервые возведена здесь посланцами великого индийского царя Ашоки в III в. н. э. Она, ступа, содержала, как говорят, волос или кусочек грудной кости Будды. Потом уже на месте этой первоначальной ступы по воле одного из лаотянских королей Сая Сетхатхивата (XVI в.) возводится новая. Король сидит сейчас на пьедестале, положив на колени жезл, у ворот ограды Тхат Луанг. Взгляд его устремлен в сторону Меконга, у короля выражение лица человека, удовлетворенного результатами своих усилий.

Небо сегодня будто разделила невидимая межа. На одной половине серовато-голубой полог, на другой, — словно обрывки розовой и желтоватой ткани.

Оранжевый, желтый цвет преобладает и под крытым навесом ограды — здесь, наверное, все монахи Вьентьяна. Невидимая черта отделяет оранжевое и желтое от белого, в которое облачены монашки. Бритые головы там и тут. Первое, что бросается в глаза и отличает, цвет одежды.

Пространство двора до предела заполнено людьми. Сидят на циночках. У каждого бат — особый сосуд с подношениями. Неприметно горят свечки: совсем уже светло, хотя до семи утра еще остается минут 40.

Как-то внешне не выделяясь среди собравшихся и вроде не привлекая к себе внимания, на особом месте сидят руководители Лаоса — премьер-министр и секретарь ЦК Народно-революционной партии Лаоса Кейсон Фомвихан, председатель Национального собрания Нухан Пхумсаван, члены Политбюро ЦК НРПЛ.

Однотонный, словно отрешенный го-

лос зазвучал где-то среди башенок, окруживших наверхние ступы, и глаза лихорадочно ищут, кто и откуда говорит, а слух напряжен: «Что речет?» Но говорящего не видно. А читает он, как пояснил сосед, на пали, древнем языке буддийских каноников.

Звучат слова молитвы, произносимые одним монахом. Ему вторит другой. Голосам, усиленным радио, благоговейно внемлют собравшиеся. Молитвенно сложив руки, кланяются. Нестройным хором произносят заклинания.

Едва смолкли последние слова молитвы, как миряне дружно взялись за принесенные с собой бутылочки и сосуды, наполненные водой. Откупоривают и поливают землю вокруг себя. Неслышно падают капли. В них помыслы кропящих землю об очищении, о жизни.

После того как воздано земле, настал черед монашеской братии. Словно по команде, монахи открывают крышки батов, и они наполняются подношениями мирян.

Толпа внутри двора рассеивается. Она после полудня вновь соберется за его пределами, чтобы понаблюдать за состязанием игроков в мяч на траве. Оно — составная часть программы праздника Тхат Луанг. А вечером люди опять придут к «Золотому святилищу» и совершат вокруг него шествие со свечами. Завершится оно впечатляющим фейерверком.

Вечером следующего дня одновременно в ватах Импенг и Онгты состоится шествие со свечами. И это тоже входит в празднование Тхат Луанг.

Но по пути к ним от «Золотого святилища» встретится еще несколько обителей Будды, несомненно, достойных упоминания. Это Сисакет и Пракео.

Белая стена и деревья скрывают от мимолетного, праздного взгляда постройки вата Сисакет. Заходим во двор, минуя ворота. Негромкие голоса двух собеседников — мирянина и монаха — не нарушают устоявшейся тишины, равно как их присутствие не меняет заурядной будничности обстановки. Не то тут было в 1824 г., в день открытия вата. Здесь тогда двигалась внушительная процессия, люди держали бумажные изображения животных и легендарных личностей. «Факелы освещали букеты цветов, чьи запахи насыщали воздух всюду, где проходило шествие. Звуки музыки взлетали до небес, достигая четырех сторон Вселенной», — гласит текст, помещенный в крытой аркаде.

Сейчас мы не увидим тех бумажных зверей, что присутствовали в день открытия монастыря. Лишь у одной из стен сима вытянулась почти пятиметровая деревянная змея. Тело у нее резное и пестрит красками. Пасть широко раскрыта: белеют два ряда зубов, меж них язык недвижим, сух. Наг⁵ словно просит жидкой воды. Он-то, собственно, и предназначался для ритуальных целей: в одно из отверстий в его тулове монахи наливали воду, которая вытекала из другого. Так свершался обряд очищения монастырских святынь. Но праздника подходящего давно уже, видать, не было.

Ни один ват Вьентьяна не может соперничать с Сисакетом по числу изображений Будды. Их здесь — 6 840.

Сам сим стоит в мощеном дворе, окруженном крытыми аркадами, где множество Будд. Вот в одном из помещений стена от пола до потолка будто огромная пластина пчелиных сот. В каждой ячейке — маленькой нише — сделанная по шаблону фигурка Будды. И, словно защищая их, расселись в два ряда Будды больших размеров. Темные из бронзы внизу, над ними, выше — желтоватые из известняка.

Когдаходишь внутрь сима, невольно приходит мысль о некоей субординации. Там — множество фигур, размером меньше этих, здесь те, которые размером больше, но немногочисленны, и потому их обиталище просторней. Прежде всего бросается в глаза триада: сидящий Будда и ниже два стоящих. Последние по размеру в точности воспроизводят фигуру короля Ану, по инициативе которого построен ват.

У первой лестничной площадки вата Пракео две змеи раскрыли пасти и тянут недвижимые жала. За ними два стражника. И, видно, тоже не надеясь на них, на очередной лестничной площадке — сразу шесть змей дружно вытянули жала. Что стерегут эти стражи? Что там внутри? Ближе к главному входу воссел темно-бронзовый Будда, любующийся «древом просвещенности». А перед этим изваянием, но внизу, Будда в других ипостасях. Вот он испрашивает у Неба дождя. Бросается в глаза длинное, вытянутое тело. Ощущение напряжения, в котором оно пребывает, приходит от несоизмеримо длинных, негнущихся рук, плотно прижатых и вытянутых вдоль тела.

А вот Будда идет, увещевая кого-то

или призывая к чему-то. Рука с раскрытой ладонью поднята кверху, лицо озабочено. Усилия, верно, приходится прилагать, оттого и рот напряжен. И в подтверждение того, что его призыв погасит земные страсти порою достигал ушей, стела. «Не будем воевать друг с другом», — гласит надпись на кхмерском и лаосском языках.

А вот он с плотно закрытым ртом и смеженными веками. Не до мирского, видать, ему сейчас — замкнулся на себе, внутренним взором созерцая самого себя.

Потухшими глазами смотрят на него Будды, сидящие у основания. Слепо темнеют впадины глазниц: из них исчезли камни-самоцветы. Так по сей день дают о себе знать вторжения тайцев (1778, 1828) и грабительские налеты охотников за сокровищами из Южного Китая. Король Сеттхаритатх, при котором был возведен ват Пракео, распорядился поместить там изображение Будды из зеленой яшмы. Сейчас тут не увидишь «Изумрудного Будды». Такая возможность представится тому, кто посетит ват Пракео в Бангкоке.

Сладковато-терпкий дымок от курительных палочек, что тлеют незаметно. И в этом запахе — сладость надежд и обретения, горечь разочарования и утрат.

Идя к вату Онгты, не миновать монастыря Мисай. У врат его застыли неподвижно два стража-великана, опирающиеся на палицы. Эти няк'и, воины, в отличие от злых великанов «Рамаяны» — добрые заступники. На это указывает их внешность. У няк'ов лица незлобивы, добродушны. Они как будто провожают проходящих мимо. Видом своим они словно говорят: «Нам отлучаться отсюда нельзя. На службе мы». И видно, что они стоят недвижимо уже давно: ноги, словно затекшие, раздвинув в коленях, подогнули.

Ввысь устремились шпили с нанизанным подобием шляпок, зубчатых по краям, венчая кровлю вата Онгты. Три шпиля по бокам, по восходящей тянутся друг за другом, а меж них один взметнулся выше всех. И вместе взятые они — магический цветок «Софа».

Величественна громада храма, средоточия ансамбля, чье полное название «Маха Вихан» — («Великое святилище»). Великое духовное рвение явил король Сеттахиратх, по чьему предписанию был возведен монастырь в период между 1500—1510 гг. Эпитет «великая» пагода оправдывает не только своими размерами.

В ней — впечатляющий бронзовый Будда. Он весит несколько тонн. Бóльшего по размерам во Вьентьяне нет.

В фасаде храма несколько резных дверей и каждая из них — картина в дереве.

Вот двери правые — на каждой створе свои сцены. На правой внизу — самозабвенно играют музыканты: бьет в барабан один, двое — в тарелки и танцуют две женщины, одна, игриво выставив вперед нагую грудь. Вверху — молодец зажал в правой руке саблю, левой схватил за волосы какое-то существо в человеческом облике, низ лица которого прикрыт подобием полумаски.

На левой половине правой двери вверху — непринужденное сплетение тел. Внизу — лишь двое: он и она.левой рукой обнял ее, согнувшую колени, за талию, правой — за локоть одной из рук, с сомкнутыми ладонями поднятых кверху.

Другой сюжет являют двери в центре. На правой створе — он и она в осаде птиц, хищных по виду. Над головой его их целая стая. Одна вцепилась в пальцы правой руки, где сабля. Другая — клювом в бок, где палица, что в левой руке. Однако молодец в себе уверен, надежно воссев на плечи женщины, которая обеими руками держит его за левое колено. У нее под ногами валяется бездыханная птица. «Ворона», — пояснил незаметно подошедший монах, показывая на пернатого.

На левой половине центральных дверей — тела змеиные свиваются с боков и над головой у молодца с саблей и палицей. И благодарная, видно, за защиту, женщина, согнув колена, держит его на себе, придерживая за колено правой ноги и прильнув губами к пальцам руки, в которой сабля.

Пары в окружении змей и птиц — апсары, небесные танцоры. Они, как полагают, передают впечатления о космосе.

На левых дверях — мир простых, будничных чувств. На одной стороне, вверху — двое мужчин и женщина. Она благодарно сложила руки. Внизу их уже только двое. Он льет воду ей на голову, она прижалась к нему, гладит ему колено. На другой стороне двери вверху — голова слона, в центре — сплетение цветов. Внизу — по пояс обнаженная женщина, благоговейно сложила руки.

Быть может, выражает так признательность тому парню, что, стоя в толпе, заполонившей монастырский двор, не-

громко постукивает по барабану. Или пожилому мужчине в белой рубашке, что выставил затейливо украшенный пасат. «Сколько времени делал? — спрашиваем хозяина. «День», — не без гордости отвечает хозяин: он явно польщен вниманием, проявленным к творению его рук.

Народ все прибывает. Сегодня здесь, в Онгты, торжество по случаю Тхат Луанга. Бесплотное, трепетное горение свечей в руках людей и плотоядное потрескивание огня в переносных жаровнях, неземной аромат курений и дразнящие запахи кипящего масла в котлах. Сдержанно поблескивает бат в руках преисполненной благочестия женщины средних лет, чуть в стороне девочки сгрудились у подстилки, на которой бродячая торговка разложила нехитрые украшения. Ей явно повезло, к ее соседке, что принесла на продажу бананы, никто не подходит...

Белеют у ограды в ряд выстроенные ступы. Они словно снятые со звонницы колокола. Стоят беззвучно, не отзываясь на призывное звучание барабана, когда в обход сима пошла процессия. И, кажется, плывут неспешно свечи в ночи.

И так не только здесь, во дворе монастыря Онгты, но и в соседнем вате Импенге. На необычное в такое время суток скопление людей оцепенело взирают львы у одного из входов и беззвучно раскрывают пасти желтые с зеленым змеи у другого. А сверху на идущих взирают наги, хвостами подпирая крышу, и потому, выдать, не в состоянии они спуститься, чтоб разобраться, что к чему. Две птицы, взлетев на задние ворота и встав по одной с боков, безмолвны остаются при виде процессии; у каждой подвески в клюве и потому его не раскрывают в крике.

Люди со свечами обходят сим, и сейчас остаются без внимания привычное, наверное, для них многоцветие джатак у главного входа, замысловатая резьба оконных створ.

До того пока не опустились всепоглощающие сумерки, Импенг еще при приближении к нему дал о себе знать отблесками бирюзы, пробившимися через листву высоких деревьев во дворе храма. Это блестела смальта в треугольнике над главным входом. Над ним вверху воссел на троне в форме цветка лотоса Будда, вокруг него причудливо сплелись растения. Они же со всех сторон подступили и к колесу судьбы, что ниже трона Будды.

Горят в ночи огни, и так теснят ночные сумерки, доказывая, что не всевластна тьма, и напоминая, что поутру мрак отступит вовсе.

В свете нового дня совсем иным воспринимается двор Тхат Луанга. Он опустел. Несколько монахов скатывают циновки, забирают утварь. У основания ступы увядающие цветы, огарки свеч, шелуха, бумажки — следы ушедшего праздника. А на примыкающей площади звучит бравурная музыка. Отбивая ногами такт, надувает щеки трубач, и в тон бодрящим звукам маршируют на месте юноши и девушки — идет подготовка к празднованию юбилея провозглашения Лаоса Народно-демократической республикой.

Праздничные хлопоты, отнимавшие много времени у руководства буддийской общины, остались позади, и представилась возможность встретиться с преподобным Тхонгуном Анантасуньхонем, главой Буддийского союза Лаоса.

— В настоящее время, — рассказывает преподобный Т. Анантасуньхонь, — в стране насчитывается 16 312 буддийских монахов. Средний возраст — 30 лет. Строятся новые храмы. Реконструируются старые, например, в провинции Синкуанг.

— Помогает ли вам государство?

— Да, государство оказывает большую помощь. Население, рядовые люди, тоже. Да и мы тоже оказываем им помощь. Монахи занимаются лечением. И потом, мы содействуем развитию образования.

— Расскажите об этом подробнее.

— У нас, — охотно отозвался преподобный Т. Анантасуньхонь, — существует трехступенчатая система духовных школ. 1—5-е классы — начальная школа 1-й ступени, 6—8-е классы — школа 2-й ступени, 8—10-е классы — школа 3-й ступени.

пени (во Вьентьяне, Саваннакете, Сампассане). И, наконец, в храме Онгты действует буддийское педагогическое училище (3 года обучения). Готовит преподавателей.

При посещении классов училища в Онгты бросились в глаза две детали: цветной глобус и газета «Пасасон», орган ЦК Народно-революционной партии Лаоса.

Народ Лаоса строит новую жизнь, и в повседневном быту уживаются старое и новое.

Человек в желтом монашеском одеянии, порою это подросток, уважаем в Лаосе. В начале седьмого утра нанскось от здания советского культурного центра пожилая женщина коленапреклоненно ждет появления группы монахов, вышедших из двора вата Онгты, с батами через плечо. Оделив их клейким рисом, яйцами, женщина встает с сознанием исполненного долга и уходит. А дальше, за углом, молодые женщины с приготовленными припасами тоже ждут монахов.

Вьентьян, октябрь—ноябрь 1990 г.

¹ Ват — монастырь.

² Сим, или пагода — основное здание монастыря, где содержатся изображения Будды и совершаются богослужения.

³ Хут — тайское олицетворение косяка.

⁴ Ступа — буддийское культовое сооружение.

⁵ Наг — змей.

Русский Шанхай

В. ПЕТРОВ (США)

Исторический очерк В. П. Петрова публикуется с любезного согласия автора по книге: Виктор Петров. Шанхай на Вампу. Вашингтон, 1985 (издание Русско-американского исторического общества).

Редакция благодарит В. П. Петрова за предоставленную возможность. Незначительные изменения в тексте ограничились лишь устранением повторов, сокращениями технического характера, переводом на более привычные для нас орфографию и пунктуацию, а также перестановками в структуре текста ради удобства его прочтения. Неизменными остались оценки и акценты автора, терминология, его общая позиция рассмотрения событий, вполне понятная у человека, выросшего в иной, чем мы все, среде. Редакция предполагает ознакомить читателя и с иными позициями — китайских и, как мы надеемся, советских ученых. Считаем знакомство читателя с литературой и публицистикой русского дальневосточного зарубежья, их стилем и аргументацией, видением мира, характером проникновения в суть событий и обобщающих рассуждений не данью умиления, и естественной стороной процесса познания, отражением исторической и национально-культурной общности. Мы считаем это знаком того, что никому не дано отрешиться от истории, и знаком окончания гражданской войны в душах людей, которая не должна повториться никогда. Очерк о жизни и творчестве В. П. Петрова, подготовленный специально для нашего журнала сотрудницей «Московской прияды», литературоведом Л. Фоминой, будет опубликован в следующем номере.

I

Прочел недавно в газете «Новое Русское Слово» прекрасный очерк о Хабаровском походе, 60 лет назад написанный его участником С. Рождественским. Этот поход, закончившийся Волочьевскими боями, был последней попыткой остатков белой армии в Приморье оказать сопротивление красным войскам, так называемым «народоармейцам»*. Надежды белых на поддержку населения не оправдались. Население, уставшее от разрухи, просто приняло выжидательную политику —

чья возьмет. С. Рождественский заканчивает свой очерк описанием ухода последних бойцов за белую идею с Родины в зарубежье в конце 1922 года. Что же случилось с остатками белой армии и гражданским населением, решившими покинуть Родину, спасая свои жизни от расправы красных? Мне, очевидно этих последних дней белой власти в Приморье, хочется продолжить летопись Великого Исхода русских патриотов из Приморья, начатую С. Рождественским. Мне хочется описать эпопею эвакуации белых из Приморья, выход кораблей из Владивостока, плавание в неизвестность, и, наконец, прибытие беженцев в субтропический Шанхай на берегах Восточно-Китайского моря. Может быть, описание этих событий послужит материалом для будущих историков русского лихолетья 1917—1922 годов.

<...> Конец белому Приморью пришел в октябре 1922 года. В середине октября глава правительства генерал Дитерихс отдал приказ об эвакуации Никольск-Уссурийского и Владивостока и об уходе всех желающих за границу. Начался отход от последнего рубежа — Спасска — к Никольск-Уссурийскому и китайской границе. 14 октября был оставлен Никольск-Уссурийский. Белые части в полном порядке, с обозами и гражданским населением, стали отходить на юг к Посъету. На следующий день, 15 октября, в город вошли красные войска. Командарм Уборевич, сменивший Блюхера, устроил победный смотр войскам и затем немедленно направил их на Владивосток. 25 октября красные подняли над городом флаги цвета крови.

Эвакуация Владивостока произошла в двух направлениях — сушей, на китайскую границу, и морем. Морских кораблей не хватало. Поэтому армейские части направились пешим порядком к Посъету, в районе которого 1-й корпус генерала Бородина и 3-й корпус генерала Молчанова перешли китайскую границу и вышли в Маньчжурию около города Хунчуна. Всего здесь перешло границу более 7 тысяч человек, военных и гражданских лиц. По распоряжению главы маньчжурских провинций маршала Чжан Цзюлина, русские беженцы были расквартированы в городе Гирине, где они пробыли около года. Постепенно беженцы

* Народная армия — войска Дальневосточной республики (ДВР). Редакция планирует опубликовать в этом году ряд новых материалов по истории ДВР (Прим. ред.).

как-то рассосались и разъехались по различным городам Китая, главным образом в Харбин.

Воинские части, находившиеся в районе от Никольска до Гродеково, главным образом части генерала Смолина, тысячами переходили границу в районе станции Пограничная. Сколько их было там — неизвестно. Известно, однако, что в 1923 году русское население Харбина возросло до 200 тыс. человек. Русских в городе было больше, чем китайцев — коренные русские жители, несколько тысяч беженцев, прибывших туда после сибирской катастрофы 1919 года, и новые беженцы из Приморья.

Судьба людей, эвакуированных морем, сложилась иначе и, может быть, тяжелее, а в некоторых случаях — трагичнее. Торговая фирма «Кунст и Альберс» фрахтовала пароход «Лорестан», на котором было вывезено около 400 человек в Шанхай — людей состоятельных, способных оплатить проезд на пароходе. Остальные были вывезены на имеющихся в порту старых военных кораблях. Всего было собрано 30 судов, больших и малых. Флотилия под командой адмиралов Старка и Безуара вышла в море в следующем составе: канонерская лодка «Маньчжур», военные транспорты «Магнит», «Батарея», «Взрыватель», пароходы «Охотск», «Защитник», «Эльдорадо», «Монгугай», «Тунгус», «Пушкарь», «Чифу», ледоколы «Байкал», «Надежный», военные буксиры «Свирь», «Илья Муромец», посыльные суда «Патрокл», «Улисс», «Диамид», «Фарватер», военная яхта «Лейт. Дыдымов», тральщики «Аякс», «Парис», таможенный крейсер «Страж» и мелюзга, катера «Стрелок», «Усердный», «Резвый», «Смельчак», «Воевода», «Ординарец», «Восток». Все это были суда, давно отслужившие свой срок и совершенно непригодные для морского путешествия. Других средств для эвакуации, однако, не было. Флотилия направилась в ближайший корейский порт Гензан (Вонсан), не решаясь идти дальше. На этих кораблях было вывезено почти 9 тысяч человек, главным образом военно-служащих. Из гражданских были около 300 одиночных беженцев и 1500 беженцев из Забайкалья. Остальные — 250 раненых и больных в госпитале, 120 инвалидов; 700 чинов военно-морского флота во флотилии адмирала Старка, 700 кадет, 1000 человек в группе генерала Д. А. Лебедева, 3500 человек в Дальневосточной казачьей группе генерал-лейтенанта Ф. Л. Глебова, 300 морских стрелков, 200 чинов морских учреждений, 100 человек в русско-сербском отряде полковника Вишневого, 100 чинов десантной роты и 100 чинов милиции с побережья Татарского пролива. Адмирал Старк решил не задерживаться в Гензане и, отбрав более или менее мореходные корабли, вышел в море, взяв курс на Шанхай. Под его командой были корабли «Байкал», «Свирь», «Батарея», «Взрыватель», «Илья Муромец», «Улисс», «Патрокл», «Диамид», «Фарватер», «Парис», «Аякс» и военная яхта «Лейт. Дыдымов».

Морской переход на старых кораблях оказался тяжелым из-за штормовой погоды. Жертвами налетевшего тайфуна оказались траулер «Аякс» и яхта «Лейт. Дыдымов». Старая яхта была совершенно непригодна для морских путешествий. Ее проржавевшее днище было для крепости залито бетоном. Во время тайфуна, всего только в 100 милях от Шанхая, часть этого днища оторвалась, и туда хлынула вода. Сразу же произошел взрыв котлов, яхта затонула, и с ней пошла на дно команда вместе с 36-ю кадетами-пассажирами.

В начале ноября 1922 года флотилия адмирала Старка вошла в устье реки Янцзы и остановилась у фортов Усуна. Всего на кораблях было 3 тысячи человек гражданских и кадет.

Приход флотилии разнокалиберных кораблей был полнейшей неожиданностью для шанхайской администрации. Муниципалитет, хотя официально и международный, но руководимый главным образом англичанами, встретил флотилию адмирала Старка весьма неприязненно. Да и местная небольшая русская колония старожилов из весьма состоятельных семей также была недовольна появлением нескольких тысяч ободранных, нищих беженцев, прибытие которых угрожало нарушить установленный чопорный порядок колониальной жизни, а главное, угрожало репутации белого человека как представителя высшей расы.

Шанхайский муниципалитет отдал приказание адмиралу Старку убираться восвояси вместе с его ободранными, заржавленными кораблями. Старку пришлось подчиниться, и вся его флотилия вновь вышла в море, направляясь в Манилу. Но предварительно он, несмотря на протесты англичан, высадил на берег всех своих пассажиров — гражданских лиц и кадет.

Эти русские беженцы, оставленные на берегу адмиралом Старком, и явились ядром или зародышем новой русской колонии Шанхая, выросшей в многотысячный русский город на территории международного селтльмента. Новая русская колония со временем преуспела, разбогатела и совершенно затмила небольшую группу русских старожилов Шанхая, проживших там в довольстве и покое все страшные годы войны, революции и гражданской войны в России.

Нужно, однако, вернуться к тем беженцам из Владивостока, которые остались в Гензане (Корея) и тем кораблям — «галашам», которые остались там под командой контр-адмирала Безуара. Остатки беженской волны вместе с чинами Дальневосточной казачьей группы генерал-лейтенанта Ф. Л. Глебова прожили в Гензане еще девять месяцев в бараках, предоставленных им японским Красным Крестом. Беженцы стали постепенно разъезжаться, преимущественно в блестящую столицу расселения русских — Харбин. В середине 1923 года генерал Глебов принял решение ликвидировать беженский лагерь, посадить свою казачью

группу на корабли и направиться на юг, в неизвестность. Все гражданское население и семьи военнослужащих были отправлены в Маньчжурию, а Дальневосточная казачья группа, в составе около тысячи человек, была посажена на пароходы «Охотск», «Защитник» и «Монгугай». Помощниками генерала Глебова в этой группе были генералы Савельев и Анисимов. 14 сентября 1923 года три корабля генерала Глебова вошли в устье реки Янцзы и стали на якорь близ фортов Усуна, у входа в приток Янцзы Вампу (Хуанпу).

Пораженная администрация Шанхая глазами не верила, когда вновь увидела на рейде Усуна заржавленные русские корабли под бело-синими флагами и с поднятыми часовами на палубе, вооруженными винтовками. Муниципалитет отдал генералу Глебову решительный приказ — убираться вон из Шанхая куда угодно в течение 48 часов. На этот раз, однако, муниципалитет напал не на того человека. Генерала Глебова несколько не испугал решительный приказ властей, на который он послал такой же решительный ответ, короткое русское слово: «Нет!» Три корабля остались стоять на якорях, несмотря на угрозы англичан.

Тогда англичане потребовали, чтобы русские корабли спустили трехцветные флаги несуществующего, как они считали, государства и сдали оружие. Энергичный генерал Глебов и на это требование ответил отказом. Мало того, он приказал кораблям поднять якоря и войти в реку Вампу (Хуанпу) курсом к шанхайскому порту. На полпути флотилия остановилась против карантинной станции, которую казаки генерала Глебова заняли для устройства там своего лагеря.

Начались продолжительные переговоры о возможности переселения казаков на территорию Шанхая. Администрация Международного селтльмента категорически отказывалась давать разрешение русским оборванцам поселиться в городе.

Не вдаваясь в подробности долгого карантина казачьей группы, можно отметить, что казаки просидели на двух кораблях «Защитник» и «Охотск» и в лагере карантинной станции более трех лет. Судьба третьего корабля «Монгугай», на котором находился генерал Анисимов с 240 чинами казачьей группы, оказалась иной. Генерал Анисимов устал от попыток договориться с англичанами, разочаровался и вошел в контакт с советскими агентами в Шанхае. Он уговорил казаков под своей командой вернуться в Россию. Свой «подвиг» генерал Анисимов совершил в полной тайне. Однажды казаки на других кораблях увидели, что команда «Монгугая» стала рубить тросы. «Монгугай» тронулся со своей стоянки и пошел в море. Генерал Анисимов вернулся в Россию, теперь советское государство, и увез с собой 240 казаков <...>

Первые пять-шесть лет после высадки беженцев, эвакуировавшихся из Владивостока, русская колония Шанхая состояла из полуто-

ра-двух тысяч человек. Резкое увеличение колонии началось только к началу тридцатых годов, годов «расцвета» русского Шанхая, но об этом позже <...>

Беженцы не были первыми русскими в Шанхае. Может быть, для того, чтобы жизнь русских в Шанхае была более понятна, уместно пояснить, что там сложились две категории русских: «русский Шанхай до революции» и «русский Шанхай после революции». Это были два различных мира, поначалу не имевшие ничего общего. Только значительно позже, когда русская колония Шанхая разрослась, культурно определилась, только тогда два русских Шанхая слились вместе.

Русская колония дореволюционного времени в Шанхае была очень маленькая и состояла, главным образом, из трех небольших групп: чиновников Российского генерального консульства, банковских служащих и, наконец, владельцев чайных торговых предприятий и их служащих. Что касается банковских служащих, то это были преимущественно служащие Русско-китайского банка, позже переименованного в Русско-азиатский банк.

Автор этого очерка истории «русского Шанхая» в описании первого периода опирался на воспоминания и свидетельства русских старожилов Шанхая, живших там с начала столетия. В описании второго периода, то есть времени наплыва русских после эвакуации из Сибири и Владивостока и последовавших затем волн русских, покидавших Маньчжурию, автор базируется главным образом на своих личных впечатлениях, встречах и воспоминаниях.

В 30-х годах я, будучи в Шанхае сотрудником газеты, имел возможность встречаться с шанхайскими старожилыми — бывшим российским генеральным консулом в Шанхае В. Ф. Гроссе, который к тому времени возглавлял Русский эмигрантский комитет, бывшим вице-консулом Мешлером и другими. Много сведений о прошлом Шанхая, изредка появлявшихся в русских изданиях. Из бесед с этими старыми шанхайцами я узнал, каков был состав русской колонии в то время и когда вообще русские появились в Шанхае.

Первыми временными резидентами Шанхая, очевидно, были чайные торговцы, поселившиеся в городе Ханькоу, на реке Янцзы, основавшие там фирмы, торговавшие чаем и даже владевшие чайными плантациями. Эти чаеоторговцы, поселившиеся в Ханькоу в 60-х годах прошлого столетия, часто наезжали по делам в Шанхай, иногда подолгу жили там и были, таким образом, первыми, хотя и временными, жителями Шанхая. Официальных представителей русского правительства в Шанхае в то время не было.

По сведениям, полученным от Г. Г. Зонненберга, в Шанхае с 1865 года существовало внештатное русское консульство, в котором на

должностях внештатных консулов числились англичане. И только в 1880 году пост внештатного консула был занят русским подданным Ю. А. Редингом.

Говоря о старожилах Шанхая, нельзя не рассказать о Г. Г. Зонненберге, который был весьма красочной фигурой в русской колонии города. Георгий Георгиевич Зонненберг по окончании Пажеского корпуса в 1902 году поступил в лейб-гвардии Семеновский полк. В 1906 году он был принят в Николаевскую академию генерального штаба, которую окончил в 1910 году. Свою военную карьеру он оставил в 1912 году, когда получил назначение на пост агента министерства торговли и промышленности в Токио и Пекине с резиденцией в Шанхае. Одно время, уже после революции, он состоял в должности финляндского консула, с 1922 по 1925 год.

Возвращаясь к теме первых русских жителей в Шанхае, интересно привести воспоминание В. Ф. Гроссе, который, проезжая через Шанхай на место своего назначения в Чифу в 1893 году, нашел в Шанхае только одного постоянного жителя, русского подданного Хаймовича. Дети Хаймовича жили в Шанхае в мое время, то есть в 30-х годах.

К концу XIX столетия в связи, вероятно, с усилением продвижения России на Дальний Восток, русское правительство обратило внимание и на международный Шанхай. Там было открыто официальное Российское генеральное консульство в 1896 году. На должность генерального консула был назначен П. А. Дмитриевский. В том же году в Шанхае было открыто отделение Русско-китайского банка. Через два года в Шанхае была открыта русская почтовая контора. Из других официальных должностей в Шанхае в это время можно назвать должность второго военного агента, на каковую был назначен генерального штаба полковник К. Н. Дессино. Тогда же была учреждена должность агента министерства финансов, каковым стал Н. А. Распопов.

Если не считать г-на Хаймовича, жившего в Шанхае с 1893 года, то вероятно, основанием шанхайской русской колонии можно считать период времени с 1896 года и до начала русско-японской войны, когда в Шанхае уже существовала постоянная русская колония в несколько десятков человек.

Большой толчок к усилению роли русских в международном Шанхае был дан строительством Великого сибирского пути и его придатка — Китайско-Восточной железной дороги. Предполагалось, что железнодорожный путь, связывающий Европейскую Россию и страны Европы с Дальним Востоком через новый незамерзающий порт Дальний, поведет к значительному усилению торговли и привлечет представителей русских торговых фирм в Шанхай.

Несчастная для России русско-японская война разрушила все эти планы. Тем не менее, роль Шанхая как центра русской активно-

сти на Дальнем Востоке не ослабла, а, наоборот, даже усилилась. Во время войны из Шанхая посыпалось продовольствие в осажденный Порт-Артур. Заметна здесь стала и усилившаяся деятельность русской военной разведки в Японии. Вполне естественно, что все это привело к увеличению числа русских в Шанхае.

Во время войны в нейтральный Шанхай пришел разбитый, сильно поврежденный в морском бою с японцами крейсер «Аскольд» с десятками раненых и с телами убитых членов команды. В 30-х годах на шанхайском кладбище на Бабблинг-Уэлл-роуд еще можно было видеть братскую могилу русских моряков, убитых в бою или умерших в Шанхае от ранений.

В результате неудачной русско-японской войны планируемое расширение русской торговли так и не было проведено в жизнь. В Шанхае основали свои представительства и конторы очень немногие русские фирмы. Тем не менее, сокращение расстояния между Европой и Шанхаем в связи с постройкой Великого сибирского пути повело к общему усилению товарообмена между русским портом Владивостоком и Шанхаем.

Добровольный флот много способствовал перемещению торговой связи между Россией и Шанхаем во Владивосток вместо Дальнего. Компанией Добровольного флота были установлены еженедельные экспрессные рейсы судов между этими двумя городами. Расписание рейсов пароходов было согласовано со временем отхода из Владивостока экспрессных поездов.

Постепенно ко времени первой мировой войны в Шанхае стало открываться все больше и больше представительств русских торговых предприятий. Русская колония в начале войны насчитывала уже несколько сот человек. Жили русские разрозненно. У них не было своего общества или клуба, может быть, потому, что по своему социальному и профессиональному положению они принадлежали к самым разнообразным и разнохарактерным кругам. Были там представители чиновного мира — главным образом чины Российского генерального консульства и других правительственных министерств: военного, финансов, торговли и промышленности. Были богатые владельцы чайных фирм и плантаций. Были скромные банковские служащие. За отсутствием общих интересов они не создали в Шанхае русского собрания или клуба. Однако колониальный характер жизни города, годами устанавливавшийся в различных колониях, особенно в английских, делал необходимым для жителей международного города принадлежать к какому-либо обществу. В Шанхае все принадлежали к тому или иному клубу: теннисному, скаковому, футбольному и другим. Русские резиденты города не были исключением и тоже состояли членами этих клубов. И только много позже, в связи с изменившейся обстановкой после неудачной пер-

вой мировой войны и гражданской войны, новые жители Шанхая — беженцы — нашли нужным объединиться и создать целый ряд общественных и профессиональных организаций, главным образом в целях взаимопомощи. Но это произошло значительно позже.

В период первой мировой войны мы замечаем новое оживление торговых связей с Россией через Владивосток. России нужны товары не только из Китая, но и из других стран, идущие транспортом через Шанхай. В городе появились различные закупочные комиссии, снабжавшие как частные фирмы, так и русское правительство и его военное министерство. Закупалось всё, что только нужно было для нужд военного времени: аптекарские товары, металл, различные машины и техническое оборудование.

Фатальным ударом для этой торговли явилось появление немецких военных кораблей-корсаров, нарушивших нормальную пароходную связь, установленную Добровольным флотом. Корсарами был захвачен пароход «Рязань» и потоплен пароход «Полтава». Другие корабли были реквизированы русским правительством для военных нужд. Война, революция, гражданская война положили конец процветанию «первого русского Шанхая». <...>

Возвратимся, однако, к первым беженцам, оказавшимся на неприветливых берегах реки Вампу (Хуанпу), где выселились громады зданий иностранных банков, пароходных компаний и отелей. Следует отметить, что сравнительно благополучно устроилась судьба лишь одной из крупных монолитных групп беженцев — юных кадетов двух кадетских корпусов: Первого Сибирского, императора Александра I и Хабаровского, графа Муравьева-Амурского. Кадеты были в Шанхае немногим более года, и за это время были закончены занятия и произведены два выпуска кадет: 1923 и 1924 годов. В 1924 году представилась возможность перевода кадетских корпусов в Югославию, что и было сделано. Кадеты, привезенные в Югославию из Шанхая, влились там в существующие Русский и Донской кадетские корпуса. Там многие из них, по окончании образования, были произведены в первые офицерские чины югославской королевской армии. Всего из Шанхая уехали в Югославию приблизительно 530 кадетов. Остались в Шанхае те кадеты, которые выразили на это желание, но главным образом те, которые уже окончили корпуса. Осталось около 70 кадетов Сибирского корпуса и около 100 кадетов Хабаровского корпуса. Все они влились в русскую колонию города и разделили ее судьбу во все последующие годы ее существования.

Положение основной массы беженцев было весьма незавидным. Как писал историк Шанхая Зонненберг, их положение, вероятно, было хуже и тяжелее положения русских беженцев в Европе, главным образом потому, что белым людям, даже готовым взяться за физический труд, невозможно было конкурировать с китай-

скими бедняками, готовыми работать за несколько медяков.

Ситуация улучшилась в 1925 году, когда китайские коммунисты устроили в Шанхае всеобщую забастовку. Все иностранные предприятия, включая электрические станции, базировавшиеся на труде китайцев, оказались без рабочих. И тут этим предприятиям пришла на помощь русская рабочая сила, от которой иностранцы вначале отмахивались.

Громадную помощь в устройстве русских на работу оказал бывший российский генеральный консул в Шанхае, Виктор Федорович Гроссе. Как известно, китайское правительство в Пекине и автономный глава маньчжурских провинций маршал Чжан Цзолин подписали соглашение с советским правительством в 1924 году, восстанавливающим дипломатические отношения между обеими странами. Посольские и консульские здания бывшего русского правительства передавались представителям большевиков. В. Ф. Гроссе с 1924 года стал «бывшим» консулом, но все еще обладал большим влиянием в иностранной колонии города. Ему был предложен пост помощника китайского комиссара по русским делам. Почти одновременно он возглавил Комитет защиты прав и интересов русских в Шанхае. Несколько позже, в 1927 году, он основал Эмигрантский комитет в Шанхае, руководителем которого оставался до своей смерти в 1931 году.

Во время забастовки иностранцы обратились к Гроссе с просьбой о помощи, и немедленно же его комитет защиты направил на различные предприятия десятки, а может быть и сотни нуждающихся в работе русских. Главным результатом этой забастовки было то, что русские зарекомендовали себя с самой хорошей стороны, и их теперь стали охотно нанимать не только простыми рабочими, но и на более ответственные посты и на различные конторские должности.

К этому времени в Шанхай стали прибывать русские из Харбина, решившие покинуть свою маньчжурскую резиденцию в связи с советско-китайским соглашением 1924 года. Это соглашение предусматривало переход управления КВЖД в руки администрации из представителей обоих государств, Китая и СССР, на паритетных началах. Соглашение явилось ударом для эмигрантов, работавших на железной дороге, так как там теперь могли служить только китайские и советские граждане. В то время почти все служащие дороги имели эмигрантские паспорта. Им приходилось уходить с хорошо оплачиваемой работы и становиться безработными, если только они не принимали советского подданства.

Вполне понятно, что начался повальный переход служащих в советское подданство, особенно харбинских старожилов, не испытывавших прелестей советской жизни. Беженцы, прошедшие ужасы «ледяного похода» и бегства от большевиков, отказывались принимать советское гражданство. Многие, однако, нашли иной выход и подали заявления о переходе в китай-

ское подданство. Этот шаг обеспечивал им работу на железной дороге в качестве китайских подданных. Третьей группой были эмигранты, которых не прельщали ни советское, ни китайское подданство. Им пришлось уйти с работы. Для них был выход — ехать в Шанхай и пытаться устроиться там.

Следующим важным этапом в жизни русского Шанхая стали события 1927 года, которые были чреваты опасными последствиями для иностранного населения города. Китай разрывался на части гражданской войной. На рубеже огромной реки Янцзы стояли войска, входившие в северную коалицию, возглавляемую бывшим хунхузом Чжан Цзолином. В непосредственной близости к Шанхаю стояли войска ставленника Чжан Цзолина генерала Сун Чуанфана. А с юга и запада к городу подходила победоносная кантонская армия молодого, энергичного генерала Чан Кайши. В январе 1927 года красная кантонская армия разгромила войска Сун Чуанфана.

«...» Казачьей группе генерала Глебова наконец повезло, по старинной поговорке: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Несколько ранее войска из Кантона с советскими политическими и военными советниками, захватили город Ханькоу на реке Янцзы и заняли там английскую концессию. Во главе советских советников были Бородин и генерал Галин (Блюхер). Когда кантонские войска подошли к Шанхаю, город замер, ожидая разгрома, подобному тому, что был учинен в Ханькоу.

Распропагандированное коммунистами китайское население ждало момента, чтобы вернуться в центр города и начать массовые грабежи на территории селтльмента.

Британское правительство забеспокоилось. Судьба международного Шанхая, с его многомиллионными банками и торговыми предприятиями, висела на волоске. Англия в срочном порядке направила в Шанхай армейские части и корабли военно-морского флота. Но... путь из Англии в Шанхай далекий. Длинной цепью растянулись британские военные транспорты через Средиземное море, Суэцкий канал и Индийский океан. В Шанхай направлялись отборные королевские гвардейские полки — Колдстрим и Ирландская гвардия. Из Индостана отправились на восток колониальные войска — воинственные туземцы Непала гуркхи, а также пенджабцы. Из Египта на транспорты был посажен Дурхэмский полк.

Однако до прибытия английских армейских и военно-морских сил Шанхай оставался почти безоружен. Небольшие воинские силы в городе, его обычный гарнизон, были недостаточны. Срочно был мобилизован Шанхайский волонтерский корпус, состоявший из банковских клерков и служащих коммерческих предриятий. Войки они были ненадежные. В случае массивной атаки кантонцев на город его защитники были бы просто сметены

с лица земли. В китайской части Шанхая уже слышна была стрельба. На Северном вокзале в Чапее, пригороде Шанхая, попали в ловушку два русских бронепоезда из армии северной коалиции; бронепоезда с их русскими командами были уничтожены кантонцами. Для защиты Шанхая требовались воинские соединения профессиональных солдат. И тут-то шанхайский муниципалитет вспомнил о казаках, три года сидевших на кораблях.

Генералу Глебову было предложено сформировать русский волонтерский отряд для защиты Шанхая. Отряд был сформирован 21 января 1927 года и был влит в состав Шанхайского волонтерского корпуса, которым командовал полковник Гордон. Ему была поручена защита границ международного селтльмента до прихода английских войск. Сидение казаков на кораблях закончилось, и они теперь стали полноправными жителями Шанхая, вместе с другими беженцами из Владивостока, сошедшими на берег в 1922 году. Кстати, тот национальный трехцветный флаг, который муниципалитет требовал снять с русских кораблей, позже, когда русский отряд сделался Русским полком Шанхайского волонтерского корпуса, стал бело-сине-красным знаменем этого полка. Знамя было преподнесено Русскому полку в воздаяние его заслуг тем самым Шанхайским муниципальным советом. Вначале этот отряд под командованием капитана I-го ранга Н. Ю. Фомина состоял из двух рот, по 300 человек каждая, главным образом казаков Дальневосточной казачьей группы. Позже, с прибытием из Харбина русской эмигрантской молодежи состав отряда, а позже полка, сильно изменился. В нем теперь преобладала русская гимназическая молодежь

«...» Русскому отряду сразу же была поручена ответственная работа — охранять городскую муниципальную электростанцию, а несколько позже отряд вышел на оборону северной части Международного селтльмента, на границе с китайской частью города Чапеем. К счастью, в военных действиях против кантонской армии русскому отряду участвовать не пришлось.

Первое время в составе отряда было много бывших офицеров русской армии. Офицерских должностей в отряде для всех их было недостаточно. Поэтому не только унтер-офицерские должности были заняты офицерами, но даже многим из них пришлось вступить в отряд рядовыми. В каждой роте было сформировано по одному офицерскому взводу.

Присутствие на границе селтльмента дисциплинированного русского отряда, очевидно, остановило южан, и они если и не отказались от попытки захватить Шанхай, то, во всяком случае, отложили ее до более благоприятного момента. Эта передышка спасла город.

Вскоре на шанхайский рейд стали один за другим прибывать английские армейские транспорты и военные корабли. Южане поняли, что им не справиться с крупными иностранными военными силами и десятками боевых кораб-

лей на шанхайском рейде и отказались от своих планов разгрома богатого Шанхая. Опасность миновала.

Шанхайский муниципальный совет решил не распускать русский отряд, а сохранить его как регулярную боевую силу города. В апреле 1927 года командир отряда, капитан 1-го ранга Н. Ю. Фомин покинул свой пост по семейным обстоятельствам, и на пост командира русского отряда был назначен майор, бывший полковник лейб-гвардии конно-гренадерского полка Герман Германович Тиме. Началась нормальная гарнизонная жизнь и служба отряда (...)

Памятны для русских шанхайцев события осени 1927 года, когда празднование советским консульством 10-летней годовщины октябрьского переворота в помещении бывшего императорского российского генерального консульства вылилось в массовую антисоветскую демонстрацию, закончившуюся кровавой драмой.

Погода была в этот день неприятная, типичная для Шанхая в это время года — промозглая, «тайфунная», дождливая. Около советского консульства собрались тысячи белых эмигрантов, пришли, чтобы устроить демонстрацию протеста против захвата власти большевиками в России десять лет тому назад. К вечеру нервы советских служащих консульства, видимо, не выдержали. Возможно, что они ожидали разгрома консульства. Из здания консульства вдруг раздались выстрелы. В ответ на это в окна и двери консульства полетели камни и все, что попадало под руки. Выстрелы настолько возмутили демонстрантов, что толпа бросилась на здание, двери были разбиты, и некоторые ворвались внутрь. Первыми в консульство вбежали кадеты Борис Пельгорский и Евгений Бахтин. Раздались выстрелы, которыми были сражены оба кадета. Через десять дней после инцидента у консульства тяжело раненный Евгений Бахтин скончался. Борис Пельгорский, тоже тяжело раненный, прожил еще несколько лет и также умер от последствий полученных ранений.

Крупным событием, оказавшим исключительное влияние на жизнь русской колонии Шанхая, был советско-китайский конфликт 1929 года на Китайско-Восточной железной дороге. Если события 1924 года вызвали отъезд из Маньчжурии в Шанхай сотен русских эмигрантов, то конфликт 1929 года послужил толчком для тысяч людей сорваться с насиженных мест в Маньчжурии и переехать в Шанхай в поисках не только обеспеченной, но и спокойной жизни. Конфликт 1929 года вызвал беспокойство и даже панику среди русских эмигрантов Маньчжурии. Ожидали захвата Маньчжурии советскими войсками с соответствующими последствиями для многотысячного русского населения Маньчжурии.

Результатом было то, что к концу 1929 года русская колония Шанхая уже насчитывала 13 тыс. человек, а еще через пару лет в результате захвата Маньчжурии японцами русский Шанхай увеличился до 20 тыс. человек. Тяже-

лая рука японской военщины опустилась на Маньчжурию, и это повело к массовому исходу русских, главным образом в Шанхай. К середине тридцатых годов в Шанхае уже было 40 тысяч русских, а, по неофициальным сведениям, «второй русский Шанхай» насчитывал 50 тыс. человек.

Нужно отметить, что к началу тридцатых годов центр расселения русских переместился из Международного сэттлмента во Французскую концессию, где главной торговой артерией сделалась Авеню Жоффр. Из тихой незамеченной улицы с длинными высокими заборами, за которыми укрывались дома и виллы, Авеню Жоффр после массового «вторжения» русских превратилась в красивую торговую артерию французской концессии с зеркальными витринами русских магазинов.

С годами русские своей работой и добросовестностью заслужили хорошую репутацию среди иностранного населения Шанхая. Их стали охотно принимать на службу не только в иностранные фирмы, но и в различные официальные учреждения. Уже с первых лет эмиграции некоторые бывшие кадеты начали устраиваться в шанхайскую муниципальную полицию, становились сержантами, субинспекторами и инспекторами полиции. Многие бывшие военные устроились в полицию французской концессии. Наверное, больше всего русских служило в русском полку.

Эта нормальная жизнь была нарушена событиями 1932 года. Начался вооруженный конфликт между китайцами и японцами, в непосредственной близости к Шанхаю. Вновь был мобилизован весь Шанхайский волонтерский корпус. Прибыли военные пополнения английских войск. В дополнение к 4-му полку американской морской пехоты с Филиппин был прислан американский 31-й пехотный полк.

Китайский пригород Шанхая Чапей горел. Особенно крупные бои шли в районе Северного вокзала. Русский отряд был вновь выведен на охрану северных границ города. Конфликт закончился, и отряд вернулся к своим регулярным обязанностям охраны электростанций, муниципалитета и тюрьмы.

В том же 1932 году произошло большое событие в жизни русского отряда. Он был увеличен в своем составе и переименован в Шанхайский русский полк, к нему была добавлена 3-я рота под командованием полковника Савелова, 4-я рота и пулеметная команда. Как уже упоминалось, полку было пожаловано знамя — на фоне трехцветного российского флага — герб Международного сэттлмента.

В феврале 1933 года произошли большие перемены в командовании полка. Полковник Тиме вышел в отставку, и его пост занял его помощник, полковник Семен Дмитриевич Иванов.

Целью этого очерка не является описание всей истории Русского полка. Мне хочется только отметить, что Шанхайский русский полк за время его существования, с 1927 по 1945 год,

являлся неотъемлемой частью русской эмиграции в Шанхае и, мало того, уникальной, чисто русской, может быть, единственной русской воинской частью в зарубежье*.

Воинская выправка, дисциплина чинов отряда вызывали восхищение со стороны международного населения города. На парадах Шанхайского волонтерского корпуса русский полк, проходивший церемониальным маршем, вызывал оглушительные аплодисменты зрителей, особенно когда волонтеры скидывали винтовки с плеча «на руку» и проходили таким образом, по примеру Павловского полка, перед высшими военными чинами Шанхая.

Занимались чины полка не только муштровкой и другими военными занятиями, но принимали участие и в спортивной жизни города, в соревнованиях по гимнастике, легкой атлетике, боксу — наряду с другими русскими спортивными организациями, такими, как Русское атлетическое общество, «Русский сокол» и другие.

Жизнь полка была тесно связана с жизнью всей русской эмиграции Шанхая, и конец полку пришел с концом этой эмиграции после второй мировой войны, когда приближение красных китайских войск вынудило русскую колонию Шанхая эмигрировать в свободные страны мира (...)

Устраивались некоторые русские и в антипиратскую охрану на пароходах. До этого бывали частые нападения морских пиратов на корабли каботажного плавания, совершавшие рейсы между Шанхаем и Гонконгом. Пираты захватывали корабль в море, увозили его в уединенную бухту и там грабили, а кроме того, забирали с собой каких-нибудь богатых китайских купцов, за которых потом получали солидный выкуп.

С наймом в антипиратскую команду русских, часто бывших военных, умевших обращаться с оружием, случаи пиратских нападений значительно сократились. На памяти пишущего эти строки в начале тридцатых годов были, если не ошибаюсь, только два пиратских нападения. В одном случае был убит русский охранник и его тело было выброшено в море. В другом случае было совершено просто фантастическое нападение пиратов на пароход с русским капитаном. Невероятным было то обстоятельство, что пиратами были не китайцы, а немцы. Немцы сели на пароход как пассажиры, и когда судно вышло с шанхайского рейда в открытое море, они ворвались на капитанский мостик и застрелили капитана и других офицеров. Тела убитых были выброшены в море. Немцы намеревались где-то в пути запасти углем и провиантом и направить свой путь в Южную Америку, где они предполагали продать пароход, скрыться в одной из южноамериканских стран и вообще замести свои следы.

По неизвестной причине почти в самом начале пути пароход наскочил на прибрежные

скалы Ляодунского полуострова, где-то около Порт-Артура. Немцы были арестованы японцами, их судили в Порт-Артуре за пиратство и присудили к смертной казни. До казни их посадили в тюрьму Порт-Артура, но они почему-то сидели в тюрьме несколько лет, пока дело шло по различным судебным инстанциям на апелляции и кассации. Что с ними случилось, были ли они казнены, — неизвестно, потому что в декабре 1941 года вспыхнула война — японцы атаковали Америку, Англию и другие европейские государства. За время второй мировой войны и послевоенных перемен в Китае дело немецких пиратов было предано забвению.

Немало русских в Шанхае устраивались «бодигардами» — телохранителями к богатым китайским коммерсантам, банкирам и крупным генералам, которые не доверяли своим китайским телохранителям. Служба «бодигардом» была не трудная, но весьма опасная. Нередко бывали случаи нападения бандитов на машины китайских богачей, даже сопровождаемых «бодигардами». Шанхайцам-старожилам памятен случай нападения бандитов на известного в Шанхае богача Лорда Ли, которого охраняло десять русских телохранителей. В перестрелке с бандитами один русский был убит. Пишущий эти строки также испробовал эту профессию в первые месяцы жизни в Шанхае, в должности личного телохранителя крупного китайского военачальника, генерала, ближайшего сотрудника шаньдунского маршала Чжан Цзучана. Во время поездок с генералом нужно было держать оружие наготове: в одной руке автоматический пистолет, в другой — шестизарядный револьвер. Среди русских телохранителей были жертвы. Почти в самом начале пребывания русских эмигрантов в Шанхае там погибло несколько русских телохранителей. Первой жертвой бандитов был бывший кадет Хабаровского кадетского корпуса Виктор Керо-Ор. Вскоре после этого погибли полковник Дырдо и есаул Сараев.

Можно назвать еще одну профессию, в которой преуспели русские шанхайцы. Это профессия моряка. Русские моряки военного или торгового флота поустраивались на морские корабли офицерами или капитанами, главным образом на пароходах каботажного плавания, совершавших рейсы по Желтому, Восточно-Китайскому и Южно-Китайскому морям. На одном из таких кораблей плывал капитаном адмирал Безуар, который в октябре 1922 года вывел вместе с адмиралом Старком русские корабли из Владивостока в порт Гепзан в Корею.

Конечно, невозможно перечислить все профессии, в которых преуспели русские в Шанхае (...)

(Окончание следует)

* Если не считать власовцев и т. п. (Прим. ред.).

Реализм с «китайской спецификой»

Е. ФАДЕЕВА

Китайское литературоведение «нового периода» (то есть периода с 1979 г. по настоящее время) представляет собой сложную противоречивую и интересную картину. С учетом специфики взаимодействия литературоведения КНР с современной политикой, идеологией, философией ему отводится особое место в истории китайской культуры.

В «новый период» китайское литературоведение, вслед за литературой, вместе с развитием философии и эстетики, сделало качественный скачок в своем развитии. Им была пройдена важная часть большого и трудного пути к мировому научному уровню. Это тем более важно, что китайскому литературоведению за всю его историю пришлось преодолеть немало препятствий, в числе которых были не только перерыв в его развитии в период «культурной революции», но и долговременная отгороженность от существовавших вне Китая идей и теорий, искажение и вульгаризация принципов искусства и его теоретических основ (в частности, под влиянием советской литературной теории, развитие которой также не было безупречным и свободным от уклонов, схематизма, упрощенного и механического восприятия некоторых явлений и проблем). Уже в 50-е годы литература и тем более литературоведение попали в тиски прагматического, утилитарного подхода к искусству и культуре, когда всякие попытки писателя к самовыражению были вытеснены строгой регламентацией творчества с целью использования его как средства воздействия на массы в ходе различных идеологических кампаний. Только после «культурной революции» начался непростой процесс возрождения литературы, в сегодняшнем облике которой многие видят восстановление лучших традиций 30—40-х годов — традиций революционного и критического реализма, воплощенных в

творчестве Лу Синя и других классиков новой литературы, с их внимательным отношением к «маленькому человеку», к его духовному миру, глубоко гуманистическим подходом, оптимистической верой в человека, вниманием к прошлому народа, к его нравственным, культурным, эстетическим истокам.

Вместе с литературой восстанавливало свои утраченные позиции и литературоведение. Из утилитарного средства воздействия на умы оно все более превращалось в науку, все более осознавало свою эстетическую специфику. Разрабатывались новые идеи и концепции, в том числе и пришедшие извне, с Запада. Масштаб их проникновения в философию, эстетику, литературоведение «нового периода» был очень велик. Этот процесс шел бурно, неровно, но в целом открытость Китая влиянию мировой культуры способствовала развитию литературоведения, делая его более глубоким и разносторонним. Пусть воспринималось не все и не абсолютно адекватно, но в большой степени под воздействием этих идей поднималась новая школа литературоведов, разрабатывающих самостоятельные мысли, ищущих новый подход как к современному состоянию, так и к истории китайской литературы. Появлялись как обобщающие работы по истории современной китайской литературы («Краткая история современной китайской литературы», «История направлений в современной китайской литературе», «Материалы дискуссий в литературоведении «нового периода» и др.), книги, например, Чэнь Ляо («Направления современной литературы») и Лю Мэнси («Поиски в литературе»), так и отдельные проблемные статьи таких литературоведов, как Мяо Цзюньцзэ, Гао Эртай, Лю Цзайфу, Мэн Кайдэ, Хуан Чжаэньжэнь, Лю Ганцзи, Цзян Хун, Гун Лю, Лю Сяобо, Лай Ганцзян, Ли Цзэхуо, Чэнь Юн,

и многих других в журналах «Вэнь яньцзю», «Вэньсюэ пинлунь», «Вэньси лилунь яньцзю», «Сюэси юй таньсо», «Синь-хуа вэньчжай» и газетах.

Известно, что свободное развитие литературоведения зависит во многом от «внешних факторов» (по отношению к литературе), к числу которых относятся и политическая ситуация в стране. Политика «открытости» Китая внешнему миру способствовала расцвету литературоведения, но пройденный им за эти годы путь не был безупречно прямым, в нем отражались колебания политического курса. В настоящее время в связи с «урегулированием» положения в области культуры, настойчивой критике подвергаются «буржуазно-либеральные» теории и идеи, пришедшие с Запада или зародившиеся под его влиянием, ведется активная пропаганда марксистско-ленинской теории литературы и искусства, эстетики. По сравнению с началом и серединой 80-х годов можно говорить о большей ограниченности «плюрализма» в культуре. И хотя методы политического руководства литературой изменились к лучшему, оторваться совсем от этого руководства литературой не удастся.

Картина сегодняшнего китайского литературоведения мозаично складывается из различных суждений, оценок и взглядов, высказываемых в ходе многочисленных дискуссий. Материалы этих дискуссий, возникших или возобновившихся в 80-е годы, заслуживают подробного и глубокого изучения. Надо сказать, что в самом Китае пока не так много работ, рассматривающих литературоведение «нового периода» с точки зрения его теоретических закономерностей и особенностей. Некоторые из этих дискуссий, различных по длительности существования, глубине и масштабу, по количеству участвующих в них критиков и писателей, можно выдвинуть на первый план как принципиально важные, охватывающие значительные материалы. Споры ведутся по таким вопросам, как творческий метод, образное мышление, вдохновение, восприятие литературы, ее герои, сюжеты и темы, гуманизм, народность, «новые эстетические принципы», «самовыражение», критерии литературной критики, литературоведческая методология и т. д.

Остановимся несколько подробнее на двух дискуссиях, имевших длительную и интересную историю и возобновившихся в 80-х годах на новом материале: дискуссии о творческом методе и о соотно-

шении идеологической и эстетической функции литературы. Дело не только в том, что они имеют принципиальное значение и охватывают серьезный материал, но и в том, что ответ на многие поставленные в ходе этих дискуссий вопросы предсказал бы путь развития китайской культуры. Они взяты для примера также и потому, что, включая в себя более мелкие подтемы, имеют выход на многие другие дискуссии.

В истории дискуссии о творческом методе китайской литературы были и ориентирование на советскую литературную теорию с ее концепцией социалистического реализма, и провозглашение «собственного» метода «сочетания двух» (революционного реализма и революционного романтизма) и восстановление традиций в сочетании с новым взглядом на проблему в «новый период» (включение, хоть и не безоговорочное, модернизма в систему современной китайской литературы). Надо заметить, что основные понятия, входящие в тему, довольно сложны и недостаточно разработаны в китайской литературной теории (понятия творческого метода, литературного направления и группировки, а также характеристика реализма, романтизма, модернизма и т. д.) Некоторые критики подходят к этим явлениям с точки зрения трех уровней, выделяя, например, реалистический «дух» (поиск в литературе на основе теоретических и ценностных представлений, реалистический подход к жизни и творчеству), реалистическая группировка, направление (что относится скорее к истории литературы), и творческий метод (взгляд с эстетической точки зрения).

Не будем останавливаться на истории китайского реализма, хотя многие проблемы, поставленные еще в 60-х годах, во время широкомасштабной дискуссии, продолжают оставаться актуальными. К ним присоединились и новые направления дискуссии — например, с каких пор можно говорить о реализме в Китае, каковы черты современного реализма, является ли он единственным или по крайней мере основным направлением современной литературы, однородно ли это явление, как оно соотносится с романтизмом и модернизмом, что такое «социалистический реализм»? Верно ли, что реализм «отжил свое» и его должен сменить модернизм? Каково будущее реализма, каким должен быть реализм «с китайской спецификой»?

Большинство (но не все) китайских критиков согласно в том, что время реализма отнюдь не прошло и он занимает в современной китайской литературе одно из главных, если не главное место. Но явление это неоднородно, оно развивается, образуя новые формы и совершенствуя старые. «Сама история реализма показывает, что он находится в процессе постоянного развития, а не является неизменным. Сейчас он по-прежнему нуждается в том полезном, что может взять у других методов (включая модернизм), что увеличивает жизненную силу реализма» («Синь шици вэньсюэ луньчжэн цзыляо», с. 48). Реализм «нового периода» — качественно новое явление, отличное от догматизированного, шаблонного «установочного псевдореализма», сложившегося как официальный, образцовый творческий метод китайской литературы к началу «культурной революции». Выделяя особенности реалистического «духа» (социальность, современность, стремление к объективной истинности, к типичности, идейность, боевитость, прогрессивная направленность), критики говорят также о том, что нетрадиционный реализм пользуется художественными средствами модернизма (фантастика, гротеск, абсурд, миф, поток сознания, метафоричность, скрытый смысл), оставаясь самой собой. Некоторые считают, что синтез модернизма и реализма дает новую литературную форму — реализм «нового периода». Новому явлению, основанному на открытом восприятии идей и художественных средств, непрерывно обогащающемуся, развивающемуся, впитывающему в себя все новое, дают различные определения в зависимости от тех его черт, которые литературоведам кажутся важнейшими. Его называют психологическим реализмом (Лю Хэн), «естественным реализмом» (Ян Синьбао), неореализмом (Лян Чэн, Дин Боцюань, Дин Фань и другие), модернизированным реализмом (У Цзяжун), постреализмом (Ван Гань¹). Чэнь Цзюньтао² предлагает понятие «открытая система китайской реалистической литературы». (Некоторые считают, что реализм в своем новом качестве является отрицанием традиционного реализма — другие — что это возврат к истинному реализму или даже первое появление подлинного реализма в китайской литературе).

Но многие критики утверждают, что новый реализм обладает жизненной силой, у него большое будущее. Они указы-

вают на то, что сама жизнь требует сейчас именно реализма, поскольку он может адекватно воплотить стремление писателей способствовать прогрессу литературы и общества.

Важным шагом для китайской литературы было провозглашение свободы выбора писателем художественных средств и направления творчества, творческого метода и своего эстетического идеала, отказ от их регламентирования, от стереотипов мышления, а также утверждение неограниченной литературной системы. (Однако нельзя сказать, что этот процесс освобождения от догм и созидания нового закончен.)

Появление в китайской литературе «нового периода» нереалистических произведений (это началось с «мэнлушши» — «туманных стихов», и продолжилось как в поэзии, так и в прозе) вызвало бурные дискуссии в середине 80-х годов. Не сразу это явление признали как проявление модернизма, но постепенно этот термин утвердился. Вначале некоторые критики отрицали его как нечто вредное, наносное, «буржуазное», ненужное, непонятное и несвойственное китайской культуре³. Но впоследствии стали раздаваться голоса литературоведов не только одобряющих использование модернистских средств изображения, но и считающих модернизм закономерной, а иногда даже и лучшей частью современной китайской культуры.

Китайский модернизм — явление неоднородное, противоречивое. Модернистов обвиняют в индивидуализме, эгоизме, самолюбии, пессимизме и нигилизме, стремлении к самовыражению при пренебрежении к объективной действительности, одним словом, претензий к модернизму множество. Конечно, часть этих упреков справедлива, но субъективизм модернистов, доходящий иногда до крайности, был в какой-то мере и реакцией на долговременное подавление личностного начала, а подчеркнутый эстетизм — ответом на пренебрежение к художественной стороне литературы, на схематизм, обезличивание героя, автора и читателя. Кроме того, неоспоримы и важны для развития литературы в целом такие черты модернизма, как острое ощущение неблагополучия, реакция на кризисные явления в обществе, противоречия и проблемы, пристальное внимание к духовному миру человека, к его нравственным и ценностным представлениям, к личности. Модернизм по-своему отражает эпоху через ин-

дивидуальное духовное восприятие. Если это явление и было чужеродным (хотя некоторые говорят о модернистских традициях китайской литературы еще 30-х годов), то оно, воспринятое в особенности молодым поколением, стало китайским явлением, частью современной китайской литературы, так сказать, «модернизмом с китайской спецификой». Кроме того, оно по-своему выходит на древнейшие слои китайской культуры, мифологию, психологию, историю. Так что модернизм в китайской литературе — не только реакция на политические и экономические перемены, но и порождение внутренних, социально-культурных причин, и его не следует противопоставлять реализму. Напротив, их диалектическая связь — предмет внимания многих критиков, которые считают, что, несмотря на «многосторонние различия» двух методов, они существуют во «взаимной борьбе» и «взаимопроникновении», «развиваются, будучи тесно связанными» («Синьшици вэньсюэ луньчжэн цзыляо», С. 49).

Что касается романтизма, то можно, видимо, скорее говорить о некоторых романтических тенденциях в современной китайской литературе, чем о равноправном с реализмом и модернизмом творческом методе.

История другой дискуссии о проблеме соотношения идеологической и эстетической функции литературы) также прослеживается издавна. При подчиненности искусства политике, служении ее сиюминутным целям и лозунгам, одна функция литературы преувеличивалась в ущерб другой. (Некоторые критики считают, что китайской литературе издавна была свойственна зависимость от политизированной философии.)⁴ После «культурной революции» в связи с процессом самосознания литературы и пересмотром прежних догматических, вульгаризированных представлений дискуссия продолжилась. Обсуждались проблемы социальной роли художественной литературы, принадлежности ее к надстройке, связи с другими формами общественного сознания, а также провозглашенные в 40-е годы лозунги «литература служит политике», «литература является орудием классово-борьбы». Последний лозунг привлек внимание довольно значительного числа критиков, поскольку в его обсуждении столкнулись полярные взгляды тех, кто считал литературу прежде всего идейным оружием борьбы с врагами, средством пропа-

ганды, объединения и просвещения народа с одной стороны, и сторонников умеренных взглядов, утверждающих, что литературе следует отдаляться от политики, так как ее содержание должно быть более богато и разнообразно, и политика в какой-то мере должна служить литературе, — с другой.

На указанную выше тему высказывались многие известные литературные критики и писатели (Лю Биньянь, Мао Син, Чэн Ляо, Бай Хуа, Ван Мэн, Чжоу Ян, Ли Чжунь, Ма Фэн, Ай Фэйи, Лю Ганцзи, Хэ Чжицзин)⁵. Много спорили об общественной значимости художественного творчества, причем отвергалось упрощенное понимание этой проблемы, говорилось о сложности установления критериев общественной значимости произведения, о многофакторности этого понятия. Дискуссия затронула и другие проблемы: связь понятий «народность», «классовость», «партийность» литературы, правдивость и тенденциозность литературного произведения. Пересмотр внутреннего содержания этих понятий и их корректировка с изменившимся общественным сознанием изменили представление об «идейности». Под этим перестали понимать прямую, нехудожественную и нередко неправдивую тенденциозность как обязательный элемент любого произведения, под влиянием которого произведение превращалось в «рупор политических идей». Вместо механического, грубого деления на «идейное» и «художественное», с явным предпочтением первого, пришли к идее о том, что в сознании писателя эти элементы находятся в единстве, и, видимо, именно в этом индивидуальном, личном сознании, надо искать ключ к созданию произведений, полноценных и в том, и в другом отношении. Восстанавливается принцип равновесия трех основных функций литературы — познавательной, воспитательной и эстетической — на основе подлинного познания объективного и субъективного мира. Общественная значимость такой литературы достигается через идейность, основанную на свободном выражении индивидуальности автора при условии правдивого восприятия и воспроизведения им окружающего мира, а также ответственности перед обществом.

Результатом нового осмысления воспитательной функции литературы стало восстанавливающееся равновесие между формой и содержанием, идейным и художест-

венным. Все чаще критики говорят о том, что эстетическая и социальная функции не противоречат друг другу, что нельзя абсолютизировать политический критерий, пренебрегая художественным.

Несмотря на некоторые крайние высказывания, которые можно было расценить как призывы к «аполитичности», искусству «нового периода» не отошло от политической и общественной жизни. Ему, по оценкам многих критиков⁶, «по-прежнему свойственны социальность, современность, активное сознание, смелость, боевой дух».

«Открытость» китайского литературоведения сказалась в «новый период» не только в области эстетических теорий. Подверглись пересмотру история китайской литературы и литературоведения, теории, лежащие в основе литературоведения, а также по мере избавления от схематизма и догматизма развивалась и складывалась заново сама научная система литературоведения, в том числе критический аппарат. В поисках новой методологии литературоведение обратилось к новейшим данным и принципиальным положениям таких наук, как психология, социология, этнография, философия, культурология, лингвистика, история, экономика и информатика, футурология, даже математика и физика, а также имела в виду и пограничные, смежные исследования. Системный подход, многослойность, многофакторная система исследований, внимание к психологии и личности писателя и читателя — особенности новой методологии.

Вообще такая попытка синтеза характерна для нового качества китайского литературоведения, для нового уровня сознания, установившегося в результате политических, идейно-философских изменений в обществе. Литературоведение пытается соединить вещи, с первого взгляда кажущиеся разнородными, находится в поиске нескवानного, нетрадиционного подхода, стремится к подлинной «открытости» для всего, что может быть ему полезно. В какой-то степени этому подчиняется и попытка «отыскать корни» литературы в древней народной культуре, чтобы извлечь из этой общности нечто существенное для сегодняшнего и завтрашнего дня китайской культуры.

Отказ от устаревших стандартов как в художественном, так и в идейном плане, проверка и новое осознание прежних лозунгов, поиск своего места в обществе,

соотношения с другими формами общественного сознания, — вот основные направления развития китайского литературоведения в «новый период». Важным и необходимым, закономерным для «нового сознания» шагом явились перенос внимания на внутреннее, эстетические закономерности литературы, «поворот литературы внутрь себя». Литература избавлялась от долговременной политической и идеологической зависимости, и в этом плане можно говорить о ее «деидеологизации», основанной на новом понимании связи литературы с жизнью, с философией и политикой. Как литература вновь начала приобретать свою долгое время подавляемую эстетическую функцию, так и литературоведение обратилось к подлинно литературному, эстетическому анализу. Это — новый уровень самосознания литературы, познания и осознания ею своей специфики.

Невозможно обойти еще одно важнейшее свойство литературного сознания в современном Китае, а именно обращенность к человеку, основанному на восстановлении и углублении гуманистической сути литературы. Под этим подразумевается не только внимание автора к духовному миру героя, к жизни обычного человека во всей ее реальности, но и подчеркнутое стремление писателя к самовыражению, осознание им ценности своей индивидуальности, а также обращение к читателю, настрой на него, в какой-то мере совместное творчество.

С развитием общественного сознания литература подошла ближе к человеку, возросло внимание к моральным проблемам и конфликтам, к этике. «Субъективизация», стремление восстановить, вернуть долгое время подавляемое личностное начало были отражением происходящих в обществе процессов и затронули как литературу, так и литературоведение. Этот процесс был неизбежен, он компенсировал существовавшее ранее пренебрежение к духовному миру героев и правдивости изображения действительности, к художественной стороне произведения, к эстетической функции литературы. Это был процесс «возвращения к человеку», восстановление гуманистических и реалистических традиций китайской литературы. «Так эпоха реформы и открытой внешне-экономической политики, нового пробуждения национального сознания вызвала укрепление самосознания и субъективного сознания к литературе этого периода»⁷.

Эстетическая субъективность литературы, однако, не противоречит ее социальной функции. «Возвращение человечности» внутренне связано с просветительскими задачами, стоящими сейчас, по мнению многих литературоведов, перед китайской литературой. Движение за просвещение, традиции которого идут от «движения 4 мая», ставит своей задачей реформу традиционной культуры, борьбу за научный, рациональный подход, углубленное познание действительности, вскрытие недостатков, пережитков и отсталых явлений, борьбу за утверждение гуманистического сознания, создание свободной, полноценной, уважающей себя и открытой миру личности. Роль литературы в этом процессе очень велика.

Задача литературоведения, как известно, состоит в том, чтобы не только объяснить и осмыслить все эти важные для литературного развития процессы, но и объяснить литературе ее закономерности, показать ее будущее, то есть в какой-то мере объяснить и предвидеть развитие общественного сознания. Как литературоведение Китая с этой задачей справится, покажет будущее, но сейчас, подводя итог за прошедшие годы, мы можем утверждать, что китайское литературове-

дение «нового периода» поднялось на ступень выше и у него есть возможность к дальнейшему успешному развитию, если упомянутые выше прогрессивные тенденции смогут успешно развиваться.

¹ Хухуань дули нини, бяосянь чжэньдэ сяньши // Вэнь лилунь яньцзю.— 1988.— № 4.— С. 37—41, Вэньсюэ шилунь.— 1989.— № 1.— С. 23—30.

² Там же.

³ Такие взгляды сохранились и до сих пор и получили развитие именно в последнее время, как часть кампании по борьбе с «вестернизацией» китайской культуры, что считается одним из проявлений «буржуазной либерализации».

⁴ Чжан Шоунин. Шиди нянь вэньсюэ гэцзюй цзи цзай синьцинь шиинянь чжуаньхуань няогань // Вэнь яньцзю.— 1988.— № 2.— С. 23—25.

⁵ Синь шиди вэньсюэ луньчжэи цзюляо.— Шанхай, 1986.— С. 5—33.

⁶ См., например: Гао Эртай. Дандай вэньсюэ чжундэ сяньшичжун вэньти // Жэньминь жибао.— 1987.— 8 декабря.— С. 5; Цзян Хун. Гуаньюй Чжунго сяньдай сяньшичжун // Цзянхань луньтань.— 1988.— № 7.— С. 41—46, и др.

⁷ Лэй Да. Сюньчжао вэньсюэ юй дучжэ дэ цзиньшэи лянсяи // Жэньминь жибао.— 1988.— 26 января.

Япония перед бастионами «Европы-92»

С. СМОЛЬНИКОВ

Новая динамика западноевропейской интеграции приковывает к себе пристальное внимание со стороны как политических, так и деловых кругов Японии. Этот интерес обусловлен тем, что торгово-экономические перспективы Страны восходящего солнца в Западной Европе напрямую зависят от того хозяйственно-политического режима, который установится в Европейском сообществе (ЕС) к 31 декабря 1992 г., когда, как предполагается, в ЕС будет завершено создание «единого внутреннего рынка» (ЕВР), в результате чего национальные рынки стран-участниц этого объединения сольются в единое рыночное пространство — самое крупное в индустриально развитом мире.

Совершенно очевидно, что японский бизнес, располагающий колоссальным внешнеэкономическим потенциалом, не хотел бы остаться в стороне от тех выгод и преимуществ, которые неизбежно повлечет за собой образование «еврорынка» для предпринимательской деятельности. Одна только экономия от ликвидации еще существующих хозяйственных барьеров между странами ЕС составит в среднем 2,5 % их совокупного ВВП, а общий эффект от создания ЕВР оценивается в 5 % от ВВП¹.

Следует учитывать, что благополучие Японии, в своей экономической политике ориентировавшейся и ориентирующейся на внешнеэкономические связи, сильно зависит от состояния дел в мировой экономике и международных хозяйственных отношениях. Поэтому такой их мощный пласт, как Западная Европа и японо-западноевропейские экономические взаимосвязи, диктуют потребность в выработке японцами всесторонне обдуманной стратегии не только на чисто предпринимательском, но и на государственном уровне. Первоочередной вопрос: насколько японским предпринимателям будет позволено воспользоваться преимуществами ЕВР на равных с его хозяевами, не превратится ли Сообщество в «крепость-Европу»?

Размышляя над этими вопросами, в Токио не могут не учитывать, что углубление западноевропейской интеграции вызвано прежде всего стремлением укрепить конкурентные пози-

ции. В мировом хозяйстве и международных экономических отношениях компании стран Западной Европы в 80-е годы по целому ряду позиций заметно отступили под натиском компаний и фирм Японии и НИС Юго-Восточной Азии, в особенности Южной Кореи. Достаточно, например, вспомнить, что в торговле с Японией Европейское сообщество на протяжении целого ряда лет имеет значительное пассивное сальдо торгового баланса и дефицит в торговле с Японией оценивается как кризисный. Понятно поэтому, что «еврорынок», ставший своей целью резкое увеличение конкурентоспособности западноевропейской экономики (по целому ряду отраслей на 20—30 %) ², создается прежде всего для преодоления этого кризиса.

Протекционистская политика ЕС в отношении японского бизнеса весьма неоднозначна. Например, она достаточно четко прослеживается в отношении японского товарного импорта. Однако японские инвесторы в западноевропейскую экономику остаются, по существу, неуязвимыми по отношению к таможенно-тарифным барьерам ЕС. В числе наиболее часто практикуемых Сообществом средств ограничения доступа японских товаров на западноевропейский рынок следует выделить антидемпинговые процедуры, соглашения о добровольном ограничении экспорта, технические нормы и стандарты. В марте 1988 г. Комиссия европейских сообществ пригрозила введением жесткого контроля над деятельностью тех предприятий в странах ЕС, «где работают лишь отвертками». Имеются в виду прежде всего филиалы японских компаний, на которых при сборке используются компоненты неевропейского производства. Таким образом японцам, как полагают в КЕС, удастся серьезно занижать издержки производства своей продукции, пользующейся между тем «европейским» статусом. Защищая свои фирмы, ЕС в апреле 1987 г. ввел пошлины на продукцию, при сборке которой используется более 60 % деталей, ввезенных из Японии. Скажем, при выпуске электронных пишущих машинок доля таких деталей достигает 75—96 %, а на некоторых английских заводах,

Смольников Сергей Викторович, кандидат экономических наук, старший преподаватель МГИМО.

принадлежащих японцам, неяпонской является только упаковка товара. Со своей стороны Япония апеллирует к Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ), полагая, что действия ЕС являются проявлением протекционизма и противоречат нормам международной торговли¹.

Протекционистские ограничительные меры ЕС затрагивают не только сферу материального производства, но также и торговлю услугами, что для Японии как передовой экономической державы приобретает все более важное значение. Речь идет о банковских, страховых, консультационно-технических услугах, строительстве, сфере розничной торговли и т. д. Пока сфера услуг не подпадает под регламентацию правил ГАТТ, и это ставит, например, японские банки в Европе в зависимость от односторонних подходов со стороны ЕС. В то же время валютно-финансовая мощь Японии, существенно возросшая в последние годы, позволяет японским банкам осуществлять страхование таких заемных средств, которые, по мнению европейских и американских экспертов, слишком рискованны и невыгодны.

Рост финансового могущества Японии может, как опасаются в Западной Европе, поставить Старый континент в сходное с Америкой положение, когда все более заметная доля американской недвижимости становится японской собственностью. Как было заявлено в кругах ЕС, в сфере финансовых услуг в Сообществе пойдут на предоставление преимуществ «еврорынка» не входящим в него странам только на основе полной взаимности. В ЕС разъясняют, что подобный подход не имеет целью ухудшение позиций, например, японских банков на «еврорынке». Однако в Токио пока не удовлетворены западноевропейскими разъяснениями, которые носят, как считают, лишь общий характер. Так, по мнению японских финансовых экспертов, специальная директива по координации кредитных институтов, принятая ЕС в январе 1988 г., серьезно ограничит возможности открытия филиалов японских банков в странах ЕС после 1992 г. уже потому, что условием открытия таких филиалов, как указывается в директиве, должно быть согласие на это со стороны всех стран — участниц Сообщества².

И все же, несмотря на опасность усиления в предстоящие годы протекционизма ЕС, японский бизнес располагает в Западной Европе в целом значительными перспективами. С большой долей уверенности можно предположить, что в 90-е годы, например, существенно увеличатся японские инвестиции в западноевропейскую промышленность. Доля промышленной продукции, выпускаемой сегодня на филиалах японских компаний за рубежом, составляет в настоящее время 5 % стоимости продукции «материнской» индустрии. В ФРГ и США этот показатель равен примерно 20 %. Эксперты считают, что если западногерманский и американский показатели принять за уровень зрелой экономики, то станет ясно, в каких

масштабах следует ожидать роста зарубежных японских инвестиций в перспективе³.

Естественно, помимо Западной Европы, у Японии существуют и другие зоны прибыльного вложения капиталов, в особенности страны ЮВА и Соединенные Штаты Америки. Так, по данным японского министерства внешней торговли и промышленности, общий объем прямых инвестиций Японии в 1988 г. составлял 162 млрд. долл., из которых на Европу приходилось 25 млрд. долл., тогда как на США и Канаду — 65 млрд., Азию — 29 млрд. и Латинскую Америку — 28 млрд. долл.⁴ Но перспектива 1992 г. привносит принципиально новые моменты в глобальную стратегию японского бизнеса.

Следует учитывать, что объективно далеко не все страны — реципиенты японских инвестиций представляют для Японии одинаковую ценность. Скажем, хотя страны ЮВА на фоне Европы и Америки, безусловно, располагают таким преимуществом, как дешевая рабочая сила, их рынок не в состоянии абсорбировать многие из тех товаров, которые составляют сегодня сердцевину японского технологического прорыва. Есть все основания утверждать, что только рынки высококоразвитых стран Запада могут обеспечить спрос на «новую волну» японской внешнеэкономической экспансии, ожидаемой в 90-е годы. База для этого готовится уже сейчас. Достаточно сказать, что за 1986—1988 г. японские прямые инвестиции в Западной Европе выросли вдвое⁵. В одном только 1987/88 фин. г. они увеличились на 90 %⁶.

Основными сферами притяжения японских капиталовложений в Европе служат электроника и бытовая электротехника, автомобилестроение и химическая промышленность. Всего Япония имеет в регионе 411 филиалов своих компаний⁷.

Значительно растут японские инвестиции в автомобильной промышленности Западной Европы. В настоящее время японские автомобильные компании сосредоточивают свою деятельность в Великобритании. И это не случайно. Великобритания рассматривается стратегиями японских автомобильных корпораций в качестве своеобразного плацдарма для последующего наступления на «еврорынок». Далеко не все партнеры Великобритании по Европейскому сообществу, и в первую очередь Франция, готовы смириться с ростом масштабов присутствия японцев на европейском автомобильном рынке. Не исключено, что в качестве контрмеры по защите своей национальной автомобильной промышленности Париж может наложить вето на создание свободного «еврорынка» в области автомобилестроения. В настоящее время Франция, а также Италия настаивают на том, чтобы доля японских компонентов в автомобилях, выпускаемых на европейских предприятиях, не превышала 20 %, в то время как сейчас в японско-английских автомобилях марки «Блюберд» компании «Ниссан» около 40 % деталей японского производства⁸. В 1990 г. «Ниссан», согласно оценкам, должна произвести 70 тыс. автомо-

билей в Великобритании, третью часть которых предполагается экспортировать в другие страны ЕС¹¹.

В преддверии 1992 г. в ЕС хотели бы стабилизировать долю Японии на рынке автомобилей стран ЕС, зафиксировав ее на уровне 11%¹². В специально подготовленном в конце 1988 г. докладе ЕС предполагается достижение с Японией соглашения в области торговли автомобилями. Наряду с указанным выше пунктом, предполагается также возможность снятия импортных ограничений, если экспорт автомобилей ЕС в Японию достигнет 50% уровня встречных поставок¹³.

Стремится нейтрализовать упреки в демпинговой политике как со стороны отдельных стран — участниц ЕС, так и Сообщества в целом, многие японские предприниматели, функционирующие в Европе, идут на так называемую местную глобализацию или «европеизацию» своей деятельности. Такая стратегия предусматривает перенос многих элементов цикла «наука — техника — производство» непосредственно в Европу с тем, чтобы лучше приспособиться к условиям местного рынка. Так, например, «Тосиба», «Мицубиси» и ряд других японских фирм, располагающих филиалами в Западной Европе, стремятся к тому, чтобы научные исследования и разработки стали органической функцией их дочерних предприятий. Считается, что только таким образом можно добиться статуса подлинно «европейской» компании. Кроме того, такая стратегия позволяет добиться общего повышения технического и качественного уровня субпоставок непосредственно от западноевропейских производителей. Японские менеджеры считают, что, хотя в настоящее время сопоставимые конкурентные показатели западноевропейской продукции заметно уступают японским, «европеизация» научно-производственной деятельности части японского бизнеса позволила бы решить проблему поставщиков.

Одной из быстро распространяющихся форм, в которых осуществляется японо-западноевропейское партнерство, становятся совместные предприятия. Например, реализуются соглашения о создании таких предприятий между японской корпорацией «Тосиба» и западноевропейским концерном «Сименс». Аналогичные соглашения, по которым «Тосиба» обязалась передать современную технологию своим европейским партнерам, реализуются ею совместно с итальянской «Оливетти» и также с французскими «Рон Пуленк» и «Томсон».

В самом Европейском сообществе не достигнуто единодушие относительно того, каким должен быть торгово-политический подход Западной Европы в отношении Японии. Налицо две противоречащие позиции. Первая отражает подход Франции и некоторых других стран — участниц ЕС, опасавшихся, что японский торгово-инвестиционный натиск на Европу приведет чуть ли не к ее экономической колонизации, сокращению доли собственно европейской продукции на «еврорынке» и т. д. Следствием

этих настроений стал, в частности, меморандум французского правительства, призывающий партнеров по ЕС временно ограничить доступ на формирующийся «еврорынок» иностранных компаний. В Париже полагают, что Сообществу надлежит разработать в этой связи единую промышленную политику, которая посредством технических норм и стандартов оградила бы так называемые чувствительные отрасли европейской индустрии от нежелательного вторжения внешних конкурентов. Французское правительство считает целесообразным выработку на уровне ЕС единого критерия для зарубежных прямых инвестиций. Предлагается содействовать только таким инвестициям, которые вели бы к росту занятости и сопровождались передачей современной технологии.

В то же время в Бонне и Лондоне склонны видеть больше плюсов, чем минусов, в расширении допуска японцев в западноевропейскую торговлю и промышленность. Во-первых, предполагается, что японцы будут руководствоваться принципом взаимности в отношениях с «Европой-92» и создадут более благоприятные условия для сбыта западноевропейских товаров на своем внутреннем рынке. В настоящее время именно промышленность ФРГ и Великобритании является наиболее конкурентоспособной в сравнении с другими странами ЕС. Поэтому правительства и бизнесмены этих двух стран меньше обеспокоены «вызовом» со стороны Страны восходящего солнца. Великобритания, например, уже в течение целого ряда лет к своей выгоде использует постоянно растущий интерес японского бизнеса к наращиванию объемов инвестиций в английскую промышленность. На нее, кстати, приходится третья часть прямых японских капиталовложений в Западной Европе, что эквивалентно примерно 5% их общего мирового объема, тогда как доля Франции составляет лишь 0,9%¹⁴.

В ФРГ также выражают заинтересованность в смягчении торгово-политической напряженности в отношениях между Европой и Японией. Дело в том, что западногерманская продукция имеет значительно больше шансов проникнуть на японский рынок, чем товары других европейских стран. Достаточно сказать, что основная масса иностранных автомобилей, импортируемых Японией, произведена в Западной Германии. В Японии растет спрос и на другие товары из ФРГ. Не следует забывать о том, что возможности сбыта продукции двух крупнейших стран-экспортеров мира — ФРГ и Японии — на рынке США в 90-е годы резко сужаются в связи с американской политикой, направленной на сокращение дефицита своего торгового баланса. В результате немцы и японцы объективно подталкиваются мировой экономической ситуацией к большей ориентации друг на друга.

В ЕС вынуждены считаться с возможными мирохозяйственными последствиями своей политики по отношению к Японии. Дело в том, что неопределенность соответствующих намерений Сообщества заметно подталкивает Япо-

нию к формированию собственного регионального индустриально-хозяйственного комплекса в зоне Тихого океана. Уже сейчас можно предположить, что, если «Европа-92» будет проводить жесткую ограничительную политику в отношении Японии и ее азиатских партнеров, это грозит обострением торгово-экономических противоречий не просто между отдельными странами, а между целыми региональными блоками.

Вряд ли подобная перспектива устроила бы как западноевропейцев, так и японцев.

Разъясняя характер торговой политики Сообщества в отношении Японии, один из бывших руководителей ЕС В. де-Клерк в интервью газете «Джапан таймс» сказал: «Она [эта политика.— С. С.] основывается на трех моментах. Во-первых, на глобальном политическом давлении с целью заставить Японию больше открыть свой рынок и перенести акценты с роста экспорта на рост потребления. Во-вторых, на отраслевом подходе к решению специфических проблем. В-третьих, на углублении промышленного и научного сотрудничества»¹⁵.

До недавнего времени хозяйственные отношения между Японией и Западной Европой заметно уступали по своим масштабам и интенсивности связям каждого из этих двух центров с Соединенными Штатами Америки. В странах Старого Света, например, японо-американское партнерство воспринималось (и отчасти продолжает восприниматься) как фактор, способный повести к установлению «бигемонии» Японии и США в западном мире. Сближение Америки и Японии в сфере науки и техники вызывает у западноевропейцев опасения в становлении некоего противостоящего Европе «технологического союза». Достаточно сказать, например, что в международной технологической кооперации в области производства микросхем на долю связей Японии — США приходилось в 1988 г. около 50 % совместного производства¹⁶, тогда как на кооперацию между Японией и Западной Европой около 15 %.

Со своей стороны в Западной Европе стремятся объединить на региональной основе национальные научно-технические потенциалы в рамках так называемого проекта технологической Европы. В основу этого проекта положены такие крупномасштабные технологические программы, как ЭСПРИТ, «Эврика» и ряд других.

В Японии же до настоящего времени, отдавая предпочтение связям с США, руководствовались, судя по всему, следующими соображениями. Во-первых, масштабами и емкостью американского рынка, значительно превышающими размеры национальных рынков любой из западноевропейских стран. Во-вторых, технологической привлекательностью связей с Америкой, лидирующей по целому ряду направлений фундаментальной науки. В-третьих, особую роль в приоритетах японской политики имеет осознание военно-стратегической значимости Америки для интересов безопасности Японии. Однако современные тенденции в международной практике ставят под сомнение прежние оценки гео-

политической структуры в целом и японо-американских отношений в частности. Возрастающее значение «еврофакторов» в мировой политике, экономике и технологии объективно ведет к формированию более сбалансированной структуры взаимоотношений между тремя центрами капиталистического мира. Действительно, с образованием ЕВР, движением к «технологической Европе», экономическому и валютному союзу в рамках ЕС притягательная сила Старого Света в мировой экономике резко возрастает. У Японии объективно появляется, таким образом, реальная возможность серьезно диверсифицировать свои мирохозяйственные связи за счет отхода от чересчур прямолинейно ориентированной на США хозяйственной политики.

Уже сейчас можно наметить по крайней мере несколько перспективных направлений японо-западноевропейского торгово-экономического партнерства. Во-первых, Япония и Европа могли бы весьма удачно дополнять друг друга в сфере разработки и производства нового поколения наукоемкой продукции. Так, в Европе существует задел научных достижений, которые в силу ряда причин не могут быть достаточно быстро коммерциализированы. В свою очередь Япония пока отстает от ведущих европейских держав в сфере научных исследований, особенно фундаментальных. Во-вторых, японское финансовое участие могло бы способствовать продвижению ряда многосторонних западноевропейских проектов, в частности, в таких сферах, как связь, экология, транспорт и т. д., а европейские компании могли бы более активно включиться в процесс формирования тихоокеанской экономической зоны, что способствовало бы созданию более гармоничной международной экономической системы 90-х годов.

Следует особо указать еще на один результат возможного хозяйственного сближения между Японией и ЕС в ближайшие 3—4 года и на более длительную перспективу. Такое сближение позволит со временем утвердить в мировом хозяйстве, и в первую очередь в его индустриально развитом секторе, наивысшие технико-производственные и потребительские стандарты. Иначе говоря, и в Японии и в Европе основные качественные параметры производственного и потребительского рынков будут выравниваться. Это не будут уже «целиком» японские или, скажем, западногерманские стандарты. И в Японии, и в Европе будет утверждаться новый образец единого технологического, экологического и потребительского стандарта. В чем-то в нем будут превалировать японские черты, в чем-то — европейские.

Каким бы открытым ни казалось на первый взгляд ЕС в преддверии 1992 г., оно объективно не может изолироваться от хозяйственных связей с такими супервеличинами мировой экономики, как Япония. Напротив, усиление конкурентной борьбы за «еврорынок» между всеми индустриально развитыми странами еще более подстегнет рост производительных сил в каж-

дой из них и в конечном счете будет способствовать росту общемирового экономического уровня.

¹ Europe.— May 1988.— P. 18.
² Der Spiegel.— 1988.— N 19.— S. 28.
³ In: Japan Times.— 1988.— 28 July.
⁴ Ibid.— 1988.— 20 September.
⁵ In: Fortune.— 1989.— 25 September.— P. 44.

⁶ Far Eastern Economic Review.— 1989.— 18 May.— P. 69.

⁷ Le Monde.— 1989.— 3 Fevrier.

⁸ The Financial Times.— 1989.— 21 March.

⁹ Far Eastern Economic Review.— 1989.— 18 May.— P. 72.

¹⁰ The Journal of Commerce.— 1988.— 8 November.— P. 3a.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibidem.

¹³ The Financial Times.— 1988.— 9 November.

¹⁴ Far Eastern Economic Review.— 1989.— 18 May.— P. 69.

¹⁵ Japan Times.— 1988.— 3 July.

¹⁶ Far Eastern Economic Review.— 1989.— 20 July.— P. 50.

Правовые аспекты модернизации в КНР.
М., 1990, 316 с.

Всякий раз, когда начинаешь читать монографию по китайскому праву, вспоминается известное высказывание Дэн Сяопина, сделанное еще в 1980 г.: «Старый Китай оставил нам в наследство намного больше традиций феодальной деспотии, чем традиций демократии и законности»¹. Исследователь, поставивший перед собой задачу адекватного анализа процесса правотворчества в КНР в последние годы, сталкивается со значительными трудностями при изучении как огромного массива законодательных актов, многочисленных политических и партийных решений, имеющих зачастую силу закона, так и современного состояния правосознания китайского общества, закономерно характеризующегося в научной литературе как «традиционное». Коллективная монография ученых Института Дальнего Востока АН СССР — интересный опыт в решении этой проблемы.

В центре исследования своеобразный законодательный бум 80-х гг., напрямую связанный со стремлением китайского руководства обеспечить правовое регулирование экономической реформы в стране. Среди рассматриваемых актуальных проблем: вопросы государственно-правового регулирования модернизации КНР, экономическая реформа и систематизация гражданского права, организационно-правовые формы хозяйственной деятельности и юридические лица, экономическая реформа и правовой статус государственного предприятия, политико-правовое регулирование модернизации сельского хозяйства, основные направления законодательной политики в области научно-технического прогресса, правовая регламентация открытой внешнеэкономической политики. Очевидно, можно долго спорить о включении или невключении в работу тех или иных разделов, однако в общем у читателя складывается достаточно целостное представление об уровне правового обеспечения модернизации в современном Китае.

В главе 1, посвященной изучению проблем государственно-правового регулирования модернизации КНР, особый интерес представляет вопрос о реформе административного аппарата, начатой еще в 1981 г., но до сих пор до конца не завершенной. Как известно, конкретные действия по выработке плана реорганизации управленческого аппарата и практические шаги в этом направлении начали

предприниматься в Китае в условиях реформы лишь после принципиального решения, принятого в начале 80-х гг., об отстранении от рычагов власти на всех уровнях выдвиженцев «культурной революции». Уже в 1982 г. в ходе структурной реформы Государственного совета вместо 98 министерств и ведомств было образовано 52, а общее число министров и их заместителей сократилось на 77%. Однако, как справедливо отмечено в работе, простая реорганизация системы органов государственного управления и изменение их кадрового состава не решили проблемы повышения эффективности работы государственного аппарата (с. 50). К сожалению, вне поля зрения авторов остались некоторые нормативные акты, представляющие определенный интерес в этой связи. Так, Госсовет КНР 7 июля 1982 г. утвердил Правила для персонала учреждений Госсовета КНР, состоявшие из 10 пунктов, в которых, в частности, указывалось, что весь персонал учреждений Госсовета должен поддерживать руководство КПК, изучать марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна, отстаивать демократическую диктатуру народа, придерживаться социалистического пути и беззаветно служить народу. В правилах содержалось требование сознательно соблюдать Конституцию страны, законы и указы, строго выполнять правила дисциплины, бороться против нездоровых тенденций в обществе, особенно с бюрократизмом; подчеркивалось, что персонал учреждений Госсовета должен выполнять свою работу честно, со всей ответственностью и эффективно, отстаивать принципы демократического централизма и поддерживать тесные связи с народом. Ко всему персоналу учреждений Госсовета КНР предъявлялось требование изучать культуру и науку и таким образом способствовать повышению своего профессионального и общественного уровня.

Во второй и третьей главах практически впервые в нашей стране в монографическом плане исследуются Общие положения гражданского права КНР, принятые в апреле 1986 г. Рассматриваются такие злободневные для современного китайского гражданского права вопросы, как объекты его регулирования, субъекты гражданского права, содержание права собственности, понятие «юридическое лицо», организационно-правовые формы хозяйственной деятельности и т. д. Интересны материалы о дискуссии по хозяйственному праву, развернувшейся среди китайских юристов с конца 70-х гг. (с. 82—85). Не секрет, что эта дискуссия оказала опре-

деленное воздействие на подготовку Общих положений гражданского права в сторону уменьшения сферы действия последнего. К этому можно только добавить, что хозяйственное право в КНР — новая отрасль права, но и здесь у китайских юристов есть уже некоторые достижения. Подготовлен проект Основных положений хозяйственного кодекса КНР, в августе 1986 г. специалисты пекинского отделения Научного общества по изучению хозяйственного права совместно с учеными северного и Северо-Восточного Китая разработали учебную программу по теории основ хозяйственного права.

Глава 4 «Экономическая реформа и правовой статус государственного предприятия» дает картину динамики изменений в правовом положении государственных предприятий: от чрезмерного вмешательства партийных и правительственных органов в их деятельность до достижения определенной (в условиях Китая) самостоятельности. Как известно, этот процесс был приостановлен после трагических событий на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. В частности, политически и юридически верен анализ трех Положений о промышленных предприятиях общенародной собственности, разработанных в сентябре 1986 г. ЦК КПК и Госсоветом и опубликованных в январе 1987 г. Многие нормы этих документов вошли позднее в Закон КНР о промышленном предприятии общенародной собственности, принятый на первой сессии ВСНП седьмого созыва в апреле 1988 г. В соответствии с этими актами на промышленных предприятиях общенародной собственности активно внедрялась система ответственности директора (прежде предприятием руководил партийный комитет), а первичные партийные организации и парткомы в соответствии с решениями XIII съезда КПК должны были «обеспечивать и контролировать» работу предприятий, «поддерживать директоров и управляющих»². В монографии совершенно правильно сделан вывод о том, что изменение порядка управления на предприятиях в форме введения системы ответственности директора на основе его единоначалия нередко рассматривалось в качестве главного мероприятия реформы на предприятиях (с. 157).

В главе 5, посвященной изучению политико-правового регулирования модернизации сельского хозяйства, основное внимание уделено документам партийно-правительственных органов. В этом нет ничего удивительного. Закон КНР об управлении землей, принятый Постоянным комитетом ВСНП шестого созыва 25 июня 1986 г., практически «тонет» в многочисленных «установочных документах» ЦК КПК и Госсовета КНР по сельскому хозяйству. Среди этих документов Решение ЦК КПК о некоторых вопросах ускорения

развития сельского хозяйства, Уведомление ЦК КПК и Госсовета КНР о более активном развитии многоотраслевого хозяйства в китайской деревне, Тезисы Всекитайского совещания по работе в деревне, разошедшиеся от имени ЦК КПК, Документ ЦК КПК № 1 за 1983 г. «Некоторые вопросы экономической политики в деревне в настоящее время», Уведомление ЦК КПК и Госсовета КНР о некоторых вопросах по поводу усиления работы в области образования и реформы в сельских школах, Уведомление ЦК КПК и Госсовета КНР о разделении административных органов и коммун и создании волостных правительств, Десять установок ЦК КПК и Госсовета КНР по дальнейшему оживлению экономики деревни, Документ ЦК КПК и Госсовета КНР о договорных закупках зерна в 1987 г. и т. д. К сожалению, автор указанной главы не решается дать оценку подобному «нормотворчеству» командно-административной системы. Думается, что скромность в данном случае вряд ли оправдана.

В главе 6 монографии рассматриваются основные положения Закона КНР о патентах*, Закона КНР о технических договорах, Положения КНР о поощрении за научно-технический прогресс и некоторых других законодательных актов, анализируется практика их применения, приводятся интересные высказывания китайских юристов по проблемам законодательной политики в области научно-технического прогресса. Закон о патентах, принятый ПК ВСНП шестого созыва в марте 1984 г., был разработан с целью защиты патентных прав в области изобретательского творчества, поощрения изобретательства, создания благоприятных условий для его расширения и применения результатов, содействия развитию науки и техники в соответствии с потребностями модернизации в КНР. Создание национальной патентной системы способствовало и активизации процесса передачи иностранными фирмами своей передовой технологии Китаю. В работе приведены следующие факты: за один год действия закона в патентное ведомство страны поступило 18 170 заявок, в том числе из-за рубежа. Свыше половины заявок пришло от отдельных граждан. С января по июнь 1986 г. свидетельства о патенте выданы на 321 заявку, среди них на 53 изобретения, 162 полезные модели и 116 промышленных образцов (с. 214). Цифры впечатляют, хотя некоторое недоумение вызывает «свежесть» всех приводимых в этой главе статистических данных. Как правило, они приводятся по состоянию лишь на 1986 г.

Заключительная глава «Правовая регламентация открытой внешнеэкономической политики», безусловно, привлечет внимание не только ученых-китаистов, но и всех интересующихся проблемами создания зон свобод-

* В монографии он называется иначе — Патентный закон КНР (прим. рец.).

ного предпринимательства в социалистических странах. Пожалуй, впервые в советском Китае введении столь подробно исследуются правовые формы участия КНР в международном инвестиционном сотрудничестве. Выделяются такие формы сотрудничества Китая с иностранным предпринимательским капиталом, как соглашения о поручительской переработке сырья на давальческой основе и сборке готовых изделий из деталей и узлов, поставляемых заказчиком; проекты на компенсационной основе, которые предусматривают прямое предоставление иностранной компанией тому или иному предприятию в КНР оборудования, технологии и технического содействия или же кредита на приобретение этих составляющих производственного процесса; создание различного рода смешанных предприятий, предусматривающих участие китайского и иностранного партнеров в совершении капиталовложений и получении прибылей вне прямой зависимости от первоначального размера инвестиций, и т. д. Автор аргументированно доказывает, что механизм привлечения иностранного капитала в КНР охватывает практически весь арсенал современных правовых форм международного инвестиционно-производственного сотрудничества, известных в практике не только социалистических, но и капиталистических и развивающихся стран (с. 301). Масштабность рассматриваемых в данной главе процессов, вероятно, не оставляет времени и места для серьезного анализа правового регулирования функционирования того или иного конкретного предприятия, специальной экономической зоны.

Существенное замечание к рецензируемой работе, на наш взгляд, может быть одно — это излишняя ее академичность. Выйди монография на год раньше, в начале 1989 г., вряд ли бы рецензент отважился сделать такой упрек. Однако китайский кризис в апреле—июне 1989 г. и последовавшие за ним

события в странах Восточной Европы заставляют по-новому осмыслить цели и задачи экономической и политической реформы в Китае в 80-е гг., задуматься над возможностью создания правового государства при сохранении монополии коммунистической партии на власть, вновь вернуться к вопросу о будущем социализма, о том, насколько он пригоден в качестве альтернативы для развития человечества. Конечно, при таком подходе работа была бы резко политизирована, значительно более убедительными были бы яркие и интересные сравнения по проблемам правового регулирования социально-экономических процессов в СССР и КНР, приводимые в книге.

В этой связи представляется, что работа, начатая авторами монографии, должна быть продолжена, тем более что современное состояние китайского общества и его будущее экономическое и политическое развитие являются объектами пристального внимания со стороны многих ученых-обществоведов и вызывают устойчивый интерес у советской общественности.

*Н. Х. Ахметшин,
старший научный сотрудник
Института государства и права
АН СССР,
кандидат исторических наук*

¹ Дэн Сяопин. Избранное (1975—1982). Пекин.— 1985.— С. 367.

² Документы XIII Всекитайского съезда КПК. Пекин.— 1988.— С. 49.

ПАМЯТИ Г. В. АСТАФЬЕВА

1 апреля 1991 года ушел из жизни заслуженный деятель науки РСФСР Геннадий Васильевич Астафьев, мудрый и мужественный человек, широко известный ученый, наставник ряда поколений советских китаеведов.

Г. В. Астафьев родился 25 (12) августа 1908 г. на Дальнем Востоке — в селе Усть-Кара Сретенского района Читинской области. В 1930 г. во Владивостоке окончил восточный факультет Государственного Дальневосточного университета, получив специальность экономиста-китаиста. Китаеведение началось для него с практической работы в системе Народного комиссариата внешней торговли — сначала там же, в Дальневосточном отделении Чайцентросоюза, затем в Импортной конторе Центросоюза в Москве, а в 1931—34 и 1937—39 гг. — в Совсильторге НКВТ. В течение трех лет (1934—37 гг.) Г. В. Астафьев работал в Синьцзяне, в городе Урумчи секретарем-экономистом Торгагентства СССР.

Жизнь и судьба этого уходящего от нас поколения неразрывно связана с войной. Осенью 1939 г. Г. В. Астафьев стал участником Освободительного похода в Западную Белоруссию. В 1942—46 гг. служил в политорганах Советской Армии (был курсантом Артакадемии им. Ф. Э. Дзержинского в Самарканде, инструктором политотдела 21-й армии в Уссурийске и политуправления Среднеазиатского военного округа).

Возвращение к мирной жизни означало для Г. В. Астафьева и возможность возвращения в науку. Накануне войны он стал аспирантом, а затем сотрудником Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР в Москве. В 1946 г. вернулся к любимой работе и до самого конца оставался верным китаеведению — будь то в Институте мирового хозяйства или в Тихоокеанском институте (1947—1950), в Институте востоковедения (1950—1956), Институте китаеведения, Московском институте международных отношений или в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР (1956—67).

Будучи уже известным ученым-экономистом, специалистом в области истории международных отношений и экономической истории Китая, доктором наук и профессором, в 1967 г. Г. В. Астафьев стал одним из основателей Института Дальнего Востока АН СССР.

50 лет жизни было отдано работе в Академии наук СССР. Опубликовано около 100 научных трудов. Среди них известные монографии: «Экономическая география Синьцзяна», «Американская экспансия в Китае», «Экономические проблемы Китая», «Американский империализм и внешняя торговля Китая», «Интервенция США в Китае и ее поражение». Под его редакцией и при непосредственном участии вышли такие работы, как «Внешняя политика КНР», «Внешняя политика и международные отношения КНР», «Международные отношения на Дальнем Востоке». До последних дней Геннадий Васильевич не оставлял надежды завершить книгу, над которой работал, преодолевая болезнь и почтенный возраст, — «Китайско-американские отношения в XVIII—XX вв.».

Много сил отдавал Г. В. Астафьев педагогической деятельности. Им были подготовлены сотни студентов, десятки аспирантов. Вспоминая Геннадия Васильевича, его духовное влияние на людей, с которыми его так или иначе сводила судьба, необходимо сказать: он был Учителем. Науку, нравственность, самой жизни. И, возможно, главный итог его собственного жизненного пути не только в том, что сотни людей не забудут его глубокие, неординарные лекции в Институте востоковедения, в МГУ или в МГИМО. Многие поколения еще будут изучать Китай по его книгам. Незабываемым останется и его беспримерная человеческая верность — будь то в отношениях между людьми или в служении науке, убежденность, совсем не тождественная консерватизму, удивительная открытость всему новому, почти детский интерес к жизни во всех ее проявлениях, редкая доброжелательность и способность радоваться за других — учеников своих, последователей, коллег. Наверное, умение сопереживать, сохранять до конца молодость души стирали возрастные грани между Учителем и его учениками, для которых Геннадий Васильевич Астафьев несомненно останется частью их собственной жизни.

Летние месяцы принесли редакции на редкость щедрый урожай читательских писем. Очевидно, пора отпусков благоприятствует чтению полюбившихся изданий и общению с их создателями. Но дело не только в этом. Читательский интерес подхлестнул выход в свет в начале июня долгожданного первого номера приложения к «ПДВ» — иллюстрированного китайского журнала «Цигун и спорт» на русском языке. С 1985 г. этот журнал издается в г. Сиань провинции Шэньси Международной научной ассоциацией цигун. Он посвящен традиционной китайской системе физической и психической закалки, которая, судя по письмам наших читателей, пользуется все большей популярностью у нас в стране. Ведь с помощью методик цигун можно обнаружить и лечить болезни, преодолевать дурное настроение, боль и усталость, укреплять здоровье, волю и психику, развивать умственные и физические способности человека и приобретать такие навыки и возможности организма, которые немислимы в обычных условиях.

Об истории возникновения и развития цигун, о его мастерах, школах, методиках, дающих поразительные результаты, мы неоднократно рассказывали и будем рассказывать на страницах «ПДВ». Однако растущий интерес к цигун в нашей стране, настойчивые просьбы читателей побудили нас сделать большее в этом направлении. Редакция «ПДВ», издательство «Прогресс» и наши китайские коллеги в Сиани взяли на себя нелегкую ношу по переводу на русский язык и изданию в СССР китайского научно-популярного журнала. Нелегкую потому, что пришлось преодолеть большие трудности буквально на всех этапах подготовки, выпуска и распространения нового издания. В этой связи мы приносим глубокие извинения читателям за то, что по независящим от нас причинам первый и последующие номера «Цигун и спорт» выходят с опозданием. Тем не менее мы обещаем сдать в производство в 1991 году все шесть номеров журнала. Если вы своевременно подписались на него или возобновили подписку, то полный комплект «Цигун и спорт» будет в вашем распоряжении. Сообщаем, что редакция не имеет возможности высылать читателям номера журналов «Цигун и спорт» и «ПДВ», так как это — прерогатива «Союзпечати». Что же касается розницы, то она — ограничена.

Новый журнал — наш подарок энтузиастам и поклонникам цигун, ушу и других восточных единоборств, всем тем, кто хочет проникнуть в таинства «ци» и прикоснуться к уникальному наследию древнейшей китайской культуры. И нам приятно узнать, что этот подарок принят читателем с благодарностью. Об этом свидетельствуют многочисленные письма в редакцию. Вот лишь некоторые из них.

* * *

Уважаемая редакция! Я полюбил ваш журнал, еще не видя его, потому что таких журналов в СССР еще не было и он нужен всем, кто хочет продвинуться на пути к совершенству духовному и физическому, кому надо излечиться от болезней с помощью цигун, ушу, тайцзицюань и др. Любить нашу матушку-землю, природу, не губить ее, любить жизнь, людей — это самое главное в жизни. А без духовного и физического совершенства, без проникновения в тайны философии и религии, без осознания смысла своего бытия достичь этого невозможно. Если ваш уникальный журнал поможет в этом, то вам скажет спасибо любой, кто выписывает или будет его выписывать.

Подписчик вашего журнала.

Получил первый номер «Цигун и спорт» и сразу пишу отклик. Журнал отличный, своевременный, на удивление удачный, полезный и очень нужный, одним словом, то, что надо. Хотелось бы больше видеть в нем информации практического назначения: массаж, народное целительство и т. д. Психофизическая тематика должна доминиро-

вать над тематикой по боевым искусствам. Если и дальше журнал будет таким, то это — клад информации о китайской медицине. Этот журнал достоин быть более массовым. Нужна хорошая реклама, а читатель найдется.

Александр Гордиенко, п. Ольховатка, Воронежская обл.

Случайно приобрел в киоске «Союзпечать» приложение к «ПДВ» журнал «Цигун и спорт». Я был поражен таким, я бы сказал, прекрасным по содержанию, оформлению и доступности восприятия оригинальным изданием. Это — то, что нужно и что я долгое время искал и не находил.

Владимир Качесов, г. Барнаул, Алтайский край.

Ваш журнал мне очень нравится по содержанию, формату и расположению текста. Думаю, многие читатели и не мечтали получить такой специализированный сборник в квалифицированном переводе с китайского языка. Жаль, что многие не знают о его выходе в свет, так как приобрести его очень трудно. Особо хотелось бы отметить публикации врача китайской медицины, мастера цигун Хэ Цзяньсинь «Перемещение «пилюли Великого предела в полночь и полдень». В этой методике содержится сущность и первооснова любых знаний, связанных с цигун, ушу, каратэ, айки-до и других восточных единоборств. Хотелось бы видеть продолжение публикаций такого рода, а также исторические методики в памятниках даосской «нэйдань».

Александр Колесников, с. Тегульдет, Томская обл.

Получил ваш «Цигун и спорт» и, честно говоря, он превзошел все мои ожидания. Статьи очень интересные, и почти весь материал можно использовать практически. Огромное спасибо всем тем, благодаря кому журнал вышел у нас в Союзе. Мне 29 лет. Я — радионинженер. Увлёкся цигун около года назад. К сожалению, до сих пор информации по цигун было мало, поэтому с нетерпением буду ждать следующие номера журнала. Еще раз спасибо за отличную работу.

Игорь Антониади, г. Ростов-на-Дону.

Читайте в следующем номере журнала:

- 70 лет КПК: опыт и уроки.
- Национализм в азиатско-тихоокеанской политике (Круглый стол «ПДВ»).
- Экономика советского Дальнего Востока: вызов кризису.
- Один из секретов «тайваньского чуда».
- Судьбы советских корейцев.
- Герои и мудрецы Древнего Китая.
- Из словаря китайской философии и культуры.
- Праздники четырех времен года.
- «Секретный агент Японии».

Технический редактор Л. Харчевникова

Сдано в набор 25.05.91 г. Подписано в печать 5.07.91 г. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 19,5. Усл. кр.-отт. 39,6. Уч. издат. л. 24,55. Тираж 13 966 экз. Заказ 935. Цена 1 р. 40 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам печати 119817, ГСП, Москва, Г-21, Zubovskiy bul'var, 17.
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Государственного комитета СССР по печати
142300, г. Чехов Московской области

ЖУРНАЛ «ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА» В 1992 ГОДУ

планирует опубликовать следующие материалы:

- «Евразийская» концепция — модель общественного развития России?
- Будущее АТР: как его видят у нас и за рубежом
- Советский Дальний Восток: суверенитет и пути развития
- Южнокорейский, японский бизнес и СССР
- Экономическая и политическая реформы в Китае
- Конфуций о человеке и здоровом обществе
- Словарь китайской философии и культуры
- К. Э. Циолковский и восточные учения
- Переписка Сталина с Мао Цзэдуном
- Из протоколов допросов Рихарда Зорге
- Мэй Ланьфан, Мейерхольд и другие
- Дальневосточное русское Зарубежье
- По следам Черного Барона
- Эрос Востока: дао любви или радость гармонии инь и ян
- Восточные единоборства: мастера и иллюстрированные методики
- Китайская и тибетская медицина.

Будет продолжена журнальная публикация книг:

Й. Хияма. «Планы покушения на Сталина»

А. Веспа. «Секретный агент Японии»

Н. Байков. «Предводитель хунхузов»

Мы учтем ваши заявки при составлении наиболее популярных рубрик: «Музей традиций и обычаев», «Клуб Конфуция», «Тайное становится явным» и др.

Если вы не хотите пропустить интересующие вас материалы своевременно подпишитесь на наш журнал. Подписку можно оформить в отделениях связи и агентствах «Союзпечати» без ограничений. Наш индекс — 70758. Стоимость годовой подписки — 8 руб. 40 коп. Цена одного номера — 1 руб. 40 коп.